

Ю.В. Иванов

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

российско (советско)-
польских отношений
в документах

1914—
1945

Ю.В. Иванов

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
российско (советско)-
польских отношений
в документах**

1914 -
1945

МОСКВА
«Международные отношения»

УДК 327(47+57+438)(091)''1914(1945)
ББК 63.3(2)61-64+63.3(4Пол)6-64
И20

Иванов Ю.В.
И20 Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. — М.: Международные отношения, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-7133-1487-3

В книге автор сосредоточился на изложении своего взгляда по острому вопросу советско (российско)-польских отношений в период между Первой и Второй мировыми войнами XX века. При обосновании оценок имевших место событий широко использованы архивные документы и мемуарная литература. Одновременно большое внимание уделено научной полемике с точки зрения польских историков и публицистов по рассматриваемым вопросам.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и нацелена на объективное, всестороннее освещение так называемых белых пятен в истории отношений двух стран.

УДК 327(47+57+438)(091)''1914(1945)
ББК 63.3(2)61-64+63.3(4Пол)6-64

ISBN 978-5-7133-1487-3

© Иванов Ю. В., 2014
© Издательство «Международные отношения», оформление, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемых читателю очерках автор поставил перед собой задачу проанализировать, на основании доступных архивных документов, историю отношений России (СССР) с Польшей в период между началом Первой и окончанием Второй мировых войнами (1914–1945 гг.). При этом основное внимание сосредоточено на наиболее острых, малоизученных, нередко неоднозначных проблемах.

Данный отрезок времени, как известно, насыщен событиями, имеющими для обеих стран переломное значение. Эти события до сих пор не получили единого толкования российскими и польскими политиками и историками, дающими им зачастую прямо противоположные оценки. Выбор 1914 г. в качестве отправной точки исследования взят потому, что тогда впервые российской стороной был сделан важный шаг в решении польского вопроса: в Воззвании верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 1 августа рассматривалась возможность изменения статуса Польши путем предоставления ей определенной автономии в составе Российского государства.

Форма изложения материала выбрана не совсем традиционная, ее основу составляют документы различного происхождения и разной значимости, которые приводятся в качестве подтверждения авторских оценок и выводов. Документы даются не как обычно в качестве приложения, а составляют неотъемлемую часть самого текста очерков. В зависимости от содержания и размера они приводятся полностью или в сокращении. Такой

подход, как представляется, облегчает непосредственное знакомство читателя с историческими первоисточниками, а также дает, что особенно важно, возможность самому читателю проверить объективность приводимых оценок. Из огромной массы документов этого периода предпочтение отдавалось тем, которые крайне редко или вообще не публиковались и, по мнению автора, наиболее характерны для понимания тогдашней обстановки. Включены и некоторые общеизвестные документы, которые, лишённые прежней политической окраски, сейчас получили свое первоначальное звучание.

Цель очерков состоит также в том, чтобы попытаться высказать свое мнение относительно степени ответственности той или иной стороны в возникновении в прошлом конфликтов и напряженностей, а также наметить круг не выясненных до конца проблем. Автор считает с тем, что не все приводимые документы могут нести, как говорится, историческую истину в последней инстанции, но их значение в поисках этой истины, как представляется, несомненно.

Большинство очерков завершается рубрикой «Заключение и выводы», что позволяет автору подвести некоторые итоги и дать свои оценки описываемым историческим событиям.

По мнению автора, данные очерки могут явиться пусть небольшим, но все же определенным шагом вперед к более объективному пониманию российско (советско)-польских отношений в период между двумя мировыми войнами прошлого столетия.

РАЗДЕЛ I

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1914–1919)

1. Польша в политике России в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 г.)

Разразилась Первая мировая. Как известно, на географической карте в это время Польши как самостоятельного государства не существовало уже почти 150 лет после того, как она в конце XVIII в. была разделена между Германией, Австро-Венгрией и Россией. Польские земли оказались в двух враждующих между собой коалициях. Сложившаяся обстановка на континенте, начало военных действий в целом способствовали политической и дипломатической актуализации польского вопроса в большой европейской политике. Активную роль в этом процессе играла многочисленная польская эмиграция, осевшая главным образом в Париже. Стремясь привлечь на свою сторону симпатии польского общественного мнения, а также будучи крайне заинтересованными в польских солдатах, участники разделов Польши не скупались на различные посулы полякам относительно будущего их страны. Однако с обеих сторон эти обещания, как правило, составлялись в нарочито туманных, малоконкретных формулировках, которые можно было в случае необходимости интерпретировать по-разному.

Воззвание верховного главнокомандующего русской армии

Из вступивших в войну держав Россия первая изложила свою позицию в отношении будущего Польши. В первый же день начала войны 1 августа 1914 г. с Воззванием к полякам обратился верховный главнокомандующий русской армии великий князь

Николай Николаевич (обнародовано 14 августа 1914 г.). В этом документе содержалось обещание объединить все польские земли, находившиеся во владении России, Германии и Австро-Венгрии, и изменить внутренний статус Царства Польского путем предоставления ему определенного самоуправления, но под верховной властью царя.

Форма обращения к полякам не от имени Николая II (хотя вначале предполагалось личное обращение императора), а от имени верховного главнокомандующего была Петроградом выбрана сознательно. Как представляется, решающим соображением было то, что если бы вопрос о воссоединении Польши в качестве одной из целей войны был составлен в виде царского манифеста, то тогда война для России из оборонительной могла бы трактоваться как захватническая. А этого хотели избежать¹. К тому же российская сторона явно не хотела слишком связывать себе руки, а от обещаний, данных не на императорском уровне, можно было бы в дальнейшем в случае необходимости в той или иной степени отказаться.

Воззвание, которое по ряду свидетельств было составлено в российском МИД, легло в основу всей царской политики по польскому вопросу в годы войны. Полный текст этого документа малоизвестен, поэтому имеет смысл воспроизвести его полностью.

ВОЗЗВАНИЕ

Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших дедов и отцов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения Польского народа, братского примирения его с Великой Россией!

Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части Польский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя!

¹ См.: Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 58.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия — того же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история!

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде.

От берегов Тихого океана до Северных морей движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в той заре знамение креста — символа страдания и воскресения народов!

*Верховный главнокомандующий
Генерал-адъютант Николай¹.*

Написанное высоким стилем, с вполне уместным здесь пафосом и рассчитанное на сильное эмоциональное воздействие, Воззвание, по свидетельству многих тогдашних польских политических деятелей (И. Дашинский, Я. Кухажевский, К. Куманецкий и др.)², нашло довольно широкий положительный отклик со стороны многих партий и отдельных авторитетных лиц как внутри Польши, так и среди польской эмиграции. Партия народной демократии, Польская прогрессивная партия, Партия реальной политики, Польское прогрессивное объединение приняли 16 августа совместный документ, приветствующий Воззвание верховного главнокомандующего русской армии.

¹ Русско-польские отношения в период мировой войны. Центрархив. М., 1926. С. 155. В последние годы текст Воззвания был воспроизведен, правда, с некоторыми искажениями, «Независимой газетой» от 18 августа 1994 г.

² *Daszyński I. Pamiętniki. Kraków, 1925. Т. 2. S. 172.* Даже антироссийски настроенный известный польский государственный деятель и историк Я. Кухажевский признает, что «русское обещание во время войны снова объединить все территории прежней Польши произвело большое впечатление на часть польского населения» (*Kucharzewski Jan. l'Europe et le problème Russo-Polonais. Lausanne, 1916. P. 59*). Это же подтверждает польский историк К. В. Куманецкий (*Kumaniecki K.W. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912 — styczeń 1924. Warszawa, 1924*).

Кроме того, Партия народной демократии и Партия реальной политики выразили протест в связи с формированием легионов Ю. Пилсудского в Австро-Венгрии с целью участия в войне против России. В целом Воззвание оценивалось польской стороной как важный политический шаг в направлении предоставления Польше автономии с перспективой в дальнейшем перевести отношения с Россией на федеративные и способствовать восстановлению польской государственной самостоятельности по примеру Финляндии.

С поддержкой Возвания и заверениями в верноподданнических чувствах в петиции к Николаю Николаевичу обратилась большая группа известных политических деятелей и прелатов католической церкви. Среди них Р. Дмовский, В. Грабский, представители почти всех магнатских фамилий (князь Ф. Радзивилл, граф К. Браницкий, граф С. Лубеньский, граф Э. Красиньский, граф Т. Потоцкий, граф Велёпольский, граф М. Замайский и др.), епископ-суффраган Варшавский К. Рухкевич, ксёндзы З. Хелмицкий, Л. Лышевский, М. Годлевский и З. Любомирский, крупный польский писатель В. Реймонт, впоследствии лауреат Нобелевской премии (1924 г.), а также многие другие.

Хотя, естественно, были также и прямо противоположные, непримиримые высказывания в том плане, что Польша не нуждается ни в автономии, ни в какой бы то ни было федерации с Россией, поскольку-де имеет с нею мало чего общего, несмотря на славянские корни. Подобную позицию, в частности, занимал известный польский историк Шимон Аскенази¹.

Нельзя сказать, что упомянутое Воззвание появилось, как сейчас принято говорить, в сугубо пропагандистских целях. Среди части российских государственных деятелей, в основном связанных с министерством иностранных дел, заручившихся поддержкой Николая II, были убеждены, что изменение государственного статуса Польши выгодно России, так как это ведет к укреплению международных позиций государства, привлекает к сотрудничеству многие польские влиятельные

¹ *Askenazi Szymon. Uwagi. Warszawa, 1924. S. 173.*

круги. Любопытный факт: в августе того же 1914 г. по приказу правительства была выбита специальная серебряная медаль. На ее лицевой части были изображены объединенные русский и польский львы, а на оборотной — русский крестьянин обнимает польского в национальном головном уборе. Соответствовала моменту и надпись на медали: «Русские своим братьям — полякам». Появление подобной медали, довольно редкой в российской практике, говорит о серьезности в то время намерений Петрограда. Однако впоследствии ношение медали было запрещено из-за формирования в Австро-Венгрии легионов Ю. Пилсудского, воювавших против России¹.

В России идея воссоединения польских земель, предоставления Польше самоуправления не была воспринята однозначно. Выразителями противников такой линии были, в частности, три члена правительства, в том числе влиятельный министр внутренних дел Н. А. Маклаков. В августе 1914 г. они подали Николаю II секретную записку, в которой изложили свои соображения против идеи восстановления единой Польши и настаивали на дезавуировании императором Воззвания и возврате к курсу сохранения разделов Польши. Записка Николаем II была, по сути дела, отклонена. Но с этого времени политика России в отношении Польши как бы раздвоилась: министерство иностранных дел выступало за воссоздание единой Польши, а круги, группировавшиеся вокруг министра внутренних дел, — за сохранение ее разделов.

Позиция других стран в польском вопросе

Германия и Австро-Венгрия в начале войны провозгласили, не уточняя деталей, в качестве одной из своих целей в войне освобождение польского народа от гнета царизма. Дальше российского Воззвания они не пошли, самостоятельность Польши их не устраивала. После взятия Варшавы в августе 1915 г. германская сторона сделала полякам ряд расплывчатых обещаний о будущем Польши. Только 5 ноября 1916 г. Германия и Ав-

¹ *Коростовец В. К. Quo vadis Polonia? Париж, 1929. С. 10.*

стро-Венгрия опубликовали декларацию о создании в границах только российской части Польши без Силезии, Великопольши, Поморья и Мазур самостоятельного польского государства, которое находилось бы в союзе с центральными державами, имело бы свою армию, которая создавалась бы в первую очередь для войны с Россией. В таком же духе было и воззвание к польскому населению. На практике все свелось лишь к образованию марионеточного совещательного органа — польского Временного государственного совета, не имевшего никаких государственных функций. Россия выступила с протестом, в котором упомянутые шаги противника оценила как «серьезное нарушение международного права», заявляя, что германская и австро-венгерская декларация «не имеет никакой силы»¹. Одновременно Германия и Австро-Венгрия не отказались от планов присоединения в том или ином виде всех польских земель. Германия вынашивала идею создания под своей эгидой «Миттельевропы» с участием Польши, а Австро-Венгрия стремится превратить Польшу в третью часть монархии Габсбургов.

Что касается стран Антанты, то они на этом этапе, естественно, не выступали против интересов своего важнейшего союзника на востоке — России и на официальном уровне рассматривали польский вопрос исключительно как ее внутреннее дело. Правда, Воззвание они приветствовали как шаг в правильном направлении.

Польская политика России после Воззвания

В дальнейшем события развивались следующим образом. После августа 1914 г. в результате противодействия петроградской бюрократии возникла продолжительная, почти годичная, пауза в деле конкретизации обещаний, содержащихся в Воззвании в виде оформления соответствующего правового документа. Однако вопрос о будущем Польши не снимался с повестки дня. Конечно, в российских высших эшелонах власти было немало

¹ *Kumaniecki K.W.* Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912 — styczeń 1924. Warszawa, 1924. S. 52.

противников изменения государственного статуса Польши, которые тормозили принятие четких решений. Не могли также не оказать негативного влияния неудачи на фронте и отступление российских войск с территории Польши. 1914 г. не приносит никаких реальных подвижек в польском вопросе. Только 19 июня 1915 г. принимается решение о создании Польско-русской комиссии для подготовки осуществления принципов, провозглашенных в Воззвании к полякам великого князя Николая Николаевича. Но работа в этой комиссии идет ни шатко ни валко и в конце концов заканчивается безрезультатно. Основным камнем преткновения явился территориальный вопрос. Соглашения между сторонами в комиссии так и не было достигнуто, и ее работа завершается в сентябре 1915 г. изложением позиций сторон в протоколе последнего заседания комиссии.

Тем не менее Россия продолжает демонстрировать неизменность своих намерений в отношении Польши. Это подтверждается официальными высказываниями российских государственных деятелей. Приведем некоторые из них.

1 августа (19 июля) 1915 г. премьер-министром И. Л. Горемыкиным по указанию Николая II в Государственной думе было сделано следующее правительственное заявление:

«Я считаю своим долгом сегодня же коснуться только одного вопроса, стоящего как бы на грани между войною и нашими внутренними делами: это вопрос польский. Конечно, и он во всей своей полноте может быть разрешен только после окончания войны. Теперь Польша ждет прежде всего освобождения ее земель от тяжелого немецкого гнета. Но и в эти дни польскому народу важно знать и верить, что будущее его устройство окончательно и бесповоротно предопределено Воззванием Верховного Главнокомандующего, объявленным с высочайшего соизволения, в первые же дни войны. Рыцарски благородный, братски верный польский народ, стойко переживший в эту войну бесчисленные испытания, вызывает к себе в наших сердцах глубочайшее сочувствие и ничем не омраченную дань уважения. Ныне Государь Император высочайше соизволил уполномочить меня объявить Вам, г. г. члены

Государственной Думы, что Его Величество повелело совету министров разработать законопроекты о предоставлении Польше, по завершении войны, права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под скипетром Государей Российских и при сохранении единой государственности»¹.

Важным моментом в этом заявлении является, несомненно, подтверждение изменения статуса Польши, но по окончании войны, а также сообщение об императорском поручении правительству разработать проекты законодательных документов для конкретизации этого статуса. Здесь впервые, год спустя после Воззвания, упомянуто в отношении Польши определение «автономия», которого не было в Воззвании. Этим, пожалуй, исчерпывается прогресс в работе по конкретизации Воззвания. Через некоторое время 22 февраля 1916 г. в Государственной думе аналогичного характера заявление сделали председатель Совета министров Б. В. Штюрмер и министр иностранных дел С. Д. Сазонов.

Однако Россия, войска которой были вынуждены оставить Польшу, явно теряет инициативу в польском вопросе, которую она приобрела после оглашения Воззвания. Это прекрасно понимали лица, занимавшие видное место в российской внешней политике. Одним из них явился бывший министр иностранных дел, затем посол России во Франции А. П. Извольский, выдержка из донесения которого помещается ниже.

Из письма посла России во Франции А. П. Извольского министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

25 апреля 1916 г.

«[...] мне кажется, можно заключить, что в настоящую минуту, под влиянием совершившихся в последнее время событий как французские общественные и политические круги, так и выдающиеся польские деятели, не исключая более склонных к единению с Россией, приходят к совершенно одинаковым вы-

¹ *Filasiewicz S. La question polonaise pendant la guerre mondiale. Paris, 1920. P. 27–28.*

водам, которые резюмируются следующим образом: поляки, шедшие с энтузиазмом в начале войны под впечатлением Воззвания великого князя навстречу России, ныне, вследствие испытанных ими бедствий и разочарований, отворачиваются от нас и готовы принять из рук наших врагов судьбу, которая, хотя и не удовлетворяет их национальных вожделей, но, тем не менее, обеспечивает большей части польской нации, в непосредственном единении с Австрией, такие вольности в области самоуправления, религии, языка, которых им до сих пор не удалось получить от России. Подобный оборот дела грозит чрезвычайными опасностями не только России, но и всему союзническому блоку, ибо он может, прежде всего, облегчить Германии и Австрии образование польского войска; для того, чтобы вернуть поляков на прежнюю дорогу, необходимо внушить им надежду на то, что победа союзников уготовит им лучшую будущность, а для этого, прежде всего, следует возвратить им утраченное доверие к обещаниям России; достичь этого возможно лишь в том случае, если Россия ныне же возьмет на себя выработку проекта широкой автономии воссоединенной Польши, и если к этому проекту в той или другой форме присоединятся ее союзники [...]»¹.

Своих сторонников в Польше Россия также теряет по мере того, как становится известно, что в российских правительственных кругах начинают высказываться мнения о том, что в дальнейшем в состав будущей автономной Польши могут не войти Восточная Галиция, Львов, Перемышль, Холмщина, а также, по всей вероятности, Сувалки и часть Сандомирской губернии.

Процесс ослабления своих позиций в отношении будущего Польши все больше беспокоит официальный Петроград. Там возникают опасения, что в складывающейся ситуации Россия вообще может утратить право единолично решать польский вопрос и что в связи с этим после окончания войны он будет ре-

¹ Русско-польские отношения в период мировой войны. Центрархив. М., 1926. С. 96–97.

гулироваться уже на международной конференции. Подобная озабоченность явно прослеживается в письме министра иностранных дел России к послу России во Франции.

*Инструкция министра иностранных дел России
С.Д. Сазонова*

*послу России в Париже
А.П. Извольскому
9 марта 1916 г.
Секретно*

Всякие предложения о будущем размежевании Средней Европы в настоящую минуту преждевременны, но вообще нужно помнить, что мы готовы предоставить Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, рассчитывая, что, в свою очередь, союзники предоставят нам равную свободу в нашем разграничении с Германией и Австрией. Необходимо особенно настаивать на исключении польского вопроса из предметов международного обсуждения и на устранении всяких попыток поставить будущее Польши под гарантию и контроль держав.

Сазонов¹.

В июле 1916 г. польский вопрос обсуждался в ставке верховного главнокомандующего в присутствии царя. Из представленных документов выбор был сделан на записке, составленной министром иностранных дел Сазоновым, которая и должна была лечь в основу специального императорского манифеста. Такой проект в этом же месяце был подготовлен в правительстве. В нем вслед за Воззванием говорилось о создании Польши «свободной в вере, языке и самоуправлении», а также несколько конкретизировалось ее будущее государственное устройство. В нем, в частности, отмечалось:

¹ *Filasiewicz S. La question polonaise pendant la guerre mondiale. Paris, 1920. P. 42.*

«Составляя и впредь нераздельную часть государства Российского и управляемая во всех делах общественных едиными для России законами, учреждениями и властями, да получит объединенная Польша свободу внутреннего устройства, осуществляемого местными законодательными установлениями, действующими в единении с нами»¹.

Однако проект манифеста так и не был подписан императором. Постепенно возобладало мнение, что польский вопрос целесообразно решать после окончания войны, т. е. отложить его на неопределенное время. Общими фразами отделался Николай II на представленную ему 10 августа 1916 г. обширную памятную записку от имени Польского национального комитета и польских членов Думы и Госсовета.

Не обещал Николай II ничего конкретного и в известном приказе по армии и флоту от 12 (25) декабря 1916 г. Цели в войне там сформулированы следующим образом:

«Достижение Россией созданных войною задач, — обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной Польши из трех ее ныне разрозненных областей, — еще не обеспечено»².

Тем не менее этот приказ царя был с удовлетворением встречен польскими представителями в России. Издававшаяся в Москве «Газета польска» в номере за 6 января 1917 г. отмечала, что слова приказа о свободной Польше из трех ее частей понимаются таким образом, что Польша, объединенная с Россией персональной унией, получит свое отдельное государственное устройство с собственными законодательными палатами и собственной армией³.

Участие Николая II в решении польских дел завершается его резолюцией «Согласен» на докладной записке от 12 января

¹ Русско-польские отношения в период мировой войны. Центрархив. М., 1926. С. 123–125.

² *Filasiewicz S.* La question polonaise pendant la guerre mondiale. Paris, 1920. P. 118.

³ *Kumaniecki K.W.* Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912 — styczeń 1924. Warszawa, 1924. S. 60.

1917 г. о создании специальной комиссии для разработки «основных начал будущего государственного устройства Польши и отношения ее к империи»¹.

Неизвестно, как решился бы польский вопрос, окажись Россия в числе победителей в Первой мировой войне. Но можно с большой долей уверенности сказать, что Польша воссоединила бы все свои территории и получила автономию в составе Российского государства, скорее всего, наподобие Финляндии. Но история распорядилась иначе: отречение Николая II, революции 1917 г., сначала Февральская, затем Октябрьская, заключение сепаратного мира с Германией и последовавшая за этим Гражданская война изменили, казалось, неизбежный ход истории и привели к иному решению польского вопроса: к воссозданию независимого польского государства.

Заключение и выводы

Отечественная история обошла своим вниманием более пристальное изучение позиции России по польскому вопросу во время Первой мировой войны, и, на наш взгляд, совершенно несправедливо. Рамки этой позиции были определены Воззванием к полякам верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича от 1 (14) августа 1914 г. При всех весьма ограниченных обещаниях о предоставлении Польше свободы «в языке, вере и самоуправлении» — Воззвание означало коренное изменение российской политики в отношении Польши. Этот документ был направлен на решение ряда задач как внутренней, так и внешней политики России. В числе текущих целей было стремление заручиться поддержкой поляков в войне, которая, как предполагалось, не будет легкой, избежать трудностей при наборе поляков в русскую армию. Кроме того, преследовалась цель дачей обещаний предотвратить возможное восстание поляков, угроза которого постоянно держала в напряжении царский режим. Обе эти цели Воззванием были достигнуты.

¹ Русско-польские отношения в период мировой войны. Центрархив. М., 1926. С. 132.

Воззвание, содержащее обещание изменить статус Польши, было рассчитано также на формирование в пользу России международного общественного мнения в союзных и дружественных странах. Эту цель также удалось достигнуть: реакция Франции и Великобритании оставалась неизменно благожелательной, поскольку они были крайне заинтересованы в сохранении России в качестве своего союзника и готовы были в польском вопросе поддержать позицию России. Как сообщал в конфиденциальной телеграмме российский посол во Франции А. П. Извольский, «*Правительство Французской Республики... признает за Россией полную свободу в установлении ее западных границ*»¹. Эта телеграмма была направлена 11 марта 1917 г., т. е. уже после провозглашения президентом США В. Вильсоном известных 14 пунктов, в которых, в частности, говорилось о будущей Польше, как «объединенной, независимой и автономной». Весьма знаменательно, что официальный Петроград положительно отреагировал на позицию США по польскому вопросу. Об этом свидетельствует заявление председателя Совета министров России князя Н. Д. Голицына, сделанное им 27 января 1917 г.:

*«То, что президент Вильсон сказал относительно Польши, тоже согласуется с мыслью, которую наш августейший Государь выразил в своем последнем приказе по армии и флоту»*².

Но этим не исчерпывается значение Воззвания. Его можно также рассматривать в качестве весьма удачного шага российской дипломатии. Заложенное в нем объединение всех польских земель под скипетром русского царя было ничем иным, как выражением еще до окончания войны своих дополнительных территориальных претензий без согласия и участия своих союзников. Тем самым польский вопрос представлялся в качестве сугубо внутреннего, не нуждающегося в его обсуждении на мирной конференции.

¹ *Filasiewicz S.* La question polonaise pendant la guerre mondiale. Paris, 1920. P. 140–141.

² *Ibid.* P. 137.

Военные неудачи и оставление российскими войсками в 1915 г. всей польской территории затормозили дальнейшую разработку законодательных основ польской автономии. Хотя в 1915–1917 гг. российские государственные деятели продолжали делать заявления о незыблемости данного в Воззвании обещания полякам, однако, по сути дела, решение этого вопроса откладывалось до окончания войны. В результате польская политическая элита, значительная часть которой положительно восприняла появление Воззвания, начинает отходить от про-российской ориентации и переходить на сторону Германии и Австро-Венгрии, а на заключительном этапе войны — на сторону Антанты и США. Дело все больше идет к приданию польскому вопросу международного статуса, чего так стремилась избежать российская дипломатия. Февральская и Октябрьская революции 1917 г., провозгласившие независимость Польши, окончательно перечеркнули идеи, содержащиеся в Воззвании.

Можно сказать, что Воззвание, поставившее на повестку дня необходимость изменения государственного статуса Польши, явилось тем первоначальным толчком, который впоследствии привел к воссозданию на карте Европы самостоятельного польского государства.

2. Февральская революция 1917 г. и Временное правительство о будущем Польши

С падением царизма в России и образованием в Петрограде новых органов власти вновь приобрел актуальность вопрос о выработке позиции в отношении дальнейших судеб Польши. Бесспорно, принципиально важной вехой в формировании нового подхода в России к решению польской проблемы явилось помещаемое ниже Обращение Петроградского совета к польскому народу в марте 1917 г. Это был первый российский документ, в котором четко и безоговорочно провозглашалось право Польши «*быть совершенно независимой в государственно-международном отношении*».

*Обращение Петроградского Совета
рабочих и солдатских депутатов к польскому народу
Петроград, 14 (27) марта 1917 г.*

Народу польскому.

Царский режим, в течение полутора веков угнетавший польский народ одновременно с русским, ниспровергнут объединенными силами пролетариата и войск.

Извещая польский народ об этой победе свободы над всероссийским жандармом, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов заявляет, что демократия России стоит на почве признания национально-политического самоопределения народов и провозглашает, что Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении.

Посылаем польскому народу свой братский привет и желаем ему успеха в предстоящей борьбе за водворение в не-

зависимой Польше демократического и республиканского строя.

*Петроградский Совет
рабочих и солдатских депутатов¹.*

Временное правительство России с разрывом в два дня и, несомненно, под влиянием помещенного выше Обращения Петроградского совета принимает специальное Воззвание, текст которого следует ниже.

*Воззвание к польскому народу
Петроград, 16 (29) марта 1917 г.*

Поляки,

Старый государственный порядок России, источник вашего и нашего порабощения и разъединения, ныне низвергнут навсегда. Освобожденная Россия в лице своего Временного правительства, облеченного полнотой власти, спешит обратиться к вам с братским приветом и зовет вас к новой жизни, свободе.

Старая власть дала вам лицемерные обещания, которые могла, но не хотела исполнять. Срединные державы воспользовались ее ошибками, чтобы занять и опустошить ваш край. Исключительно в целях борьбы с Россией и ее союзниками они дали вам призрачные государственные права, и притом не для всего польского народа, а лишь для одной части Польши, временно занятой врагами. Этой ценой они хотели купить кровь народа, который никогда не боролся за сохранение деспотизма. Не пойдет и теперь польская армия сражаться за дело угнетения свободы, за разъединение своей родины под командой своего векового врага.

Братья — Поляки! Настает и для вас час великих решений. Свободная Россия зовет вас в ряды борцов за свободу народов. Сбросивший иго русский народ признает и за польским народом всю полноту права собственной волей определять судьбу свою. Верное соглашениям с союзниками, верное общему с ними плану

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее: Документы и материалы...). М., 1963. Т. I. С. 26.

борьбы с воинствующим германизмом, Временное правительство считает создание независимого Польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом, надежным залогом прочного мира в будущей обновленной Европе. Соединенное с Россией свободным военным союзом, Польское государство будет твердым оплотом против напора срединных держав на славянство.

Освобожденный и объединенный польский народ сам определит государственный строй свой, высказав свою волю через Учредительное собрание, созванное в столице Польши и избранное всеобщим голосованием. Россия верит, что связанные с Польшей веками совместной жизни народы получают при этом прочное обеспечение своего гражданского и национального существования.

Российскому Учредительному собранию предстоит скрепить окончательно новый братский союз и дать свое согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования братской Польши из всех трех ныне разрозненных частей ее.

Примите же, братья-поляки, братскую руку, которую протягивает вам свободная Россия! Верные хранители великих преданий прошлого, встаньте теперь навстречу светлому дню вашей истории, дню воскресения Польши. Пусть союз наших чувств и сердец предварит будущий союз наших государств и пусть с обновленною и неотразимою силой прозвучит старый призыв славянских провозвестников вашего освобождения: вперед, на борьбу, плечом к плечу и рука с рукою, за нашу и вашу свободу!

Далее следуют подписи всех членов
Временного правительства¹.

Хотя Временное правительство, как и Петроградский совет, высказалось за создание польского независимого государства, однако между двумя документами имеется весьма значительное различие, поскольку Временное правительство выдвину-

¹ Там же. С. 35–36.

ло целый ряд существенных условий. В их числе обязательное заключение Польшей военного союза с Россией и передача после войны окончательного решения вопроса о независимости Польши российскому Учредительному собранию. Таким образом, в отличие от Воззвания от 1 августа 1914 г., речь идет лишь об обязательном (хотя он в Воззвании и назван «свободным») военном союзе России с Польшей уже без оставления Польши в составе России. К тому же Воззвание Временного правительства было сделано от «первого лица» в государстве, а царское воззвание — только от верховного командующего.

Воззвание Временного правительства в России и в странах Антанты официально было встречено в целом с удовлетворением. Посольства Великобритании, Франции, Италии направили по этому поводу соответствующие ноты в МИД России. Вместе с тем следует сказать, что в правительственных кругах Лондона, Парижа, Вашингтона, Рима к данному документу отнеслись и с известной долей подозрительности, особенно в отношении идеи создания военного союза России и Польши, что расценивалось как существенное ограничение суверенитета Польши. Одобрил Воззвание и польский временный Государственный совет, созданный оккупационными войсками, выступив вместе с тем против процедуры окончательного определения границ Польши российским Учредительным собранием, настаивая на оставлении за Польшей всех территорий, отошедших от Польши в результате ее разделов в XVIII в., в том числе и чисто украинских и белорусских земель.

На следующий день после принятия Воззвания Временным правительством на паритетных началах создается русско-польская Ликвидационная комиссия по делам Царства Польского с целью разработки практических шагов по отделению Польши от России. В частности, комиссии вменялось в обязанность составить информацию о местонахождении и состоянии имущества различных польских учреждений в России, оказавшихся на ее территории в результате военных действий, принять меры для сохранения обнаруженного имущества, а также подготовить материал о положении раненых и военнопленных, выходцев из Польши.

Председателем комиссии стал известный польский политический деятель А. Р. Ледницкий, а в состав польской части

комиссии вошли бывший член Государственной думы С. Грабский, бывший член Государственного совета Шебеко, князь Святополк-Четвертинский, архиепископ Могилевский, барон Ропп, епископ Цепляк и др.

В выступлении на первом заседании комиссии 28 апреля 1917 г. премьер-министра князя Львова была изложена программа Временного правительства по польскому вопросу. Ниже следует с небольшими сокращениями текст его выступления.

«От имени Временного Правительства приветствую вас, представители польского народа.

История связала нас с вами неразрывными узами. Она дала нам много общих радостей и общих печалей. Она была омрачена страницами братоубийственной вражды, тяжелыми воспоминаниями, которые казались иногда почти неизгладимыми из народной памяти. Но великие мыслители, избранные сыны русского и польского народов всегда провидели сквозь окружающие призраки вражды и раздора, неволи и угнетения, грядущий час свободы и мира [...]

Теперь произвол пал и в эту величайшую историческую минуту наши судьбы тесно связаны. Русская революция вышла из войны; из нее выйдет и польская свобода.

Ныне решается, кому принадлежит будущее: германскому милитаризму, который нанес столько тяжких ран польскому народу, или национальному самоопределению. Залог нашего общего будущего — в нашей общей победе над этим милитаризмом. Да будет к ней устремлена вся наша мысль, вся наша воля. Будем верить, что эти темные призраки, разделявшие русский и польский народы, исчезли навсегда и что они уступят место сознанию нашего единства по крови и еще более важного единства по духу — единства идеалов общечеловеческой правды и справедливости, возвещенных вещим словом русского и польского гения.

Учреждение Ликвидационной комиссии и ее деятельность должны служить символом и залогом ясности и непоколебимости тех оснований, на которых отныне должны быть построены отношения обоих братских народов, а самый состав комиссии

да ознаменует собой начало дружеской общей работы Русских и Поляков по окончательному устройению этих отношений.

Мы приступаем к ликвидации не только старых учреждений и дел. Мы приступаем к окончательной ликвидации вековых распрей и недоразумений между русским и польским народом. Новая братская дружба между нами возникает среди великой мировой борьбы. Пожелаем же, чтобы эта дружба послужила ступенью к тому великому будущему, о котором мечтали, когда-то вместе, два наших великих поэта Пушкин и Мицкевич, — к будущему миру всего мира и братству народов»¹.

На первых порах комиссия работала весьма интенсивно, однако ее активность сдерживалась продолжавшейся оккупацией польской территории германскими и австро-венгерскими войсками. Поэтому каких-либо коренных вопросов она, естественно, решить не могла. Ее усилия сосредоточились на определении этнических границ будущего польского государства, однако из-за возникших разногласий между русской и польской частями (в основном о будущей принадлежности Холмской губернии) данный вопрос так и не был решен. Комиссия продолжала действовать вплоть до Октябрьской революции, а 23 декабря 1917 г. она была распущена.

Из документов данного периода следует также упомянуть письмо военного министра Временного правительства А. Ф. Керенского от 15 июня 1917 г. съезду польских военных организаций в Петрограде. В нем министр весьма резонно высказался против предложения съезда о выделении в русской армии отдельных польских воинских формирований, поскольку, по его мнению, подобная операция *«в настоящий момент растерзала бы ее тело [русской армии], подорвала бы ее мощь и была бы гибельна для революции, так и для России, поляков и других народов, ныне населяющих Россию»².*

Многочисленная польская община в России проявляет большую активность и организованность. Так, наряду с упомянутой

¹ *Filasiewicz S.* La question polonaise pendant la guerre mondiale. Paris, 1920. P. 168–171.

² *Ibid.* P. 195–196.

выше Ликвидационной комиссией и объединениями воинского характера, в августе 1917 г. на Политическом конгрессе был создан постоянный политический орган — Польский совет союза партий для руководства в широком смысле польской политикой в России и в других странах в целях достижения «независимости и объединения Польши с ее морским побережьем и устьем Вислы»¹.

О характере деятельности этого Совета свидетельствует, в частности, документ от 18 сентября 1917 г., с которым он, в связи с созданием оккупационными войсками в Варшаве так называемого Регентского совета, обратился в российский МИД и посольства союзных стран в Петрограде с предложением принять Антантой совместный акт, гарантирующий независимость Польши².

Наконец, стоит остановиться на выступлении министра иностранных дел России М. И. Терещенко на церемонии в Петрограде 2 (15) октября 1917 г., посвященной 100-летию со дня смерти польского национального героя Т. Костюшко. Основная суть этого выступления была заключена в следующих словах:

«Великое право самоопределения было провозглашено в Воззвании Временного правительства к полякам от 17 марта с. г. — и ныне я заявляю, что прочие великие державы, присоединяясь к положениям, объявленным русским правительством в манифесте к полякам от 17 марта, считают, что одним из условий прочного и справедливого мира и правопорядка в Европе является создание Польши независимой и нераздельной»³.

Заключение и выводы

Обращение Петроградского совета и Воззвание Временного правительства — два документа, две разные позиции, подчеркивающие факт существования в то время в России двоевластия. Их объединяет общий момент — необходимость предоставления Польше государственной независимости. Но если в первом документе при

¹ Ibid. P. 211–213.

² Ibid. С. 227–238.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 184. Оп. 520. Д. 1677. Л. 305.

этом не выдвигается каких-либо дополнительных условий, то во втором они присутствуют. С этой точки зрения решение Петроградского совета, без сомнения, носит более демократический, прогрессивный характер. Однако документ, принятый на государственном уровне, имел большой официальный вес, именно поэтому этот правительственный акт более известен международному общественному мнению и именно он принимается во внимание иностранными историками при рассмотрении событий 1917 г.

Хотя режим Временного правительства просуществовал всего несколько месяцев, однако, несмотря на сложнейшую военную и внутриполитическую обстановку в стране, польский вопрос оставался в поле зрения российского правительства и российской политической жизни.

В этот период российской стороной сделан принципиальный шаг вперед в деле самоопределения Польши: Временное правительство, в отличие от царского, отказалось от мысли оставления Польши в составе России, а речь шла уже о предоставлении ей государственной самостоятельности. В соответствии со схемой Временного правительства, единственное, что будет связывать два соседних государства, — это заключение военного союза, что обеспечивало бы безопасность России с запада¹. Однако уже в то время было ясно, что реализация этого условия будет практически весьма сложно осуществимым дипломатическим проектом из-за позиции других стран и прозападно настроенной влиятельной части польской политической элиты.

Несмотря на это, Воззвание Временного правительства, как и Обращение Петроградского совета, представляют собой важный этап постепенного формирования условий выхода Польши из состава России.

Думается, что современная польская историческая наука в состоянии объективно определить место своей страны как участницы общего с Россией исторического процесса, а также по достоинству оценить все значение вышеупомянутых документов для возрождения польской государственности.

¹ Кстати, подобной позиции придерживался и СССР после Второй мировой войны.

3. Октябрьская революция 1917 г. и независимость Польши

Следующий период в российско-польских отношениях непосредственно связан с Октябрьской революцией. В нашей историографии ранее господствовало утверждение, что восстановлением своей государственности Польша обязана исключительно социалистической революции в России, а все остальные способствовавшие этому факторы рассматривались как несущественные, второстепенные. В настоящее время, когда происходит процесс переосмысливания истории XX в., правомочна постановка вопроса: действительно ли подобное утверждение носило объективный характер или же было создано искусственно в целях обслуживания определенной политической доктрины?

Обратимся к документам, принятым в первые дни революции, — Декрету о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. и Декларации прав народов России от 2/15 ноября 1917 г. В первом акте — в общем плане, а во втором — более конкретно закреплялось в законодательном порядке *«право всех народов России [в том числе и польского] на свободное самоуправление вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»*. Следует подчеркнуть уникальный характер подобной декларации, четко сформулированного положения о праве каждой нации на свою государственность, принятого высшими законодательными и исполнительными органами какой-либо страны. В то время другого подобного документа не существовало.

Таким образом, уже в первые дни российской революции была создана правовая база для образования самостоятельного

польского государства. Что касается других держав, участвующих в мировой войне, то их позиции в польском вопросе выглядели менее конкретными и проигрывали по сравнению с вышеупомянутыми Декретом и Декларацией.

Известный австро-германский акт от 5 ноября 1916 г. о будущей Польше и ее границах носил крайне неопределенный и необязательный характер, в лучшем случае он предусматривал автономию польских земель, бывших в составе России, но не касался польских территорий, отошедших к Германии и Австро-Венгрии в результате разделов Польши. Франция и Великобритания, правда, уже начали склоняться к воссозданию независимой Польши, но формулировать свою позицию по этому вопросу, да еще на высоком официальном уровне, пока воздерживались.

Октябрьская революция в России объективно привела к интернационализации польского вопроса, чего всегда опасалась и постоянно старалась избежать царская дипломатия. Подобная интернационализация, несомненно, пошла на пользу идее воссоздания польского государства, хотя вопрос о независимости Польши в принципе уже был решен Октябрьской революцией.

Беспристрастный анализ показывает, что необходимо также считаться с целым рядом других факторов, предопределивших рождение независимой Польши. Кроме Октябрьской революции и принятых ею актов важное значение имели поражение в войне держав — участниц разделов Польши — Германии, Австро-Венгрии и в определенном смысле России, а также оказанная Польше поддержка со стороны Антанты и США. Однако важнейшим фактором было, несомненно, мощное стремление самого польского народа к воссозданию собственного государства и наличие в стране и за ее пределами польских политических сил, готовых реализовать национальные чаяния.

Нельзя не сослаться еще на один основополагающий документ, который, на наш взгляд, также сыграл свою роль в правовом становлении польского государства. Это декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 29 августа 1918 г. об отказе от договоров России с Германией и Австро-Венгрией о разделах

Польши. Статья 3 этого декрета, принятого еще до образования Польской Республики в ноябре 1918 г., провозглашала:

«Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами Королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, — отменяются настоящим бесповоротно»¹.

Однако дальнейшее развитие событий пошло таким путем, что Россия оказалась отодвинутой от активного участия в польских делах: в результате подписания с Германией Брестского мира, Гражданской войны, иностранной военной интервенции, экономической и дипломатической блокады.

Несмотря на это следует отметить целый ряд шагов по польским делам, принятых советским правительством в первый год своего существования, большое значение которых для Польши проявилось позднее, в период выполнения постановлений Рижского мирного договора 1921 г.

В условиях чрезвычайно тяжелого внутривосточного и международного положения страны создается Народный комиссариат по делам польской национальности с Ю. Лещинским во главе (декрет от 28 ноября 1917 г.), принимаются энергичные меры по выявлению, учету и сохранению польских культурных ценностей, оказавшихся по различным причинам на территории России, главным образом в результате военных действий. Большинство принятых в ту пору документов по данному вопросу опубликованы в известных сборниках. Ограничимся приведением текста основного документа — Декрета от 17 (30) января 1918 г., в котором в первую очередь проявилось уважительное отношение новой власти России к польскому народу.

¹ Документы и материалы... М., 1963. Т. 1. С. 418–419.

*Декрет
об охране предметов старины и искусства,
принадлежащих польскому народу*

Принимая во внимание, что в западных и северо-западных губерниях Российской Республики, во многих городах и усадьбах лиц польской национальности находятся предметы, имеющие исключительную ценность для польского народа, причем большинство этих предметов было вывезено из Польши во время отступления русских войск и раньше, Совет Народных Комиссаров для возвращения этих предметов в полной сохранности всему польскому народу, — постановляет и для руководства подлежащих революционных властей объявляет следующее:

1. Предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились, принимаются как национальная собственность польского народа под охрану власти Рабочего и Крестьянского Правительства в лице Комиссариата по Польским Делах и «Общества Охранения Древностей» до передачи их польским народным музеям.

2. О принятии под охрану вышеназванных предметов составляются акты, причем акт о добровольной передаче польским музеям предметов, находящихся в польских усадьбах, подписывает собственноручно владелец усадьбы или им на то уполномоченное лицо. Акт составляется в двух экземплярах: один из них хранится в Польском Комиссариате при Совете Народных Комиссаров, второй — в Петроградском Отделе польского Общества Охранения Древностей — официального представителя в России польских художественных и исторических обществ.

3. Кроме актов составляется точная опись передаваемых предметов в 4-х экземплярах, причем один экземпляр остается у владельца, другой — в Комиссариате по Польским Делах, третий — в районном комиссариате по охране памятников старины или в бюро ближайшего исполнительного органа союза военнослужащих поляков, четвертый — в Правлении Общества Охранения Древностей в Петрограде.

4. Для составления актов и описей и для осуществления настоящего декрета, а равно контроля над соблюдением такового на местах, Польским Комиссариатом назначаются особые рай-

онные комиссары с полномочиями Комиссаров Рабочего и Крестьянского Правительства.

5. Все упомянутые организации и лица работают в контакте с местными революционными властями в лице местных Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, которым вменяется в обязанность оказывать полное содействие в охране на местах и перевозках польских культурных ценностей.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин)

Народный Комиссар по Просвещению

А.В. Луначарский

Комиссар по Польским Национальным Дела

Ю. Лещинский

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

В. Бонч-Бруевич¹

О проводимой работе по учету и сохранению польских национальных ценностей, оказавшихся в России, советская сторона проинформировала Варшаву почти сразу же после восстановления польской государственности. В пространной ноте народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина министру иностранных дел Польши И. Падеревскому от 10 февраля 1919 г., в частности, отмечалось:

«Российская Советская Республика, стремящаяся жить в неизменной дружбе со всеми народами, всегда желала и горячо желает сохранить мирные и добрососедские отношения с польским народом. Русское Советское Правительство ясно обнаружило свое желание оказать услугу и быть полезным польским народным массам тем, что оно тщательно оберегало находящиеся в его руках польские национальные сокровища, польские древности, неоценимые произведения искусства, картины знаменитых художников, рукописи польских

¹ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР). М., 1957. Т. 1. С. 95–96.

композиторов, вообще унаследованные от исторического прошлого Польши сокровища, в числе которых одних лишь колоколов, представляющих значительную художественную и историческую ценность, насчитывается несколько тысяч. Русское Советское Правительство с неизменным вниманием сохраняет эти ценности с той целью, чтобы вернуть их, когда настанет момент, братским народным массам Польши»¹.

Заключение и выводы

В памяти российского народа должен навсегда сохраниться тот факт, что своим согласием в 1917 г. на отделение Польши от России и своим отказом в 1918 г. от договоров о разделах Польши они сделали решающие шаги в реализации провозглашенных Республикой демократических принципов новых международных отношений. Таким образом, у россиян за этот сложный период истории национальная совесть перед польским народом должна быть чиста. И, может быть, этой своей принципиальной позицией была, смеем надеяться, искуплена вина за принудительное нахождение Польши в составе России.

Речь идет не о том, чтобы от польского народа, в том числе и от польских историков, требовать выражения какой-то особой признательности в деле воссоздания польской государственности и за спасение, а затем передачу польских национальных ценностей, хотя данные факты вообще не имеют precedентов в истории. Речь может идти о соблюдении прежде всего элементарной объективности при оценке действий новой российской власти в первые годы ее существования в отношении Польши.

Здесь явно неуместны рассуждения о том, что и без Октябрьской революции при поддержке Антанты и США Польша и так обрела бы государственную независимость, а свои национальные культурные ценности все равно получила бы по Рижскому мирному договору 1921 г. после победоносной войны с Советской Россией. Все это отчасти так, но это случилось позднее, в иной отрезок истории.

¹ ДВП СССР. М., 1958. Т. 2. С. 68.

4. Российско-польские отношения в первые годы существования Советской России (ноябрь 1918 — апрель 1920 г.)

Казалось, безусловное признание Советской Россией независимости и государственной самостоятельности Польши объективно устранило все препятствия для быстрой нормализации взаимоотношений и решения в духе добрососедства путем переговоров всех существующих проблем. Однако, к сожалению, этого не произошло. Напротив, вопреки национальным интересам народов обеих стран (сейчас об этом уже можно говорить с полной уверенностью) в отношениях начала расти напряженность, что привело в конце концов к трагическому исходу — к войне.

Была ли война фатально неизбежна? И кто виноват в том, что она все же разразилась? Эти и другие вопросы встают каждый раз, когда мы возвращаемся к событиям тех лет. Не на все вопросы пока можно дать окончательный ответ. Так сложилось, что до сих пор мы лишь обвиняли друг друга, особенно не стремясь установить истину. Даже одни и те же события этого периода с тем же набором исторических фактов продолжают по-разному трактоваться историографией обеих стран. Вообще, следует отметить, что какого-то обобщающего труда советских или польских историков, всесторонне и объективно освещающих политические и военные перипетии этих непростых лет, так и не появилось. В данных очерках мы ставим перед собой скромную задачу: попытаться хотя бы схематично, но без какой-либо предвзятости в оценках остановиться на отдельных моментах,

характеризующих политику России и Польши. Итак, о позиции сторон в конфликте.

Позиция Советской России в отношении Польши, выраженная в приведенных выше общеизвестных политических декларациях, обуславливалась также тяжелейшим внутриполитическим и международным положением страны: продолжающейся Гражданской войной, иностранной военной интервенцией, общей хозяйственной разрухой, голодом, эпидемиями, усталостью народа и пр. Отсюда естественная острая заинтересованность в заключении мира, в мирной передышке, как тогда говорили, в нормализации отношений, особенно с соседними государствами, даже ценой территориальных потерь и уступок. На проведение иного курса просто не было реальных сил и возможностей. Поэтому нелепо обвинять Россию в этот период в агрессивных намерениях в отношении соседних стран, как это иногда имеет место. Но если Россия тогда шла на такие уступки, то не потому, что считала справедливыми претензии соседей, а потому, что не было иного пути выхода из войны и ослабления угрозы для самого своего существования. Подобный подход проводился и в отношении Польши, нормализации связей с которой Москва придавала большое значение и на протяжении всего периода постоянно предлагала прекратить вооруженное противостояние, установить дипломатические отношения, приступить к решению путем переговоров многих практических вопросов, возникших в результате мировой войны и в связи с фактом отхода Польши от России.

Документально подтверждается, что, к сожалению, все подобные предложения под теми или иными неубедительными предлогами отвергались польской стороной или же вообще оставались без внимания. Имеющаяся нотная переписка того времени между ведомствами иностранных дел дает богатый фактический материал для восстановления картины взаимоотношений. Эта переписка доступна для всех, большая часть ее опубликована в различных сборниках, вышедших в СССР и Польше. Мы ограничимся приведением лишь одного из первых документов того времени, наиболее характерного, по нашему мнению.

*Из ноты народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина
министру иностранных дел Польши Л. Василевскому*

28 ноября 1918 года

Нельзя не сожалеть о том, что до сих пор мы не получили ответа на наше извещение о том, что Советское правительство назначило своим представителем в Польше доктора Юлиана Мархлевского. Мы просим Министерство иностранных дел ответить нам, согласно ли оно принять гражданина Мархлевского в качестве советского представителя, причем мы охотно согласимся на присылку в Москву представителя Польского государства. Мы будем также очень благодарны, если Польское правительство установит с нами постоянное сообщение по радио и обмен известиями о положении дел, что будет содействовать разъяснению и мирному улаживанию всяких могущих возникнуть между обоими государствами конфликтов.

Чичерин¹

А что на это ответила польская сторона?

С учетом складывающейся обстановки Варшава не устояла перед соблазном воспользоваться временным ослаблением Российского государства и попытаться добиться максимальных территориальных приобретений на востоке. Подобная точка зрения возобладала в тогдашнем польском руководстве. Некоторыми политическими кругами (Р. Дмовский) вынашивались совершенно оторванные от реальности имперские планы вернуть Польшу в границы 1772 г., т. е. до первого раздела страны, с присоединением бесспорно украинских, белорусских и литовских земель. Начальником государства Ю. Пилсудским выдвигался несколько иной по форме план с псевдодемократической маскировкой, который на многие годы составил основу внешней политики страны. Речь идет об известной федералистской концепции Пилсудского, исходившей из расчленения соседей на востоке с применением военной силы и создания федерации Польши с Украиной, Белоруссией, прибалтийскими странами

¹ ДВП СССР. М., 1957. Т. 1. С. 579–581.

и, возможно, Финляндией и Румынией, естественно, под эгидой Польши.

Польша начинает в это время вести большую дипломатическую игру, намеренно затягивая установление нормальных отношений с Советской Россией. Варшава выжидает, маневрирует, ищет благоприятного для себя момента, не отвечает на предложения Москвы и Киева об установлении официальных отношений и обмене дипломатическими представителями. Направляемые ей ноты по этим вопросам замалчиваются, не публикуются и тем самым скрываются от польской и международной общественности. А тем временем продвижение польских войск непрерывно продолжалось на всем протяжении 1919 г. и первых месяцев 1920 г. Вот хроника наступательных операций польских соединений: в феврале 1919 г. они захватили Брест, в марте — Пинск, в апреле — Лиду, в июле — Молодечно, а в августе — Минск. По сути дела идет настоящая необъявленная война. И напрасно Москвой направлялись послания с выражением готовности немедленно вступить в переговоры, польской стороной они попросту игнорировались. Об этом свидетельствуют помещаемые ниже документы.

*Чрезвычайному делегату
Правительства Польской Республики
А. Венцковскому¹*

25 апреля 1919 года

Милостивый государь Александр Янович,

вслед за посылкой Вами курьера в Варшаву с запросами, касающимися соглашения между нашими правительствами, последовало нападение польских войск на Вильну, столицу братской Литовской Советской Республики, показывающее, как в действительности относится нынешнее Польское Правительство к предложениям соглашения с Советскими Республиками, и вполне гармонирующее с опубликованными в недавно дошедших до нас польских газетах заявлениями ответствен-

¹ Представитель польского правительства прибыл в Москву в марте 1919 г.

ных представителей Польского Правительства, отказывающихся от всяких соглашений с Советскими Правительствами. Вероломный характер нападения на Вильну польских войск, переодетых в русские красноармейские мундиры, является показателем того, как относится нынешнее Польское Правительство к элементарным принципам международного общения, этой необходимой предпосылке всякого соглашения между правительствами, по отношению к Советским Республикам.

Возлагая целиком на Правительство Польской Республики ответственность за невозможность достижения соглашения между нашими Правительствами и подчеркивая в то же время, что [...] Правительство Советской Республики готово в любой момент вести с Польским Правительством переговоры о соглашении, как только военные действия против Советских Республик будут приостановлены [...].

*Народный Комиссар по Иностранным Делам
Чичерин¹*

** * **

*В Министерство Иностранных Дел Польской Республики
22 декабря 1919 г.*

[...] Наши мирные предложения оставались тем не менее без ответа, и польские войска продолжали в течение следующих месяцев продвигаться вперед на территории Советских Республик, дружественных Советской России. Советское Правительство с тем большим изумлением узнало, что 28 ноября помощник статс-секретаря Коржинский в ответ на запрос в польском сейме заявил, что якобы Российская Республика никогда не предлагала Польше мир и что она якобы угрожала Польше вторжением [...] Желая устранить всякие недоразумения, могущие затруднить скорое установление мирных и дружественных отношений между обоими народами, Советское Правительство снова подтверждает данные им ранее заверения о своем твердом желании положить конец всякому

¹ Красная книга: Сборник дипломатических документов. Изд. НКВД СССР. 1922. С. 55–56; ДВП СССР. М., 1967. Т. 2. С. 142–143.

конфликту с Польшей. Советское Правительство обращается к Польскому Правительству с формальным предложением немедленно начать переговоры, имеющие целью заключение прочного и длительного мира между обеими странами [...].

Чичерин¹

У нас нет никаких оснований утверждать, что подобного рода официальные миролюбивые заявления Москвы являлись лишь словесным дипломатическим прикрытием агрессивных намерений Советской России в отношении Польши и что они делались с единственной целью: притупить бдительность польской стороны. Аналогичные переговоры с Финляндией и прибалтийскими странами проходили в целом успешно и в 1919–1920 гг. завершились подписанием соответствующих договоров. Поэтому выдвигаемые некоторыми историками, преимущественно польскими, утверждения о том, что якобы Советская Россия в данный период угрожала безопасности Польши, на наш взгляд, подтверждения не находят. Такая угроза появилась несколько позднее, во время наступления Красной армии на Варшаву.

Прежде чем перейти непосредственно к событиям 1920 г., хотелось бы остановиться на одном вопросе, который необоснованно остается порою в стороне при анализе советско-польских отношений, — о том, как был решен на мирной конференции в Париже вопрос о восточной границе Польши. Это нам пригодится впоследствии при рассмотрении проблемы справедливости границы после советско-польской войны 1919–1920 гг.

12 февраля 1919 г. Верховный совет мирной конференции образовал специальную комиссию по польским делам, поручив ей, в частности, подготовить предложения в отношении восточных границ Польши. Комиссия отклонила польские ноты по данному вопросу, предусматривавшие включение в состав Польши значительных территорий с украинским, белорусским и литовским населением. Также не было принято сделанное Польшей на заседании этой комиссии официальное предложение о создании федерации, о которой речь шла выше. 22 апреля 1919 г. комиссия

¹ Там же. С. 80.

предложила временную восточную границу Польши, установленную на этническом принципе (в основном, по линии Буга), которая была утверждена Верховным советом мирной конференции 8 декабря 1919 г. в специальной декларации, а затем подтверждена на конференции держав-победительниц в Спа в июле 1920 г. Данное решение легло в основу известной ноты британского министра иностранных дел лорда Керзона о советско-польской границе, направленной советскому правительству 11 июля 1920 г. (так называемая «линия Керзона»). Кроме того, в соответствии с соглашением, подписанным 10 июля 1920 г. на конференции в Спа между Великобританией, Францией и Польшей, польское правительство обязалось подписать перемирие с Россией на основе линии, установленной Верховным советом 8 декабря 1919 г.

Таким образом, одобренная Парижской мирной конференцией в 1919–1920 гг. линия границы между Россией и Польшей почти полностью совпадает с нынешней восточной границей Польши. Поэтому беспредметны разговоры о том, что СССР в сентябре 1939 г. произвольно присоединил к себе часть польской территории.

Можно, конечно, оспаривать решения, принятые Верховным советом мирной конференции. Но следует помнить, что в то время он был непререкаемым международным авторитетом, определявшим границы многих европейских государств. Но это не меняет суть дела: были приняты первоначальные международные документы, четко определившие по этническому принципу восточную границу Польши. Такова фактическая сторона проблемы. То, что эта граница квалифицировалась как «временная» и что впоследствии, как известно, Антанта вела себя непоследовательно, одобряя предпринятые Польшей территориальные присоединения на востоке, большого значения не имеет, поскольку это было уже сугубо политическим решением, направленным против Советской России в условиях международной интервенции и блокады.

Решения Верховного совета о восточной границе Польши были Ю. Пилсудским попросту проигнорированы. В решении территориального вопроса начальник Польского государства делал ставку на силу, на армию, которая беспрерывно продолжала продвигаться на восток, ставя тем самым мировое сообще-

ство, Парижскую мирную конференцию перед свершившимися фактами. На протяжении всего 1919 г. польские войска, практически не встречая серьезного сопротивления, далеко вышли за пределы польских этнических границ. Здесь важно особо подчеркнуть, поскольку в польской историографии этот факт замазывается, что наступали именно польские войска, именно они вышли за границы польской территории, создав тем самым угрозу возникновения широкомасштабного вооруженного конфликта, а не советские войска, как пыталась и пытается оправдать свои действия польская сторона. Было бы чрезвычайно сложно доказать с точки зрения общепризнанных принципов международного права, что концепция Ю. Пилсудского в отношении границ страны на востоке является выражением миролюбивых, а не агрессивных устремлений новой Польши.

Итак, наступил 1920 год. В начале года Москвой предпринимается еще одна серьезная попытка нормализовать отношения с Польшей даже ценой территориальных потерь. В заявлении Совета народных комиссаров РСФСР от 28 января была выражена готовность уступить часть территории (кстати, значительно большую, чем польская сторона получила в дальнейшем по Рижскому договору 1921 г., но уже ценой больших человеческих жертв), что лишний раз свидетельствует о бессмысленности этой войны для Польши, польского народа. Ниже приводятся фрагменты вышеупомянутого заявления, а также последовавшего за ним обращения Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК — высший законодательный, распорядительный и контрольный орган РСФСР) к польскому народу от 2 февраля 1920 г.

*Заявление
Совета народных комиссаров РСФСР Правительству
Польши и польскому народу*

28 января 1920 года

Польша стоит теперь перед решением, которое может иметь тягчайшие последствия на долгий ряд лет для жизни обоих народов. Все данные свидетельствуют о том, что крайние империалисты Согласия, сторонники Черчилля и Клемансо направляют в настоящий момент все усилия к тому, чтобы

звергнуть Польшу в беспричинную, бессмысленную и преступную войну с Советской Россией [...]

1). Совет народных комиссаров заявляет, что политика РСФСР в отношении Польши, исходя не из случайных временных военных или дипломатических комбинаций, а из незыблемого принципа национального самоопределения, безусловно и безоговорочно признавала и признает независимость и суверенность Польской Республики, и это признание с первого момента образования независимого Польского Государства кладет в основу всех своих отношений к Польше.

2). Сохраняя во всей силе последнее мирное предложение Народного комиссариата по иностранным делам от 22 декабря, Совет народных комиссаров, чуждый каких бы то ни было агрессивных намерений, заявляет, что красные войска не переступят нынешней линии белорусского фронта, проходящей вблизи следующих пунктов: г. Дрисса, г. Полоцк, г. Борисов, м. Паричи, м. Птич, ст. Белокоровичи. В отношении украинского фронта Совет народных комиссаров от своего имени и от имени Временного правительства Украины заявляет, что советские войска Федеративной Республики не будут совершать военных действий к западу от занимаемой ныне линии, проходящей вблизи м. Чуднова, м. Пилявы, м. Держани и г. Бар [...]

4). Совет народных комиссаров заявляет, что, поскольку речь идет о действительных интересах Польши и России, не существует ни одного вопроса: территориального, экономического или иного, который не мог бы быть разрешен мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений, как это имеет место сейчас в переговорах с Эстонией [...].

Председатель Совета Народных комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

Народный комиссар по иностранным делам

Георгий Чичерин

Народный комиссар по военным и морским делам

Л. Троцкий¹

¹ Красная книга. М., 1922. С. 84–85; ДВП СССР. М., 1958. Т. 2. С. 331–333.

* * *

ОБРАЩЕНИЕ

*Всероссийского Центрального исполнительного комитета
к польскому народу*

2 февраля 1920 года

Враги польского и русского трудового народов, не довольствуясь тем, что пятилетней войной они залили мир кровью и разорили человечество, пытаются ныне толкнуть польский и русский народы друг против друга [...] Те же капиталисты Англии и Франции, которые сто лет безучастно смотрели на то, как царизм истязал польский народ, которые во время войны до последнего момента поддерживали и прикрывали лживую политику царизма по отношению к Польше, теперь выступают в качестве защитников Польши. Попытки втянуть польский народ в новую авантюру строятся на том лицемерном предположении, будто бы русский народ, разгромив после тяжелой и упорной борьбы контрреволюционные силы Колчака, Деникина и Юденича, подготавливает наступление против польских войск с целью завоевания Польши [...] мы знаем, что вековой национальный гнет со стороны царского правительства возбудил в широких кругах польского народа глубокое недоверие к русскому народу, недоверие, затрудняющее в высокой степени дело мира и дело добрососедских отношений между вами и нами и своекорыстно эксплуатируемое в своих интересах мировой буржуазией. Но преступления русского царизма и русской буржуазии не могут быть поставлены в счет новому Советскому Государству России. Русские рабочие и крестьяне признали независимость Польши не в последнюю минуту, не как временную дипломатическую комбинацию, не под давлением обстоятельств момента; русские рабочие поспешили первыми признать независимость польского народа, признали ее безоговорочно и раз навсегда и сделали это в сознании того, что независимость Польши соответствует интересам не только вашим, но и нашим [...]

ЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, высшее представительство русского трудового народа повторяет

предложение, сделанное Советским Правительством польскому народу в обращении Совета народных комиссаров от 28 января 1920 года и призывает польский народ отказаться от недоверия к русскому трудовому народу, покончить с кровопролитной войной, дабы оба народа могли начать войну с гнетущими их бедствиями — с голодом, холодом, тифом и безработицей [...] и выражают твердую уверенность, что мирным путем и установлением дипломатических отношений удастся устранить все, что разделяет оба народа, что общими усилиями будут созданы самые мирные и самые дружественные отношения между народами Польши и Советской России.

*Председатель Всероссийского центрального
исполнительного комитета
Калинин*

Секретарь

Лутовинов¹

Однако эти призывы и предложения не были услышаны в Варшаве, там они, видимо, воспринимались как пропагандистский шаг или как проявление слабости, а не как серьезный миролюбивый жест. Правда, обращение через голову польского правительства непосредственно к польским трудящимся, которые объективно не имели возможности ознакомиться с подобным обращением, едва ли имело какую-либо практическую ценность. Все же эти документы какое-то воздействие оказали. Польская сторона частично изъявила готовность начать переговоры, но не согласилась на перемирие по всей линии фронта, а только на участке, где проходила бы встреча двух делегаций. Плюс к этому польская сторона упорно стала настаивать на том, чтобы местом переговоров обязательно был бы прифронтовой город Борисов. Естественно, проведение мирных переговоров под сенью польских штыков и с продолжением военных действий на всех остальных участках фронта поставило бы советскую де-

¹ Красная книга. М., 1922. С. 86–89; ДВП СССР. М., 1958. Т. 2. С. 355–357.

легацию в неравноправное положение. И напрасно Москва предлагала перенести переговоры в более спокойное место: в Гродно, Белосток, любой эстонский город, в Париж, Лондон, наконец, в Москву или Варшаву, польская сторона не приняла ни одного предложения. Почему? Ответ будет дан совсем скоро началом наступления польской армии на Киев. Можно ли назвать такую линию поведения поляков военной или дипломатической хитростью. Едва ли. Скорее всего здесь более подошло бы другое слово: вероломство или коварство. Вот еще два документа о позиции Москвы, один за март, другой за апрель 1920 г.

*Министру иностранных дел Польши С. Патеку
6 марта 1920 года*

Российская Советская Республика неизменно чужда, как и прежде, всяческих агрессивных намерений по отношению к Польше [...] Мы с сожалением должны констатировать, что Польское Правительство не только не решилось начать предложенные нами мирные переговоры, но вопреки тому, на что мы вправе рассчитывать, начало широкую военную оффенсиву против украинской территории, создавая этими агрессивными действиями угрозу для независимой Украинской Республики. Российское и Украинское союзные правительства вынуждены в результате этих наступательных действий защищать украинскую территорию против этого ничем не оправдываемого нападения [...].

Чичерин¹

* * *

*Польскому министру иностранных дел С. Патеку в Варшаве
2 апреля 1920 года*

[...] Желая скорейшего наступления той минуты, когда прекратятся враждебные действия между обеими странами, Российское Советское Правительство предложило Польскому Правительству немедленно прекратить военные операции на всех фронтах, где армии Польши и России противостоят друг другу,

¹ Красная книга. М., 1922. С. 92–93.

полагая одновременно, что лишь при таких условиях работа мирной конференции будет протекать вполне нормально, не будучи нарушена внешними событиями и тяжелыми условиями военного времени. Ввиду своего отказа заключить перемирие между Польшей и Россией, Польское Правительство является единственным виновником всех бедствий, которые будут происходить от продолжения войны для трудящихся масс обеих стран, и каждая капля крови, которая будет пролита с одной и другой стороны, так же, как и все лишения и многочисленные бедствия, которые придется еще перенести трудящимся массам России и Польши, лягут исключительно на ответственность Польского Правительства. Совершенно неясно, какую цель Правительство Польской Республики может преследовать, настаивая на продолжении военных действий, если его намерения действительно миролюбивы, и поэтому в этом отношении неизбежно должны возникнуть сомнения ввиду его упорного нежелания, прекратив кровопролитие, создать благоприятные условия для мирных переговоров [...].

Чичерин¹

У нас также есть большие сомнения в искренности миролюбивых заверений польской стороны, делаемых в то время. А зная сейчас дальнейшее развитие событий, имеется полная уверенность в ее агрессивных намерениях.

Заключение и выводы

Откровенно говоря, нами делались попытки ради объективности найти какой-либо документ, негативно характеризующий в эти временные рамки с точки зрения международного права политику Советской России в отношении Польши. Однако таких документов или отдельных фактов обнаружить не удалось. Стремление России к нормализации отношений с Польшей было действительно последовательным и искренним, а затягивание переговоров, а затем и их срыв произошли

¹ Там же. С. 96–98.

не по ее вине. Можно выразиться и таким образом: просто иной политики Советская Россия, находившаяся в критическом военном и экономическом положении, и не была в состоянии проводить.

Пытаясь оправдать действия польской стороны в то время, нынешняя польская историография продолжает повторять ранее созданную схему о том, что Советская Россия своими мирными предложениями хотела только выиграть время, укрепить свою армию, а затем напасть на Польшу, подтверждением чего, по ее мнению, и является последовавший поход Красной армии на Варшаву летом 1920 года. Эти обвинения совершенно безосновательны даже с точки зрения формальной логики: упомянутое контрнаступление (не наступление!) Красной армии имело место в совершенно иной обстановке в ответ на польскую агрессию, начатую в конце апреля 1920 года. При этом Варшава отвергла мирные предложения Москвы, в том числе ее готовность пойти на значительные территориальные уступки. Войны могло и не быть.

Впрочем, во всем этом деле существует еще один аспект, о котором нельзя забывать. Польша, естественно, настороженно относилась к господствовавшим среди тогдашнего советского партийного и государственного руководства идеям о близкой неизбежности мировой социалистической революции и об интернациональной обязанности Советской России оказать помощь коммунистическим и рабочим партиям в других странах в целях приближения этой революции. Вытекающая отсюда опасность экспорта идей с востока и экспорта самой революции, безусловно, сдерживала Варшаву и поддерживавших ее западных держав относиться с полным доверием к мирным предложениям российской дипломатии. Но здесь мы уже коснулись тематики, пока еще недостаточно глубоко, на наш взгляд, изученной. Поэтому, чтобы не делать каких-либо скопалительных выводов, ограничимся только вышеприведенным предположением.

5. Белое движение в России и Польше (1919–1920)

Взаимоотношения руководителей Белого движения в России (А. В. Колчака, А. И. Деникина, П. Н. Врангеля) с польской стороной после Октябрьской революции, их позиция о предоставлении Польше государственной независимости в нашей историографии специально как отдельный вопрос ранее вообще не рассматривались, видимо, по чисто политическим соображениям. Поэтому остался без ответа кардинальный вопрос, почему же так и не состоялся, казалось бы, естественный военный союз российского Белого движения с Польшей («белополяками») против общего врага. Недостаточно исследованным остается вопрос и о контактах, существовавших тогда между Белым движением и Польшей. А такие контакты имели место.

Постараемся в самых общих чертах коснуться этих вопросов на основе отрывочного и разрозненного материала, который удалось собрать из разных источников.

Позиция А. В. Колчака по польскому вопросу была им изложена в ответе на официальное обращение Великобритании, Франции, США, Италии и Японии в мае 1919 г. В своей ноте от 4 июня 1919 г., направленной этим странам, он, в частности, писал:

«Российское правительство считает своим долгом подтвердить независимость Польши, провозглашенную Временным правительством России с 1917 г. [...] Окончательное утверждение границ между Польшей и Россией должно быть отложено до созыва Учредительного собрания»¹.

¹ Документы и материалы... М., 1964. Т. 2. С. 261.

Эта позиция оставалась неизменной для всего Белого движения в переломные годы Гражданской войны. Колчаковская администрация, повторяя в основном точку зрения Временного правительства по польским делам, вместе с тем, как явствует из вышеприведенного официального текста, сняла выдвигавшееся ранее требование о том, что непременным условием независимости Польши должен стать ее обязательный военный союз с Россией. Было сочтено, что при создавшихся обстоятельствах данное условие выглядит уже анахроничным. Таким образом, российской стороной была сделана существенная уступка: признание суверенитета Польши безо всяких условий и оговорок. Но польскую сторону такой подход мало удовлетворял, она требовала уже сейчас за свое соглашение с Белым движением о совместной борьбе с большевиками немедленного предоставления ей, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, твердых официальных гарантий на значительное приращение своей территории на востоке за счет России.

Правительства Колчака, Деникина и Врангеля имели постоянные контакты с Варшавой. Во главе русской дипломатической миссии при польском правительстве стал Г. Н. Кутепов, царский дипломат, бывший вице-директор дипломатического департамента при Ставке главнокомандующего в Могилеве, который после официального признания Колчака Антантой через Париж в 1919 г. прибыл в Варшаву. Его назначение было оформлено в соответствии с дипломатическими нормами, т. е. с предварительным запросом о даче ему польской стороной агремана. Миссия Кутепова считалась главной миссией, поскольку в Варшаве находились также представители от других белых формирований (от Деникина, Юденича, от казаков и пр.). Г. Н. Кутепов в течение трех лет фигурировал в списке варшавского дипломатического корпуса, представляя поочередно всех основных руководителей Белого движения. Состав миссии из-за угрозы взятия столицы наступавшими частями Красной армии в начале августа 1920 г. вместе с варшавским дипломатическим корпусом эвакуировался в Познань.

Со своей стороны, польские военные миссии были представлены при белых правительствах в Омске, Таганроге и Севастополе.

Как и Колчак, Деникин придерживался взятой на вооружение Белым движением линии, в соответствии с которой восточные границы независимой Польши должно окончательно определить будущее Учредительное собрание. Польская сторона продолжала настаивать на немедленном решении территориального вопроса, опасаясь, по вполне понятным причинам, что в этом Собрании в случае краха большевизма могут возобладать великодержавные устремления и Польша получит иной статус и иные территориальные границы, чем ей хотелось бы.

Деникин, положительно относясь к возрождению польского государства и вообще к полякам (его мать была полькой по национальности)¹, не считал себя вправе нарушить установленную позицию в польском вопросе. О доброжелательном отношении А. И. Деникина к Польше сообщается, в частности, в секретном донесении в Варшаву от 18 августа 1919 г. представителя командования польской армии при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. В этом донесении приводятся следующие заявления Деникина:

«Переходя конкретно к нашей границе с Россией, ответил на мой вопрос, что сам в данный момент не имеет права ее определить, однако выразил мнение, что, без сомнения, в установлении этой границы должны учитываться этнографические, исторические факторы и, наконец, двусторонняя выгода обоих соседних государств и все то, что будет им гарантировать постоянные дружеские отношения. Мне известно о том, добавил он, что уже работают различные законспирированные агенты, как в Польше, так и в России, чтобы снова испортить взаимоотношения наших возрожденных государств. Прежде всего это на-

¹ Как доносил в Варшаву глава польской военной миссии при Деникине генерал-поручик Карницкий, «Генерал Деникин, который вследствие своего польского происхождения [...] является, как говорят, личным другом поляков, [...] видит необходимость военного союза с Польшей не только сейчас во время войны с большевизмом, но даже в будущем. Однако в его ближайшем окружении есть лица, не очень для польского дела хорошо расположенные и в решающий час могущие оказать отрицательное влияние» (Centralne archiwum wojskowe w Warszawie, далее — САУ. Т. 1775/89/486. С. 32. Перевод с польского).

ходится в интересах Германии, а затем также в интересах наших нынешних союзников, чтобы Славянство не было слишком сильным. [...] О том, что возрождающаяся Россия искренне настроена к возрождающейся Польше, свидетельствует хотя бы акт добровольного отказа от польских земель в 1917 году, добровольное согласие на их отделение, чтобы исправить прежние ошибки России. [...] Германию нужно принудить отдать Познаньское воеводство и Силезию, нужно вырвать им это из горла [...]

Относительно дальнейшей активной борьбы с большевиками Деникин выразил мнение, что Польше должен ее диктовать сам инстинкт самосохранения. [...]

У меня есть много и личных причин, — сказал в заключение генерал Деникин, — быть искренним другом поляков (мать — полька) и поэтому тем более болезненным было бы для меня то, если бы моя встреча с поляками имела иной, нежели дружественный характер»¹.

Позиция польской стороны приводила к тому, что она постоянно уклонялась от координации военных действий, а осенью 1919 г. пошла на фактическое временное перемирие с большевиками. Этот малоизвестный эпизод в истории советско-польских отношений, по вполне понятным причинам, ранее оставался в тени, чтобы не создавалось впечатления, будто победа над Деникиным и Врангелем в определенной степени достигнута и благодаря Польше.

А дело было так. В октябре 1919 г., когда армии Деникина уже двигались непосредственно к Москве и исход Гражданской войны приблизился к своей критической точке, Ю. Пилсудский неожиданно идет на секретные переговоры с Советской Россией, предлагает договориться о временном перемирии. Он исходит из того, что Польша не заинтересована в победе Белого движения, выступающего под лозунгом «единой и неделимой России», и что в случае победы этого движения не только границы, но и сама независимость Польши могла бы быть поставлена под вопрос. Тактически Ю. Пилсудский рассчитал правильно, поскольку Советская Россия безоговорочно выступала за независимость Польши

¹ САУ. Т. 1775/89/907. л. 125–127. Копія. Перевод с польского.

и, как это ни звучит парадоксально, ее победа была более выгодна Польше, чем победа, скажем, того же Деникина.

С советской стороны переговоры вел Ю. Мархлевский, с польской — доверенное лицо Пилсудского капитан Бёрнер. Последний при личной встрече заявил, что Пилсудский не желает победы Деникина, в связи с чем советские войска на польском фронте можно было бы безбоязненно использовать для борьбы с ним.

Из телеграммы Ю. Мархлевского народному комиссару иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину:

19 октября 1919 г.

«Дорогой товарищ!

На основании разговора, который я вел вчера с капитаном Бёрнером, я решил послать Вам телеграмму следующего содержания:

Неофициальный представитель Польши категорически заявляет, что поляки наступать не будут. Желают разгрома Деникина. Уверяют, что мы можем [отвести] части с фронта. Думаю, доверять можно. Желательно приостановить наши наступления: я решился на это потому, что каждый день дорог и быть может посылка одной дивизии с западного фронта может иметь громадное значение. Весь вопрос, можно ли доверять неофициальному заявлению. Тут дело, конечно, впечатления и у меня получилось доверие [...]»¹.

Какого-либо документа о временном перемирии тогда не подписывалось. Польская сторона не хотела себя ничем связывать, желая сохранить за собой полную свободу рук, и потому соглашение, по ее предложению, носило устный, джентльменский характер и в определенных рамках было соблюдено польской стороной. Москва, конечно, рисковала, но с учетом критического положения было решено часть воинских подразделений перебросить с польского на деникинский фронт². Но как только

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 103.

² Как сообщал в ноябре 1919 г. в Варшаву Михальский, зам. главы польской военной миссии при Деникине, по сведениям белогвардейской разведки с польского фронта были перебросены значительные силы Красной армии — 43 тыс. сабель и штыков (САУ. Т. 1775/89/907. л. 45).

поражение Колчака и Деникина стало решенным делом, начальник польского государства Ю. Пилсудский отдал приказ начать военные действия, и продвижение польских войск без всякого предупреждения возобновилось. Таким образом, и не по вине советской стороны, еще раз был упущен шанс временное перемирие превратить в постоянное. Такой ход событий уже через полгода привел к трагическим последствиям — к открытой широкомасштабной войне.

Вступление польской стороны в сговор с большевиками не осталось, естественно, тайной для российского Белого движения, значительно снизив доверие к замыслам Варшавы и отдалив двустороннее соглашение. Реакция А. И. Деникина была весьма резкой, о чем свидетельствует его письмо в адрес Ю. Пилсудского от 26 ноября 1919 г.:

«Встретив некогда с чувством полного удовлетворения поворот русской политики в сторону признания национальных прав польского народа, я верил, что этот поворот знаменует собою забвение прошлых исторических ошибок и союз двух родственных народов.

Но я ошибся.

В эти тяжелые для России дни Вы, поляки, повторяете наши ошибки едва ли не в большей степени.

Я разумею стремление к занятию русских земель, не оправдываемое стратегической обстановкой, вводимое в них управление, отрицающее русскую государственность и имеющее характер колонизации; наконец, тяжелое положение Русской Православной Церкви как в Польше, так и в оккупированных ею русских землях.

Для меня совершенно ясно, что именно теперь создаются те основы, на которых будут построены на долгие годы международные отношения. И нынешние ошибки наши будут оплачены в будущем обильной кровью и народным обнищанием на радость врагам Славянства.

Мне нет надобности доказывать Вам, что непонятная для русского общества политика польского правительства может дать весьма серьезную опору германофильскому течению, которое ранее у нас не имело почвы.

Я нисколько не сомневаюсь, что, если бы когда-либо такое течение возобладало, оно имело бы роковое значение для Польской республики.

Этого допустить нельзя.

Между тем восточная польская армия, успешно наступавшая против большевиков и петлюровцев, в дни, наиболее тяжкие для русских войск, вот уже около трех месяцев прекратила наступление, дав возможность большевикам перебросить на мой фронт до 43 тыс. штыков и сабель. Большевики так уверены в пассивности польского фронта, что на Киевском и Черниговском направлениях они совершенно спокойно выступают тылом к нему.

Правда, вот уже более двух месяцев польская военная миссия выясняет наши взаимоотношения. [...] Но за это время обстановка на нашем фронте становится все более и более тяжелой. При таких условиях, казалось бы, не время спорить о компенсациях. Тем более, что в сознании честных русских людей счастье Родины не может быть приобретено ценою ее расчленения.

Станем на реальную почву: падение Вооруженных сил Юга России или даже значительное их ослабление поставят Польшу лицом к лицу с такою силою, которая, никем более не отвлекаемая, угрожает самому бытию Польши и гибелью ее культуры. Всякие заверения большевиков в противном — обман.

Русские армии Юга вынесут новое испытание. Конечная победа наша несомненна. Вопрос лишь в том, как долго будет длиться анархия, какою ценою, какою кровью будет куплено освобождение.

Но тогда, встав на ноги, Россия вспомнит, кто ей был другом.

От души желаю, чтобы при этом не порадовались немцы.

Уважающий Вас А. Деникин»¹.

А в целом, можно сказать, что позиция Польши в немалой степени стала одной из главных причин поражения Деникина. Это подтверждается и нынешними польскими историками. Вот что пишет по этому поводу один из них — М. Прушиньский:

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 97–98.

«Пилсудский принял решение допустить поражение Деникина и спасти большевистскую революцию.

С конца августа 1919 г. он запретил своим войскам продвигаться на восток. Вскоре отдал приказ командованию Польской военной организации [POW] на Украине, которое могло бы помочь Деникину, прекратить действия против большевиков.

Используя эту ситуацию, большевики перебросили значительную часть своих войск с застывшего польского фронта на фланг наступающих войск Деникина и задержали его продвижение вперед. В октябре его войска начали отступать. В ноябре в драматическом письме Деникин просил Пилсудского о помощи [...] Безуспешно [...] В своих воспоминаниях Деникин писал об ответственности поляков за свое поражение. И правильно»¹.

Но даже на исходе 1919 г., когда будущее уже не сулило Деникину ничего хорошего, он не терял надежды договориться с поляками о координации действий. Документы Белого движения того времени свидетельствуют об этом. В частности, П. Н. Врангель в своем рапорте А. И. Деникину от 25 декабря 1919 г. писал:

«По сведениям, полученным мною от генерала английской службы Кийза, есть полное основание считать, что соглашение с поляками может быть достигнуто. Польская армия в настоящее время представляет собой третью по численности в Европе (большевики, англичане, поляки)»².

Сохранились данные о том, что необходимость проведения официальных переговоров признавали обе стороны³. Российская сторона местом переговоров предлагала Константинополь.

Не изменились к лучшему и взаимоотношения между Польшей и П. Н. Врангелем, который в польских делах продолжал

¹ Pruszyński M. *Dramat Piłsudskiego. Wojna 1920*. Warszawa, 1994.

² Врангель П. Н. *Записки*. М., 1991. Кн. 1. С. 247.

³ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3547. Л. 170об. Там же. Д. 3548. Л. 173–174.

прежний курс. Чтобы изменить создавшееся тупиковое положение в свою пользу, польская сторона нередко прибегала к прямому шантажу, угрожая, что в противном случае она подпишет мир с большевиками. Так, представитель Ю. Пилсудского в Париже некто Вендзягольский при встрече в феврале 1920 г. с руководством русской эмиграции заявил о том, что Пилсудский предложил Москве заключить мир на следующих условиях:

а). Признание восточных границ Польши 1772 г.;

б). Признание независимости новых государств, образовавшихся в пределах бывшей Российской империи, причем не только Украины, Литвы, Эстонии, но и на исконно русских землях (Дон, Кубань, Терек);

в). Прекращение агитации в соседних государствах;

г). Ратификация мирного договора, заключенного на вышеизложенных условиях, Учредительным собранием, избранным путем всеобщего голосования. На такие условия большевики, конечно, не согласятся, а следовательно, вооруженной борьбы с ними не избежать. Предвидя это, начальник Польского государства желал бы заключить соглашение с национальной русской армией (т. е. с генералом Деникиным) на [этих же] условиях [...]»¹.

Врангель, как и Деникин, не прекращал попыток договориться с поляками о создании общего фронта против большевиков. Но учитывая территориальные требования Варшавы, этот фронт Врангель и его ближайшее окружение понимали по-своему, лишь как проведение так называемых параллельных действий против общего врага, с сохранением своей самостоятельности в принятии решений. Общее отношение руководителей Белого движения к политике Польши в годы Гражданской войны в сжатом виде изложено в докладе заместителя главы польской военной миссии при генерале Врангеле поручика Михальского, который в конце 1920 г. писал в Варшаву:

¹ Przegląd Współczesny. 1936. No 173. S. 49–50; Документы и материалы... М., 1964. Т. 2. С. 498.

«Деникин понимал, что помощь он может получить только от Польши. Предлагал координацию военных действий, но Варшава ответила отказом без решения политических проблем. После наступления с Петлюрой на Киев увидели, что последний стремится к полной независимости Украины, отношение к польскому наступлению резко изменилось. Победа под Варшавой изменила позицию правительства Крыма, которое снова стало искать контакта с Польшей, но не хотело идти на уступки Польше. Весть о перемирии оказала фатальное впечатление. Говорили, что тем самым Польша предала Крым. Врангель не хотел понять, что Польша является суверенным государством. Русские в глубине души нас ненавидели и не могли свыкнуться с мыслью, что мы можем стать решающим фактором на Востоке Европы. Но наша политика не делала даже малейших усилий, чтобы это состояние изменить в нашу пользу»¹.

Однако, понимая суть политики Польши в отношении Белого движения, Врангель даже накануне своего поражения не терял оптимизма в отношении поляков. В этом деле он встретил понимание у Антанты, о чем свидетельствует, в частности, помещаемая ниже выдержка из письма председателя Военного совета Антанты маршала Ф. Фоша премьер-министру Франции А. Мильерану от 11 сентября 1920 г.:

«Письмом от 10 сентября я сообщил Вам, что предложение генерала Врангеля относительно организации единого польско-русского фронта против большевиков мне кажется заслуживает внимания, но при условии согласия польского правительства [...] Если такой же является и Ваша точка зрения, то я просил бы Вас обратиться к польскому правительству с целью выяснить его намерения по этому вопросу.

Обращаю Ваше внимание на то, что этот демарш необходимо предпринять в срочном порядке, имея в виду, что генерал Врангель располагает для своей поездки в Париж весьма огра-

¹ САУ. Т. 1775/89/915. Перевод с польского.

ническим временем, в течение которого он сочтет возможным отсутствовать в Крыму.

Фош»¹

Примерно такие же соображения несколько позднее (15 сентября 1920 г.) маршалу Фошу высказывались в рапорте командования французским экспедиционным корпусом в Константинополе, отрывок из которого помещается ниже:

«5. Прекращение Польшей военных действий и вступление в переговоры с Советами поставило бы Врангеля в критическое положение, и наоборот, если переговоры затянутся и если, кроме того, будет ускорена отправка после соответствующей проверки красных солдат, попавших в плен в Польше или разоруженных в Германии, а также войсковых контингентов, оставшихся от армий генерала Миллера и Юденича, то Врангель окажется в состоянии продолжать эффективную борьбу. Эти контингенты должны прибыть в Крым с полным обмундированием и вооружением и с необходимой материальной частью, взятой из большевистских запасов, попавших в руки поляков»².

В ноябре 1920 г. французская газета «Голюа» поместила одно из последних заявлений Врангеля:

«Мне необходимо оружие, военное снаряжение и обмундирование. Польша должна войти с нами в соглашение для того, чтобы удержать на польском фронте как можно больше красных войск. Если эти два условия будут выполнены, то весна будущего 1921 г. будет, по всей вероятности, окончательно последним годом существования Советов»³.

Однако последовавший разгром армии Врангеля, ее эвакуация из Крыма сделали достижение соглашения беспредметным.

¹ Документы и материалы... М., 1965. Т. 3. С. 390.

² Там же. С. 391–392.

³ Кон Ф. Польша на службе империализма. М., 1927. С. 16.

Заключение и выводы

Итак, позиция в отношении Польши, выработанная сначала Временным правительством, а затем Колчаком, отражавшая точку зрения всего руководства Белого движения, оставалась неизменной на протяжении всей Гражданской войны в России. В результате так и не удалось договориться с поляками о ведении совместных военных действий. Возникает вопрос: была ли такая позиция руководства Белого движения абсолютно правильной в то время? Может быть, следовало бы, учитывая безвыходность момента, все же пойти на удовлетворение требований польской стороны и ценой территориальных потерь добиться победы? Можно ли это считать фатальной исторической ошибкой со стороны Белого движения?

Нет сомнения в том, что Польша и Белое движение были врагами большевиков, были с самого начала потенциальными союзниками, но так и не стали ими. Причины этого кроются скорее в морально-этической области, чем в военно-политической. Руководители Белого движения, которые не считали себя вправе распоряжаться территорией своей страны и от этой позиции «единой и неделимой России» они, как русские, не могли отказаться, хотя и осознавали, наверное, свою обреченность.

С польской стороны все обстояло значительно проще. Пользуясь моментом слабости русского государства, в Варшаве было решено использовать преимущества создавшейся уникальной ситуации и добиться присоединения максимума земель на востоке, которые когда-то в истории были отторгнуты Польшей от России. Поляки имели сильную национальную армию и в военном отношении не очень-то зависели от Белого движения, они могли выбирать, кто им предоставит лучшие условия — Колчак, Деникин, Врангель или Советы. Что касается заверений Деникина в том, что он является «искренним другом» Польши, то они не были по достоинству оценены. Как говорится, в политике нет сантиментов. Может ли заслуживать осуждения столь прагматический подход польской стороны к делу?

С позиции сегодняшнего дня ясно видно, что реальную помощь Белому движению в то время могла оказать только Польша, а отказ в этой помощи означал катастрофу как для Деникина, так и для Врангеля. Это понимали некоторые видные российские

эмигранты. Можно сказать, что именно дипломатия Белого движения в польском вопросе потерпела поражение, так и не найдя точек соприкосновения с Варшавой. Не имея четкой перспективы будущего, она тянула время, не решаясь сказать полякам ни «да», ни «нет», а затем, по сути дела, решила предоставить течение событий самому себе. Подобная позиция воспринималась польской стороной как проявление к ней недоверия или даже скрытой враждебности. Линию Деникина, а затем и Врангеля резко критиковал, в частности, Б. В. Савинков именно за неспособность объединить все силы в борьбе с большевиками¹.

И еще один вопрос. В России шла братоубийственная Гражданская война, русские воевали против русских. Но когда в их борьбу вмешивалась третья сила, то здесь зачастую брали верх иные чувства. Так, руководитель российской дипломатической миссии в Варшаве Г. Н. Кутепов, ведший переговоры о заключении соглашения с Польшей, моментами ловил себя на мысли, по воспоминаниям встречавшихся с ним лиц, что православные пленные красноармейцы ему гораздо ближе, нежели польские официальные лица. Более того, в лагере Врангеля русские офицеры в 1920 г. вообще «болели» за большевиков и произносили тосты за взятие ими Варшавы, за их победу над поляками². Из этого замкнутого круга Белое движение так и не могло вырваться, что в конце концов и привело его к поражению, оно так и не решилось вступить в сделку с «врагами русского дела», в данном случае с поляками.

Уже после заключения советско-польского мирного договора в Риге в 1921 г. некоторые русские политические силы в эмиграции продолжали категорически выступать против использования оказавшейся за границей частей армии Врангеля в составе польских вооруженных сил. Так, созданный за рубежом Русский национальный комитет (А. Б. Карташов, П. Б. Струве, В. Л. Бурцев и др.) в одном из своих заявлений, в частности, отмечал:

¹ Корнеев В. Е. Личный фонд Б. В. Савинкова в Международном институте социальной истории в Амстердаме // Отечественная история. 1998. № 3. С. 149.

² Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 2. С. 217, 477–478, 595.

«Что же касается возможности совместных военных действий против большевиков Польши и русских военных сил, то Русский национальный комитет полагает, что использование русских военных сил в составе польской армии или отдельными партизанскими отрядами, базирующимися на Польшу, недопустимо. Русские военные силы могут действовать против большевиков только совершенно самостоятельно и без всякой связи с взаимоотношениями между польским правительством и советскими властями. Не исключается, конечно, возможность одновременных действий Польши и русских сил, но при условии совершенной независимости последних от Польши»¹.

Однако как ни хотели предводители Белого движения сохранить нейтралитет в советско-польской войне, однако они объективно помогли полякам одержать победу, связывая на своем фронте несколько десятков дивизий Красной армии. Впоследствии в эмиграции Врангеля упрекали в этом. Так, видный русский журналист Н. В. Снессарев, идеолог сторонников великого князя Кирилла Владимировича, писал:

«Какой же настоящий русский сможет простить когда-нибудь Врангелю его спасение Польши и Варшавы в 1920 г. Смутное Время осталось в памяти русского народа атавистически. А теперешнее поведение поляков к русским это печальное воспоминание побудило с новой силой, и не скоро еще польский ручей сольется с русским морем»².

С другой стороны, вождям Белого движения была совершенно чужда мысль попытаться договориться с красными о временном перемирии и позволить им перебросить свои части на польский фронт, т. е. совершить маневр, который поляки проделали осенью 1919 г. с армией Деникина.

В результате произошло то, что и должно было произойти: поляки победили большевиков, а затем большевики, в свою очередь, победили последнюю опору Белого движения в России — армию Врангеля.

¹ АВП РИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 200. Л. 106.

² Снессарев Н.В. Кирилл Первый, император Кобургский. Берлин, 1925. С. 19.

РАЗДЕЛ II

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА (1919–1920) И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

1. Военные действия в 1920 г.

25 апреля 1920 г. польская регулярная армия, насчитывавшая в это время по некоторым оценкам свыше 700 тыс. штыков и сабель, развернула широкомасштабные военные действия против России и ее союзниц — Украины и Белоруссии. В составе польской армии находились также незначительные воинские формирования украинского атамана С. Петлюры. Начался длительное время готовившийся с активной помощью французских военных советников поход Ю. Пилсудского на Киев. 7 мая город был взят без боя, польская армия вышла на важные стратегические рубежи на Днепре, представляя прямую угрозу безопасности Советской России. После перегруппировки сил части Красной армии перешли в наступление, освободив все ранее захваченные районы Украины и Белоруссии, пересекли условную польскую этническую границу и устремились к Варшаве. Затем последовал контрудар со стороны поляков, предопределивший их победу в этой войне. Результаты этой победы были закреплены в мирном договоре, подписанном в Риге 18 марта 1921 г.

В нашу задачу не входит подробное описание всего хода польской кампании. Эти события изложены во многих публикациях. Более важно, как представляется, попытаться проанализировать политические и дипломатические аспекты войны и ее последствия. Тем более, что каких-то устоявшихся обобщающих и объективных оценок этой войны до сих пор не существует. Попытаемся изложить нашу точку зрения на события 1920 г.

Вокруг войны с Польшей, хотя с ее окончания и прошло немало времени, не прекращаются дискуссии, а в ее освещении

до сих пор сохраняется ряд белых пятен. Истинная подоплека этого военного конфликта в течение длительного времени в советской историографии замалчивалась, а то и намеренно искажалась. Война закончилась поражением Красной армии, и советская официальная историческая наука о событиях того периода в пропагандистских целях вынуждена была часто говорить полуправду. Далека от объективности и нынешняя польская историография, многие оценки которой страдают однобокостью, стремлением, оперируя только выигрышными для себя фактами и опуская другие, представить в привлекательном свете далеко не миролюбивые в то время замыслы Польши. Анализ этих расхождений по характеру конфликта, представление действительных целей, которые преследовались обеими сторонами на различных этапах войны, и составляет предмет настоящего раздела.

Основу прежней советской версии конфликта составляло утверждение, что внешнеполитический курс РСФСР и ее союзников (Белоруссии и Украины) с самого момента воссоздания польского государства в ноябре 1918 г. был направлен на установление добрососедских отношений. Данный факт польской стороной оспаривается¹. Однако непредвзятое ознакомление с официальными документами того времени и предпринятыми Москвой и Киевом по дипломатическим каналам шагами однозначно и убедительно свидетельствуют о том, что тезис об их стремлении договориться с Польшей полностью подтверждается. Нельзя обойти, а тем более опровергнуть такие факты, что именно Советская Россия первая признала государственную независимость Польши и недействительность договоров о ее разделах в XVIII в., именно она на протяжении 1918–1920 гг. неоднократно делала Польше предложения обменяться дипломатическими представителями и даже выражала готовность

¹ Правда, некоторые современные польские историки придерживаются иной позиции. Так, М. Прушиньский, например, пишет, что «сегодня с перспективы прошедших лет кажется несомненным, что мирные предложения Советов на переломе 1919–1920 гг. были искренними» (*Pruszyński M. Dramat Piłsudskiego. Wojna 1920 r. Warszawa, 1994. S. 67*).

ради снятия напряженности в межгосударственных отношениях пойти на значительные территориальные уступки (заявление СНК РСФСР от 28 января 1920 г. и обращение ВЦИК от 2 февраля 1920 г.)¹. Таким образом, мирные намерения России, подтверждаемые документально, в тот момент не были простым пропагандистским приемом, они исходили из провозглашенной демократической внешнеполитической концепции, а также, с другой стороны, были вызваны отчаянным военным и экономическим положением страны. Подобные миролюбивые призывы польской стороной, видимо, расценивались лишь как проявление слабости, они неизменно игнорировались или отклонялись под теми или иными надуманными предложениями, не публиковались в печати, сознательно скрывались от польской и международной общественности.

Именно такой, а не иной позиции Польши в то время может быть только одно объяснение: ее полная незаинтересованность в полюбовном урегулировании отношений. Она последовательно вела дело к открытому военному конфликту, который вскоре и был ею развязан. Следует также учитывать и такой немаловажный момент, что Россия, погруженная в разруху и хаос Гражданской войны, находившаяся на пределе своих физических и духовных сил, была просто не в состоянии открыть еще один фронт, фронт против Польши. А когда ее все же вынудили это сделать, то оказалось, что держать его длительное время Россия не в состоянии.

С учетом вышеизложенного лишено серьезных оснований расхожее в Польше утверждение о том, что в апреле 1920 г. Польша якобы вынуждена была нанести упреждающий удар для предотвращения нависшей с востока опасности, а также что российские предложения о мирных переговорах с Польшей являлись лишь маскировкой истинных захватнических замыслов. Только недоразумением можно объяснить тот факт, что отдельные российские исследователи разделяют подобную точку зрения.

¹ Красная книга. НКВД СССР. М., 1922; ДВП СССР. Т. 2. С. 331–333, 355–357.

Обвиняя Россию в стремлении разрушить польскую государственность, поляки обычно ссылаются на отдельные заявления большевистского руководства и деятелей Коминтерна о близости и неизбежности мировой революции, путь которой из России в Западную Европу будет лежать через Польшу. Подобные экстремистские заявления о вооруженном экспорте революции действительно имели место¹, что, естественно, могло вызывать опасения у Польши. Однако следует иметь в виду, что между всей этой трескучей революционной риторикой и реальной внешней политикой РСФСР в то время всегда существовала определенная дистанция². Действительность такова, что уже была достигнута договоренность о нормализации отношений с Эстонией, велись успешные переговоры на этот предмет с Финляндией, Литвой и Латвией, делались соответствующие предложения Румынии при условии выполнения подписанного с ней в 1918 г. двустороннего соглашения о выводе румынских войск из Бессарабии. Не составляла исключения в этом отношении и Польша. Насколько известно, какого-то конкретного заранее разработанного плана нападения на Польшу тогда вообще не существовало, решение о наступлении на Варшаву было принято спонтанно в результате военных успехов на фронте.

Полностью сохраняет, на наш взгляд, свою справедливость имевшееся в советской версии утверждение о том, что зачинщиком войны, агрессором была Польша. Именно она, поддавшись искушению воспользоваться временным ослаблением России, задалась целью инкорпорировать в свой состав обширные территории на востоке. Выдвинутые Польшей претензии на великодержавные границы до ее первого раздела в 1772 г. с исторической и международно-правовой точек зрения никоим образом не могут быть признаны правомерными хотя бы потому, что

¹ В. И. Ленин, выступая на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г., признавал: «Мы решили использовать наши военные силы, чтобы помочь советизации Польши», «штыками прощупать — не созрела ли социальная революция пролетариата Польши» (Исторический архив. 1992. № 1. С. 16).

² Существует и иная точка зрения.

эти белорусские и украинские земли были в свое время насильственно захвачены ею в результате жестокой экспансии и что проживавшее на них польское население всегда составляло абсолютное большинство.

Имперские планы начальника польского государства Ю. Пилсудского не ограничивались созданием Польши «от моря до моря», они шли дальше. Им была выдвинута концепция, предусматривающая отделение от России ее западных территорий и создание федерации государств из Украины, Белоруссии, прибалтийских республик, Финляндии и Польши, естественно, под эгидой последней. При этом признавалось, что реализация данного плана может быть осуществлена только силовыми методами. Польские историки о существовании таких планов заявляют открыто, однако не делают явно напрашивающийся вывод об их агрессивном характере. Руководствуясь федералистской концепцией Ю. Пилсудского, польская армия, как нами уже отмечалось, почти сразу же после провозглашения независимости страны начинает движение на восток, занимая территорию, оставляемую отходящими из России германскими войсками и оттесняя при этом находящиеся здесь малочисленные части Красной армии. Вынашиваются даже планы похода на Москву¹. Польские намерения стали совершенно ясны, когда в апреле 1920 г. без всякого предупреждения и формального объявления войны начался поход польской армии на Киев, развязавший уже широкомасштабные военные действия. При этом следует отметить вероломство польской стороны, которая, уже приняв решение о наступлении, делала вид, что готова на переговоры с Россией и Украиной и даже назначила по этому случаю свою делегацию. Советской историографией начало Польшей боевых действий оценивалось как третий поход Антанты. Возможно, в этом есть своя доля истины, свой резон. Не секрет, что польская армия вооружалась и обучалась французской стороной под руководством генерала М. Вейгана.

¹ См.: Заявление премьер-министра Польши И. Падеревского на заседании Верховного совета Парижской мирной конференции 15 сентября 1919 г. // Документы и материалы... М., 1964. Т. 2. С. 314–315.

В данном случае, как кажется, вопрос о том, был ли это третий поход Антанты или нет, принципиального значения не имеет.

Польская историография правовую обоснованность похода на Киев пытается объяснить еще и тем, что он якобы преследовал бескорыстную цель оказать помощь украинскому народу в обретении независимости. Это также очередной миф. Достаточно ознакомиться с обращением Ю. Пилсудского к украинскому народу от 25 апреля 1920 г., чтобы стало совершенно ясно, что пребывание польских войск на Украине планировалось на неопределенно продолжительное время и скорее напоминало оккупацию (польские войска будут находиться на Украине до тех пор, пока *«армия украинского народа сможет защитить свою страну от новых вторжений»*)¹. По секретному договору от 21 апреля 1920 г. между сторонами Петлюра «уступал» Польше значительную часть территории Западной Украины, обязался ввести в состав своего будущего правительства двух министров-поляков, предоставить польской стороне ряд концессий и пр. В польско-украинской военной конвенции от 24 апреля, также строго секретной, в частности, все украинские железные дороги после вступления польских войск передавались в полное распоряжение польского командования, снабжение польской армии возлагалось на петлюровские власти, польская сторона получала право на реквизицию продовольствия и т.п.²

Подобные «освободительные» планы, служившие лишь прикрытием прямой вооруженной экспансии Польши, провалились прежде всего потому, что были отвергнуты местным населением, не захотевшим такого «освобождения», ни самих «освободителей». Данный факт сейчас стали признавать, к их чести, и некоторые польские историки. Например, польский эмигрантский историк Я. Техановский пишет следующее:

«Наши победы не были в состоянии воскресить федералистские планы Пилсудского, которые весной 1920 г. провалились

¹ Красные книги. Изд. МИД УССР. Кн. 3. Советская Украина и Польша. 1921. С. 79.

² ДВП СССР. М., 1958. Т. 2. С. 760–761.

из-за отсутствия поддержки в Белоруссии, на Украине, не говоря уже о Литве»¹.

На этот же решающий фактор провала федералистской концепции Ю. Пилсудского указывал польский министр иностранных дел в 20-х гг. граф Скшиньский, отмечавший:

«Народы, которые согласно этой теории Польша освобождала от русского рабства, не высказывали желаний освободиться и если они не очень любили Россию, то еще меньшие симпатии питали к Польше»².

Весьма характерно стремление польской стороны задним числом обелить неблагоприятную роль Польши в конфликте с Россией, прибегая к своеобразной перестановке акцентов и оперируя оценками, которые действительно только для строго определенного периода военных действий и оказываются ложными, если их распространить на весь конфликт.

Так обстоит дело с вопросом о существовании угрозы для независимости Польши со стороны России. Подобная опасность в действительности возникла только в тот момент, когда части Красной армии, вытесняя польские части из Украины и Белоруссии, вступили на этнически польскую территорию и приближались к Варшаве. Польская же сторона распространяет существование подобной опасности на все время конфликта, создавая таким образом видимость, что Польша, захватывая чужие земли на востоке, с самого начала будто бы лишь отстаивала свою независимость.

Польской стороной делаются и другие временные натяжки. Почти все публикации о войне начинаются с момента наступления Красной армии на Варшаву, как будто вообще не существовало плана по реализации великодержавной федералистской

¹ *Ciechanowski J.* Stosunki polsko-radzieckie w 1918–1920 r. Polacy w kościele katolickim w ZSSR. Wyd. Katolickiego uniwersytetu Lubelskiego. Lublin, 1991. S. 30.

² *Fisher L.* The Soviets in world affairs. V. 1. London, 1930.

концепции Ю. Пилсудского, не было взятия Киева, польской оккупации части Украины и Белоруссии.

Примером такого стереотипного и, по своей сути, тенденциозного подхода к событиям 1919–1920 гг. может служить исследование польского историка А. Л. Щесньяка¹. Обращает внимание, что в его публикации совершенно отсутствует содержание всех мирных предложений РСФСР и Украины к Польше, как будто их в природе не было. Автором дается весьма произвольная интерпретация, а то и прямое искажение смысла целого ряда документов. В приводимой хронологии развития событий, например за день 2 февраля 1920 г., читаем: «В обращении к польскому народу Москва предвещает установление советской власти в Польше». Но это совершенно надуманное толкование обращения ВЦИК, в котором, наоборот, подчеркивается, что *«коммунистический строй возможен только там, где громадное большинство трудового народа прониклось желанием воздвигнуть его собственными силами»*, а не *«штыками русской Красной армии»*, и что *«преобразование Польши соответственно интересам польских трудовых масс должно явиться делом самих этих трудовых масс»*².

Также в ложном свете преподносится ряд высказываний В. И. Ленина. Утверждается, например, что Ленин в своей речи 15 апреля 1919 г. на первых московских командных курсах якобы «предрекает установление коммунистической республики в Польше». В данной же речи Польша вообще не упоминается³. Суть выступления Ленина 29 марта 1920 г. на IX съезде ВКП(б) в отношении Польши им излагается следующим образом: «Ленин заявляет, что в Польше готовится пролетарская революция и, хотя поляки предлагают мир, возможна война». Здесь снова грубая натяжка, поскольку о возможности революции говорится как об опасениях *«представителей буржуазно-помещичьей Польши»*, а о войне речь идет в том плане, что польские предложения

¹ *Szcześniak A.L.* Chwast historii. Przegląd tygodniowy. 1989. 22 września.

² ДВП СССР. М., 1958. Т. 2. С. 357.

³ См.: *Ленин В.И.* Собр. соч. Т. 38. С. 299–300.

о мире крайне ненадежны, так как именно Польша, а не Россия «может пойти на какую угодно авантюру с войной»¹.

Затронем еще один вопрос, вызывающий различные суждения, — вопрос о вкладе в победу в советско-польской войне военно-политической миссии Антанты во главе с французским генералом М. Вейганом и известным британским дипломатом лордом д'Аберноном, находившимися в 1920 г. в Варшаве. Современная польская историография склоняется к оценке, что решающая победа под Варшавой — это личная заслуга маршала Ю. Пилсудского, стоявшего в то время во главе польского государства и польской армии. Об этом недавно писал польский историк Э. Дурачиньский².

Иного мнения на этот счет придерживается, в частности, упомянутый выше лорд д'Абернон, который был, как говорится, вполне в курсе дела. В своих воспоминаниях он написал следующее:

«Если спросить какого-нибудь польского патриота, как он смотрит на ход событий, то он, безусловно, ответит, что генерал Пилсудского творил чудеса и что богато одаренная натура польского народа совершила невозможное; роль англо-французской миссии в этом деле была, по его мнению, весьма скромная. Эти взгляды довольно широко распространены в польских политических кругах.

Лично я скептически отношусь к этому мнению. Я считаю, что своим военным успехам поляки обязаны в значительной степени методической и продуманной работе генерала Вейгана по организации сопротивления большевикам и что то чувство уверенности, которое создано благодаря присутствию миссии, весьма благотворно повлияло на моральное состояние польской армии»³.

¹ Там же. Т. 40. С. 246–247.

² Дурачиньский Э. Польская историография новейшей истории // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 32.

³ Посол мира. Страницы из дневника лорда д'Абернона. М.: ОГИЗ, 1931. Т. 1. С. 48.

К этому следует добавить, что план нанесения контрудара под Варшавой, по свидетельству специалистов, также был разработан генералом Вейганом. Мы нисколько не хотим как-то умалять роль Ю. Пилсудского в истории Польши и только ссылаемся на различные мнения. На наш взгляд, более убедительной представляется точка зрения некоторых польских историков, полагающих, что заслуга Ю. Пилсудского, и весьма немалая, состоит в правильном выборе им из ряда представленных ему вариантов наступления под Варшавой наиболее перспективного, который и привел к победе.

Подводя некоторые итоги, следует еще раз подчеркнуть, что в апреле 1920 г. со стороны Польши однозначно имела место открытая агрессия против России и ее союзников — Украины и Белоруссии, а со стороны последних эта война началась как оборонительная и освободительная. Убедительных аргументов, опровергающих этот вывод, польские историки представить не могут, да их в природе и не существует. Даже западные союзники в то время осуждали агрессивные устремления польского руководства. В протоколе заседания Верховного совета держав Антанты в Спа (июль 1920 г.) приводятся в изложении соответствующие высказывания британского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа:

«Все же он думает, возможно будет что-нибудь сделать, если возникнет угроза потери независимости Польши, но ничего нельзя будет сделать, если Польша не покончит на деле, так же как и на словах, со всей империалистической и аннексионистской политикой. Разумеется, он не может обратиться к английскому парламенту за помощью, пока не сможет сказать, что Польша полностью отказалась от аннексий и просит лишь об обеспечении независимости внутри ее собственных этнографических границ, и пока он не сможет сказать, что она готова заключить справедливое соглашение с Литвой, положить этнографический принцип в основу мира с Россией, принять во внимание волю населения Восточной Галиции для определения будущей судьбы этой страны, прийти к соглашению с чехами и не стремиться в дальнейшем к установлению польского господства в Данциге.»

Г-н Грабский ответил, что он уполномочен перед своим отъездом из Польши принять такие условия»¹.

Вместе с тем следует также сказать, что в ходе войны Советской Россией были допущены, по нашей оценке, ошибочные действия, а в ее последующей интерпретации — серьезные искажения исторической правды, о чем справедливо указывается в польской литературе. Имеется в виду следующее.

Когда Красная армия начала контрнаступление и успешно продвигалась вперед, перед российским руководством встал вопрос: переходить или нет польскую этническую границу? После обсуждения было принято решение, что следует перейти во имя высших интересов мировой социалистической революции и пролетарского интернационализма. Данный шаг, как представляется, был крупным просчетом, нарушением демократических принципов внешней политики государства, которое само недавно эти принципы провозгласило. Война с Польшей, носившая до этого справедливый характер, приобретает со стороны Москвы иное звучание. Теперь с высоты минувших лет совершенно ясно, что во всех отношениях было бы разумнее остановиться на предложенной Антантой «линии Керзона». Тем более, что этого как раз опасалась польская сторона².

К сожалению, этого не произошло, что поставило под вопрос миролюбие России и выявило ее стремление дестабилизировать обстановку на континенте. Конечно, в случае приостановления наступления не было никаких гарантий, что Польша, получив

¹ Документы и материалы... М., 1965. Т. 3. С. 141.

² Беседа в 1932 г. с редактором «Газеты польской» И. Матушевским, бывшим в начале 1920-х гг. начальником 2 отдела польского генштаба, один из сотрудников полпредства СССР в Варшаве записал следующее: «Вспоминая войну 1920 г., Матушевский рассказывает, что все время боялся, как бы мы не приняли предложение Керзона и не остановились на Буге, — тогда нас все покинули, мы бы очутились меж двух огней. Но вы перешли Буг, и я сказал одному французскому офицеру, пришедшему за оперативной сводкой: “Все хорошо! Они наступают, они за Бугом!” Француз был очень удивлен моей радости» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 16. П. 159а. Д. 7. Л. 470–471).

помощь от западных стран, через некоторое время не возобновит вооруженную агрессию.

Можно признать и справедливость утверждения польских государственных деятелей и историков о том, что польский народ, обороняя Варшаву, боролся за свою независимость, с той лишь оговоркой, что ситуацию, чреватую возможностью потери независимости, Польша создала сама, начав захват украинских и белорусских территорий, предприняв в 1920 г. пресловутый поход на Киев.

Также осуждения заслуживает шаг советской стороны по созданию в июле 1920 г. из находившихся в РСФСР польских коммунистов в разгар наступления Красной армии Временного революционного комитета Польши в составе Ф. Э. Держинского, Ю. Ю. Мархлевского, Ф. Я. Кона, И. С. Уншлихта и Э. Я. Прухняка, который вскоре был преобразован во временное польское правительство. Негоже было новой власти, объявившей себя народной, нарушать свои же официальные заявления о признании государственной независимости Польши, вести дело к свержению польской законной центральной администрации, навязывая суверенному государству иное, сформированное в России правительство. Такой шаг, на наш взгляд, справедливо оценивается как попытка насильственной советизации Польши.

Все эти негативные моменты в действиях Советской России должны, по нашему мнению, присутствовать в нашей версии войны с Польшей.

До сих пор остается невыясненной полностью роль И. В. Сталина в польской кампании, а главное — в понесенном поражении. В советской историографии эта роль оценивалась по-разному. Показателем могут служить хотя бы статьи о советско-польской войне в различных изданиях Большой советской энциклопедии. Так, в изданиях БСЭ, вышедших при жизни И. В. Сталина, основным театром военных действий вообще считалось не наступление на Варшаву, а Юго-Западный фронт, видимо, только потому, что членом реввоенсовета фронта был в то время И. В. Сталин, а взятие Львова, вокруг которого надолго увязли армии фронта, представлено чуть ли не в качестве основной стратегической задачи всей наступательной опера-

ции. Приказ же о переброске 1-й Конной армии на варшавское направление назван, по сути дела, предательским¹. Картина кардинально меняется после смерти Сталина. Теперь в последующих энциклопедических изданиях утверждается как раз обратное, т. е. что в поражении виноват главком С. С. Каменев, лично отдавший приказ Юго-Западному фронту наступать вместо Варшавы на Львов, что сорвало всю операцию². Однако маловероятно, чтобы принимаемые главкомом решения стратегического характера не согласовывались бы, в соответствии с существовавшим порядком, с высшим руководством страны (Лениным, Троцким). Вполне возможно, Сталин действительно мог, как свидетельствуют оценки некоторых историков, сознательно затягивать исполнение приказа о переброске 1-й Конной армии на варшавское направление, руководствуясь честолюбивым стремлением иметь «свой успех» и во что бы то ни стало взять Львов³. А это в конечном счете в основном и предопределило разгром советских армий под Варшавой. Значительная доля правды в этом есть. Однако нельзя забывать, что Сталин неоднократно в это время выступал в печати против недооценки сил противника⁴. Он писал:

«Нет сомнения, что впереди еще будут бои, и бои жестокие. Поэтому я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о “марше на Варшаву”, другие, не довольствуясь обороной нашей

¹ БСЭ. 1940. Т. 46. С. 238–247. БСЭ. 1954. Т. 25. С. 509–510.

² БСЭ. 1971. Т. 4. С. 317–318; Советская военная энциклопедия. 1976. Т. 2. С. 18–20.

³ Об амбициозном плане И. В. Сталина взять Львов и образовать Западноукраинскую советскую республику говорится, в частности, в книге польского историка А. Чарского «От Борисова до Риги» (*Czariski A. Od Borisowa do Rygi. Uwagi krytyczne o dyplomacji, wojnie i pokoju w 1920 r.* Warszawa, 1930. S. 52). В наших публикациях этот момент не находит подтверждения.

⁴ См.: Яковлева Н. Сталин — путь наверх // Наш современник. 1997. № 11.

Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на “красной советской Варшаве”»¹.

Для того чтобы определить степень причастности Сталина к поражению в польской кампании, необходимо проведение дальнейших изысканий.

Вообще следует отметить, что проблематика советско-польской войны 1919–1920 гг. у нас в течение длительного времени практически не разрабатывалась. Первый фундаментальный труд появился лишь в 1994 г. Им стала монография И. В. Михутиной «Польско-советская война 1919–1920 гг.»², в которой на основании ранее закрытых архивных материалов дается объективный анализ основных перипетий отношений России и Польши в тот период, а также характера войны и позиций сторон в конфликте. Это исследование, несомненно, будет служить весьма ценным ориентиром в проведении дальнейших научных работ в данной области.

Отдельной и долгое время забытой проблемой войны остается трагическая судьба солдат Красной армии, оказавшихся в польском плену. Условия их содержания и массовая смертность, какие бы оправдания на этот счет ни предъявляла польская сторона, целиком лежат на ее ответственности и совести. В настоящее время речь идет скорее о ее моральной ответственности. Спор о числе погибших в лагерях (18–20 тыс., как утверждает польская сторона, или, по подсчетам российской стороны, не менее 60 тыс.)³ здесь имеет второстепенное значение.

В последнее время польскими историками правомерно поднимается вопрос об изучении условий пребывания своих солдат в российском плену. До сих пор каких-либо обобщенных материалов по этой тематике у нас вообще не публиковалось⁴. Не предваряя окончательных выводов такого изучения, здесь было бы

¹ *Сталин И. В.* О положении на Юго-Западном фронте // *Коммунист.* (Харьков). 1920. 24 июня; *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1950. Т. 4. С. 333.

² *Михутина И. В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. / Институт славяноведения и балканистики РАН. М., 1994.

³ ДВП СССР. М., 1960. Т. 4. С. 319.

⁴ См.: *Симонова Т.* Поле белых крестов // *Родина.* 2001. № 4. С. 58.

уместным привести весьма характерный приказ командования Западного фронта об обращении с пленными.

*Приказ
командования Западного фронта Красной армии*

Смоленск, 17 июня 1920 года

Всем воинским частям, подчиненным командованию Западного фронта, строжайше приказывается следующее:

Командирам и комиссарам принять все меры к тому, чтобы вполне понятная ненависть солдат Красной армии к польским белогвардейцам ни в какой мере не распространялась бы на пленных. Пленные должны отправляться в тыл в той же одежде, в какой застало их пленение. Красноармейцы должны твердо усвоить, что пленный польский солдат уже не враг. Это в большинстве случаев мобилизованный рабочий или крестьянин Польши. Не оскорблять его нужно, а раскрыть ему глаза на весь позор нападения польских помещиков и буржуазии на русский народ. Быть беспощадным в бою — рыцарем по отношению к побежденным — вот девиз борцов революции. С настоящим приказом широко ознакомить сражающихся против нас польских солдат.

Командующий армиями фронта

М. Тухачевский

Члены Реввоенсовета фронта

Смилга,

И. Уншлихт

Начальник штаба Западного фронта

Шварц¹

Есть еще одна сторона войны, в которой поляки оказались не на высоте. Это бессмысленное разрушение при отступлении памятников культуры и расстрелы мирных жителей. Варварские действия польской военщины в этой войне по нашей безалаберности так и не получили какого-то обобщения, но отдельные такого рода факты известны. Это, в частности, разрушение в Киеве собора Святого Владимира и уничтожение города Борисова, сопровождавшееся массовыми убийствами мирных жителей, включая женщин и детей².

¹ Документы и материалы... М., 1965. Т. 3. С. 93.

² ДВП СССР. М., 1958. Т. 2. С. 553.

По первому случаю великим державам был даже направлен официальный протест.

*Нота правительств РСФСР и УССР
правительствам Великобритании, Франции, Италии и США*

11 июня 1920 года

*[...] Так как доблестные украинские и русские армии вынудили легионеров оставить свою добычу, раздосадованное польское военное командование задумало увековечить свою память в Киеве по примеру Герострата. Ни разу за всю мировую империалистическую войну не было ничего подобного тем гнусностям и преступлениям против цивилизации, которые совершили поляки в Киеве перед своей эвакуацией. Прекрасный собор Святого Владимира, эта не имеющая себе равных жемчужина русского регионального зодчества и уникальный памятник с бесценными фресками Васнецова, был уничтожен поляками при отступлении только потому, что они желали выместить свою злобу на неодушевленных предметах. Таким образом, общая сокровищница человеческой цивилизации лишилась уникального произведения искусства в результате отвратительного вандализма охваченных отчаянием поляков [...]*¹.

Конечно, применяемые в этом документе обороты возможно несколько грубоваты для дипломатического языка, но они правильно и четко отражают суть дела.

Заключение и выводы

Так что же принесла польскому народу, польскому государству развязанная Варшавой никчемная война против Советской России и ее союзников? Что дала им победа в 1920 г.? Да по существу ничего, кроме, может быть, удовлетворенного тщеславия в связи с разгромом советской армии под Варшавой. Остальное — одни потери². Потерпела крах федералистская кон-

¹ Там же. С. 565–566.

² Данный факт начинают признавать и отдельные польские исследователи. Как писал, например, Ф. Семеньский, «также и поход Ю. Пилсудского на Киев следует оценить как крупную политическую ошибку, поскольку

цепция Пилсудского. Ввязавшись в войну, Польша не имела достаточно сил, чтобы выиграть плебисциты в Силезии, Тешине, Вармии и на Мазурах, оставив за рубежом десятки тысяч своих соплеменников. Присоединение украинских, белорусских и литовских земель также не принесло Польше больших выгод, поскольку на долгие годы настроило против нее приграничные государства и народы. Но главное, на наш взгляд, состоит в том, что война оказала негативное воздействие на дальнейшее состояние российско-польских и советско-польских отношений. Был безвозвратно утрачен, казалось, реальный исторический шанс установления добрососедского сотрудничества между нашими странами. Доверие между ними было глубоко подорвано. Польша в 1921–1939 гг. обоснованно рассматривалась СССР как враждебное государство, от которого в любое время можно было ожидать всякой каверзы. В результате из-за взаимного недоверия не удалось, в частности, накануне Второй мировой войны прийти к военному сотрудничеству против гитлеровской Германии.

Захваченные в ходе войны территории Польша должна была позднее возвратить, что окончательно закреплено и в итоговых международных документах Второй мировой войны и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. По данному вопросу Варшава сейчас занимает реалистическую позицию, официально признав окончательными свои нынешние государственные границы. Кроме всего прочего, это означает признание ошибочными территориальные претензии на востоке, выдвигавшиеся ею в период войны 1919–1920 гг., а также польским лондонским правительством в эмиграции во время Второй мировой войны.

Вот так распорядилась история в отношении одной из острейших проблем, являвшейся основной причиной военной кампании 1919–1920 гг. Этот итог настолько важен для формирования наших будущих взаимоотношений, что его не должен ослабить

его цели не были и не могли быть осуществлены. Поэтому, также, польско-большевистская война была Польшей проиграна. Была выиграна варшавская битва (что явилось очередным нашим везением!), но поход на Киев закончился поражением» (*Siemiński F. Nauki z historii // Dziś. 1996. No 2*).

перенос польской стороной дня польской армии с 12 октября (начало первого сражения Войска польского на советско-германском фронте в 1943 г.) именно на 20 августа — начало польского наступления под Варшавой в 1920 г., приведшего в конечном счете к захвату чужой территории. Хотя, конечно, смысл данного переакцентирования нами прочитан правильно и не может не разочаровывать.

Для России война принесла, конечно, горечь поражения, тысячи убитых и военнопленных и потерю огромной территории на западе. Кроме того, и этого нельзя забывать, поражение в войне нанесло также мощный удар по идее близости мировой революции, за осуществление которой будто бы будут самоотверженно сражаться пролетарии других стран. После такого удара эта идея уже не могла целиком оправиться и постепенно стала уходить в небытие. Война показала также несостоятельность в то время красивых лозунгов о братстве народов, пролетарской солидарности, сближении российских и польских трудящихся.

Сейчас, как представляется, главное состоит в том, чтобы раскрытие правды о событиях 1919–1920 гг., пусть не всегда приятной для национального самолюбия обеих сторон, помогло снять один из моментов, отягощающих нынешние российско-польские отношения.

2. Рижский мирный договор 1921 г. Установление дипломатических отношений

Советско-польскую войну 1919–1920 гг. завершил мирный договор, подписанный в Риге 18 марта 1921 г. представителями России и Украины, с одной стороны, и Польшей — с другой. Россия подписала Договор также от имени Белоруссии по просьбе последней.

В нашу задачу не входит представить подробный анализ всех статей Договора. Поэтому остановимся только на его основных моментах.

Установление дипломатических отношений

Важным последствием Рижского мирного договора 1921 г., ставшим переломным событием в российско-польской истории XX в., явилась, несомненно, нормализация межгосударственных отношений, чего безуспешно добивалась российская дипломатия с самого момента возникновения польского государства. По поводу конкретной даты установления таких отношений до сих пор, однако, не существует единообразия. Во многом этому способствовала не совсем четкая формулировка XXIV статьи договора, которая гласит:

«Дипломатические отношения между договаривающимися сторонами устанавливаются немедленно по ратификации настоящего Договора»¹.

¹ ДВП СССР. М., 1959. Т. 3. С. 642.

В силу этого в качестве даты установления дипотношений в различных случаях назывались то день ратификации Договора российской стороной — 14 апреля 1921 г., то день ратификации Польшей — 16 апреля, то Украиной — 17 апреля¹, то обмен ратификационными грамотами или дипломатическими представителями. Между тем как-то упускалось из вида следующее разъяснение, содержащееся в XXVI статье Договора:

«Повсюду, где в настоящем договоре... упоминается в качестве срока момент ратификации Мирного Договора, под этим понимается момент обмена ратификационными грамотами»².

Известно, что обмен ратификационными грамотами состоялся 30 апреля 1921 г. в Минске³. Следовательно, 30 апреля 1921 г. и является официальной датой установления дипломатических отношений между Россией и Польшей.

Таким образом, принятая у нас дата — 27 апреля 1921 г. — нуждается в исправлении.

Однако на этом было бы рано ставить точку.

Просмотр советско-польской официальной переписки за май–июль 1921 г.⁴ свидетельствует о том, что обе стороны в этот период (т. е. уже после 30 апреля 1921 г.) не считали дипломатические отношения друг с другом установленными, поскольку еще не состоялся обмен дипломатическими представителями и не были учреждены посольства соответственно в Варшаве и Москве. Дело заключалось в том, что Польша, хотя и подписала и ратифицировала мирный договор, однако по ряду причин (сложности с прекращением деятельности на своей территории различных белогвардейских и российских монархических организаций, реализация предусмотренных договором гарантий по обеспечению права нацменьшинств и т. п.), всячески оттягивала момент обмена дипломатическими представителями, а Россия, крайне за-

¹ Там же. С. 658.

² Там же. С. 642

³ Там же. С. 658.

⁴ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 4. П. 7. Д. 15.

интересованная в международном признании, в силу этого отказывалась начинать переговоры с Польшей по выполнению своих обязательств, записанных в мирном договоре.

С учетом всех этих обстоятельств установление дипотношений между странами было определено по факту, когда российский представитель приехал в Варшаву, а польский — в Москву, т. е. август 1921 г., хотя точная дата никакими документами не подтверждается. Видимо, руководствуясь этим соображением, польский министр иностранных дел направил 2 августа 2001 г. письмо на имя своего российского коллеги с поздравлениями по случаю 80-летия установления дипломатических отношений. В создавшейся ситуации нам не оставалось ничего иного, как 4 августа 2001 г. направить ответное поздравительное письмо¹.

Несмотря на вышеизложенное, было бы целесообразно считать датой установления дипотношений с Польшей все же день обмена ратификационными грамотами мирного договора — 30 апреля 1921 г. Эта дата подтверждается как текстом самого Договора, так и протоколом обмена ратификационными грамотами.

В пользу такого решения свидетельствует и тот факт, что за истекшее время изменилась международная практика: теперь акт установления дипломатических отношений между государствами не всегда сопровождается обменом официальными представителями. Есть много примеров (в том числе и из нашей практики), когда достигается договоренность об установлении дипотношений, а обмен послами или посланниками так и не происходит.

Что касается конкретных деталей оформления дипломатических отношений, то по имеющейся архивной документации удалось установить следующее.

В Москве с 1918 г. действовало представительство польского Регентского совета, созданного германскими властями в оккупированной Варшаве. Представительство находилось в официальной переписке с НКВД РСФСР. Известно, что российская сторона намеревалось учредить свое представительство в Варшаве, о чем глава НКВД Г. В. Чичерин 29 октября 1918 г. инфор-

¹ АВП РФ. Ф. 188. Оп. 92. П. 295. Д. 13.

мировал польское представительство в Москве. Дипломатическим представителем был назначен Ю. Мархлевский, который, однако, к месту своего назначения не выехал, видимо, в связи с самороспуском Регентского совета, передавшего 14 ноября 1918 г. власть Ю. Пилсудскому. Имеются сведения о том, что Ю. Мархлевский все же нелегально оказался в Варшаве, но в качестве официального представителя не был признан. Тот же Мархлевский 30 июля 1920 г. во время наступления советских войск на Варшаву возглавил в Белостоке Польский временный революционный комитет (Польревком) в качестве некоего временного правительства Польши.

Первым руководителем российской дипломатической миссии в Польше был Л. М. Карахан, который вручил верительные грамоты 10 сентября 1921 г. Договоренность о взаимном преобразовании миссий в посольства была достигнута 16 февраля 1934 г. во время визита в СССР польского министра иностранных дел Ю. Бека. Первым польским дипломатическим представителем в РСФСР в качестве временного поверенного был Т. Филиппович (1 июля — 11 декабря 1921 г.), а посланник был назначен только в 1924 г. Считается, что дипломатические отношения были прерваны 17 сентября 1939 г. по факту ввода советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию, состояние войны между государствами не объявлялось. Что касается консульских отношений, то они оформились несколько позднее, с подписанием 18 июля 1924 г. между сторонами консульской конвенции. Тогда же была достигнута договоренность об учреждении Генерального консульства СССР в Гданьске. Первым генконсулом с 1926 по 1933 г. был И. П. Калина.

Вопросы аннексий и контрибуций

Россия как сторона, потерпевшая поражение, вынуждена была принять целый ряд поистине кабальных требований Варшавы, зафиксированных в договоре. Польша потребовала себе значительную часть территории Западной Украины и Западной Белоруссии, не входившей в состав собственно Польши и на которой проживавшие там поляки всегда составляли ничтожное

меньшинство. Кроме того, Россия должна была выплатить значительную денежную сумму золотом и драгоценностями, а также возвратить материальное имущество и культурные ценности, эвакуированные на восток перед наступлением германской армии в 1914–1915 гг.

Важным пунктом всего договора является статья XIII, которая гласит:

«В силу признанного Договором о прелиминарных условиях мира от 12 октября 1920 г.¹ активного участия земель Польской Республики в хозяйственной жизни бывшей Российской Империи — Россия и Украина обязуются уплатить Польше тридцать миллионов золотых рублей в золотых монетах или слитках не позже, чем в годичный срок с момента ратификации настоящего договора»².

Обязательство уплатить 30 млн руб. золотом в силу *«активного участия земель Польской Республики в хозяйственной жизни бывшей Российской Империи»* — является ничем иным, как слегка прикрытой формой обычной контрибуции, налагаемой победителем на побежденного. Российская сторона, учитывая свое чрезвычайно тяжелое международное и внутривнутриполитическое положение, вынуждена была на переговорах с поляками уступить их давлению, что означало практический отказ в сложившихся условиях от выдвинутого ею же принципа о заключении мира *«немедленно без аннексий и контрибуций»³*.

Кроме выплаты контрибуции РСФСР вынуждена была смириться и с аннексией Польшей Западной Украины и Западной Белоруссии, которые, будучи в составе царской России, никогда территориально не входили в состав Царства Польского. Так сложился ход истории в дальнейшем, что принцип *«мир без аннексий и контрибуций»* так и не стал узаконенной нормой международного права. Позже этот принцип был вообще снят с вооружения советской дипломатии, он оказался особенно неактуальным в ходе урегулирования территориальных и репара-

¹ ДВП СССР. М., 1959. Т. 3. С. 250.

² Там же. С. 633.

³ Декрет о мире от 8 ноября 1917 г. (ДВП СССР. М., 1957. Т. 1. С. 12).

ционных вопросов в отношении Германии при подведении итогов Второй мировой войны.

Возвращаясь к положениям статьи XIII, следует отметить, что указанная в ней сумма так и не была выплачена польской стороне. Тогдашняя российская дипломатия, по сути дела, блокировала выполнение этого требования, найдя для этого довольно убедительную причину. Была избрана гибкая тактика: не отказываясь от уплаты взноса, польской стороне были предъявлены встречные претензии за ущерб, причиненный действиями различных банд, которые формировались на польской территории, а затем перебрасывались на Украину и в Белоруссию. А таких банд было немало и нанесенный ими ущерб также был немалый. В целях определения его размера в союзных республиках были созданы специальные комиссии. По подсчетам НКФ, СССР эти убытки составили в целом 80 млн руб., правда, из них только 11 млн были подтверждены документально.

В ноте НКВД РСФСР от 23 апреля 1922 г.¹ российское правительство предложило Польше возместить нанесенный бандами ущерб и создать смешанную комиссию для изучения данного вопроса. В своем ответе польская сторона отвергла это предложение, заявив, что никакого отношения к упомянутым бандам не имеет.

Переговоры, продолжавшиеся в 1922–1927 гг., к практическим результатам так и не привели: польская сторона требовала уплаты 30 млн руб. золотом, а советская сторона каждый раз выдвигала встречный иск. Польша отказывалась принимать по этому вопросу делаемые ей компромиссные предложения, в частности о суммировании всех наших обязательств на уровне 20 млн с выплатой 5 млн руб. в качестве аванса, а на остальную сумму предоставление отсрочки на 10 лет под 6 % годовых или предоставление значительных льгот по торговому соглашению. Как это часто бывает в подобных ситуациях, поляки не получили ни того ни другого. Основная тактика нашей делегации заключалась в том, чтобы сознательно затягивать переговоры

¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 94. Л. 10–14.

и вести партию «на ничью», пока обстоятельства не позволят перейти к наступлению¹. Такие обстоятельства, как известно, сложились лишь к 1939 г.

Что касается упомянутого торгового соглашения, то оно из-за проволочек, чинимых на переговорах польской стороной, добивавшихся для себя чрезмерных льгот, было подписано только в начале 1939 г. и практически так и не стало действовать. Таким образом, статья XIII мирного договора (по нашим оценкам, несправедливая), включенная в договор под давлением поляков, так и осталась нереализованной.

Несколько слов о выполнении так называемой железнодорожной статьи XIV. В ней предусматривалась выплата польской стороне залога в драгоценностях и в золоте, а также регулировались вопросы передачи подвижного состава и другого железнодорожного имущества. Советское правительство обязалось возвратить Польше подвижной состав на сумму 29 млн золотых рублей.

Что касается железнодорожного подвижного состава, то его передача была осуществлена полностью, о чем был составлен специальный протокол, а в отношении внесения залога с возможностью его последующего выкупа возникли сложности. Из трех предусмотренных взносов в денежном эквиваленте было произведено только два. Последний взнос не был сделан из-за возникших расхождений, дело зашло в тупик, из которого так и не удалось выбраться. Сделанные взносы из драгоценностей нами определялись в 20 млн руб., а польская сторона их оценила в 15 млн, а затем в 12 млн и потребовала выплатить разницу. Советская сторона предлагала различные варианты, чтобы предотвратить утрату драгоценностей и сохранить возможность их выкупа, однако поляки ни на какие компромиссы не шли. Москва откровенно сообщала, что Россия в настоящее время из-за состояния экономики и финансового положения не имеет возможности рассчитаться по Мирному договору. Однако все было бесполезно. Драгоценности были польской стороной реализованы на европейском рынке по заниженной цене.

¹ Из сообщения члена коллегии НКВД СССР В. Коппа полпреду в Варшаву (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 8. П. 113. Д. 66. Л. 128).

В дальнейшем наша официальная позиция заключалась в том, что по XIV статье Договора мы рассчитались полностью. Действительно, оценка драгоценностей различными экспертами в разное время может существенно отличаться, к тому же послевоенный мировой рынок драгоценностей был весьма подвижным, курс часто менялся, а вопросы изменения мировых курсов валют и золота, в том числе и самого польского злого, Договором не были отрегулированы. Так что определенное основание для занятия такой позиции имелось. На этом дело и закончилось.

Проблематика обмена военнопленными и возвращения польских культурных ценностей, оказавшихся на территории России, излагаются отдельно.

3. Судьбы российских пленных в войне с Польшей

Последствием войны с Польшей явилась трагически сложившаяся судьба российских солдат, оказавшихся в плену, в основном, в результате предпринятого 20 августа 1920 г.¹ польским командованием контрудара под Варшавой, решившего исход всей кампании в свою пользу.

Так сложилось, что вопрос о бесчеловечных условиях содержания российских военнопленных, который в первые годы после окончания войны был предметом неоднократных официальных протестов РСФСР по дипломатическим каналам², впоследствии продолжительное время оставался как бы на обочине двусторонних отношений и вне поля зрения советской дипломатии. Времена были жестокие, в Первой мировой и Гражданской войне погибли миллионы людей. На фоне подобных гигантских катаклизмов смерть десятков тысяч солдат, к тому же еще попавших в плен, видимо, рассматривалась лишь в качестве неприятного эпизода, как и вообще сама война с Польшей. Позднее

¹ До сих пор день 20 августа — начало контрудара польской армии под Варшавой в 1920 г. в Польше называют «Чудом на Висле». Этот день сейчас не без явного антироссийского подтекста учрежден официальным днем польской армии.

² Кроме приводимых далее документов с протестами российской стороны известно, например, решение Коллегии НКВД РСФСР от 17 декабря 1920 г., в котором российскому полпреду в Варшаве А. А. Иоффе предписывалось потребовать от польского правительства немедленного улучшения положения пленных, угрожая в противном случае прибегнуть к репрессиям (АВП РФ. Ф. 27а. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 35).

вопрос о погибших в польском плену практически был предан забвению еще, наверное, и потому, что в этой кампании Россия потерпела поражение, определенная доля ответственности за которое, как вытекает из доступных материалов, может быть возложена и на И. В. Сталина как члена реввоенсовета Юго-Западного фронта, не выполнившего своей основной задачи по взятию Львова. А вспоминать о проигранных сражениях и обо всем, что с этим связано, никто не любит. После Второй мировой войны вопрос о пленных также не поднимался, поскольку в соответствии с действовавшей в то время установкой высшего партийного руководства считалось неуместным и политически вредным обвинять в чем-то Польшу, ставшую теперь близким союзником.

И только лишь спустя 70 лет в 90-е гг. прошлого века после облегчения доступа к архивам объективные исследователи и публицисты в своих статьях, появившихся в 1993–1995 гг.¹, стали мало-помалу открыто говорить о страшной судьбе российских солдат в польском плену. При этом преследовалась цель обратить внимание российской и одновременно польской общественности, научных кругов обеих стран на существование во взаимоотношениях не менее острого и болезненного вопроса для России, нежели печально известная катынская трагедия для поляков. К этому времени исчез основной сдерживающий фактор: вместе с ликвидацией Организации Варшавского договора перестали существовать союзнические отношения между Россией и Польшей. Такова краткая предыстория активизации вопроса о пленных советско-польской войны, которая превратилась в постоянную тему российских газет и журналов. Хотя трагедия в Катыни и гибель российских пленных в польских лагерях — это две совершенно разные проблемы, которые должны решаться и решаются не в связке, а отдельно, однако нельзя отрицать, что их объединяет одна общая черта — гибель десятков тысяч людей. В этом смысле можно и нужно говорить об общности двух трагических эпизодов в истории двух стран.

¹ Одной из первых была документальная публикация «Красноармейцы в аду польских концлагерей» в Военно-историческом журнале № 12 за 1993 г.

Изложим нашу точку зрения на проблему военнопленных, остановившись только на ее основных моментах.

1. До сих пор существуют расхождения по поводу численности взятых в плен и там умерших красноармейцев. Российские и польские исследователи оперируют данными, которые значительно разнятся. Дело в том, что в то время не велось централизованного подсчета погибших в плену, по крайней мере в польских архивах такой цифры пока не обнаружено. Что касается российских архивов, то отправным документом на этот счет остается нота народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерина от 9 сентября 1921 г., направленная в польскую дипломатическую миссию в Москве. В этой ноте на польские власти возлагалась «страшная громадная вина... в связи с ужасным обращением с российскими пленными» и отмечалось, что «в течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч»¹. Эти данные мы не можем ставить под сомнение, тем более что другой источник — информация находившейся в Варшаве Российско-украинской делегации (РУД), занимавшейся вопросами содержания и репатриации военнопленных, по сути дела, практически подтверждает упомянутое в ноте количество погибших². Поэтому цифра в 50–60 тыс. солдат, умерших в польском плену, представляется вполне реальной. Некоторыми российскими исследователями, работавшими в российских и польских архивах, высказывается мнение, что число попавших в плен и там умерших намного больше³.

Почему так важно определить общее число пленных? Имеются официальные данные о том, сколько вернулось из пле-

¹ ДВП СССР. М., 1960. Т. 4. С. 319.

² АВР РФ. Ф. 384. Оп. 6. П. 207. Д. 18910. Л. 186.

³ Михутина И. В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919–1921 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 3; Матвеев Г. Ф. Настало время «товарищей считать» // Парламентская газета. 2001. 21 марта. В этой статье автор, ссылаясь на сводки оперативного отдела верховного командования польской армии, сообщает, что всего в 1919–1920 гг. в плену оказалось св. 206 тыс. военнослужащих Красной армии; Матвеев Г. Ф. Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1921 годах // Новая и новейшая история. 2006. № 3.

на, а их примерно 75 тыс. или немного больше¹. Следовательно, чем выше будет численность военнопленных, тем больше, естественно, возрастает число погибших в польских лагерях. Что касается польских исследователей, то они приводят явно заниженные данные, когда утверждают, что в плену умерло примерно 16–18–20 тыс. человек². Называемая польскими исследователями цифра погибших в плену, по нашему мнению, далека от действительности, ее можно объяснить не иначе, как чисто престижными соображениями, а также, видимо, опасениями, что Москва в будущем может предъявить материальные претензии в связи с гибелью российских граждан в польском плену.

2. Ознакомление с архивными материалами свидетельствует о том, что причиной большой смертности российских пленных были в первую очередь очень тяжелые условия, в каких они оказались в специальных концентрационных лагерях (в то время лагеря для пленных или интернированных повсеместно назывались концентрационными, но это название не имело того зловещего смысла, который им был придан позднее при гитлеровском режиме в Германии). Отмечается жестокое, унижающее человеческое достоинство отношение к российским пленным, их систематические избиения; антисанитарные, скотские условия проживания, непригодность помещений к зиме, питание впроголодь; отсутствие элементарной медицинской помощи, одежды и обуви, изымаемых при пленении по обычаю того времени. В результате, по халатности и из-за преступного бездействия польской стороны, в лагерях широкое распространение получили различные болезни и эпидемические заболевания (дизентерия, тиф, холера) с громадным процентом смертности.

В каких бытовых условиях оказались российские пленные, засвидетельствовано во многих документах, в том числе и в документах польских архивов. В соответствии с принятой нами

¹ См.: Заключительный отчет Российско-украинской делегации (РУД). 1923. Февраль (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 105а. Д. 39. С. 2–4).

² *Karpus Z. Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924.* Toruń, 1997. S. 168.

системой изложения приведем наиболее характерные выдержки из них.

Из справки атташе полпредства РСФСР в Польше Е. Пашуканиса «Репатриация русских и украинских военнопленных и гражданских интернированных лиц из Польши»:

10 августа 1921 года¹

[...] По заявлению с польской стороны к 1-му сентября будут эвакуированы все русско-украинские военнопленные. Если сравнить сумму уже возвращенных и подлежащих возвращению пленных (75.000) с той цифрой пленных, которую указывали поляки весной 21 г. (100.000), то если даже скинув известный процент бежавших из плена, мы получим ужасающую цифру смертности [...]

Дисциплинарные наказания, применяемые к военнопленным, отличаются варварской жестокостью. Помещение для арестованных в одном лагере представляет собой каморку 2-х кубических сажень, похожую по своему состоянию на хлев для скота. В этот карцер сажают от 10 до 17 человек [...] Помимо этих жестоких мер наказания в лагерях процветает палочная и кулачная расправа над военнопленными [...] Попытки нашей делегации смягчить режим в лагерях, проведя общее положение о правилах внутреннего распорядка, разбивались о саботаж польской делегации.

* * *

*Вербальная нота полпредства РСФСР в Польше
министерству иностранных дел Польской Республики*

6 января 1922 года

Российское правительство уже неоднократно вынуждено было обращать внимание польского правительства на чрезвычайно тяжелое положение российских военнопленных в Польше. К сожалению, в настоящий момент, уже почти год после подписания мирного договора со стороны польских властей русские военнопленные встречают все еще отноше-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 215. Д. 52633. Л. 3, 5, 6.

ние, которое является совершенно невероятным проявлением грубости, издевательства и жестокости. 29 декабря 1921 г. российско-украинская делегация Смешанной репатриационной комиссии в отношении своих за №№ 4414 и 4415 сообщила польской части делегации о совершенно недопустимых условиях существования российских военнопленных и интернированных в лагере Стржалково¹ [...] Во всех своих представлениях по поводу ненормальных и тяжелых условий существования российских военнопленных в Польше неоднократно приходилось указывать на тяжелое положение именно в лагере Стржалково. Причем чрезвычайно тяжелые объективные условия существования в этом лагере в виду крайней неблагоустроенности его отягощаются еще совершенно нечеловеческим отношением к пленным со стороны администрации лагеря [...]

Избиение военнопленных составляет постоянное явление, и нет возможности регистрировать все эти случаи. Российско-украинская делегация в целом ряде отношений приводила длинные списки избитых пленными. Все эти избиения не только не остаются безнаказанными, но и до настоящего времени вопреки постановлению Смешанной репатриационной комиссии не опубликован приказ от 6 августа 1921 г., запрещающий бить пленными, и таким образом тормозится борьба с этим преступным отношением к пленным.

По всякому поводу к пленным применяется арест, причем условия его чрезвычайно тяжелы. К арестованным насильно применяют методы прогулки, которые являются не облегчением для них, чем должна быть прогулка, а обдуманной пыткой и издевательством. Арестованных ежедневно выгоняют на улицу и вместо прогулок обессиленных людей заставляют под команду бегать, приказывая падать в грязь и снова подниматься. Если пленные отказываются ложиться в грязь или если кто-нибудь из них, исполнив приказание, не может подняться, обессиленный тяжелыми условиями своего содержания, то их избивают прикладами [...]

¹ Здесь и далее речь идет о лагере Стшалково.

Российское посольство выражает свой категорический протест против невероятных условий содержания, против издевательств и жестокостей, применяемых по отношению к российским гражданам и выражает твердую уверенность, что преступные действия со стороны администрации лагеря Стржалково не останутся без строжайшего наказания.

Одновременно Российское посольство заявляет, что Российское правительство не может допустить подобного отношения к своим гражданам. Российское правительство твердо уверено, что незамедлительно будут приняты польским правительством решительные меры, обеспечивающие российским гражданам, находящимся в польских лагерях, должного к себе отношения, отвечающего принципам международного права¹.

Выдержки из Обзора о деятельности Российско-украинской делегации с апреля 1921 г. по 15 февраля 1923 г.²

[...] О положении наших военнопленных в Польше писалось в свое время очень много, но РУД ввиду исключительно кошмарных условий плена не может обойти их положение молчанием.

Может быть, ввиду исторической ненависти поляков к русским или по другим экономическим и политическим причинам военнопленные в Польше не рассматривались как обезоруженные солдаты противника, а как бесправные рабы. Жили военнопленные в построенных германцами старых деревянных бараках. Пища выдавалась негодная для потребления и ниже всякого прожиточного минимума. При попадании в плен с военнопленного снимали все годное к носке обмундирование, и военнопленный оставался очень часто в одном лишь нижнем белье, в каком и жил за лагерной проволокой. Что эта картина не преувеличена, явствует из копии протокола заседания Смешанной комиссии. Так, в протоколе XI заседания от 28 июля 1921 г. черным по белому написано: «Обмундирование военнопленного

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 102. Д. 4. Л. 267–269.

² Там же. П. 105а. Д. 39. Л. 2–4.

плохое, нередко случаи, что красноармейцы находятся в лагере буквально без всякой одежды и обуви и даже нижнее белье почти отсутствует [...]».

Чтобы не создавалось впечатления, что приводятся только документы заинтересованной российской стороны, сошлемся также и на нейтральный источник.

Делегация Ассоциации христианской молодежи (сейчас ассоциированный член ООН — ИМКА), посетившая Польшу в октябре 1920 г., свидетельствовала в своем отчете, что советские пленные содержались в помещениях, непригодных для жилья, с окнами без стекол и сквозными щелями в стенах, без мебели и спальных приспособлений, размещались на полу, без матрацев и одеял. К тому же, подчеркивалось в американском отчете, в польской армии вошло в систему при пленении отбирать у сложивших оружие одежду и обувь. Так, в лагере при штабе 18 дивизии, который довелось посетить американцам, пленные были босыми и вообще без одежды. В рабочих командах 40–60 % людей не имели белья и одежды. Раненых в лагере Тухоля не перевязывали по 2 недели. Смертность от ран, болезней и отмораживания была такова, что, по заключению американских представителей, через 5–6 месяцев в нем не останется никого¹.

Много аналогичного содержания документов хранится и в Центральном военном архиве в Варшаве. Приведем некоторые из них.

*Рапорт представительства военного министерства
в IV отдел Министерства, секция пленных
Полевая почта 53, 2 декабря 1920 г.
№ 145292/сан.*

Вышеозначенная копия документа иллюстрирует порядки, царящие в отделах и распределительных пунктах пленных, находящихся на территории, бывшей ареной военных действий.

¹ Цит. по: *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994. С. 235.

Вследствие недостаточного питания, отсутствия одежды и плохих ниже всяких требований гигиены помещений пленные обладают настолько малой сопротивляемостью к всякого рода инфекционным заболеваниям, что подвергаются ими в массовом порядке, особенно они в высокой степени подвержены инфекции в темных и грязных помещениях при непосредственных взаимных контактах.

Сейчас постоянно усиливаются эпидемии возвратного и сыпного тифа. Очаги холеры остаются постоянными и по причине плохих условий не могут быть ликвидированы (распределительный пункт Брест-Литовск).

Вышеуказанное положение угрожает переполнением военных госпиталей. Следует считаться с тем, что все пленные (почти без исключения) подвергнутся указанным выше эпидемиям, а смертность среди них может достичь очень высокого уровня [...]

В целях предотвращения такого положения необходимо:

- 1. Обеспечить всех пленных на территории, бывшей ареной военных действий, полной солдатской нормой питания по списку «В».*
- 2. Строгий хозяйственный контроль [...] в целях исключения злоупотреблений.*
- 3. Обеспечить пленных теплой одеждой.*
- 4. Обеспечить все рабочие отряды пленных соответствующими отопляемыми помещениями, матерчатými матрацами, сенниками и т. п.*

Если вышеизложенные требования не будут выполнены, то следует считаться с фактом, что все пленные, находящиеся на территории, бывшей ареной военных действий, подвергнутся эпидемическим заболеваниям.

Подпоручик-врач Рогульский¹

И еще один весьма характерный документ.

Ротмистр Тадеуш Томашевский

Варшава, 12 ноября 1920 г.

Командованию 1 дивизиона военной жандармерии в Варшаве.

Докладываю, что, будучи направленным по приказу командования военной жандармерии в Пулавы для участия в комис-

¹ SAW. експ. 102. Перевод с польского.

сии по проверке эскадрона 2 военного дивизиона, обнаружил следующее: большевистские пленные распределительной станции в Пулавах, барак которых находится рядом с бараками эскадрона [...] жестоко голодают, что заставляет их собирать на помойке гнилой картофель и очистки.

По словам командира эскадрона, эти пленные с большой жадностью поедают крошки хлеба в помойке, которым кормят домашнюю птицу, и даже отнимают у собак обглоданные кости, что свидетельствует о последней стадии голода.

По мнению командира эскадрона поручика Метцгера, это является следствием халатных и неумелых действий руководства распределительной станции.

Одновременно среди пленных наблюдается большая смертность.

О вышеизложенном докладываю в порядке информации и получения дальнейших указаний.

Томашевский, ротмистр¹

Вышеприведенные документы полностью подтверждают характеристики условий, существовавших в польских лагерях для российских пленных, даваемые в документах российских архивов.

Находившаяся в Варшаве русско-украинская делегация чуть ли не ежедневно требовала от польской стороны улучшить положение военнопленных. Во всех протоколах заседаний Смешанной комиссии зафиксированы такие требования РУД.

Выжить в подобных условиях было крайне сложно. Смертность пленных была чрезвычайно высокой², особенно в первую зиму пленения — в 1920/1921 г. Особой жестокостью обращения

¹ SAW, Oddz. 1. Mob. Org. Sztabu MSW № 1.300. 7. 276, załącznik 14. Перевод с польского.

² Сложно подобрать критерии, чтобы определить, какой процент смертности военнопленных в лагерях являлся бы нормальным. Все же для сравнения укажем, что смертность немецких военнопленных на территории СССР в лагерях и госпиталях в декабре 1945 г. составила 0,82 % от их общего числа (Отечественная история. 1997. № 56. С. 166).

и особо тяжелыми условиями отличались лагеря в Стшалково (около Познани) и Тухоле (около Быдгощи)¹. Причем за последним закрепилось название «лагерь смерти». Именно об этом лагере информировал руководство военного министерства 1 февраля 1922 г. начальник 2 отдела генштаба польской армии полковник И. Матушевский:

«Эти побеги вызваны условиями, в которых находятся коммунисты и интернированные (отсутствие топлива, белья и одежды, плохое питание, а также долгое ожидание выезда в Россию). Особенно прославился лагерь в Тухоле, который интернированные называют «лагерем смерти» (в этом лагере умерло около 22.000 пленных красноармейцев)»².

Обратите внимание на приводимую в этом донесении цифру — «около 22 000 пленных», и это в одном только лагере, хотя нынешние польские исследователи утверждают, что во всех лагерях в то время умерло не более 18–20 тыс. пленных. Таким образом, данная информация начальника 2 разведывательного отдела генерального штаба польской армии, позднее министра, полностью разрушает нынешнюю польскую концепцию о числе погибших пленных. В публикуемых сейчас в Польше сборниках материалов данный документ в нарушение общепринятых норм историографии не приводится³.

¹ Об этом свидетельствует, в частности, письмо польским властям интернированных русских офицеров генерал-майора Асинова и капитана Васильева от 21 декабря 1921 г., выдержка из которого приводится ниже: «Высылайте нас, куда угодно, и если Вы против нашей высылки на Запад, мы решимся на последнее: отправление в Советскую Россию, но только не в лагерь Тухоля» (CAW, № 1775/89/209, teczka 4, 282/3/4).

² Документы и материалы... М., 1966. Т. 4. Примечание 2. С. 138. Данный факт приводится также польским историком Е. Куманецким (см.: *Kumaniński J. Repatriacja polaków po wojnie polsko-radzieckiej w latach 1921–1924. Przegląd Wschodni*. Т. 1. Z. 1. 1991. S. 138).

³ За исключением, пожалуй, польского историка Е. Куманецкого (см. сноску 2).

3. Несколько слов о расстрелах поляками российских плен-ных. Подобные факты действительно имели место, их односто-роннее отрицание уже не может никого убедить. О таких слу-чаях имеются показания самих поляков. Так, А. Велевейский в популярной польской «Газете выборчей»¹ сообщил о прика-зе генерала В. Сикорского, премьера в годы Второй мировой войны, расстрелять из пулеметов 300 российских пленных, а также о приказе будущего генерала Пясецкого не брать жи-выми в плен красноармейцев. В нашей печати неоднократно помещалась информация, основанная на заявлениях отдель-ных лиц о том, что во время этой войны пленные часто исполь-зовались в качестве мишеней для стрельбы². Ради объективно-сти скажем, что факты расстрела пленных имели место с обеих сторон.

4. И, наконец, самый важный вопрос сегодняшнего дня — вопрос об ответственности. В подавляющем большинстве поль-ских публикаций о войне 1919–1920 гг. хотя и не отрицается сам факт гибели в лагерях российских военнопленных, но ка-тегорически отмечается какая-либо ответственность польской стороны за их смерть. При этом обычно ссылаются на объек-тивные обстоятельства: польская государственность только складывалась, страна с 1914 г. была театром военных действий, экономика находилась в разрухе, ощущался большой недоста-ток одежды и обуви, приспособленных для жилых помещений, продовольствия, медицинского персонала и лекарств, топлива и т. д. Эти объяснения, конечно, должны приниматься во вни-мание, перечисленные обстоятельства способствовали возник-новению в лагерях эпидемий с большим смертельным исходом. Все это так, хотя в России в то время условия были не менее тяжелые, однако санитарное состояние российских лагерей, где содержались польские пленные, было в основном сносным³.

¹ Gazeta Wyborcza. 23.02.1994 г.

² См., например: Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 22; 2001. № 2 (Филимошин М.В. Десятками стреляли за то, что выглядели как большевики).

³ См.: Симонова Т. Поле белых крестов // Родина. 2001. № 4. С. 38.

И еще одно замечание: в Польше голода не было, а в России — был. Но вся эта бесспорно сложная обстановка в Польше не может освободить ее от вины за высокую смертность красноармейцев в лагерях. Суть проблемы лежит в иной плоскости. По обычаям войны, закрепленным Гаагскими международными конвенциями о законах и обычаях сухопутной войны 1899 и 1907 гг. (Россия была участницей этих конвенций, их действие, следовательно, автоматически распространялось и на Польшу как часть России в то время), с момента пленения красноармейцев за их дальнейшую судьбу, по духу конвенции, отвечало правительство, во власти которого они находились, т. е. Польша. Поэтому ответственность за смерть российских солдат в плену сейчас, наверное, больше моральная, невзирая ни на какие смягчающие объективные обстоятельства, сохраняется и всецело лежит на польской стороне. Признание данного факта является делом профессиональной честности польских историков.

В этом деле имеется еще один аспект морального характера. Поляки, как известно, по своим религиозным убеждениям относятся к католикам. Однако почему-то измученные, больные, одетые в рвань плененные солдаты противника, также в большинстве христиане, не вызывали в Польше чувства христианского милосердия, «милости к падшим». Отсюда и общее отношение к пленным в лагерях.

5. Вместе с тем было бы неправильным говорить о том, что польская сторона вообще не принимала никаких мер по обеспечению в лагерях приемлемых условий содержания. Имеющиеся в Центральном военном архиве в Варшаве приказы и распоряжения военного министра и его заместителей (в том числе и об утверждении норм питания) свидетельствуют о том, что коменданты лагерей и начальники так называемых распределительных станций получали на этот счет строгие инструкции, время от времени производились проверки лагерей военнопленных, в результате которых также указывались недостатки и накладывались наказания на особенно недобросовестных представителей военной администрации.

Приведем один из приказов такого рода.

*Военное Министерство
Варшава, 7 декабря 1920 года
Управлению Военного министерства, отдел IV*

До меня дошли сведения о том, что обстановка, царящая в рабочих отрядах пленных, расположенных на территории всех генеральных военных округов, оставляет желать лучшего.

Невыплата заработанных денег, побои пленных, размещение их в непригодных для жилья постройках и плохое питание — таковы часто имеющие место факты, которые бросают тень на военные власти и дискредитируют их в глазах цивилизованного мира [...]

Вышеуказанные распоряжения представляют собой последнее предупреждение. В случае повторения в будущем новых нарушений, я буду привлекать к суровой ответственности не только непосредственных командующих отделами, но и их начальство в генеральных военных округах.

*Военный министр,
генерал-поручик Соснковский¹*

Однако приказы и распоряжения сверху, неоднократно доводившиеся до сведения ответственных за функционирование лагерей лиц, зачастую не выполнялись, несмотря на строгие формулировки и указываемые конкретные сроки наведения порядка в лагерях, в том числе и самого военного министра. И только после заключения мирного договора и целой серии настойчивых официальных протестов российской стороны летом 1921 г. стали приниматься более или менее эффективные меры, но смерть уже собрала в лагерях свой обильный урожай.

6. Может возникнуть вопрос, почему сейчас так необходимо, чтобы польская сторона спустя столько времени признала свою ответственность за большую смертность в плену красноармейцев? Речь идет в первую очередь о восстановлении исторической правды и памяти о погибших². Это не какая-то искусственная

¹ SAW, eksp. 103, 103984/IV. Перевод с польского.

² Хорошим примером для подражания может стать недавнее установление памятника украинцам, скончавшимся в 1918–1921 гг. в лагере военнопленных и интернированных в Кракове (Rzeczpospolita. 2–3.09.2000).

«Антикатынь» и, тем более, ни в коей мере не предмет своеобразного аморального торга, в чем обвиняется российская сторона. Дело имеет еще одну, не менее глубокую подоплеку. Можно сказать, что в глазах российской общественности польская политическая элита, включая представителей польской историографии, проходят в настоящее время своеобразный тест своей готовности сказать всю правду о своем историческом прошлом во имя установления нормальных добрососедских отношений¹. До сих пор многое свидетельствует о том, что пока она не созрела для этого и продолжает упорно придерживаться версии о своей полной непричастности к гибели десятков тысяч людей. Остается неизменной ее позиция, нашедшая отражение в недостаточно аргументированном, на наш взгляд, отклонении в 1998 г. официального обращения Генерального прокурора РФ о проведении расследования обстоятельств гибели российских военнопленных в польских лагерях.

На наш взгляд, сейчас сложилась довольно парадоксальная ситуация: Россия и Польша в своем отношении, в частности, к гибели красноармейцев в польском плену теперь как бы поменялись местами. Нынешняя позиция Варшавы по данному вопросу напоминает позицию официальной Москвы, которая в течение продолжительного времени не признавала своей ответственности за катынскую трагедию. Как представляется, в деле о гибели российских военнопленных нам следовало бы в определенной степени повторить шаги польской стороны, которые она в свое время предпринимала по актуализации катынской проблематики, в том числе, возможно, и на парламентском уровне. А польская сторона, видимо, должна пройти путь, который совершила Россия в связи с катынской трагедией вплоть до признания своей вины и принесения официально покаяния.

¹ Пока только отдельные польские исследователи решаются сказать правду о смертности российских пленных. Примером может служить книга польского историка В. Ольшевского «Большевистские пленные и интернированные заключенные, умершие в лагере Стшалково в 1919–1921 гг.», появившаяся в Польше в 2012 г.

Заключение и выводы

Имеющиеся архивные документы свидетельствуют, что в польских лагерях погибло не менее 60 тыс. российских военнопленных. Но если даже принять польскую версию, то 18–20 тыс. человеческих жизней — это тоже громадная цифра, требующая специального расследования и ответа польской стороны на ряд неприятных для нее вопросов.

Несомненно, и с правовой, и человеческой точек зрения ответственность за это полностью лежит на польской стороне. Попытки польских публицистов и исследователей всячески обелить недостаточно эффективные действия тогдашних властей ставит ее в двусмысленное положение и наводит на мысль, что политические и идеологические факторы в формировании их позиции довлеют над здравым смыслом и исторической правдой. Вместе с тем, наверно, нет оснований обвинять польскую сторону в проведении какого-то осознанного курса на истребление пленных, в геноциде, хотя отдельные признаки такого курса можно обнаружить. Речь идет не о преднамеренных убийствах российских солдат, а скорее, скажем, об отсутствии особого желания повседневно заниматься делами по обеспечению пленным более или менее сносного существования, спасению жизней, оказавшихся в ее власти людей от холода, голода и болезней. С этой точки зрения католическую Польшу можно также обвинять в нарушении норм христианского милосердия к своему ближнему.

Достойным выходом польской стороны из создавшегося положения было бы, как представляется, признание своей, вольной или невольной, причастности к смерти десятков тысяч людей, а как следствие этого — принесение покаяния, как это сделала российская сторона в отношении катынской трагедии. Надо сказать, что принесение покаяния не является каким-то неизвестным актом для польской стороны. Ведь прозвучали в 1966 г. слова покаяния польской католической церкви за жестокие действия поляков в отношении немцев, а в 1998 г. по государственной линии — в отношении евреев и украинцев. Нежелание польской стороны совершить аналогичный

шаг в отношении России, в частности в отношении российских пленнх войны 1919–1920 гг., является, кроме всего прочего, отступлением от принятого, как свидетельствует вышеизложенное, польской стороной курса, направленного в конечном счете на примирение.

Имеющая место между российскими и польскими историками полемика относительно гибели пленнх красноармейцев носит, к сожалению, бесплодный характер, когда оппоненты не слышат друг друга и не воспринимают доводов другой стороны. Поиску рационального решения препятствует как излишняя эмоциональность, так и, главное, отсутствие политической воли.

4. Возврат польских культурных ценностей

Вопрос о возврате Россией культурных ценностей польского происхождения до сих пор то и дело затрагивается польской стороной. Речь идет о предметах национально-исторического достояния Польши, которые в силу разных причин оказались на территории России. Начиная, в частности, с произведений искусства и архивов, захваченных в качестве военных трофеев после взятия войсками А. В. Суворова Варшавы в 1794 г., и кончая последующими «займствованиями» царских наместников в Польше. Но основное число польских материальных и культурных ценностей оказалось в России в результате их эвакуации во время Первой мировой войны в 1914–1915 гг., когда русская армия вынуждена была отступить из Польши.

Ради объективности следует особо отметить, что вопрос о возвращении польских культурных ценностей возник по инициативе самой российской стороны непосредственно после Октябрьской революции 1917 г., еще до провозглашения независимости Польши в 1918 г. и заключения Рижского мирного договора 1921 г. Так, Декретом от 28 ноября 1917 г. был образован Комиссариат по польским делам, а 17 (30) января 1918 г. Советом народных комиссаров принимается декрет, в котором регламентировалось, что

«предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились, принимаются как национальная собственность польского народа под охрану власти Рабочего и Крестьянского Правительства

в лице Комиссариата по Польским Делах и Общества Охранения Древностей до передачи их польским народным музеям»¹.

В соответствии с этим декретом были приняты энергичные меры по выявлению, учету и сохранению ценностей польской культуры на территории России, что позволило позднее передать Польше в сохранности многие культурные ценности в соответствии с XI статьей Рижского мирного договора 1921 г.²

Возврат ценностей культуры и искусства является чрезвычайно редким явлением в международной практике вообще и в истории Польши в частности. Это тем более повышает значение готовности российской стороны вернуть вывезенное имущество, что так и не было по достоинству оценено польской стороной ни в то время, ни сейчас. На данный факт обратил внимание еще в 1923 г. председатель российско-украинской делегации по переговорам с Польшей П. Л. Войков, впоследствии полпред в Варшаве, который писал:

«При иных условиях и в другой обстановке, самый факт столь лояльной выдачи этих предметов минувшей истории и культуры Польши мог бы послужить залогом прочных отношений двух сторон. Но при настоящем положении вещей вся эта работа по возвращению столь ценного в историческом и культурном отношении имущества вызывала или торжественную шовинистическую шумиху белопольской печати, празднующей якобы новую победу над большевиками, или просто замалчивалась, как ничего вообще не имеющее места. Не смущаясь ни тем, ни другим, мы вели свою работу»³.

Здесь в порядке контраста следует отметить, что другие европейские государства в подобной ситуации занимают непримиримо жесткую позицию в отношении польских требований. Они сразу же дают понять, что культурные ценности, вывезен-

¹ ДВП СССР. М., 1957. Т. 1. С. 95.

² ДВП СССР. М., 1959. Т. 3. С. 629–632.

³ АВП РФ. Ф. 0384. Оп. 6. П. 209. Д. 18918. С. 76.

зенные ранее с польской территории, являются их военными трофеями и в этом качестве ни в коем случае возврату не подлежат. Так, шведская сторона в период Семилетней войны в XVIII в. вывезла типографские и художественные ценности из польских библиотек и хранилищ; во время наполеоновских войн (1805–1809) по приказу австрийского правительства польские коллекции фарфора и керамики были отправлены в Вену; в 1810–1811 гг. по указанию Наполеона часть архивов Варшавы и других польских городов были перевезены в Париж; прусское правительство в 1835–1839 гг. перевезло в Берлин ценную библиотеку Э. Рачиньского из великого герцогства Познанского¹. Однако, когда польская сторона в 20-е гг. прошлого века обратилась к этим странам с просьбой вернуть ценности, полагая, что те поступят так же, как и Россия, то встретила с решительным отказом.

Конкретно вопросами передачи культурных ценностей занималась созданная в 1921 г. смешанная российско-украинско-польская комиссия. В результате работы комиссии подавляющее большинство претензий польской стороны было удовлетворено или разрешено полюбовным образом путем предоставления равноценного эквивалента. Вместе с тем некоторые польские претензии были отклонены. Это касалось, в частности, документа, известного как Литовская метрика². Эксперт российско-украинской делегации В. Пичета, впоследствии известный академик, писал по этому поводу:

«[...] Российско-украинская экспертиза не без горечи и сожаления ознакомилась с требованиями польской делегации о выдаче так называемой Литовской, вернее украинско-белорусской, метрики. Оставляя в стороне объективные основания, по которым это требование польской стороны не может быть удовлетворено, российско-украинская экспертиза считает со своей стороны нравственно обязанной отметить, что Литовская

¹ Там же. Оп. 1. П. 102. Д. 17659. Л. 30.

² Литовская метрика — собрание документов, включающее в себя около 700 книг на русском, польском и латинском языках.

метрика для белорусов и украинцев является таким же памятником прошлой их жизни, как Коронная метрика для поляков... Пусть каждый из народов возьмет себе то, что отражает его исторический облик, пусть каждый из них поднимается на высоту вечного и признает за другим народом то, чего он требует по отношению к самому себе»¹.

Передача ценностей польской стороне особо не рекламировалась, чтобы не вызвать в обществе нареканий о разбазаривании средств. Об этом свидетельствует помещаемый ниже документ того времени.

Председателю российской делегации русско-украинско-польской смешанной и реэвакуационной комиссии тов. Войкову

*Уважаемый товарищ,
по вопросу о фотографировании ящичков с рукописями, передаваемыми Польше, Управление Уполномоченного Наркоминдел в Петрограде считает нужным сообщить нижеследующее:*

Управление не возражало и не возражает против самого факта фотографирования ящичков для альбомов Публичной библиотеки для воспоминания о потерянных ценностях, для истории и для других надобностей.

Помещать же снимки в газетах и журналах как Управление, так и Петроградское ГПУ считают совершенно невозможным по политическим соображениям, так как появление в газетах и журналах снимков передаваемых нами культурных ценностей немедленно даст богатую пищу для контрреволюционной агитации и для обычного в таких случаях шипения разных гадов о «распродаже России» и т. п.

Не желая давать легальных поводов туземной и зарубежной контрреволюции для злобного шипения и изливания помойного красноречия и считаясь с тем, что широкие обывательские массы, не вдаваясь в детали, легко поддаются на всякие слухи и толки о вывозе ценностей и документов в совершенно неблагоприятном для нас освещении, мы полагаем, что нет никакого

¹ АВП РФ. Ф. 0384. Оп. 1. П. 102. Д. 17658. Л. 13–17.

смысла путем печатания в газетах снимков беспокоить затянутое тиной обывательское болото и надавливать именно на те кнопки обывательского тупоумия, которые от самого легкого нажима обольют нас же самих потоками грязи.

Мы полагаем, что и Вы вполне согласны с нашей точкой зрения, которая отражает также и вполне категорическое суждение Петроградского госполитуправления.

Уполномоченный НКВД в Петрограде

Дашкевич

Заведующий правовым отделом

М. Яновский

2 апреля 1923 г.¹

Российско-украинской делегацией был представлен в ЦК ВКП (б) доклад об итогах ее работы в 1921–1923 гг. В докладе в главах «Музейное имущество», «Архивное имущество» и «Библиотеки и рукописные собрания» подробно излагается ход переговоров с польской стороной, перечисляются, какие культурные и художественные ценности были выданы польской стороне, а какие были предметом спора. Доклад завершается следующими выводами председателя РУД:

«Так как Рижский договор не предусматривает никаких санкций за его неисполнение и так как во всяком случае при разногласиях сторон по какому-либо вопросу никаких третейских судей не устанавливается, то дела, по которым не достигнуто соглашения, таковыми и останутся. Таким образом, Литовская метрика, Киевский центральный архив, Кременецкий музей останутся у нас и о них будут разговаривать дипломаты на худой конец следующие десятилетия [...] в делах по выдаче культурного имущества: музейного, библиотечного и архивного мы лояльно и без ненужных споров удовлетворили почти всю безмерную совокупность требований Польши»².

¹ АВП РФ. Ф. 0384. Оп. 1. П. 103. Д. 17662. Л. 67.

² Доклад «Два года работы российско-украинской делегации смешанных российско-украинско-польских реэвакуационной и специальной комиссий по исполнению Рижского мирного договора. 1921–1923». М., 1923. С. 76.

Окончательная черта под вопросом о возвращении Польше культурных ценностей была подведена в Генеральном соглашении, подписанном 16 ноября 1927 г. В этом документе был зафиксирован следующий важный момент:

«Стороны соглашаются, что с момента подписания сего Соглашения ими не могут быть заявляемы никакие новые требования и претензии, основанные на статье XI Рижского Мирного Договора и Приложении № 3 к сему Договору»¹.

Заключение и выводы

Российская сторона добросовестно выполнила взятые на себя по Рижскому мирному договору 1921 г. обязательства о возврате предметов польской культуры и искусства. Данный вопрос в наших отношениях с Польшей полностью и окончательно закрыт с правовой и моральной точек зрения.

Вместе с тем следует подчеркнуть один момент. В наших отношениях с Польшей вопрос о возврате культурных ценностей всегда носил и продолжает носить односторонний характер. Какие-либо встречные иски с нашей стороны не имели места, хотя из истории известно, что поляки занимались грабежами и в Смутное время XVII в. в Москве и других российских городах, и вместе с Наполеоном в 1812 г., так что унесли или уничтожили они немало. Кроме того, кое-что из вывезенного после Октябрьской революции, а также из похищенного у нас немцами во время войны могло осесть на территории Польши. Однако, к сожалению, нами никаких списков разграбленных и утраченных ценностей своевременно не составлялось и тем более каких-либо требований к польской стороне не предъявлялось.

¹ ДВП СССР. М., 1965. Т. 10. С. 617.

РАЗДЕЛ III

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ РИЖСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА (1921–1939)

1. Краткий обзор отношений с Польшей после заключения мирного договора 1921 г.

Подробный анализ советско-польских отношений в 20–30-е гг. XX столетия не являлся первоначально предметом данных очерков. Однако, чтобы не прерывалась «связь времен», все же было сочтено целесообразным хотя бы в кратком изложении представить свое видение наиболее характерных и недостаточно исследованных событий этого периода.

Двусторонние связи складывались непросто под сильным негативным воздействием результатов войны 1919–1920 гг. Полученный советской стороной комплекс поражения заставлял ее опасаться повторного вооруженного нападения польской армии. Отсюда настороженное отношение ко всем внешнеполитическим и внутриполитическим акциям Польши, рассмотрения их часто только под углом зрения подготовки ею новой войны. Следует сказать, что действия Варшавы давали основания к формированию именно такой позиции Москвы.

Польша, хотя и вышла из войны победительницей, побаивалась реванша со стороны своего восточного соседа, новой попытки использовать польскую территорию в качестве испытательного полигона по реализации идей мировой революции. Именно поэтому, как представляется, в последующие годы Варшава предпринимала активные усилия по созданию и укреплению под своим началом так называемого санитарного кордона, составленного из государств, расположенных вдоль западной границы СССР от Румынии до Финляндии. Создание пресловутого кордона Польша рассматривала как свою историческую

миссию как бы по защите цивилизованной Европы от распространения «заразы большевизма». На таких постулатах строилась вся ее внешняя политика, которая находила не только моральную, но и материальную поддержку ведущих европейских государств — Великобритании и Франции, а порой и инициировалась ими.

В первые после войны годы основное внимание в двусторонних отношениях было уделено выполнению положений Рижского договора 1921 г. Как известно, мира без аннексий и контрибуций, к которому так призывали большевики, на практике не получилось. Польша присоединила Западную Украину и Западную Белоруссию, а вдобавок Россия обязалась заплатить значительную сумму за свое поражение. Этот период пестрит дипломатическими нотами с обвинениями друг друга в нарушении тех или иных статей договора. Причем, как свидетельствует имеющийся в архиве документ 2-го разведывательного отдела генштаба польской армии («Двуйка»), иногда дела польской стороной сознательно велись таким провокационным образом, чтобы затем в нарушении договора можно было обвинить именно Россию¹.

Под воздействием энергичных протестов Москвы после ряда проволочек Варшава в соответствии с мирным договором вынуждена была прекратить деятельность на своей территории наиболее активных представителей российской эмиграции и белых воинских формирований, которые покинули пределы Польши. Таким образом, был в основном ликвидирован главный раздражитель в двусторонних отношениях. В соответствии с положениями мирного договора промышленные предприятия и другие объекты, эвакуированные в годы Первой мировой войны из Польши в Россию, были советской стороной возвращены за небольшим исключением, но с выплатой за это денежной компенсации. Так же честно выполнила свои обязательства российская сторона и в отношении возврата польских культурных ценностей (музейное имущество, библиотеки, архивы и пр.), которые еще в 1918 г. были взяты на строгий учет и тем самым спасены от исчезновения, о чем говорилось в разделе II данных

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 105. Д. 27. Л. 142.

очерков. К сожалению, польская сторона не проявляла столь же бережного отношения к ценностям русской культуры, оставшихся на ее территории.

Предпринимались также усилия по нормализации связей в различных областях. Здесь следует особо подчеркнуть, что инициатива всегда исходила от Москвы. Вслед за установлением дипломатических отношений в 1921 г. после подписания мирного договора ею намечался и ряд других практических шагов, обычно предпринимаемых в таких случаях, — расширение торговых и культурных связей. Эти вопросы неоднократно рассматривались высшей инстанцией — Политбюро ЦК партии. Так, например, решением Политбюро от 15 июня 1923 г. была утверждена общая линия в отношении Польши: ставилась задача добиваться экономического сближения путем заключения выгодного для польской стороны торгового договора с предоставлением ей ряда льгот, а также ликвидации взаимных претензий по мирному договору, в частности установление общей, паушальной суммы платежей Польше. 13 июля 1925 г. так называемая польская комиссия ЦК РКП (б) принимает решение, в котором ставится задача заинтересовать Польшу, в частности, созданием проекта объединения криворожской руды и польского угля (проект был реализован уже после Второй мировой войны), а также подчеркивается целесообразность определенного культурного сближения и создания обществ культурных связей. Однако заинтересовать польскую сторону расширением экономических связей, видимо, не удалось, переговоры о заключении торгового договора затянулись на долгие годы вплоть до февраля 1939 г.

Что касается культурных связей, то их некоторое оживление началось примерно с 1927 г., когда советские исполнители приняли участие в международном конкурсе имени Ф. Шопена в Варшаве, победителем которого стал Л. Оборин. Однако культурные связи не носили постоянного характера, они неоднократно свертывались польской стороной, например в 1929 г. с одновременной изоляцией советского полпредства в Варшаве от местной творческой интеллигенции. А в 1936 г. уже после смерти Ю. Пилсудского польская сторона контакты в культурной области и вовсе прекратила. Вот что писал по этому

поводу член коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоняков, курировавший вопросы отношений с Польшей, полпреду СССР в Варшаве Я. Х. Давтяну в своем письме от 19 апреля 1936 г.:

«Антисоветский курс польской политики не только не ослабляется, но, пожалуй, даже усиливается за последнее время. Польша все больше и больше открыто перед лицом всего польского общества берет курс против всякого сближения с Советским Союзом. Вчера мы имели сообщение о том, что в Польше запрещены какие бы то ни было переводы советской литературы. Ответственный чиновник польского МИД Кавицкий в беседе с бывшим редактором журнала «Пшеглэнд восточный» заявил, что в Польше больше не будут допущены какие бы то ни было советские книги, фильмы, пьесы и т. п. Полпредство сообщает, что Польша отказало в паспортах на поездку в СССР даже польским астрономам, собравшимся наблюдать у нас солнечное затмение. Если эти сведения верны, — а как будто они соответствуют действительности, — то, очевидно, Польша решило взять курс даже против поддержания культурных связей Польши с СССР»¹.

В Москве с крайней настороженностью следили за действиями Варшавы по сколачиванию и укреплению блока лимитрофных государств. Как подтверждение агрессивных намерений Польши было воспринято отклонение ею в 1926 г. предложения заключить договор о ненападении. Военный переворот в Польше в мае 1926 г. и приход к власти старого противника и победителя в войне 1920 г. Ю. Пилсудского был, естественно, воспринят как усиление реальной военной угрозы со стороны Польши.

Обострению отношений между странами способствовали и провокации против дипломатических и консульских представительствах СССР в Польше: убийство полпреда П. Л. Войкова в 1927 г., покушение на торгпреда А. С. Лизарёва в 1928 г., подготовка взрыва здания полпредства в 1930 г., нападения на консульство СССР во Львове в 1933 г.

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 20. П. 173. Д. 2.

Как свидетельствуют документы, в 20-е годы в НКВД (как, видимо, и в Кремле) при оценке международного положения страны считали вполне реальной угрозой военного нападения со стороны Польши. Такой подход просматривается как в документах полпредства в Варшаве, так и в материалах центра. Так, об угрозе нападения со стороны Польши указывается, например, в записке члена коллегии НКВД СССР С. И. Аралова на имя И. В. Сталина от 25 июля 1926 г.¹ Полпред СССР в Польше Д. В. Богомолов в своем письме в НКВД СССР от 12 июня 1928 г. прямо писал о возможности нападения Польши осенью 1928 г. или в 1929 г.²

Однако даже в атмосфере нагнетаемого военного психоза (частично, может, искусственного) директивы полпредству сохраняли известную сдержанность. Член коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоняков в письме полпреду Д. В. Богомолову от 22 июня 1929 г. подчеркивал:

«Мы подвергли сегодня, совместно с работниками Отдела Прибалтики и Польши, пересмотру нашу тактику в отношении Польши в связи с изменениями в соотношении сил, которые принесли события последних месяцев и в особенности падение английских консерваторов. Мы пришли при этом к заключению, что, оставляя по-прежнему в полной силе нашу основную линию разоблачения элементов агрессивности и авантюризма в польской политике в отношении СССР, мы должны сделать, с одной стороны, более сдержанным тон нашего реагирования, и, с другой стороны, — сократить размеры нашего реагирования на факты внутренней и внешней политики Польши»³.

Такая линия укрепилась после подписания в 1932 г. между СССР и Польшей договора о ненападении, который, несомненно, явился большой победой здравого смысла с обеих сторон. Это подтверждается нижеследующими выдержками из дипломатических документов того времени.

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 224. Д. 52822. Л. 15–17.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 12. П. 139. Д. 5. Л. 229.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 225. Д. 52829. Л. 84.

Из письма члена Коллегии НКВД СССР Б. С. Стомонякова
полпреду СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко:

«19 июля 1933 года

12. [...] Как показывают факты, польская политика явно ориентируется на две эвентуальности — войну с Германией при сохранении мира с нами и соглашение с Германией, а, возможно, с Японией, против нас. Мы должны в нашей политике по отношению к Польше учитывать эти две эвентуальности.

Из этого вытекает основная установка в политике СССР в отношении Польши: принять все меры к усилению тех тенденций и сил в Польше, которые ориентируются на первую эвентуальность, и с этой целью всемерно стремиться к укреплению, развитию и углублению наших отношений с Польшей. Проводя эту основную линию в нашей политике в отношении Польши, мы не должны, однако, давать усыплять нашу бдительность, а обязаны, напротив, следить и противодействовать противоположным тенденциям польской политики, стремящимся использовать так наз. «советский козырь» для давления на Германию с целью добиться наиболее выгодного для Польши соглашения с нею»¹.

* * *

Из справки полпредства СССР в Польше

«Польско-советские взаимоотношения» от 5 ноября 1933 г.:

«Подписание пакта² явилось серьезнейшим этапом в деле улучшения польско-советских отношений. Дальнейшее улучшение взаимоотношений создало обстановку, благоприятную для заключения других договоров и соглашений, как: соглашение о пограничном статусе, сплавная конвенция, соглашение о порядке расследования и разрешения пограничных конфликтов [...] Был принят ряд шагов по линии культурного сближения, имели место три наши выставки в Польше [...] советским де-

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 17. П. 164. Д. 2. Л. 87.

² Имеется в виду Договор о ненападении 1932 года.

легациям историков и врачей был оказан в Польше дружественный прием [...]

На ближайшее будущее политика Польши будет, очевидно, заключаться в “балансировании” между Востоком и Западом. Польша будет, по всей вероятности, продолжать политику одновременного улучшения отношений с Германией и СССР. Продолжая линию на сближение с нами, Польша, по-видимому, будет и дальше стремиться не связывать себе руки, учитывая возможность нападения на нас Японии и создания обстановки для осуществления старых великодержавно-федеративных планов Пилсудского за счет Советского Союза»¹.

Определенные надежды на улучшение двусторонних отношений в Москве связывали с осуществлением в 1934 г. ответного визита в СССР министра иностранных дел Польши Ю. Бека. Однако эти надежды не оправдались. Кроме повышения дипломатических миссий до уровня посольств дальше дело не пошло. Тем не менее состоявшийся в ходе визита обмен мнениями внес ясность в перспективу этих отношений. Во время переговоров при рассмотрении вопросов о возможном взаимодействии сторон против фашистской Германии все сделанные предложения на этот счет польской стороной были отклонены. Как писал 19 февраля 1934 г. Б. С. Стомонаков в полпредство СССР в Варшаве о результатах переговоров, «ни на какое сотрудничество с нами против Германии она [Польша] на данном этапе не желает идти»². Практически мало что дал в плане установления полезных контактов по военной линии состоявшийся в сентябре 1934 г. визит отряда советских военных кораблей в Гдыню.

Случайно или нет, но после визита Ю. Бека в Москву примерно с конца 1934 г. в польской внешней политике заметно усиливаются антисоветские акценты, что находит выражение прежде всего в развернувшейся в Польше шумной антисоветской кампании в печати, но не только. На международной арене польская дипломатия явно действует против интересов СССР:

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 17. П. 165. Д. 6.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 18. П. 167-а. Д. 2. Л. 134.

строит козни принятию его в Лигу Наций, стремится помешать наметившемуся советско-французскому сближению, по ряду вопросов блокируется с Германией, Италией и Японией, а в двустороннем плане свертывает связи и т. п.

Завершить обзор хотелось бы изложением весьма примечательного дипломатического эпизода в советско-польских отношениях. 23 сентября 1938 г. в своем официальном заявлении¹ правительство СССР выразило обеспокоенность в связи с сосредоточением польских войск на чехословацкой границе и предупредило, что в случае перехода этими войсками границы и занятия территории Чехословакии правительство СССР без предупреждения денонсирует договор о ненападении с Польшей 1932 г. на основании его 2-й статьи. Это предостережение было вполне правомочно, учитывая существование между СССР и Чехословацкой Республикой договора о взаимопомощи, заключенного в 1935 г. Незамедлительно в этот же день последовал ответ. Вот он:

«[...] 1. Меры, принимаемые в связи с обороной польского государства, зависят исключительно от правительства Польской Республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения. 2. Правительство Польской Республики точно знает тексты договоров, которые оно заключило [...]»².

Ну что тут сказать. Можно, конечно, не обращать внимания на подчеркнуто высокомерный, спесивый тон польского ответа, но содержание ответа объясняет, пожалуй, главное. Во-первых, таким языком не разговаривают с государством, с которым заинтересованы поддерживать добрососедские отношения, и, во-вторых, ответ свидетельствует также о недальновидности и отсутствии большой заинтересованности Варшавы в сохранении упомянутого в советском заявлении договора о ненападении между странами. Данный эпизод имеет продолжение. 30 сентября 1938 г. Польша предъявляет Чехословакии ультиматум,

¹ ДВП СССР. М., 1977. Т. 21. С. 516.

² Там же. С. 523.

требуя передачи ей Тешинской области, а на следующий день польские войска, несмотря на предупреждение СССР, вступают на чехословацкую территорию¹. В истории этот шаг зафиксирован как участие Польши совместно с Германией в разделе Чехословакии, несмотря на вышеупомянутое предупреждение СССР. Советский Союз, как известно, проявил выдержку, так и не осуществил свою угрозу денонсировать договор с Польшей, хотя ее агрессия в Чехословакию состоялась. В то тревожное время делать такой шаг было сочтено нецелесообразным, поскольку могло бы окончательно бросить Польшу в германские объятия, а зря. В результате появилось сообщение ТАСС о советско-польских отношениях от 27 ноября 1938 г., в котором, в частности, подтверждалась действительность договора о ненападении 1932 г.²

Заключение и выводы

Итак, предпринимаемые по инициативе Москвы попытки по нормализации отношений с Польшей, наконец, привели в 1932 г. к подписанию советско-польского договора о ненападении. Это, конечно, был важный шаг. Но заключение этого пакта, к сожалению, в дальнейшем не стало отправной точкой укрепления двустороннего сотрудничества на принципах доверия и добрососедства, а явилось, как оказалось позднее, лишь обычным тактическим ходом польской стороны. Ее так и не удалось склонить к взаимодействию перед лицом военной угрозы со стороны фашистской Германии, что подтвердил визит в Москву польского министра иностранных дел Ю. Бека в 1934 г. Польша продолжала намеченный еще в 20-х годах курс на определенное лавирование между Германией и СССР. Но если тогда подобный курс отвечал, как кажется, государственным интересам Польши и исходил из реальных предпосылок послевоенной

¹ Польша предварительно заручилась согласием Германии на ввод своих войск, а также ее поддержкой в случае возможного вооруженного конфликта с СССР (СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. М., 1971. С. 25–28).

² ДВП СССР. М. 1977. Т. 21. С. 650–651.

внешнеполитической, экономической и военной слабости как Германии, так и Советского Союза, то после прихода А. Гитлера к власти и коренного изменения обстановки в Европе дальнейшее проведение такого курса становится явным анахронизмом. Необходимо было делать выбор. Это, видимо, поняли в Варшаве, взяв, однако, курс на определенное сближение с Германией в ущерб отношениям с СССР.

Насколько такой курс был разумен и реален с точки зрения национальных интересов Польши и сохранения государственной независимости страны — свой вердикт уже вынесла история. Обстановка в Европе в то время была весьма и весьма сложной, и принять правильное в последствиях решение в то время было не так-то просто. Но выбор Варшавой был сделан, был сделан суверенно и она несет за него всю ответственность, как говорится, перед историей и, в первую очередь, перед своим собственным народом.

2. Н. Махно в Польше и советско-польские дипломатические отношения (1922–1925)¹

В жизни Нестора Ивановича Махно, известного в истории как «батька Махно», был период, когда он волею судеб на короткое время оказался в Польше перед тем как эмигрировать дальше на запад. Н. Махно — предводитель крестьянского движения на Украине после революции 1917 г., который сам себя называл «анархистом-коммунистом» или «анархистом-революционером»². Его политическая программа не представляла собой какой-то стройной системы взглядов и не отличалась особой четкостью. Но вместе с тем она включала такие конкретные основополагающие пункты, как конфискация земли и фабрик у частных владельцев, организация боевых крестьянских отрядов в целях самозащиты, поддержка революции в России, но без большевиков и без государственной власти как таковой. Махно организовал своеобразную крестьянскую республику в Гуляй-Поле на юге Украины, отчаянно сражался с немцами, петлюровцами, отрядами Деникина и Врангеля, а также с советскими частями, стоял у истоков создания таких подвижных отрядов, как тачанки. Одновременно руководимая им вольница нередко славилась преступной жестокостью, расстрелами ни в чем не повинных людей, грабежами и разбоем. Махно трижды заключал соглашения о совместных действиях с руководством Красной ар-

¹ См.: *Иванов Ю.В.* Махно в Польше // Новая и новейшая история. 2006. № 6 (журнальный вариант).

² *Махно Н.И.* Украинская революция. Париж, 1937.

мии, внес серьезный вклад в дело разгрома Врангеля в Крыму, даже представлялся к боевым наградам, но каждый раз после очередных сражений сталкивался со стремлением своих бывших союзников тем или иным коварным способом ликвидировать его армию. Да и сам он был неудобным партнером, не признавал никакой власти, никому не хотел подчиняться. В последнее время появилось несколько изданий о Н. И. Махно¹, однако в них почти ничего не говорится о годах его пребывания за границей.

В 1921 г. после разгрома Красной армией отрядов Н. Махно он в сопровождении не более сотни своих сподвижников, спасаясь от преследования, 28 августа переправился через Днестр в Румынию. Там он был первым делом разоружен, лишен всех денежных средств (несколько миллионов царских рублей), но получил разрешение на пребывание и вместе с женой Г. А. Кузьменко помещен под наблюдение сигуранцы в небольшом особняке на окраине Бухареста, не бедствовал. В Румынии он пробыл недолго. Хотя румынский МИД и отклонил официальное требование советских властей о его выдаче, сославшись на отсутствие между странами соответствующего соглашения, Махно все время опасался, как бы румынская сторона не изменила свое решение. Опасения возросли в связи с начавшимся процессом постепенной нормализации международных отношений Москвы. Этим объясняется его решение перебраться в Польшу, где, как ему казалось, будет безопаснее. 11 апреля 1922 г. с ведома, а возможно и по инициативе румынской стороны, он оказался в Польше.

Н. Махно и сопровождавшие его лица (17 человек) на границе были задержаны польскими властями и после соответствующей процедуры отправлены в качестве интернированных лиц в концлагерь Стшалково², где вся группа была размещена в отдельном бараке, а Махно выделили отдельную комнату.

¹ См.: Аршинов П. А. История махновского движения. М., 1996; Махно Н. Воспоминания. М., 1992; и др.

² Лагерь Стшалково около г. Познань известен как одно из мест содержания пленных красноармейцев советско-польской войны 1919–1920 гг.

Такое перемещение Махно не осталось без внимания Москвы и Харькова (в то время столица Украины). Советская дипломатия немедленно прореагировала на данный факт. После консультаций между российским и украинским НКВД было решено, что нота с требованием выдачи Махно будет направлена полякам украинской стороной без упоминания о позиции РСФСР по данному вопросу. Текстовые варианты ноты неоднократно согласовывались с Москвой, особенно ее юридическое обоснование, на чем особенно настаивал российский НКВД¹. Сложность заключалась в том, что в то время у Украины вообще отсутствовал свой уголовный кодекс и еще не был окончательно сформулирован сам обвинительный акт, который можно было бы приложить к ноте. Наконец, окончательный текст ноты 25 мая 1922 г. был вручен главе миссии Польской Республики на Украине². В ноте Махно был представлен как «уголовный преступник... обвиняемый в совершении на территории УССР целого ряда грабежей и разбойных нападений». В заключительной части ноты подчеркивалось, что украинское правительство ожидает «возможно скорого ответа Польского Правительства в полной уверенности, что вышеизложенная просьба будет удовлетворена». Ответ действительно пришел очень быстро: в ноте миссии от 12 июня, хотя и подтверждалось, что «Н. Махно, проникнувший на территорию Польской Республики вопреки существующим пограничным правилам, заключен в концентрационный лагерь, где пребывает в настоящее время», но при этом сообщалось, что польское правительство «не сочло возможным рассматривать по существу вопрос о выдаче Н. Махно» в связи с отсутствием соглашения об экстрадиции³.

После этого отказа у украинской стороны возникает идея оказать на Польшу дополнительное воздействие, направив в Варшаву уже совместную ноту РСФСР и Украины. Однако, судя по сохранившейся переписке, эта идея не нашла поддерж-

¹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 5. П. 21. Д. 20. Л. 7 и 14.

² Там же. Л. 22–2; АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 102. Д. 4. Л. 69.

³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 102. Д. 4. Л. 74; Ф. 122. Оп. 5. П. 21. Д. 20. Л. 26.

ки в НКВД РСФСР и не была реализована. Повторная нота украинского НКВД о выдаче была послана в ноябре 1922 г. и, по-видимому, с аналогичным результатом.

Самым примечательным событием в польском отрезке жизни Н. Махно явился, конечно, организованный над ним польской стороной судебный процесс. Находясь в концлагере, Махно, как видно из имеющейся архивной документации, не прекращал усилий, чтобы вернуться к активной деятельности. При этом в своих высказываниях он в это время проявляет известную сдержанность, не идет на крайние антисоветские заявления, хотя, казалось, обстановка располагала. Так, после перехода румыно-польской границы на вопрос журналистов он ограничивается коротким замечанием политически нейтрального характера: «Советская власть не меняет своего отношения к крестьянам и моим организациям, и я также не намерен это делать»¹. Находясь в лагере Стшалково, Махно через своих доверенных лиц вступает в контакт с официальной украинской дипломатической миссией в Варшаве. В своих пересылаемых в миссию записках, которые он, соблюдая правила конспирации, не подписывал, выдвигает различные проекты. То он сообщает о том, что готов признать власть Советов, хотел бы обсудить вопрос своего освобождения, а в случае войны с буржуазной Европой намерен вступить в отряды Советской Республики. То просит оказать содействие в его переброске в присоединенную Польшей Восточную Галицию, чтобы поднять там крестьянское восстание с целью присоединения этой территории к советской Украине. Под последним письмом он все же подписался: «Батька Махно, командир революционной повстанческой украинской армии махновцев»².

Однако, как оказалось, главный махновский курьер, перешедший вместе с ним в Польшу, его личный шофер в Румынии некто Красновольский оказался агентом польской дефензивы и обо всем исправно докладывал своему начальству. Донесения этого агента и были использованы для привлечения Махно и не-

¹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 5. П. 21. Д. 20. Л. 101.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 7. П. 109. Д. 17. Л. 59–60.

которых его сподвижников к суду, которые немедленно переводятся в варшавскую тюрьму. 3 мая 1923 г. им было предъявлено обвинение в организации заговора в целях посягательства на целостность Польши, вступление в переговоры с иностранной дипломатической миссией (имеется в виду намерение поднять вооруженное восстание в Восточной Галиции¹).

Это был довольно необычный процесс со многих точек зрения. Сам процесс проходил при закрытых дверях, какой-либо стенографической записи не велось, все обвинение было построено только на противоречивых и порой надуманных заявлениях упомянутого Красновольского, что полностью и выявилось на суде. В результате основной свидетель в своих показаниях с треском провалился, дело развалилось, и чтобы избежать еще большего конфуза, ход судебного расследования кардинально меняется.

Как явствует из архивных документов, все внимание судей и защиты теперь было направлено на то, чтобы представить Махно в качестве жертвы провокации представителя советского полпредства Максимовича, которого организаторы процесса и хотели выставить в качестве главного обвиняемого. Но это не удалось из-за недостатка доказательного материала. Процесс к концу 1923 г. свернули, а Махно, несмотря на всю тяжесть предъявленных к нему первоначальных претензий, был оправдан, а фигурировавший в обвинительном акте сотрудник полпредства в суде так и не появился и в приговоре суда не был упомянут.

Поскольку процесс был закрытый, то о его ходе в печать просачивалось немного сведений. Польские газеты, в частности, из выступления Махно на процессе выделили его заявление о том, что он *«прибыл в Польшу искать помощи у братского украинскому польского народа»*², а из речи защитника наибольший интерес прессы вызывала мотивировка требования освободить Махно, чтобы оставить Польше в руках козырь на случай, *«когда подвернется нога нашего восточного соседа»*³.

¹ Там же. Л. 58–60.

² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 214. Д. 52612. Л. 165.

³ Там же.

Будучи после суда на короткий срок снова препровожден в тюрьму, Махно в своем интервью корреспонденту белогвардейской газеты «Руль»¹, некому Арбатову, якобы сделал заявление о своем намерении вести «беспощадную борьбу с советской властью», а также, оказавшись он снова на свободе, «поднять восстание на Украине»². Вообще, такое заявление как-то логически выпадает из линии поведения Махно в Польше, когда он еще не принял окончательного решения не возвращаться на Украину. Это наводит на мысль, что здесь речь может идти об обычной фальсификации, которых в те годы было немало. Да и сомнительно, чтобы польские власти разрешили иностранному корреспонденту, да еще вдобавок представителю не очень-то уважаемой в Польше белой прессы навестить заключенного непосредственно в тюрьме. По всей вероятности, подобного интервью не было вообще, а данная публикация имела цель отрезать Махно пути возвращения в Россию, показать, что видный анархист, выступавший до суда за примирение с советской властью, теперь коренным образом изменил свою позицию. Конечно, все это одни предположения.

В декабре 1923 г. советское полпредство в Варшаве ставит вопрос о целесообразности возобновить требование к польскому правительству о выдаче Махно, уголовно наказуемая «деятельность» которого на Украине получила подтверждение со стороны нескольких свидетелей, давших показания на суде³. Однако это предложение, видимо, было признано в тот момент нецелесообразным, поскольку в дальнейшем данный вопрос не поднимался.

Известно, что после завершения судебного процесса Махно снова переводится в концлагерь Стшалково, но имеет уже большую свободу, чем ранее, поскольку мог даже совершать поездки в Варшаву и встречаться со своими сторонниками. Полпредство с беспокойством сообщает об этом в НКВД СССР и подчеркива-

¹ «Руль» — ежедневная газета на русском языке, в 1920–1931 гг. выходила в Берлине, редактировалась лидером кадетской партии Г. В. Гесенем и В. Д. Набоковым. В связи с перемещением в середине 20-х гг. политического центра российской эмиграции из Берлина в Париж «Руль» утратил значение, а затем и вовсе прекратил свое существование.

² Руль. 1923. 25 дек. (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 214. Д. 52600. Л. 7).

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 214. Д. 52612. Л. 165об.

ет, что «действительного наблюдения за Махно нет и что он может показаться на территории УССР в самый неподходящий момент»¹.

В ответ на эту информацию НКИД дает полпреду в Варшаве указание заявить в польском МИД протест по этому поводу. При этом в указаниях от 14 января 1924 г., направленных за подписью члена Коллегии НКИД СССР В. Коппа, отмечается, что советскую сторону вполне удовлетворило бы официальное уведомление МИД о том, что Махно после суда «будет интернирован в Познани под надзором полиции и без права передвижения» и таким образом польское правительство «возьмет на себя ответственность за недопущение антисоветской работы Махно»². Уточняя позицию НКИД СССР, В. Копп в очередном письме полпреду от 21 января 1924 г. пишет, что «в конце концов лучше, чтобы Махно находился в Польше, которая несет перед нами ответственность по статье 5-й Рижского договора³, чем если он будет переведен куда-нибудь в Румынию или Болгарию, с которыми у нас нет договоров и где он сможет нам больше вредить»⁴.

К сожалению, имевшийся в распоряжении архивный материал не дал возможности проследить, как сложилась дальнейшая судьба Н. Махно в Польше. Находящиеся в различных источниках данные противоречат друг другу. Например, не подтверждается факт, что он покинул Польшу и переехал в Париж еще в 1923 г.⁵ Видимо, весь 1924 г. Махно находился в Польше. Об этом косвенно свидетельствует короткая переписка с полпредством в Варшаве, которая внезапно оборвалась. Так, в на-

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 8. П. 113. Д. 68. Л. 96 н/об.

² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 214. Д. 52600. Л. 12.

³ Статья 5 Рижского мирного договора с Польшей 1921 г. содержит обязательство обеих сторон «не создавать и не поддерживать организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо покушающихся на ее территориальную целостность, либо подготовляющих ниспровержение ее государственного или общественного строя... Ввиду этого стороны обязуются не разрешать пребывания на своей территории таких организаций, их официальных представительств и иных органов...» (ДВП СССР. М., 1959. Т. 3. С. 623).

⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 214. Д. 52600. Л. 17.

⁵ См., например: БСЭ. М., 1974. Т. 15. С. 524.

чале 1925 г. в дипломатических письмах вновь фигурирует Н. Махно. Из письма НКВД полпреду П. Л. Войкову от 16 января 1925 г. мы узнаем, что Махно каким-то образом снова контактировал с полпредством и интересовался условиями своего возвращения в СССР при получении определенных гарантий. В этом письме отмечается:

«Поднятый вами вопрос о Махно еще не рассматривался в Коллегии. Не предпринимая этого вопроса, полагаю, что вряд ли мы согласимся на выдачу Махно каких-либо охранных грамот. Он должен будет явиться к нам с безусловной повинной, как это сделал Савинков»¹.

А ровно через неделю в Варшаву идет окончательный ответ:

«По вопросу о Махно решено никаких охранных грамот ему не давать. Можно только гарантировать ему жизнь. В остальном явка должна быть безусловной»².

Можно предположить с большой долей вероятности, что в это время Махно все еще находился в Польше, иначе зачем было Москве вести по этому вопросу переписку с полпредством в Варшаве.

Из других источников мы узнаем, что Н. Махно вместе с женой Г. А. Кузьменко выехал сначала в вольный город Данциг, где даже некоторое время отсидел в тюрьме, затем перебрался в Берлин и, наконец, осел в Париже. Там он попал в совершенно чуждую ему среду русской эмиграции, на понимание и помощь которой он, естественно, рассчитывать не мог. Махно мытарствовал, часто оставался без работы и денег³, получая лишь небольшое пособие от международных анархических организаций.

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. П. 113а. Д. 9. Л. 118.

² Там же. Л. 112.

³ Как рассказывал известный советский дипломат А. А. Роцин, его жена, будучи сотрудницей торгпредства в Париже, имела деловые встречи с неоднократно посещавшим торгпредство Н. Махно, который одно время возглавлял небольшую фирму, занимавшуюся закупками в СССР пшеницы.

Мечтал, как свидетельствует его биограф¹, вернуться на родину и продолжать борьбу за свободу и социальную справедливость. Писал воспоминания, но не успел их закончить. Умер 27 июля 1934 г., похоронен на парижском кладбище Пер-Лашез.

Жена и дочь Н. Махно во время оккупации Франции были задержаны гестапо и отправлены в концлагерь в Германию. После войны они оказались в СССР, где жена была приговорена к 8 годам лагерей, а дочь — к 5 годам ссылки. После освобождения жили в Казахстане, в конце 70-х гг. Г. А. Кузьменко умерла. Обе были реабилитированы в 1989 г.²

¹ Аршинов П.А. История махновского движения. М., 1996.

² См., в частности: Волк С.С., автор предисловия к книге Н. Махно «Воспоминания». М., 1992; а также Анисимов Н.А. Слуга анархии и порядка // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 94.

3. Вновь открывшиеся обстоятельства при назначении П. Л. Войкова полпредом СССР в Польше¹ (1924)

В истории отношений с Польшей в 20-е гг. был очень короткий период, когда неожиданно возник вопрос об убийстве последнего российского царя и его семьи и участниках этого преступления. Причиной послужило принятие решения направить в Польшу в качестве полномочного представителя (посла) П. Л. Войкова. Шел 1924 год. Отношения между двумя странами с большим трудом и со значительными перепадами, но все же постепенно продвигались в направлении нормализации. Курс СССР в это время заключался в том, чтобы не обострять отношений при сохранении особой бдительности к действиям Польши. Впрочем, уверенности в добрых намерениях своего восточного соседа не было и у Варшавы, где хорошо помнили заявления его лидеров о мировой революции в ходе советско-польской войны 1920 г. Но в серьезных конфликтах ни одна из сторон не была заинтересована. Отсюда стремление в спорных делах проявлять примирительный подход. Такой способ решения возникающих трений в двусторонних отношениях был осуществлен и в связи с намерением направить в Польшу нового полпреда. За Войковым уже утвердилась дурная международная слава: его имя связывалось с убийством Николая II и царской семьи в 1918 г. в Екатеринбурге, где Войков занимал тогда пост областного комиссара. Был известен также факт,

¹ См.: *Иванов Ю. В.* Убийство царской семьи и советско-польские отношения в 20-е годы // Вопросы истории. 1994. № 8 (журнальный вариант).

что британское правительство, сославшись на причастность Войкова к этому преступлению, отказало ему в 1922 г. в агремане (речь шла о назначении его официальным агентом РСФСР в Канаде)¹. Этого не могла не учитывать польская сторона. Перед тем, как дать согласие на прием Войкова в качестве советского полпреда, она по этому поводу обратилась к Москве за соответствующими разъяснениями.

Процедура такого запроса не является дискриминационным или оскорбительным шагом. Это обычная дипломатическая процедура. Но польская сторона не стала направлять официальной ноты по данному вопросу, а министр иностранных дел Польши А. Скшиньский обратился 22 августа 1924 г. с личным письмом к народному комиссару иностранных дел СССР Г. В. Чичерину². Это письмо — единственный такого рода документ в нашей дипломатической практике. В официальной его публикации после принятых дипломатических выражений и краткого изложения мотивов обращения следует сознательно сделанная обширная купюра. Она сделана отнюдь не в целях освобождения текста от второстепенных деталей, что иногда практикуется при издании дипломатических документов, а исключительно для того, чтобы не допустить проникновения в печать информации об обстоятельствах событий 1918 г. в Екатеринбурге и участии в них Войкова. Вот опущенная часть письма, публикуемая здесь впервые по имеющемуся в архиве документу:

«Личность г. Войкова связана согласно сообщениям, напечатанным на различных языках и исходящим из различных источников, с историей или легендой об убийстве семьи бывшего царя, и не только лично его, который был приговорен Центральными властями, но с убийством в ужасных условиях не приговоренных ни одним приговором детей, девушек и женщин. Не придавая особого значения этим источникам, достоверность коих я не могу проверить и которые могут быть тенденциозными,

¹ См.: Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1. С. 215.

² ДВП СССР. М., 1963. Т. 7. С. 441.

тем не менее я не могу не обратить внимания на них под двойным углом зрения.

Во-первых, я желал бы, чтобы представитель Союза пользовался не только полным кредитом и личным доверием правительства, которое его посылает, что я считаю очень полезным для облегчения взаимных искренних и ясных отношений, но чтобы он мог в общественном мнении нашей страны без особых трудностей занять по праву то положение, которое пристойно представителю великого государства, которым является СССР, так чтобы не давало бы побуждений для здешнего общественного мнения сойти с той объективной и непредубежденной точки зрения, с которой оно должно, чего я искренне желаю, присматриваться к начинаниям посла, аккредитованного при Правительстве Польской Республики. Эти внешние условия должны быть обеспечены послу, которому, в чем я не сомневаюсь, мы оба желаем, дана задача быть хорошо осведомленным, пользоваться полным доверием там и уважением здесь, быть звеном нашей соседской мирной политики.

Во-вторых, я не могу не обратить внимания и на необходимость выяснения обсуждаемого вопроса, принимая во внимание дипломатический корпус, аккредитованный при Польском Правительстве, с уже возбужденным недоверием которого пришлось бы в противном случае считаться г. Войкову и которое сделало бы его положение трудным, если не вовсе невозможным. Из этих важных соображений я счел себя вынужденным обратиться непосредственно к Вам, г. Народный Комиссар, с вопросом, не найдете ли Вы правильным дать мне разъяснение, которое бы подтверждало неучастие г. Войкова в убийстве без приговора невинной и находящейся в его власти семьи уже мертвого бывшего властителя России»¹.

Далее уже следует опубликованный текст:

«Такое разъяснение [...] было бы для Польского Правительства не только единственным достоверным документом,

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 7. П. 31. Д. 7. Л. 1–2.

но и дало бы г. Войкову ту полную квалификацию, которая представила бы мне возможность дать ему агреман и позволила бы ему развить полностью дипломатическую деятельность на международной арене»¹.

Итак, польская сторона просила четко и прямо ответить, принимал ли Войков участие в расстреле царя и его семьи. В архиве имеется записка на имя Чичерина без подписи, датированная 26 августа 1924 г. Можно предположить, что она составлена самим кандидатом в полпреды. Вот ее содержание:

«Во время своего пребывания в Екатеринбурге г. Войков был Областным Комиссаром продовольствия Уральских губерний и Членом Областного Совета Уральских областей. В Президиуме Областного Совета, который подписал смертный приговор бывшему царю, г. Войков не состоял и в силу самого характера деятельности своей Комиссара продовольствия вообще не имел и не мог иметь отношения ни к вынесению приговора над бывшим царем, ни к его исполнению»².

В ответном письме Чичерина от 4 сентября 1924 г. эта записка и была использована. В нем, в частности, говорится:

«Что же касается пребывания Петра Лазаревича [Войкова] в Екатеринбурге, то он занимал на Урале должность областного комиссара продовольствия и, как невоенный, отношения к приговору над бывшим царем и его семьей не имел и не мог иметь»³.

Таким образом, участие Войкова в решении судьбы царя и его семьи категорически отрицалось. Между тем ссылки на то, что Войков был «невоенный», звучат довольно странно и совсем неубедительно, а расстрел царя и его семьи нисколь-

¹ ДВП СССР. М., 1963. Т. 7. С. 441.

² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52606. Л. 8.

³ ДВП СССР. М., 1963. Т. 7. С. 439.

ко не осуждается, но прямо и косвенно оправдывается. При этом нарком привлекает для доказательства справедливости этой расправы произведения А. Мицкевича, А. С. Пушкина, Ю. Словацкого, в которых содержались призывы к борьбе с царским произволом. Дело представлено таким образом, что истинные польские патриоты и вообще все поляки веками мечтали о расправе над царем, а российская революция только осуществила эту мечту, совершив тем самым лишь исторически справедливое возмездие. Подобная аргументация, очевидно, оказала на министра иностранных дел Польши такое воздействие, что на следующий же день после вручения ему ответа из Москвы агреман Войкову был предоставлен. Текст письма Чичерина в польской прессе не был опубликован, а утверждения некоторых авторов, что оно произвело сильное впечатление на польскую общественность, его переписывали, передавали из рук в руки и т. п., является лишь плодом фантазии¹. На самом деле только в одной варшавской газете появилось, видимо, инспирированное польским МИД краткое сообщение о том, что Войков *«после разъяснения советских официальных кругов получил согласие польского правительства на занятие указанного поста в Варшаве. С советской стороны последовали разъяснения, что Войков совершенно непричастен к истреблению царской семьи в России, ибо, находясь в это время на посту комиссара продовольствия, не имел никакого влияния в политической сфере»*².

Сейчас ясно, что направление Войкова полпредом в Польшу было крупным политическим просчетом. После отказа англичан принять его в британском доминионе его вообще не следовало направлять на дипломатическую работу. Особенно нельзя было этого делать после получения запроса от польского министра иностранных дел. В конечном счете назначение в Польшу оказалось для Войкова в личном плане роковым. В день его приезда в Варшаву представителю полпредства СССР в польском МИД сообщили, что имеются сведения о намерении рос-

¹ См.: Жуковский Н. Полномочный представитель СССР. М., 1968. С. 98.

² Документы и материалы... М., 1966. Т. 4. С. 323.

сийских монархистов организовать покушение на советского полпреда¹.

А в марте 1926 г. Войков сообщал в НКВД СССР:

«В Быдгощи (бывший Бромберг) живет гадалка. Она уже два раза в течение последних месяцев упорно предсказывает, что в Варшаве будет убит один из иностранных послов. Быдгоцские газеты чрезвычайно этим заинтересованы и одна из них, относящаяся ко мне в общем доброжелательно, заявляет, что этим послом, несомненно, будет советский посол Войков. Газета указывает на происки наших монархистов, несомненно долженствующие привести к тому, чтобы исполнилось предсказание гадалки именно в отношении меня, не кого-либо другого. Вот что значит всюду иметь доброжелателей»².

Сомнительная слава царевубийцы преследовала Войкова на посту полпреда. Отношение к нему польских официальных кругов, несмотря на все старания, было весьма сдержанным, а со стороны дипломатического корпуса в Варшаве, значительная часть которого представляла государства с той или иной формой монархии, холодным, если не сказать враждебным.

Английский посол в Варшаве в январе 1925 г. докладывал в Лондон:

«Он [Войков], естественно, не имеет воображения ни о дипломатическом, ни об общественном этикете и чувствует себя весьма угнетенным, когда замечает естественное желание как своих дипломатических коллег, так и польских чиновников, ограничивать свои разговоры с ним исключительно к пределам, требуемым дипломатической вежливостью»³.

Пребывание Войкова в Польше закончилось трагически: в июне 1927 г. он был убит выходцем из России Б. Ковердой. За-

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 213. Д. 52606. Л. 36.

² Там же. П. 218. Д. 52688. Л. 22.

³ Там же. Д. 52683. Л. 196.

хоронен Войков в Москве на Красной площади. Но был ли он причастен и в какой степени к убийству Николая II и его семьи?

Имеется показание самого Войкова об этом периоде его жизни, записанное, правда, не им самим, а с его слов. В 1930 г. в Париже в русском издательстве вышла книга Г. З. Беседовского, «невозвращенца», бывшего в 20-х годах советником советского полпредства в Варшаве и работавшего там под началом Войкова¹. В главе «Убийство царской семьи» автор подробно излагает историю, рассказанную, как он пишет, самим Войковым о событиях в Екатеринбурге в 1918 г. Ниже приводятся только те фрагменты главы, в которых фигурирует Войков.

«Под новый 1925 год... в половине второго ночи я зашел к нему в кабинет... Войков сидел на диване с серо-зеленым лицом и красными, воспаленными глазами... В руках он держал кольцо с рубином, переливавшимся цветом крови, и пристально смотрел на него. Увидев мой взгляд, который я бросил на кольцо, Войков посмотрел на меня мутным взглядом и сказал: “Это не мое кольцо. Я взял его в Екатеринбурге в Ипатьевском доме, после расстрела царского семейства”...

Я обратился к Войкову с просьбой рассказать мне о екатеринбургских событиях. Он сначала отказывался, затем, приняв таинственный вид, согласился. Тут же он начал предупреждать меня, что рассказ его является строго конфиденциальным, так как в свое время он дал формальную подписку молчать о происшедшем...

Вопрос о расстреле Романовых был поставлен по настойчивому требованию Уральского областного совета, в котором я работал в качестве комиссара по продовольствию. Уральский совет категорическим образом настаивал перед Москвой на расстреле царя, указывая, что уральские рабочие чрезвычайно недовольны оттяжкой приговора и тем обстоятельством, что царская семья живет в Екатеринбурге “как на даче”, в отдельном доме, со всеми удобствами. Центральные московские

¹ Беседовский Г. З. На путях к термидору (из воспоминаний бывшего советского дипломата). Париж, 1930. Ч. 1. С. 167–177.

власти не хотели сначала расстреливать царя, имея в виду использовать его и его семью для торга с Германией... Некоторые из членов центрального комитета, в частности Ленин, возражали также и по принципиальным соображениям против расстрела детей. Ленин указывал, что великая французская революция казнила короля и королеву, но не тронула дофина. Высказывались соображения о том отрицательном впечатлении, которое может произвести за границей, даже в самых радикальных кругах, расстрел царских детей. Но уральский областной совет и областной комитет коммунистической партии продолжали решительно требовать расстрела (Войков сделал при этом театральный жест) — и я был одним из самых ярких сторонников этой меры... Постановление было вынесено о расстреле всей семьи, и ряду ответственных уральских коммунистов было поручено провести утверждение в Москве, в центральном комитете коммунистической партии. В этом нам больше всего помогли в Москве два уральских товарища — Свердлов и Крестинский...

Выполнение постановления поручалось Юровскому как коменданту Ипатьевского дома. При выполнении должен был присутствовать в качестве делегата областного комитета партии Войков. Ему же, как естественнику и химику, поручалось разработать план полного уничтожения трупов. Войкову поручили также прочитать царскому семейству постановление о расстреле с мотивировкой, состоящей из нескольких строк, и он, действительно, разучивал это постановление наизусть, чтобы прочитать его возможно более торжественно, считая, что тем самым он войдет в историю как одно из главных действующих лиц этой трагедии... Для расстрела Войков приготовил свой маузер калибра 7,65. Рассказывая об этом, он вынул из кармана и показал мне этот маузер...

В ночь под 17 июля Войков явился в дом Ипатьева в 2 часа ночи вместе с председателем чрезвычайной комиссии Екатеринбург. Юровский доложил им, что царская семья и все остальные уже разбужены и приглашены сойти вниз в полуподвальную комнату, откуда должна произойти их дальнейшая "отправка" ...Бывший царь прошел несколько вперед по направ-

лению к Юровскому, которого он считал начальником всех собравшихся, и, обращаясь к нему, спокойно сказал: “Вот мы и собрались, теперь что же будем делать?” В этот момент Войков сделал шаг вперед и хотел прочитать постановление уральского областного совета, но Юровский предупредил его. Он вышел совсем близко к царю и сказал: “Николай Александрович, по постановлению уральского областного комитета вы будете расстреляны вместе с вашей семьей”. Эта фраза явилась настолько неожиданной для царя, что он совершенно машинально сказал: “Что?” и, хлопнув каблуками, повернулся в сторону семьи, протянув к ним руки. В эту же минуту Юровский выстрелил в него почти в упор несколько раз, и он сразу же упал. Почти одновременно начали стрелять все остальные... Когда все стихло, Юровский, Войков и двое латышей осмотрели расстрелянных, выпустив в некоторых из них еще по несколько пуль или протыкая штыками двух принесенных из комендантской комнаты винтовок. Войков рассказал мне, что это была ужасная картина. Трупы лежали на полу в кошмарных позах, с обезображенными от ужаса и крови лицами. Пол сделался совершенно скользкий, как на бойне. В воздухе появился какой-то странный запах. Юровский этим, однако, не смущался. Может быть, вследствие своей фельдшерской специальности и привычки к крови. Он хладнокровно осматривал трупы, снимал с них все драгоценности. Войков тоже начал снимать кольца с пальцев, но когда он притронулся к одной из царских дочерей, повернув ее на спину, кровь хлынула у нее изо рта и послышался при этом какой-то странный звук. На Войкова это произвело такое впечатление, что он отошел совершенно в сторону.

Через короткое время после убийства трупы убитых стали выносить через двор к грузовому автомобилю, стоявшему у подъезда... Войков же остался в городе, так как должен был приготовить все необходимое для уничтожения трупов. Для этой работы было выделено 15 ответственных работников Екатеринбургской и Верх-Исетской партийных организаций. Они были снабжены новыми остроконечными топорами типа, какими пользуются в мясных лавках для разрубивания туш. Помимо того, Войков приготовил серную кислоту и бензин.

Уничтожение трупов началось на следующий же день и велось Юровским под руководством Войкова и наблюдением Голощекина и Белобородова, несколько раз приезжавших из Екатеринбурга в лес. Самая тяжелая работа состояла в разрубании трупов. Войков вспоминал эту картину с невольной дрожью. Он говорил, что когда эта работа была закончена, возле шахты лежала громадная кровавая масса человеческих обрубков: рук, ног, туловищ и голов. Эту кровавую массу поливали бензином и серной кислотой и тут же жгли двое суток подряд...

— Это была ужасная картина, — закончил Войков. — Мы все, участники сжигания трупов, были прямо-таки подавлены этим кошмаром...»

Рассказанное Войковым и записанное Беседовским своей логикой изложения и приводимыми деталями резни в Ипатьевском доме, приводит к мысли, что именно так все и было в действительности. Но если это так, тогда заведомой неправдой, возможно в доброй вере, было утверждение в упомянутом личном письме Чичерина своему польскому коллеге о непричастности Войкова к убийству царя. Однако вследствие принятых чрезвычайных мер по строгой секретности связанных с цареубийством обстоятельств до дипломатического скандала дело не дошло.

Сообщенный Беседовским рассказ Войкова говорит о том, что последний являлся одним из самых активных инициаторов, организаторов и исполнителей расправы над бывшим царем и его семьей. Войков был в 1917–1918 гг. довольно заметной политической фигурой в Екатеринбурге: председатель городской думы, секретарь областного бюро профсоюзов, председатель заводского совещания предприятий Урала, член городского военно-революционного комитета и, наконец, областной комиссар продовольствия Урала и одновременно член Уральского совета рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, он входил в состав созданной Уральским советом специальной комиссии по перемещению царя из Тобольска в Екатеринбург. Именно он выбрал для размещения царской семьи Ипатьевский особняк, занимался обеспечением ее продовольствием и одеждой,

часто посещал этот дом, разговаривал с бывшими царем и царицей»¹. Поэтому вряд ли он мог стоять в стороне от расстрела Николая II и его семьи².

Если действительно ото всех участников расстрела узников Ипатьевского дома требовали подписку о неразглашении, то следует считаться с тем, что материалы по данному делу едва ли могли сохраниться. Таким образом, приводимый бывшим советским дипломатом Беседовским рассказ Войкова представляет определенную ценность как показания прямого участника об обстоятельствах гибели последнего российского императора и его семьи.

¹ Касвинов М.К. Двадцать три ступеньки вниз. М., 1987. С. 464–465; Жуковский Н. Указ. соч. С. 61–63.

² О причастности Войкова к расстрелу царской семьи см., в частности: Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 265, 274; комментарии С. Фомина к статье «Вокруг Екатеринбургской голгофы» и воспоминания генерала М.К. Дитерикса «Убийство царской семьи» // Наш современник. 1997. № 7. С. 165.

4. Реакция в Москве на переворот Ю. Пилсудского в Польше в мае 1926 г.¹

После воссоздания польского государства в ноябре 1918 г. отношения между Польшей и Россией, а позднее — СССР, складывались неважно, их нормализация проходила с большими трудностями, периодическими откатами назад. Советско-польская война 1919–1920 гг. на долгие годы создала между двумя государствами атмосферу взаимного недоверия и подозрительности. Надо сказать, что советская дипломатия, как и в отношении остальных соседних европейских стран, постоянно предпринимала усилия по оздоровлению взаимоотношений, но они всегда наталкивались, мягко говоря, на сдержанность поляков. Достаточно сказать, что торговое соглашение, о подписании которого шли переговоры сразу же после заключения Рижского мирного договора 1921 г., было по вине польской стороны подписано только в начале 1939 г. и, по сути дела, так и не вступило в силу. Варшава в своей внешней политике демонстрировала явную враждебность к своему восточному соседу (постоянная антисоветская истерия в польской прессе, недружелюбные высказывания польских деятелей различного уровня, нарочитое бряцание оружием, настраивание других стран против Москвы, стремление создать военную коалицию против СССР и пр.). Все эти действия, несомненно, влияли на формирование позиции Советского Союза в отноше-

¹ См.: *Иванов Ю.В.* Реакция в Москве на переворот Ю. Пилсудского в Польше в мае 1926 года // Новая и новейшая история. 2006. № 1 (журнальный вариант).

нии Польши, которая им всегда рассматривалась как враждебное государство и потенциальный противник в будущей войне.

Тем не менее в период, предшествовавший перевороту Пилсудского в мае 1926 г., в советско-польских отношениях наблюдаются некоторые позитивные подвижки: в 1925 г. состоялся визит Г. В. Чичерина в Варшаву, в январе 1926 г. в СССР приехала делегация Сейма, а делегация советских хозяйственников посетила Польшу, в феврале 1926 г. начались переговоры о заключении пакта о неагрессии и т. п. Сохранилась записка Ф. Э. Дзержинского в Политбюро ЦК РКП (б) от 4 июля 1925 г., в которой были высказаны соображения о поддержке оживившихся в это время тенденций Варшавы к оздоровлению отношений. На основании этой записки была даже создана специальная комиссия по сближению с Польшей (в составе представителей НКВД, НКВТ, ВСНХ, ОГПУ и ВОКС) под председательством Г. В. Чичерина, которая просуществовала вплоть до переворота Пилсудского. Комиссия, в частности, занималась выработкой общих рекомендаций вроде, например, такой: «*Вести работу по дезорганизации воинственной клики (Пилсудский) путем ее внутреннего разложения*»¹.

На этом фоне вполне объяснимы опасения Москвы в том плане, что перемены в Варшаве могут нарушить наметившуюся тенденцию к нормализации и снова привести к обострению отношений. При таких обстоятельствах в мае 1926 г. происходит военный переворот маршала Ю. Пилсудского, в результате которого он приходит к власти и вплоть до своей смерти в 1935 г. фактически становится во главе государства, не занимая поста ни президента, ни премьера, оставаясь в конце концов всего лишь генеральным инспектором вооруженных сил². К власти

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 224. Д. 52816. Л. 3.

² В связи с этим весьма любопытными представляются следующие сообщения полпредства от 1 октября 1926 г.: «Мы получили некоторые сведения, говорящие о том, что военные круги готовят новый переворот, целью которого является провозглашение диктатуры Пилсудского» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 10. П. 121. Д. 10. Л. 146); и от 9 ноября 1926 г.: «В офицерских кругах очень говорят о возможности объявления Пилсудского королем» (Там же. П. 125. Д. 36. Л. 4).

пришел умный, авторитетный в стране политик, настроенный против СССР. Перед советской стороной встал тогда вопрос, как оценить этот переворот, что он может сулить с точки зрения государственных интересов СССР, как он может повлиять на дальнейшее состояние двусторонних отношений?

В то время в СССР было несколько центров, которые располагали своими собственными источниками информации и воздействовали на формирование окончательной позиции по какому-либо происходящему в мире событию. Это были, естественно, НКВД, затем ОГПУ, военная разведка и Коминтерн, а окончательное решение оставалось, конечно, за ЦК РКП (б). Все эти центры не могли не дать своего заключения и в связи с переворотом Ю. Пилсудского. Небольшой разрозненный материал по данному вопросу отложился в Архиве внешней политики РФ.

Начнем с Народного комиссариата иностранных дел СССР, который в то время в государственной структуре занимал более независимое положение, чем это стало позднее, и обладал реальными возможностями не только высказывать, но и активно защищать свое мнение, которое могло и не совпадать с точкой зрения других авторитетных организаций.

Имеющиеся документы свидетельствуют, что НКВД еще до переворота прогнозировал его последствия с точки зрения интересов СССР и уже имел заранее выработанную позицию. Дело в том, что Пилсудский, ведя закрытыми каналами подготовку к перевороту, видимо через советское полпредство, запрашивал мнение советской стороны на этот счет и был заинтересован если не в положительной, то в нейтральной реакции Москвы. От его доверенных лиц шли заверения, что Пилсудский якобы изменил свою политику в отношении СССР, к которому стал относиться более благожелательно, и что Советскому Союзу нечего опасаться. Одновременно с этим к заведующему отделом Прибалтики и Польши НКВД М. А. Логановскому от директора Восточного департамента польского МИД С. Яниковского, тесно связанного с Пилсудским, поступает приглашение приехать в Варшаву с обещанием организовать ему встречу непосредственно с Пилсудским¹.

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 226. Д. 52848. Л. 27.

Надо сказать, что в НКИД этот зондаж был принят с большим недоверием, если не сказать больше и, зная об антисоветских настроениях маршала, посчитали, что приход его к власти несет увеличение опасности нового военного конфликта с Польшей, в чем Москва не была заинтересована.

С учетом этих соображений Коллегия НКИД СССР решила, что *«приход к власти Пилсудского был бы большей опасностью»* и что *«Коллегия... отрицательно отнеслась к зондажу Пилсудского»*¹.

Вместе с тем позиция СССР в первое время после переворота была достаточно гибкой. В дипломатической переписке отмечалось:

*«Мы заняли с самого начала позицию невмешательства и выжидания. Мы сказали новому польскому правительству и Пилсудскому, что, несмотря на прошлое, мы относимся к нему без предубеждения и готовы с ним сотрудничать в деле укрепления политических и экономических отношений между государствами... При этом мы подчеркнули, однако, что будем ожидать действий нового польского правительства для того, чтобы определить наше отношение к нему»*².

НКИД весьма внимательно следил за развитием событий в Польше. Надо отметить, что поступаемые из Варшавы и Берлина (в то время в берлинском полпредстве размещался аналитический информационный центр на всю Европу) сведения были, как представляется, своевременными и четкими.

Так, 17 мая 1926 г. из Берлина на имя Чичерина поступает сообщение:

«Пилсудский победил в Варшаве, в его руках находится сейчас вся страна за исключением бывшей прусской Польши. Даже

¹ Письмо члена коллегии НКИД СССР С. И. Аралова полпреду СССР в Варшаве П. Л. Войкову от 30 марта 1926 г. (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 226. П. 52848. Л. 9).

² Письмо члена коллегии НКИД СССР Б. С. Стомонякова полпреду П. Л. Войкову от 22 мая 1926 г. (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 226. П. 52850. Л. 31–32).

самый активный и способный его противник, ген. Сикорский, подчинился Пилсудскому»¹.

8 июля 1926 г. тот же источник информирует:

«12–14 мая Пилсудский, бросив лозунг борьбы с реакцией и коррупцией, пришел к власти при поддержке не только преданной ему военицине и мелкой буржуазии, но также широких масс рабочих и крестьян»².

Приход Ю. Пилсудского к власти в НКИД в целом совершенно резонно оценен как *«начало нового этапа в развитии наших отношений с Польшей и лимитрофами»³* и что *«главная опасность кроется в старой программе Пилсудского достигнуть соглашения с Германией, хотя бы уступки ей коридора⁴, и повести активную политику против СССР»⁵.*

Как бы там ни было, но переворот Пилсудского заставил активизировать деятельность советской дипломатии. Об этом, в частности, свидетельствует проект НКИД СССР от 15 июля 1926 г., направленный спустя два месяца после переворота в комиссию А. Н. Рыкова по обороне. Основные его положения, относящиеся к внешней политике, изложены в первом пункте упомянутого проекта:

«1. Провести работу в направлении создания для Польши такого внешнего положения, которое устранило бы опасность столкновения на наших западных границах, и если этого не уда-

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 10. П. 126. Д. 10. Л. 195.

² Там же. Оп. 11. П. 131. Д. 12. Л. 124.

³ Так в то время именовались имевшие общую границу с СССР европейские государства (Прибалтика, Румыния, Финляндия и, естественно, Польша).

⁴ Имеется в виду полученный Польшей после Первой мировой войны в районе Данцига (Гданьска) выход к Балтийскому морю (так называемый Данцигский коридор), разделивший германскую Западную и Восточную Пруссию.

⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 226. Д. 52850. Л. 31.

лось бы осуществить полностью, то, во всяком случае, создать на пути польского выступления серьезные препятствия.

Конкретные мероприятия в этой области должны свестись к тому, чтобы изолировать Польшу от ее соседей и оторвать последних от попыток Польши вовлечь их во враждебные нам комбинации. Самым чувствительным местом в этом отношении для Польши являются государства Прибалтики»¹.

В качестве мер предлагалось, в частности, предложить прибалтам заключить гарантийный договор, а также в советской и заграничной печати начать кампанию по разоблачению политики Пилсудского.

Следует подчеркнуть, что информация полпредства в Варшаве о политической обстановке в стране, отличалась достаточно глубоким анализом. Примером может послужить сообщение полпреда П. Л. Войкова в НКВД на имя члена коллегии Б. С. Стомонякова в письме от 23 ноября 1926 г.:

«Для настоящего времени характерно, что переворот Пилсудского и последующая его политика и социальное содержание его диктатуры очень во многом походят на диктатуру Муссолини в Италии»². ...Несомненно, что роль черных рубашек в Польше сыграло офицерство, которое является в Польше крайне деклассированной группой, могущей пойти на политическое услужение в нужный момент именно к Пилсудскому. Достигнув переворота при помощи этого офицерства и демагогическим возбуждением надежд у левых, Пилсудский, несомненно, ведет общую политику балансирования между несколькими господствующими классами и группами в Польше. Не склоняясь окончательно на сторону одной из групп, Пилсудский дает возможность каждой из групп сосуществовать при нем и наде-

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 10. П. 121. Д. 7. Л. 16.

² О популярности Б. Муссолини среди правых политических кругов Польши свидетельствует тот факт, что в сентябре 1923 г., уже после ухода Ю. Пилсудского с поста Начальника государства, тот был представлен к высшей польской награде — ордену Белого Орла.

яться на условия в будущем, в общем приемлемые для данной группы... Вместе с тем чисто по-фашистски не уничтожается возможность всякого рода демагогии в отношении к рабочим и крестьянам»¹.

Какой-то зафиксированной в документах прямой реакции Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) на переворот Пилсудского в просмотренных архивных делах нет. Однако имеется письмо Ф.Э. Дзержинского от 17 апреля 1926 г., т. е. всего за месяц до события, о значимости возможного переворота Пилсудского и его фигуры для формирования двусторонних отношений. В этом письме он, в частности, отмечает:

«Его [Варского] лозунг в пользу Пилсудского, по-моему, недопустим и не имеет ничего общего с большевизацией партии. Я за то, чтобы в борьбе, которая происходит в настоящее время между эндецией² и Пилсудским, наша партия всем фронтом пошла против эндеции и ППС³ и поддержала Пилсудского, толкая его влево, разжигая крестьянскую революцию, но чтобы никогда не теряла своей собственной физиономии и не обманывала масс словами лозунга: “С Пилсудским во главе, который и т. п.”

Впрочем, я очень сомневаюсь, чтобы Пилсудский сам решил ся на гражданскую войну и не дойдет ли дело после легкого переворота до соглашения между эндецией и Пилсудским. А поэтому ни в коем случае не следует идеализировать самого Пилсудского и делать ему рекламу.

Р.С. Прошу перевести это мое письмо и разослать всем членам Комиссии⁴ Политбюро»⁵.

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 10. П. 125. Д. 37. Л. 31.

² Эндеция — сокращенное название партии Национальная демократия (ND — эн де).

³ ППС — Польская социалистическая партия (PPS).

⁴ Польская комиссия Политбюро по вопросам сближения с Польшей создана в июле 1925 г. под председательством наркоминдел Г.В. Чичерина.

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 32. П. 224. Д. 52833. Л. 62.

Аналогичным образом оценивала обстановку, создавшуюся после прихода к власти Ю. Пилсудского, и военная разведка, которая вообще оказалась на высоте, предсказав государственный переворот в Польше. Так, в докладе о Польше начальника Разведывательного управления штаба РККА Я. К. Берзина на начало апреля 1926 г. отмечалось:

«4. Характернейшим моментом нынешнего политического положения в Польше является подготовка к фашистскому перевороту. Возможность объявления диктатуры, как со стороны правого лагеря, так и со стороны Пилсудского является вполне реальной и быстро назревающей. Не исключена также возможность некоторого соглашения обоих лагерей...»

5. ...Что касается СССР, то приход к власти Пилсудского нам представляется наиболее опасным, так как это повлекло бы за собой, по всей вероятности, обострение советско-польских отношений и ускорение перехода Польши на английскую ориентацию»¹.

Не изменилось мнение штаба РККА об обстановке в Польше и спустя некоторое время после переворота. В очередной аналитической записке разведуправления по вопросу о военной опасности для СССР со стороны Польши (от 21 июля 1926 г.), в частности, читаем:

«4. Приход к власти Пилсудского, политика которого, по имеющимся у нас сведениям, будет направлена по антисоветскому руслу...»

5. Что касается отношения к СССР в более узком значении, то Пилсудский будет, по многим данным, поддерживать везде враждебные СССР тенденции. С политикой некоторого сближения, которую пытается проводить Скиншинский, Пилсудский, по всей вероятности, порвет безоговорочно, не особенно добиваясь даже заключения торгового договора...»

7. Рост польского милитаризма неизбежен... Пилсудский начал энергично проводить ряд мероприятий по увеличению

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 11. П. 131. Д. 12. Л. 81.

боевой готовности армии, в частности, на восточной границе Польши...»

В выводах записки отмечается:

«2. Одновременно необходимо констатировать, что за последние месяцы (после переворота) военная опасность усилилась и наблюдается развитие неблагоприятных для СССР тенденций...».

В то же время, по мнению разведуправления, *«изучение международного положения, как равно и имеющиеся в нашем распоряжении агентурные материалы, приводят к выводу, что непосредственной угрозы войны в данный момент не имеется... по крайней мере до весны 1927 г.»¹.*

В таком же ключе составлена очередная обобщающая записка разведуправления (от 29 октября 1926 г.) со следующим выводом:

«Вся политика Пилсудского подчинена задаче подготовки страны к войне с СССР. Со стороны внешнеполитической важнейшими предпосылками для этой основной задачи являются соглашение с Германией и заключение союза с Прибалтикой»².

Несколько иную позицию заняло руководство Коммунистической партии Польши (КПП), которое первоначально приняло решение *«оказать поддержку Пилсудскому, считая в своих воззваниях его переворот революционным»³*. Видимо, на формирование подобной позиции повлияли обещания пилсудчиков облегчить положение компартии путем ее дальнейшей легализации. Об этом, в частности, информировал НКВД 1-й секретарь полпредства М. П. Аркадьев, ссылаясь на свою беседу с директором Восточного департамента МИД Польши С. Яниковским, который заявил, что намеревается через Семполовскую договориться о встрече с Варским и что он, со своей стороны, уже *«гово-*

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 10. П. 121. Д. 7. Л. 30, 28, 27, 25, 19.

² Там же. Оп. 11. П. 131. Д. 12. Л. 129.

³ Из письма П. Л. Войкова Б. С. Стомонякову от 15 мая 1926 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 32. П. 226. Д. 52850. Л. 15).

рил с редактором газеты “Глос цодзенный” и инспирировал его... открыть кампанию за легализацию компартии»¹.

Такая позиция КПП немедленно получила осуждение со стороны Коминтерна, который 20 мая 1926 г. принял следующее постановление:

*«Считать серьезной политической ошибкой ЦК КПП лозунг поддержки “революционных войск под командой Пилсудского”, который заключил на деле единый фронт с фашистами против рабочих и крестьян»*².

В директивах Коминтерна от 20 мая 1926 г. руководству КПП подчеркивалось, что *«голосование за Пилсудского считается преступлением... Ваше заявление, будто ошибки польского ЦК являются ошибками только терминологического или стилистического характера, встречают наш самый решительный протест. На деле это была грубейшая политическая ошибка оппортунистического характера. Если не поймете и не признаете этого, можете привести партию к катастрофе. Считаем, что корреспонденция, посланная Вами в “Роте Фане”*³ *ничего общего с большевизмом не имеет. Решение о неголосовании за Пилсудского принято в Исполкоме Коминтерна единогласно»*⁴.

Подобное «внушение» не могло не дать соответствующих практических результатов. Руководство КПП резко меняет свою прежнюю позицию поддержки Пилсудского. Иностранная информация ТАСС 1 июня 1926 г. распространила текст следующего документа:

¹ Там же. Д. 52848. Л. 32.

² Там же. Д. 52849. Л. 5.

³ «Роте Фане» (*Die Rote Fahne* — «Красное знамя») — немецкая ежедневная газета, центральный орган КПП, основана в ноябре 1918 г., издавалась до 1935 г. в Германии, затем до осени 1939 г. — в Праге и Брюсселе.

⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 32. П. 226. Д. 52849. Л. 9.

«Комфракция постановила голосовать против кандидатуры правых и против Пилсудского, выдвинутого так называемыми левыми. Против кандидатуры Пилсудского комфракция голосует потому, что он определенно выступает как сторонник соглашения с буржуазией. Теперь Пилсудский является кандидатом не только мелкобуржуазных партий и левицы, но также кандидатом капиталистов. Пилсудский есть знамя военной диктатуры...»¹.

Такая позиция КПП об отношении к приходу к власти Пилсудского была впоследствии закреплена решением IV съезда партии, состоявшегося в сентябре 1927 г.

Основным последствием прихода к власти Пилсудского явилось усиление в Москве опасений относительно возможности нового нападения со стороны Польши как в 1920 г., когда главнокомандующим польской армии был Ю. Пилсудский. Поражение в той войне создало у советского руководства определенный комплекс побежденного, а Пилсудский воспринимался как непримиримый враг, который постоянно строит козни против СССР и в любой момент может повторить военный поход на восток. Им повсюду мерещилась опасность там, где ее, может быть, и не было. Мысль об опасности постоянно сквозит в донесениях полпредства СССР в Варшаве. Так, полпред Д. В. Богомолов писал в своей записке от 28 апреля 1928 г.:

«Доводы за то, что угроза нападения для нас с польской стороны по-прежнему тяготеет на наших отношениях с Польшей, следующие:

1. Неуравновешенность самого Пилсудского, в руках которого сосредоточена вся власть в Польше. Необходимо также помнить, что “федеративная Польша” остается по-прежнему идеалом Пилсудского, от которого он никогда не отказывался и для которого он пошел на практические уступки в вопросе о нацменьшинствах.

2. Темп военных приготовлений Пилсудского не уменьшается, а скорее увеличивается. Значительную (если не большую часть) своего внимания Пилсудский... сейчас посвящает армии...»²

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 226. Д. 52854. Л. 171.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 12. П. 139. Д. 5. Л. 110.

В тезисах НКИД СССР, посвященных 10-летию советско-польского мирного договора 1921 г., четко прописано положение о грозящей со стороны Польши военной опасности для Советского Союза. В них, в частности, отмечается:

«4. Приход к власти пилсудчиков, совпавший по времени с обострением международного положения Советского Союза (конфликт с консервативной Англией), перевел восточную политику Польши на рельсы так называемой “Федеративной программы Пилсудского”, в основе которой лежит стремление к захвату Советской Украины и Белоруссии под видом федерации “независимых Украины и Белоруссии с Польшей”...

Вместо прочного мира Советский Союз все больше и больше вынужден считаться с растущей из дня в день враждебностью польской политики по отношению к СССР. На протяжении 10-летия с 1921 г. миролюбивая политика Советского Союза по отношению к Польше, несмотря на все испытания, которые возникали в связи с агрессивностью правительственных кругов Польши, оставалась неизменной. Позиция Советского Союза по отношению к Польше была всегда и всегда останется политикой мира»¹.

Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет сделать определенный вывод, подтверждающий или отрицающий тезис о реальности непосредственной военной опасности со стороны Польши. Однако общий расклад сил в конце 20-х и 30-х гг., по нашему мнению, едва ли допускает возможность вооруженного нападения Польши. Тем более, что сами поляки, начиная с самого Пилсудского, неоднократно на официальном уровне заверяли, что у Польши нет помыслов пойти на серьезный вооруженный конфликт с СССР. Приведем хотя бы слова оппозиционного к Пилсудскому политического лидера Р. Дмовского, который заявил в беседе с советским полпредом В. А. Антоновым-Овсеенко 20 мая 1933 г.:

«В нынешней Польше никто всерьез не помышляет о войне против Советского Союза»².

¹ Там же. Оп. 15. П. 154. Д. 2. Л. 95, 93.

² Там же. Оп. 17. П. 165. Д. 5. Л. 107.

Думается, что у нас нет достаточных оснований, чтобы ставить под сомнение эти заявления.

Как-то к случаю в 1934 г. Ю. Пилсудский, характеризуя международное положение Польши после заключения пактов о ненападении с СССР (1932 г.) и Германией (1934 г.), весьма образно заявил примерно следующее:

«Итак, мы имеем два пакта, сидим сейчас на двух стульях, и это долго продолжаться не может. Нам нужно знать, с какого стула мы упадем сначала и когда».

Выбор Варшава сделала уже после его смерти и, как известно, не в пользу СССР.

Накануне начала Второй мировой войны Варшава отказалась от проводимого курса лавирования между Германией и СССР. Началось ее заигрывание с Германией, реально встал вопрос о заключении между ними военного союза в целях совместного нападения на СССР¹. Польша, несмотря на советы союзников (Великобритании и Франции), в результате неосмотрительно упала сразу с «обоих стульев» и сама стала первой в Европе жертвой своих же интриг, подвергшись нападению и разгрому со стороны гитлеровской Германии.

Заключение и выводы

1. В оценках переворота в Польше и прихода в 1926 г. к власти Ю. Пилсудского в Москве возобладало мнение, что это событие следует рассматривать однозначно как ослабление безопасности Советского Союза. Подобные оценки не составляли какой-то государственной тайны, они излагались в открытых выступлениях

¹ Сейчас некоторые польскими политики (например, сенатор А. Велёвский в газете Rzeczpospolita от 6–7.09.2004) ставят в заслугу Польше тот факт, что она спасла СССР от поражения в войне с Германией, поскольку не заключила накануне войны военный союз с Германией и, таким образом, на советско-германском фронте не оказалось несколько десятков польских дивизий, которые создали бы решающий перевес сил в войне.

ях советских руководителей высшего звена (Сталин, Бухарин, Рыков), а также представителями советской дипломатии (Чичерин, Красин). Негативно о режиме Пилсудского постоянно высказывалась и советская печать.

Складывается впечатление, что советское руководство явно преувеличивало угрозу безопасности СССР со стороны Польши. Видимо, при жизни Пилсудского для таких опасений серьезных оснований все же не было. Однако самые общие оценки режима Пилсудского в дальнейшем в основном подтвердились: какой-то оттепели и значительного улучшения двусторонних отношений не последовало. Не способствовал нормализации и избранный Пилсудским внешнеполитический курс на подчеркивание особой роли Польши как бастиона борьбы с коммунистической опасностью, а также проводимый Варшавой в жизнь так называемый федералистский план Пилсудского по сколачиванию антисоветского блока соседних государств под эгидой Польши.

Здесь следует отметить, что в Москве существовала и иная точка зрения, скажем, доктринального характера, на предстоящий переворот Пилсудского. О ней сообщил полпреду в Варшаве П. Л. Войкову член Коллегии НКВД СССР С. И. Аралов в письме от 30 марта 1926 г. Он писал:

«В других организациях есть мнение, что это [переворот] привело бы к развязыванию внутренней борьбы и привело бы в движение массы»¹.

2. В СССР приход к власти Пилсудского представлялся как фашистский переворот. Такие явно пропагандистско-политизированные оценки сохранились в советской историографии и после Второй мировой войны². Конечно, диктатура одного

¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 226. Д. 52848. Л. 9.

² См., например: История Польши. М., 1958. Т. 3, в котором захват власти Ю. Пилсудским рассматривался как «фашистский переворот», а установившийся режим — как «фашистский». Такие жесткие оценки авторами появившегося в 1993 г. коллективного труда «Краткая история Польши» сняты, а режим Пилсудского осторожно назван «санацией».

человека, хотя и скрытая, накладывала определенный отпечаток на весь режим власти. Вместе с тем Польша по многим параметрам оставалась обычной буржуазной парламентской республикой послеверсальского издания, где в основном соблюдались, хотя моментами и нарушались¹, общие конституционные положения. Поэтому назвать сформировавшийся в 1926 г. режим фашистским было бы не совсем правильно и с такой характеристикой сейчас едва ли можно согласиться. Любопытная деталь: в 1995 г. депутаты Сейма — представители правых партий даже внесли проект постановления о больших заслугах Ю. Пилсудского в деле получения независимости и установления демократии.

3. Реакция в Великобритании и США на события в Польше. Имеющиеся в архиве донесения из Великобритании свидетельствуют о том, что британское правительство решило использовать переворот в своих интересах и ослабить сильные до сих пор позиции Франции в этой стране². Как отмечается в информации «Переворот в Польше в оценке правительства Великобритании», Лондон в этих целях дает понять Варшаве, что *«дальнейшее пребывание у власти тех кругов Польши, которые не принадлежат к числу его [британского правительства] единомышленников и сторонников, опасно для самой Польши»* и что она *«в принципе готова оказать помощь Пилсудскому»*³.

В целом поддержали Пилсудского и Соединенные Штаты. По сообщению польского посла в Вашингтоне, американские

¹ При Пилсудском был разогнан парламент, арестованы депутаты левых партий, проводились жестокие «пацификации» в восточных районах страны, введена жесткая цензура и т. п.

² Долголетнее соперничество между Францией и Великобританией в Польше после переворота Пилсудского все больше складывалось в пользу последней. В конце 1929 — начале 1930 г. Варшаву покидает французская военная миссия, находившаяся там с 1919 г. и помогавшая готовить польскую армию к войне с Советской Россией. К началу Второй мировой войны именно Великобритания становится главным союзником Польши, а в ходе войны предоставила приют польскому временному правительству в эмиграции.

³ АВР РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 225. Д. 52841. Л. 41–43.

финансовые круги склоняются к тому, чтобы предоставить Польше кредит, оговаривая это выполнением ряда условий: установление диктатуры и роспуск Сейма в целях укрепления стабильности в стране, а также предоставление *«твердых гарантий о том, что Польша Пилсудского не помышляет о военном выступлении против СССР»*¹.

4. Отказ Польши от сотрудничества с СССР, ее антисоветский курс определили и позицию Советского Союза по польскому вопросу во время Второй мировой войны и после ее окончания. Учитывая печальный исторический опыт в отношениях с Польшей и тот факт, что в конечном счете нападение Германии на СССР произошло с польской территории, Кремль поставил перед собой задачу сделать все возможное, чтобы в дальнейшем на западной границе существовало добрососедское и дружественно настроенное государство. И почти 50 лет такая Польша существовала.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К политическому портрету Ю. Пилсудского²

В истории каждой страны есть свои переломные моменты, определяющие ее дальнейшую судьбу на многие годы. При этом исключительно важная роль отводится государственному деятелю, стоящему во главе страны, его способности сформулировать и последовательно провести в жизнь необходимые для выхода из сложной ситуации решения, сплотив на их выполнение весь народ: роль личности в истории. Не всегда, однако, такого уровня деятель появляется в нужный момент, и тогда страна на долгие годы вязнет в кризисе и даже деградирует. Но если государство возглавляет востребованный историей лидер, то такому народу, безусловно, повезло.

Одной из таких личностей был Юзеф Пилсудский (1867–1935), «начальник» воссозданного в 1918 г. польского государ-

¹ Там же. Л. 55.

² *Иванов Ю.* Юзеф Пилсудский — оздоровитель государства // *Российские вести.* 1995. 28 янв.

ства, под непосредственным воздействием которого формировалась внутренняя и внешняя политика Польши вплоть до начала Второй мировой войны.

У Пилсудского богатая биография. Родился он на Виленщине в небогатой дворянской семье, рано начал принимать участие в революционном движении, а по обвинению в подготовке покушения на Александра III в 1888 г. был сослан в Сибирь. После возвращения Пилсудский вступает в Польскую социалистическую партию (ППС) и быстро выдвигается в ряды центрального партийного руководства, ведет активную борьбу с самодержавием, вновь арестован. Затем активно действует уже в Галиции, формируя отряды-легионы в составе австро-венгерской армии, возглавляя которые в 1914–1916 гг. он сражается против России. В 1917 г. арестовывается уже германскими властями, но в ноябре 1918-го освобождается и с триумфом возвращается в Варшаву, политически ориентируясь уже на Антанту. До 1923 г. находится во главе государства, после чего как бы уходит из политики. Но ненадолго: в 1926-м Пилсудский устраивает государственный переворот и снова приходит к власти, оставаясь руководителем страны вплоть до своей смерти в 1935 г.

Наше отношение к Пилсудскому определялось и до сих пор определяется его крайней русофобией, антироссийским, а позднее и антисоветским курсом. В стремлении нанести вред России он не брезговал ничем, сотрудничая одно время с австрийской, германской и японскими разведками. Сформировавшаяся в борьбе с царизмом ненависть Пилсудского ко всему русскому внесла, несомненно, свой отрицательный вклад в углубление разобщенности польского и русского народов, но одновременно сделала беднее политический горизонт этого деятеля, что нередко оборачивалось для Польши трагическими последствиями.

В этой публикации автор стремится отойти от прежних политических и идеологических трафаретов и охарактеризовать Пилсудского с точки зрения его отличительных черт как государственного деятеля, его роли в истории Польши. По мнению автора, Пилсудский действовал в экстремальных услови-

ях, когда необходимо было создать в срочном порядке единое и сильное государство. Подобные цели стоят и перед сегодняшней Россией.

Что же отличало Пилсудского от других современных ему политиков? Прежде всего, как ни странно, отсутствие какой-то четкой зафиксированной в документах программы. Говорили даже, что он сам и был этой программой. В действительности неписаная программа у него, конечно же, была. Биографы Пилсудского указывают, что ему удалось все и вся подчинить высшим государственным интересам. Благо страны всегда на первом месте — это и было его неизменным кредо.

К такой тактике Пилсудский пришел не сразу. Его отвращение к разного рода документам «на перспективу» приобретались личным опытом по ходу политической карьеры. А отсутствие конкретной программы действий — сознательным и довольно ловким ходом, поскольку лишало оппозицию возможности критики. К примеру, за отход от однажды намеченной линии, невыполнение отдельных положений и т. п. Подобная тактика давала большую свободу, избавляла от каких-либо отчетов. С другой стороны, придавала Пилсудскому привлекательную таинственность. Все это способствовало появлению выгодных для него толков. Мол, «дед знает, что делать», имеет, конечно, «свой план», сейчас специально помалкивает, но когда настанет время, немедленно выведет Польшу из тяжелого положения...

Ю. Пилсудский после 1918 г. не входил ни в одну из существовавших тогда в Польше партий и выступал против создания собственной, опираясь в основном на своих единомышленников. Правда, имеются неподтвержденные данные о его принадлежности к масонам. Как отмечалось, в начале своей карьеры он являлся членом ППС, полагая, что эта партия даст возможность использовать рабочее движение в борьбе за независимость Польши. Но к началу Первой мировой войны он отошел от ППС, хотя официально из нее не вышел. Известно, например, что в ноябре 1918 г. он даже возмутился, когда его называли социалистом. В первые годы становления Польши, да и позднее тоже, Пилсудский окончательно не порывал с ле-

выми партиями, часто используя их поддержку в своих целях. Хотя и не питал особых симпатий, не собирался реализовывать их социальных программ. Идейным социалистом он никогда не был в принципе.

Убийство президента Нарutowича в 1923 г. окончательно убедило Пилсудского: разногласия и эгоистические интересы различных партий угрожают основам существования самого государства. Он часто говаривал, что «никогда не хотел бы принадлежать ни к правым, ни к левым... и никогда не одобрял господства партий над Польшей». У Пилсудского была своя теория, не лишенная здравого смысла и глубокого понимания обстановки. Он считал, что перед поляками стоит грандиозная задача формирования работоспособных государственных структур и современной экономики. А этого, по его мнению, можно добиться только совместными усилиями всего народа, что с этим делом не справятся отдельные правые или левые. Поэтому идеальным, полагал он, было бы прекращение партийных споров в парламенте и вообще в государстве, создание правительства национального согласия, которое смогло бы использовать энергию общества в интересах государства.

Будучи по характеру категоричным и не терпящим возражений, Пилсудский не очень-то считался с парламентом и законами. Ему вообще был чужд парламентский метод принятия решений, и им не раз высказывались сомнения в способности депутатов представлять истинную волю народа. Одновременно он был высокого мнения о собственной персоне, своей непогрешимости, полагая, что именно ему история доверила будущее страны, что никто лучше него не понимает и не сможет реализовать интересы народа. Что именно он один способен спасти Польшу. Его постоянно раздражала работа парламента, дискуссии по любому поводу: бесконечные и зачастую бесплодные. Он не признавал, что этот государственный институт призван осуществлять верховную власть в стране. Парламентская форма правления противоречила его представлениям о системе государственной власти. Тем более, что сейм редко его поддерживал. Вся деятельность Пилсудского после 1918 г. — непрекращающаяся борьба с парламентом. Будучи

весьма эмоциональным, он не стеснялся в выражениях в адрес парламента вплоть до прямых оскорблений. Сохранились неслестные высказывания Пилсудского как о сейме, так и о его депутатах: «депутат — это ненужное в Польше явление», «депутат создан для того, чтобы задавать глупые вопросы и проносить глупые речи». По его мнению, законодательный сейм 1919 г. — это «сейм негодяев», а его депутаты — «паны, заслуживающие виселицы, один за другим». Второй сейм 1923 г. получил не менее уничтожительную характеристику: сейм «настолько скорруптирован и настолько нечестно относится к государственным делам, что ему нельзя отдавать на рассмотрение вопросы большого государственного значения». Не по нраву Пилсудскому пришелся и последующий сейм, избранный в 1928-м: «Сейм политических проституток»... Оценка, сопровождавшаяся угрозами роспуска. «В данный момент, — заявил Пилсудский, подразумевая депутатов парламента, — они примут то, чего я захочу, ратифицируют, что прикажу, поскольку боятся... а если нет, то я буду нарушать, нарушать...». Дело кончилось тем, что в 1930-м сейм был распущен, а наиболее ярые депутаты от оппозиции арестованы. Вот еще несколько перлов Пилсудского: «конституция смердит депутатским хлевом», «конституция — слово очень близкое к проституции».

Решив пойти на государственный переворот в 1926 г., Пилсудский не смущался тем, что нарушает конституцию, законы. Известны и такие его слова, раскрывающие суть воззрений: «Для человека сильного ответственность перед другими хороша только для человека слабого».

Но были и высказывания и противоположного толка, в которых Пилсудский предстает как мудрый государственный муж: «С разных сторон меня уговаривают ввести диктатуру и разогнать сейм. Сейм работает плохо, не понимая своей роли и своего назначения, своим стилем работы берет за образец самую плохую практику парламентаризма... Но я этого не сделаю... Если бы я нарушил закон, то открыл бы путь различным авантюристам к покушениям и переворотам. И я горжусь своей моральной заслугой, что именно я создавал в Польше право».

Такие порой взаимоисключающие суждения характерны для Пилсудского как политика.

Пилсудский на всю жизнь сохранил особое отношение к армии, к силовому, вооруженному, надежному инструменту для решения важных государственных проблем. Именно у армии, а не у сейма или партий он всегда искал поддержки. Его деятельность постоянно сплеталась с армейскими структурами. При руководстве парамилитарной организацией ППС, участием в Союзе активной борьбы, в организации польских легионов и на посту коменданта первой бригады легионеров. Отсюда и сохранившееся к нему обращение «комендант». Он не одобрял единоличного террора, выступая за организацию вооруженного восстания против России. Его идеалом всегда оставалось польское восстание 1863 г. После 1918-го он становится маршалом и верховным главнокомандующим, руководит походом на Киев в 1920-м, в котором ему приписывается победа над большевиками. Пилсудский — сторонник силового решения вопроса о присоединении западных областей Украины и Белоруссии и части Литвы с городом Вильно. Именно опираясь на преданные ему армейские части, он совершает переворот в 1926 г. и становится военным министром.

Ю. Пилсудский всегда стремился сохранить свое влияние на армию, а его приверженцы в среде военных нередко занимали высокие государственные посты. Например, генерал Ф. Славой-Складовский и полковник В. Славек были премьерерами, а полковник Ю. Бек длительное время был министром иностранных дел. Пилсудский поставил армию в привилегированное положение в государстве и обществе; военные всегда были в чести. А мощная пропагандистская машина неустанно внушала, что «армия не может обойтись без Пилсудского».

Пилсудский, придя после переворота к власти, получил почти диктаторские полномочия. Но отказался от высших должностей в государстве за исключением двухлетнего премьерства, довольствуясь постами военного министра и главного инспектора вооруженных сил. Это также один из секретов Пилсудского: ему было удобно, стоя как бы в стороне и не неся личной ответственности, руководить страной и иметь реальную власть, ка-

кою до него никто в Польше не располагал. Включая коронованных особ.

Проводимый Пилсудским и его сторонниками курс на «санацию», т. е. оздоровление государства, не дает основания назвать его курсом на фашизацию страны, как определили в то время в Москве. Однако установленный Пилсудским режим личной власти, отдельные события в политической жизни страны наводят на глубокие раздумья: преследование инакомыслящих, создание для своих противников специального концлагеря, организация политических судебных процессов, аресты депутатов парламента и забвение демократических принципов управления страной, преобладание «пилсудчиков» в государственной, экономической и военной жизни, подавление национальных меньшинств и т. д.

Ни о каких демократических свободах в нашем понимании при Пилсудском и речи быть не могло. С парламентом и общественным мнением он совершенно не считался и, по свидетельству оппонентов, не очень-то «долюбливал» своих соотечественников. Лидер Польши пренебрежительно относился к полякам, не веря в их способность реализовать его замыслы. Говорил об их неблагодарности и рассматривал своих земляков в качестве «подопытного поля для социальной демагогии», зачисляя их в «разряд идиотов». Ему же приписывается и такая крылатая фраза: «Для поляков еще можно что-то сделать, но с поляками — ничего». «Я создал, — откровенничал Пилсудский после переворота 1926 г., — целое множество красивых фраз и лозунгов, достаточно произнести первый попавшийся вздор, чтобы нашлись поляки, которые этому бы поверили».

И еще одна показательно-циничная фраза Пилсудского: «А что плохого в том, что погибнет немного полячишек?»

Ю. Пилсудский не был каким-то сверхчеловеком с необыкновенными способностями, рыцарем без страха и упрека. Отнюдь. Ему были присущи колебания и нерешительность, многие человеческие слабости. Так, напуганный Пилсудский при допросе в 1888 г. российским жандармским офицером по подозрению в организации убийства царя отказался от своей национальности, заявив, что он — белорусский дворянин. В 1926-м, несмо-

тря на крайне благоприятную обстановку, он никак не мог решиться на начало переворота. И его сподвижники вынуждены были имитировать нападение на Сулеювек, где находилась семья Пилсудского, чтобы подтолкнуть его на активные действия. В 1920 г., когда красноармейские части подошли к Варшаве, Пилсудский смалодушничал и подал заявление о своей отставке с поста верховного главнокомандующего. На его счастье, она не была принята.

Противоречивые данные имеются о вероисповедании Пилсудского. Существует версия, будто бы он отрекся от католичества, чтобы жениться на протестантке, что обратно в католическую веру он был крещен, уже находясь на смертном одре в бессознательном состоянии. Такая инсценировка понадобилась для того, чтобы не развенчать существующего по сей день мифа — «настоящий поляк может быть только католиком».

В политической и военной карьере Пилсудский тоже имел крупные провалы и поражения. Это обычное дело. Но об одном следует упомянуть особо. В конечном счете не прошла экзамен его внешнеполитическая доктрина «двух врагов Польши»: Германии и СССР. Она оставалась на вооружении и после смерти Пилсудского и стала причиной разгрома Польши в 1939 г., принеся польскому народу неисчислимые бедствия во время войны. Поэтому можно с полным основанием сказать: хотя Пилсудский умер еще до поражения в сентябре 1939-го и Варшавского восстания 1944-го, однако в том, что тогда произошло, есть также и доля его собственного поражения.

Ю. Пилсудский, несмотря на все свои слабости, неудачи и провалы, несомненно, является крупной политической фигурой начала века. Значителен его вклад в дело воссоздания и укрепления польского государства. Таким он и останется в истории. Нет оснований сомневаться в его высоком патриотизме, фанатичной преданности делу создания сильной и независимой Польши. В целом это была незаурядная личность. Он был хорошим организатором, человеком упорным в достижении своей цели, хорошо разбиравшимся во внутривнутриполитической и международной обстановке и в окружавших его людях. Правда, он предпочитал избавляться от своих сторонников,

наделенных сильной индивидуальностью, терпел только хороших исполнителей своей воли. Пилсудский пользовался также известным уважением за рубежом, с ним считались. Несмотря на крайний антисоветизм, Москва, например, была одной из немногих столиц, объявивших в связи с его смертью официальный траур.

Это была противоречивая, неординарная личность, достойная пера, как писали, и историка, и драматурга. Его оценки, свидетельствующие о пронизательности и остроте ума, разбросанные зачастую в переписке со своими сподвижниками, поражают точностью формулировок, правильностью оценок, подтвержденных затем последующей историей. Приведем одну из самых, на наш взгляд, впечатляющих. После заключения с Германией в 1934 г. пакта о ненападении он прозорливо заявил, что хорошие отношения с западным соседом недолговечны и могут продержаться не более четырех лет. Так и произошло.

Никто до сих пор не может дать убедительное объяснение такому парадоксальному движению, как постоянный рост популярности Пилсудского в стране. Этот феномен — самая большая загадка Пилсудского: в то время как его намерения нередко терпели крах, сам он продолжал взбираться по ступеням карьеры, дважды достигнув вершины — в 1918 и в 1926 гг.

Популярности Пилсудского в немалой степени способствовали его острые и сочные высказывания о своей стране и ее отдельных политиках. Некоторые уже приводились, но вот еще одно. Уходя в 1923 г. от дел, он оставил убийственную характеристику внутриполитической обстановки в стране: «Все это... большой бордель... я оставил в покое это свинство, пусть задохнется в своей вони». В минуты раздражения Пилсудский не выбирал выражений и в отношении своих ближайших соратников. Так, будущий маршал и приемник Пилсудского Рыдз-Смиглый как-то удостоился: «Вам бы только кур гонять, а не политикой заниматься».

Легенда о Пилсудском начала складываться очень рано, тем более что соответствующих фактов для этого было достаточно. Участие в покушении на царя, ссылка в Сибирь, бегство

из тюрьмы, организация легионов, ореол мученика после ареста германскими властями. Что создавалась она стихийно, верно лишь отчасти. В целом же это был запланированный результат работы огромного, как говорят, пропагандистского аппарата: раз нужен вождь — его нужно создать. Из ближайшего окружения Пилсудского был выделен и специальный человек — полковник Венява-Длугошевский для контактов с творческой интеллигенцией. И тот действовал весьма успешно.

Большая часть польского общества видела в Пилсудском единственного человека, у которого можно найти справедливость, способного побороть творящееся зло при условии, что ему не будут мешать нерадивые чиновники. О Пилсудском написано множество книг, брошюр, хвалебных статей и даже стихов, изданы альбомы и т. п. В них он именовался «твердой открытой солдатской натурой, бьющей энергией и сверкающей умом», «оздоровителем государства», «отцом народа», «великим вождем и воспитателем народа», «воссоздателем польской армии», «первым солдатом Речи Посполитой» и т. п. Личность Пилсудского вызывала и поток стихов. Вот, например, строчки С. Борковской: «Верховный вождь, хотя и без короны, достойный самый польский сын — король — дух».

Думается, ознакомь сейчас польского читателя хотя бы с частью подобного суесловия о Пилсудском — это вызвало бы у него настоящий шок: выходит, и поляки могут чрезмерно восхвалять своих кумиров не хуже, чем, скажем, в Китае или в Корее.

Но Пилсудский до сих пор популярен в польском обществе, неизменно занимая в опросах, и наверно заслуженно, первое место в ряду выдающихся поляков всех времен¹. И теперь в польских средствах массовой информации Пилсудского, как и встарь, именуют «первым маршалом», «великим поляком», «верным сыном польского народа», ему воздвигают памятники. Почти в каждом населенном пункте есть улица Пилсудского, его имя носит и главная площадь Варшавы.

Ю. Пилсудский — несомненно, сугубо польское явление, возникшее в определенный исторический отрезок времени в спе-

¹ Сейчас Ю. Пилсудского потеснил римский папа Иоанн Павел II.

цифических условиях, когда высшие интересы государства требовали создания сильного централизованного аппарата власти. В этом и сам Пилсудский, и все связанные с этим государственным деятелем проблемы принадлежат исключительно Польше, ее прошлому и настоящему. Что касается его русофобии, право судить о его значении как исторической личности принадлежит не только Польше, но и России.

5. Российские воинские захоронения в Польше

Здесь излагаются только малоизвестные сведения, почерпнутые в польской периодической печати и Архиве внешней политики РФ.

Так распорядилась история, что на польской территории осталось немало могил российских и советских солдат. Многие могилы остаются, к сожалению, заброшенными и почти забытыми. Неухоженные могилы в силу различных причин, в том числе естественных, постепенно исчезают. До сих пор, пока мы не приведем в порядок места их погребения, не будет полностью исполнен долг перед павшими.

Памятники боевой славы и захоронения до XX века

Таких памятников в Польше на сегодняшний день сохранилось не очень много, но они есть и о них следует помнить.

Символика возведенного польской стороной в 1953 г. памятника на Грюнвальдском поле, а также памятника «Грюнвальд», поставленного в Кракове в 1910 г. в честь победы над Орденом крестоносцев в 1410 г., отражает участие в битве и смоленских полков, которые в составе польско-литовского войска в решающий момент сдержали натиск неприятеля и внесли значительный вклад в общую победу над врагом славянства.

До настоящего времени кое-где сохранились отдельные памятники и захоронения времен Северной войны (1700–1721) и наполеоновских войн. Так, в окрестностях Гданьска есть памятник русским солдатам — участникам сражений с наполеоновской армией в 1807–1813 гг. Сохранился также обелиск М. И. Кутузову, умершему в 1813 г. в г. Бунцлау (ныне г. Болеславец на за-

падной границе Польши), воздвигнутый возле старой Саксонской дороги. На обелиске надпись:

«До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска российские. Но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас отечество свое и открыл путь освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

Там же до 1991 г. в доме, где размещался штаб Кутузова и где он скончался, располагался музей. В XIX и XX в. до 1945 г. музей содержался немецкой стороной, после окончания Второй мировой войны он был на балансе Министерства обороны СССР. После вывода наших войск из Польши музей был закрыт, он и расположенный рядом памятник неоднократно осквернялись, поэтому было решено экспонаты и памятник вывезти в Петербург и там создать новый музей. Притязания польской стороны на музейное имущество были отклонены.

Первая мировая война 1914–1918 гг.

В начальный период войны основные действия российской армии против Германии разворачивались на территории нынешней Польши. Ее отступление привело к тому, что к концу 1915 г. фактически весь Привислинский край, как тогда именовалась российская часть Польши, оказалась в руках германских и австро-венгерских войск. Российские солдаты, умершие от ран и болезней во время войны, хоронились преимущественно в Варшаве, положив начало существующему и поныне православному воинскому кладбищу на Повонзках. Что касается солдат, погибших на поле боя, то они предавались земле в условиях отступления, поэтому сведения о них наверняка давно затерялись как невостребованные. Исключение составляли случаи, когда после крупных сражений наступающей германской стороной с присущей ей педантичностью сооружались общие военные кладбища с русскими безымянными могилами.

О трагической судьбе армии генерала А. В. Самсонова, потерявшей в 1914 г. в результате предательства поражение в районе Мазурских озер и потерявшей свыше 100 тыс. сол-

дат, сейчас напоминает только ряд могил в бывшей Восточной Пруссии, отошедшей к Польше. Но, естественно, сохранилось очень мало, поскольку по этим местам прошел позднее огненный вал Второй мировой войны. Братские могилы затеряны, отдельные захоронения имеются в г. Ольштыне (бывш. Алленштайн), где на оставшихся православных могильных крестах еще сравнительно недавно можно было прочесть даты смерти в 1914, 1915, 1918 гг. Видимо, здесь покоятся солдаты, скончавшиеся в плену от ран. Можно разыскать также отдельные заросшие кладбища, курганы и могилы с небольшими надгробиями в районе гг. Ольштынек, Нидзица, Стембарк, Тухоля бывшего Быдгощского воеводства и в других местах (в Тухоли, например, захоронено 2308 человек¹). Несколько лет назад польской стороной под Луково, недалеко от Черска в том же воеводстве по инициативе местного ксендза было восстановлено кладбище русских военнопленных, умерших или расстрелянных в 1914–1917 гг. Реставрированы ограда, входные ворота с соответствующими надписями на польском, русском и английском языках, а на могильных крестах кое-где можно прочесть российские имена.

Существует также большое немецко-русское кладбище около Колонии Болимовской, бывшего Скерневицкого воеводства, на котором захоронены тысячи российских солдат — жертв первой в войне газовой атаки (хлор) весной 1915 г.² Могилы в большинстве случаев безымянные. Это бесхозное неогороженное кладбище хотя и сохранилось, но 30–40 лет назад уже находилось в стадии сильного разрушения.

Сравнительно недавно в польской печати («Жечпосполита», 31.10. — 1.11.2002 г.) появилась информация о воинских захоронениях Первой мировой войны на польском Прикарпатье, где проходил российско-австрийский фронт. Всего по приблизительным подсчетам имеется свыше 350 захоронений, в которых погребено около 60 тыс. солдат. В одном только Бескиде Низком насчитывается около 60 кладбищ, в которых захоронены тыся-

¹ См.: Новое время. 1994. № 30.

² *Cybat M. Zapomniane mogiły // Kierunki, 25.06.1978 г.*

чи солдат. Хоронили всех вместе, много безымянных братских могил, есть и православные кресты.

После 1945 г. в польской печати периодически публиковались сообщения об обнаружении во время различных земляных работ воинских захоронений времен Первой мировой войны. Однако Москва на направляемую по этому случаю информацию никак не реагировала. Вообще, центральные власти могилами царских солдат мало интересовались. Правда, имеются данные о том, что в декабре 1944 г. готовилось специальное постановление правительства о реставрации памятников российским солдатам в Польше и других странах Восточной Европы. Но после войны об этом, видимо, забыли.

Что касается вообще могил русских солдат, погибших в Первую мировую войну, то возможно будет полезной следующая обнаруженная архивная информация¹.

Сведения о могилах русских солдат в 30-е гг. XX столетия тщательно собирал полковник Янковский Петр Игнатьевич (бывший командир Муганского сводного отряда), который несколько лет работал над составлением такого списка, пользуясь архивами в Германии, Австрии, а затем в других европейских странах. Составленные им списки, как говорится в делах российской миссии в Белграде, он представил в Синодальную канцелярию Архиерейского синода Русской православной церкви за рубежом, а также в министерство юстиции Германии.

С распадом СССР возникает вопрос о сохранении на Украине и в Белоруссии воинских захоронений российских солдат, погибших в годы Первой мировой войны. По документам известно, что, например, около Львова имелась братская могила с останками 3,5 тыс. солдат.

Советско-польская война 1919–1920 гг.

Военные действия, развязанные Польшей ради присоединения исконно белорусских и украинских земель, привели к большому количеству жертв.

¹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 111. (Переписка по вопросу о могилах русских солдат, погибших в 1914–1918 гг.)

шим человеческим потерям с обеих сторон. Вопросы ухода за захоронениями в этой войне регулировались Рижским мирным договором 1921 г., в котором, в частности, предписывалось, что *«обе договаривающиеся стороны обязуются чтить и соответственно содержать могилы военнопленных, умерших в плену, а также могилы солдат, офицеров и иных военнопленных, погибших и похороненных на их территориях»*¹. Впоследствии данное положение в основном соблюдалось. Однако ни одна из сторон особого рвения в этом деле не проявляла.

В 1935–1936 гг. работниками аппарата военного атташе полпредства СССР в Варшаве была произведена проверка состояния могил. После посещения ряда крупных захоронений (Краков, Вильно, Демблин, Радзимин и др.) пришли к выводу, что польская сторона в целом положения мирного договора выполняет, могилы, хотя и подвержены в некоторых местах естественному разрушению, пока сохраняются, а кладбища снабжены таблицами на польском языке примерно одинакового уважительного содержания: «Павшим солдатам армии СССР. 1919–1920 гг.». Надгробные таблицы с указанием фамилий и воинских званий уже тогда отсутствовали. По итогам проверки НКВД СССР при поддержке наркома обороны поставил в правительстве вопрос о выделении минимальных средств на установление памятников или обелисков в местах солдатских захоронений. В письме на имя К. Е. Ворошилова от 29 ноября 1937 г. замнаркома иностранных дел В. П. Потемкина подчеркивалась необходимость *«приведения в порядок хотя бы наиболее крупных могил красноармейцев»*². Архив не дает ответа, была ли какая-нибудь официальная реакция на это письмо. Скорее всего, ее не было.

Архивы подтверждают, что на территории современной Польши было известно около 50 индивидуальных и братских могил наших солдат, polegших в кампанию 1919–1920 гг. Наиболее крупные из них: в Вадовицах бывш. Краковского воеводства — 833 захороненных, Перемышле — 846, Тухоли — 523, Кракове — 186, Варшаве — 107, Демблине — 209. Кроме того,

¹ Статья IX. П. 3 Договора. ДВП СССР. М., 1959. Т. 3. С. 628.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 21. П. 178. Д. 1. Л. 32–33.

в польских лагерях военнопленных от болезней, холода и голода на основании имеющихся в нашем распоряжении официальных документов погибло от 50 до 60 тыс. человек¹.

Без постоянного ухода все эти могилы разрушались и исчезали сами по себе. По польской версии, значительное их число было ликвидировано самой советской стороной, когда в 1944–1945 гг. солдат, погибших при освобождении Польши, хоронили в эти могилы и тем самым как бы их ликвидировали, поскольку делаемые надписи касались только жертв текущей войны (например, воинское кладбище в Пултуске). Подобная версия представляется вполне правдоподобной, но она нуждается в проверке. Фактически все захоронения войны 1919–1920 гг. за единичными исключениями не сохранились. И сейчас речь может идти не об их восстановлении, а, может быть, скорее об установлении общего памятника.

Вторая мировая война. 1941–1945 гг.

Но самый обильный урожай среди советских солдат собрала Вторая мировая война. По имеющимся сведениям, в Польше находится свыше 700 различных захоронений и свыше 26,5 тыс. могил, в которых покоится 600 тыс. солдат, отдавших жизнь на польской земле, а также ориентировочно 1,2 млн военнопленных и гражданских лиц, погибших в германских концлагерях. Правда, наши военнослужащие погибали в Польше и после мая 1945 г. от рук различных польских националистических формирований, главным образом Армии крайовой. Их точное число не установлено, предполагается, что их было свыше тысячи.

Наши воинские захоронения Второй мировой войны находятся в Польше в сравнительно хорошем состоянии. После 1945 г. могилы советских солдат были приведены в порядок польской стороной и за свой счет. Каждое захоронение имело своих опекунов в основном среди учащихся близ расположенных школ — коллективных членов Общества польско-советской дружбы.

¹ ДВП СССР. М., 1960. Т. 4. С. 319; АВП РФ. Ф. 384. Оп. 6. П. 207. Д. 18910. Л. 181–186.

По праздничным датам здесь ежегодно организовывались торжественные церемонии по возложению венков.

Как известно, сторонник дружбы между нашими народами польский полковник Я. Пшимановский издал книгу «Память Польши», в которую впервые были внесены все установленные на то время фамилии и места захоронения советских военно-служащих.

С конца 80-х гг. после изменения в Польше политического режима положение с нашими захоронениями заметно ухудшилось. Массовым явлением в Польше стало разрушение и осквернение могил и памятников советских солдат. Особенно интенсивно происходила профанация могил в 1989–1991 гг., но и позднее процесс их осквернения и демонтаж памятников, мемориальных таблиц, соответствующей символики на могилах продолжался. Повсеместно памятники в честь освобождения городов и населенных пунктов по решению местных властей, в которые пришли представители иной политической ориентации, удалялись. Демонтирован, например, памятник маршалу Коневу в Кракове, несмотря на то, что во время войны благодаря принятому им решению город был спасен от полного разрушения. Остается неизвестной судьба установленного в г. Жешуве в 1953 г. памятника молодогвардейцу Ивану Туркеничу, погибшему при освобождении этого города.

Произошло массовое переименование улиц и площадей, названия которых были связаны с армией-освободительницей, наших солдат в Польше вообще перестали именовать освободителями, а само освобождение официально стало трактоваться так, что оно произошло как бы естественным образом. Конечно, можно согласиться с тем, что подобных наименований улиц было больше, чем на то позволял здравый смысл, но их демонстративное поголовное переименование — дело глубоко аморальное, оскорбительное для соседнего народа, как вообще безнравственен вандализм, разрушение памятников, искусственное метастизирование ложью исторической памяти народа. Может ли это когда-нибудь быть забыто? Ничто не может изменить объективного факта освобождения Польши от гитлеровской оккупации советской армией. Хочется верить, что в национальной памяти

поляков все же сохранится чувство благодарности к солдатам-освободителям.

Захоронения на территории Польши советских военнопленных Второй мировой войны

На территории Польши в период гитлеровской оккупации существовало много лагерей, в которых содержались советские военнопленные¹. Сколько в них погибло солдат точно неизвестно, но счет идет, без всякого сомнения, на сотни тысяч. Наверное, в распоряжении соответствующих служб имеются данные об основных концлагерях и о числе погибших в них советских солдат. Однако, как представляется, еще не завершена работа по сопоставлению этих данных с информацией, содержащейся в различных архивах.

Дополнительной проверке требуют, например, данные о расстреле советских военнопленных вблизи г. Острув Мазовецкий (свыше 30 тыс. убитых), а также о гибели около 70 тыс. пленных в лагере возле с. Сельц, Острув-Мазовецкого повята, где с июля 1941 г. по апрель 1942 г. располагался лагерь советских военнопленных на 100 тыс. человек². Заслуживает внимания также информация Северной группы войск, направленная послу СССР в Польше с письмом от 22 декабря 1947 г., об обнаруженных новых лагерях советских военнопленных и советских граждан, погибших на территории Польши. В письме перечисляются следующие местности:

- с. Глинка, 6 км восточнее Торуня и в крепости Торунь;
- г. Дембица, 40 км западнее Жешува;
- с. Островек Венгровский, около Варшавы;
- м. Хоруц, 12 км западнее Белостока и с. Слободка, окраина Белостока;
- г. Ченстохова;
- г. Пиотркув, в районе города;

¹ Данные о гибели советских военнопленных во время Второй мировой войны в немецких лагерях на территории Польши // *Der Spiegel*. 1978. № 7.

² АВП РФ. Ф. 0182. Оп. 12. П. 106. Д. 2. Л. 36–37.

-
- д. Борич, Конинского повята;
 - в районе д. Кенисгут, 15 км северо-западнее г. Хахен-Штейн Мазурского воеводства¹;
 - лагерь советских военнопленных вблизи м. Понятово².

Польская сторона иногда передавала сведения о лагерях советских военнопленных, существовавших во время войны. В 70-х гг., например, сообщалось об обнаружении крупного захоронения примерно на 100 тыс. человек около д. Кшивулька, Сувалкского воеводства³, а также в лагере в районе г. Старгарда, Щецинского воеводства⁴.

Около г. Жагань (нем. Заген) Зеленогурского воеводства существовал столлаг VIII — комплекс лагерей для военнопленных — граждан антигитлеровской коалиции с крайне тяжелым режимом содержания советских пленнх⁵. В нем, как предполагается по числу поступивших туда эшелонов, их было не менее 100 тыс. Перед приходом советских войск все пленные были расстреляны, а документация полностью уничтожена, следы преступления тщательно скрыты. Расстрелянные похоронены в нескольких местах недалеко от лагеря, теперь там вырос лес, захоронения никак не обозначены. В конце 80-х гг. при содействии Министерства культуры СССР разрабатывался проект создания на этой территории мемориального комплекса.

Нельзя также забывать, что существуют кладбища советских военнослужащих и членов их семей Северной группы войск, умерших в Польше с 1944 по 1993 г., которые не подпадают под статус воинских. Всего таких объектов 16, в них захоронено около 1,5 тыс. человек.

Такова общая далеко не полная картина наших воинских захоронений в Польше.

¹ АВР РФ. Ф. 0182. Оп. 14. П. 107. Д. 1. Л. 3–4.

² АВР РФ. Ф. 122. Оп. 29. П. 90. Д. 120.

³ АВР РФ. Ф. 0122. Оп. 33. П. 254. Д. 1. Л. 150–153.

⁴ Kurier Szczeciński. 1988. 15–17 июл.

⁵ Gazeta Lubuska. 1989. 1 сент.

6. Православная церковь в Польше (1918–1939)

Так исторически сложилось, что в польском обществе всегда существовали довольно устойчивые настроения неприязни к России и русским вообще, русской культуре, православию. Причину следует искать в первую очередь в той обоюдной враждебности, которая не могла не возникнуть в ходе многовекового противоборства двух государств за ведущее положение в Восточной Европе. Роковую роль в нагнетании страстей сыграло также принудительное включение Польши в состав России в конце XVIII в., длившееся вплоть до 1918 г. События, происшедшие в двусторонних отношениях в первой половине XX в., только укрепили такие настроения (советско-польская война 1919–1920 гг., сентябрьская кампания 1939 г. по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии, трагедия в Катыни, зачастую надуманные обвинения в адрес СССР в связи с Варшавским восстанием 1944 г.). Свое дело сделала постоянно и целенаправленно проводимая весьма действенная польская пропаганда в средствах массовой информации по представлению России в качестве извечного врага страны и польского народа. Следует отметить, что после Второй мировой войны с обеих сторон был взят курс на преодоление взаимной предубежденности, и порой казалось, что этот курс, направленный на создание атмосферы доброжелательства и добрососедства между двумя народами, уже приносит положительные результаты. Однако подобные впечатления, как выяснилось впоследствии, оказались, к сожалению, неустойчивыми, обманчивыми.

Одной из причин, и причин далеко не второстепенных, разделяющих Россию и Польшу, является, несомненно, и тот факт, что большинство населения этих стран принадлежит к разным ветвям христианства — православию и католицизму.

Важным фактором в создании политического климата в стране на протяжении веков являлась римско-католическая церковь, которая традиционно пользовалась большим моральным авторитетом и всегда умела, оставаясь в тени, находить пути воздействия на принятие государственным аппаратом нужных ей административных решений, направленных на сужение сферы православия.

Здесь нами ставится ограниченная цель: показать конкретные факты действий польских властей против православия после обретения независимости страны в ноябре 1918 г. Пришедшие тогда к власти политические силы открыто демонстрировали свою враждебность к восточному соседу, охивали все, что связано с Россией, русской культурой, православием. В бывшей российской части Польши уничтожались памятники культуры, переименовывались названия городов, площадей, улиц, учреждений, свидетельствующих о прежних связях с Россией¹. Имевшиеся на территории Польши православные храмы квалифицировались не иначе как «символы угнетения» или «символы царского владычества», «оскорбляющие национальные чувства поляков». Они подвергались массовому разрушению, различным осквернениям, перестройке под костелы, происходило искусственное и значительное сокращение числа церковных приходов, преследовались православные священники и т. п. Предпринимались также шаги, направленные на «ополячивание» («униатизацию») церкви. Однако, как сообщало полпредство в Польше, *«среди русских православных священников обнаружилось очень большое сопротивление к попыткам полонизировать русскую православную церковь»*².

¹ То есть происходило примерно то же самое, что имело место в Польше в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29а. П. 245. Д. 11. Л. 1.

В первую очередь эта открытая демонстрация крайней нетерпимости и враждебности коснулась Варшавы, в которой в этот период было разрушено или перестроено под костелы большинство православных храмов (из свыше 40 действовавших ранее церквей осталось всего две). Современная история Европы не знает подобных массовых проявлений вандализма в отношении культовых построек и памятников культуры¹.

Пожалуй, самой варварской акцией явилось разрушение в столице православного собора Александра Невского, что возвышался на Саксонской площади. Собор был возведен известным архитектором Л. Н. Бенуа в стиле русских церквей XII в. (строительство завершено в 1912 г.). Его стены и своды были украшены мозаиками, выполненными по рисункам Ф. А. Бруни, А. П. Рябушкина, Р. Г. Судковского и др. Отделкой руководил В. М. Васнецов, он был и автором главных мозаик. Иконы были написаны художниками В. П. Гурьяновым и А. А. Харламовым, а главную икону собору подарил русский предприниматель и меценат Савва Морозов. Это величественное сооружение, внутри которого могло разместиться до 2,5 тыс. верующих, несомненно, представляло собой большую культурную и архитектурную ценность. Разборка собора с широким применением взрывчатки началась в 1920 г. и закончилась в 1926 г. Часть мозаик удалось спасти, и они украсили стены Покровского собора в г. Барановичи, иконы и колокола были вывезены ранее, в августе 1915 г., при отступлении русских войск из Варшавы. Колонны собора из яшмы впоследствии были использованы на изготовление надгробья Ю. Пилсудского в Кракове.

Разрушение собора вызывало в стране отдельные протесты, но они властями во внимание не принимались. Так, в 1923 г. депутат Сейма от русского меньшинства Н. С. Серебрянников вместе с другими депутатами внес запрос правительству, в котором предлагалось прекратить разборку собора². Но, как

¹ Нечто подобное мы с возмущением наблюдали в Косово. Международной общественностью также осуждены имевшие место в Афганистане действия талибов по уничтожению памятников буддизма мирового значения.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 6. П. 106. Д. 15. Л. 11.

свидетельствуют дальнейшие события, мнение депутатов было проигнорировано. Против полного сноса протестовал и известный польский писатель С. Жеромский, который, ссылаясь на высокую художественную ценность внутреннего помещения храма, советовал убрать только золотые купола, а остальную часть превратить в некий родовой мавзолей, где устанавливать саркофаги героев¹. Судьба собора интересовала и советскую общественность. Свидетельством этого является обнаруженное в архиве МИД письмо от 8 октября 1924 г. председателя делегации СССР на переговорах с Польшей П. Л. Войкова директору Государственного Эрмитажа С. Н. Тройницкому следующего содержания:

«Многоуважаемый Сергей Николаевич, как-то мы с Вами говорили о том варварстве, которое поляки делают с художественными картинами, находящимися в православном соборе на Саксонской площади в Варшаве. В частном разговоре с председателем польской делегации я на это указал, в ответ на что мне доставлена бумага, доказывающая, что, наоборот, Варшава очень этими картинами озабочена. Бумага, которая должна это доказать, заключается в просьбе митрополита Дионисия² о включении в особую комиссию представителей митрополита Дионисия для суждения о художественности этих картин. Больше никаких доказательств не прислано. Так как, мне казалось, Эрмитаж интересуется этим вопросом, направляю эту бумагу Вам»³.

Кроме того, в Варшаве была также скрыта православная церковь Архистратига Михаила (построена в 1894 г.) у входа в городской парк Лазенки под предлогом необходимости установления там памятника Ф. Шопену⁴.

¹ Polityka. 20.07.1996 г. Как критически заключает газета, «однако идеологические взгляды взяли верх над уважением к произведению искусства».

² Глава автокефальной православной церкви в Польше.

³ АВП РФ. Ф. 0384. Оп. 2. П. 108. Д. 9. Л. 253.

⁴ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 6. П. 106. Д. 11. Л. 57.

Гонения на церковь, разрушения православных храмов не ограничивались одной столицей, они происходили по всей стране. Так, в г. Холм (Хелм) была взорвана церковь Кирилла и Мефодия под предлогом необходимости установления на этом месте памятника Свободе¹. А вообще на Холмщине из 300 с лишним православных приходов было оставлено только несколько десятков, а остальные закрыты, а здания церквей конфискованы². В г. Плоцке православный собор был переделан в гарнизонный костел, а лики святых замазаны или стерты; гимназическая церковь превращена в католическую часовню; драгунская и уланская церкви — в танцевальные залы. Из госпитальной часовни полковых часовен во Влоцлавеке также учинили помещения для танцев, повесив вывеску: «Sala dla tańcow i zabaw»³. В г. Конин церковь превращена в склад, так же как и в г. Рава Мазовецка, где вдобавок снесены купола и сломаны кресты. В г. Коло православная часовня превращена в католическую⁴.

Советское правительство неоднократно протестовало против преследования в Польше православия и разрушения храмов.

В ноте НКВД РСФСР от 22 июля 1922 г. в адрес польской миссии в Москве, в частности, отмечалось:

«...Вопреки ст. 11 польской Конституции от 17 марта 1921 г. и ст. VII Рижского договора, которыми Правительство Польской Республики гарантирует свободу вероисповеданий всем жителям страны, православное население в Польше подвергается неслыханным гонениям и притеснениям.

Из 38 приходов Холмского уезда к концу 1921 г. только 11 имели право свободного совершения церковных богослужений. С изданием в феврале 1922 г. нового статута последовало дальнейшее гильотирование православных приходов в Холмщине, причем оказались закрытыми приходы, имевшие 6000 православных. Такое же сокращение приходов проводится польскими властями

¹ Там же.

² Там же. Оп. 8. П. 112. Д. 48. Л. 20.

³ «Зал для танцев и развлечений».

⁴ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 6. П. 106. Д. 15. Л. 4–6.

и в других уездах. В закрытые приходы, несмотря на ходатайства прихожан, православные священники не допускаются...

Могучим средством борьбы с православной церковью в пределах Польской Республики стала парцелляция, отнятие у православного духовенства церковной земли, домов, хозяйственных служб. Разоренные войной прихожане содержат духовенство не могут, а исконные земли православной церкви отдаются гражданскими властями католикам...

Крайняя религиозная нетерпимость, фанатизм и национализм как польских властей [так] и духовенства дошли до того, что в это дело вынужден был вмешаться римский престол, который в лице папы Бенедикта XV напомнил им о христианском смирении и терпимости...

Правительство Польской Республики, торжественно провозгласив равноправие и свободу всех вероисповеданий, в действительности представляет широкие преимущества и привилегии римско-католической церкви, подвергая неслыханным гонениям и преследованиям национальные меньшинства других вероисповеданий, в том числе русских православных, чем явно нарушает ст. VII Мирного договора, заключенного в Риге...»¹.

В последующей ноте НКИД СССР от 15 августа 1923 г. отмечалось, что в Польше «христианское» правительство совершает вопиющие акты, абсолютно недопустимые с точки зрения христианской совести... Достаточно упомянуть о сносе православного собора в Варшаве, как нарушающего своей византийской архитектурой общую панораму Варшавы как католического города...»².

Осуждение принятого в Польше фронтального наступления на православие содержится также в очередной ноте НКИД СССР польскому правительству от 10 мая 1924 г., в которой отмечается:

«Особенное место занимает преследование православия. Закрыты и переданы под костелы десятки церквей, в ряде польских городов в польской части Украины и Белоруссии духовенство выселяется и арестовывается»³.

¹ ДВП СССР. М., 1961. Т. 5. С. 527–529.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 6. П. 106. Д. 11. Л. 57.

³ Там же. Оп. 8. П. 112. Д. 49. Л. 16.

Поскольку польская православная церковь входила в состав Московской патриархии, то у СССР в то время были определенные правовые основания протестовать по поводу положения церкви, но когда в 1924 г. эта церковь получила автокефалию из рук вселенского константинопольского патриарха, пусть и незаконно¹, то советская дипломатия, видимо, посчитала, что теперь подобных оснований нет, и официальные протесты прекратились. Хотя, конечно, гонения на церковь продолжались, как и прежде. Об этом свидетельствует, в частности, справка посольства СССР в Варшаве от декабря 1945 г., в которой отмечалось:

«Православие в Польше начало систематически преследоваться, да еще при помощи своих же предателей (митрополит Георгий и его преемники) и в 1938 г. достигло зенита: 156 православных святынь Забужья при помощи полиции было варварски разрушено»².

После Второй мировой войны каких-либо серьезных несправедливостей от польских властей в отношении православной церкви не наблюдалось. Но вот любопытный факт: тогдашнее польское руководство воспротивилось восстановлению прежнего порядка, когда православная церковь входила в состав Московской патриархии. С такой позицией Кремлю, несмотря на существовавшие тогда иные мнения³, пришлось посчитаться, и в конце 1948 г. православная церковь получила автокефалию, но уже в соответствии с каноническими положениями, от московского патриарха.

Сложности для православной церкви возобновились в Польше в конце 80-х гг., после установления там иного политического режима, который вернулся к курсу, проводимому в 1918–1939 гг. Сейчас снова, как и раньше, церковь имеет затруднения в сохранении своей недвижимости, в том числе права на землю, в уста-

¹ Поскольку православная церковь была составной частью Московской патриархии, то предоставить автокефалию по существующим правилам можно было только с ее согласия.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 28. П. 206. Д. 34.

³ См., например, справку посольства СССР в Варшаве от 1947 г. «По вопросу о положении православной церкви в Польше» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29а. П. 245. Д. 11).

новлении границ приходов и т. д. Католический костел обладает рядом значительных привилегий, отсутствующих у православной церкви, которые позволяют ему посягать на церковное имущество. В начале 2002 г. церковь обратилась в Конституционный суд с просьбой проверить соответствие конституции некоторых положений закона «Об отношении государства к Польской автокефальной православной церкви» от 4 июля 1991 г., указывая на нарушения принципа равенства перед законом всех церквей в Польше. Суд в принятом решении (апрель 2003 г.) довольно цинично указал, что церкви нельзя требовать равных прав с католическим костелом, поскольку тот занимает особое положение по времени своего пребывания на польской земле, численности католиков в стране и территориальному охвату верующих. Православная церковь выразила несогласие с таким решением и обратилась в Верховный суд по правам человека в Страсбурге.

Заключение и выводы

Как свидетельствуют факты, польские власти после 1918 г. организовывали широкие гонения на православную церковь с нарушением действующей конституции и соответствующих положений Рижского мирного договора 1921 г. и пренебрегая взятыми на себя международными обязательствами. По этому поводу в одном из документов, хранящемся в архиве, после перечисления фактов притеснения православных в Польше делается следующий вывод:

«Более вопиющего презрения к своей подписи на Рижском трактате со стороны Польши — трудно и невозможно себе представить»¹.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в Польше постоянно нарушался конституционный принцип, составляющий неотъемлемую часть каждого демократического государства, — веротерпимость, в данном случае к православию.

¹ АВР РФ. Ф. 0122. Оп. 8. П. 112. Д. 48. Л. 23.

7. Советско-польские культурные связи (1927–1939)¹

Политические отношения между Россией (СССР) и Польшей с самого начала возникновения польского государства в ноябре 1918 г. и особенно после войны 1919–1920 гг., несмотря на предпринимавшиеся Москвой энергичные дипломатические усилия, оставались постоянно напряженными, а моментами и явно враждебными. Польша в отношении своего восточного соседа держала себя провокационно, заносчиво, позволяла себе мелкие и крупные недружественные акты, а польская печать, формировавшая общественное мнение, открыто проводила антиросийскую, антисоветскую кампанию, которая то периодически усиливалась, то несколько ослабевала, но никогда не прекращалась полностью. Именно в Варшаве был убит советский полпред П. Л. Войков, захороненный у Кремлевской стены, делались покушения на торгпреда и других работников полпредства и консульств. В области большой дипломатии именно Польша препятствовала приему СССР в Лигу Наций, в грубой и развязной форме прореагировала на направленную в 1938 г. официальную ноту Москвы с предупреждением об ответственности Варшавы за участие вместе с фашистской Германией в агрессии против Чехословакии. Советское руководство все это время не исключало возможности нового вооруженного нападения со стороны

¹ См.: *Иванов Ю. В.* О советских культурных связях с Польшей в 20–30 годы XX века // Новая и новейшая история. 2013. № 3 (журнальный вариант).

Польша в одиночку или вкупе с другими государствами (например, вместе с Германией или прибалтийскими государствами и Румынией). С учетом существования такой угрозы разрабатывал свои стратегические планы Генеральный штаб Красной армии.

При оценке советско-польских отношений в этот период бросается в глаза чрезвычайная схожесть тогдашней внешней политики Польши с ее нынешним курсом в отношении России. Невольно возникает мысль о том, что, может быть, период нормальных взаимоотношений между Россией и Польшей в 1945–1990 гг. был как раз исключением, каким-то отступлением от предназначенного историей места Польши как извечного антагониста России.

Казалось бы, при подобном состоянии политических отношений в 20–30 гг. всякие связи между странами в области культуры были исключены. Однако на деле, как это ни парадоксально, эти связи имели место и, хотя их объем был сравнительно небольшим, они оказывали свое воздействие на советскую и польскую общественность. Правда, первые годы после заключения мирного договора в 1921 г. были в этом отношении совершенно бесплодными. Постепенно, однако, здесь происходят положительные изменения. В Польше появляется интерес к русской литературе, музыке, театру, кино, живописи.

Настоящий прорыв произошел в январе 1927 г., когда по инициативе полпреда¹ наши представители приняли участие в международном Chopin-конкурсе в Варшаве (фортепиано), на котором первое место было присуждено Л. Оборину, а высокое четвертое — Г. Гинзбургу². Эта победа советских исполнителей заметно поколебала официальную польскую точку зрения о том, что, как сообщало

¹ У нас как-то вообще недооценивается роль посла, посольства в развитии культурных связей России со страной пребывания. Тому же П. Л. Войкову, который сыграл весьма неблагоприятную роль в убийстве последнего российского царя и его семьи, следует отдать должное в деле установления регулярного сотрудничества между Россией и Польшей в области культуры.

² Д. Шостакович по болезни выступил ниже своих возможностей и не вышел в финал.

полпредство в Польше, в России якобы нет «никаких культурных достижений, все старое разрушено, разграблено, ничего не сделано, полное одичание»¹. Советское участие в конкурсах становится традиционным (в 1932 и 1937 гг.), в 1937 г. первые места снова завоевали советские пианисты — Я. Зак и Р. Тамаркина. В 1935 г. триумфальным было участие советских исполнителей Д. Ойстраха и Б. Гольдштейна на конкурсе им. Венявского (скрипка).

В Польше возникает также интерес к советской художественной литературе. С 1927 г. на польском книжном рынке стали появляться переводы советских писателей И. Эренбурга, Л. Леонова, Б. Пильняка, П. Романова, М. Зощенко и др., издается 12-томная библиотека современников: выходят однотомники Вс. Иванова, Б. Лавренева, С. Клычкова, В. Маяковского, К. Федина, С. Есенина, запланирован выпуск томов М. Шолохова, М. Горького, М. Ильина, А. Авдеенко, Л. Рубинштейна и др. Книги расходились хорошо. В Москве, правда, сетовали на то, что издаются больше так называемые «попутчики», а не пролетарские писатели, но не препятствовали этому.

Интерес к советской художественной литературе, победы на международных музыкальных конкурсах в Польше не остались незамеченными в кругах, формирующих советскую внешнюю политику, которые усмотрели в культурных связях важный канал для оказания воздействия на польскую общественность. Член коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоняков писал по этому поводу в январе 1927 г.:

«Работа по линии культурного сближения между нами и Польшей представляет значительный политический интерес, но, к сожалению, мы до сих пор обращали на нее слишком мало внимания. При тех отношениях, которые сложились у нас с Польшей, культурное сближение может быть важным фактором политического сближения»².

Причем такая задача ставится исключительно в политическом плане, поскольку, как отмечалось:

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 10. П. 129. Д. 68. Л. 122–130.

² Там же. Л. 131.

«...Польша, стоящая относительно ниже СССР в культурном отношении, не представляет для наших ученых особого интереса, как и для наших художников, музыкантов и т. д.»¹.

В очерке не затрагиваются вопросы научных связей, но они также имели место, правда, в очень ограниченных размерах. В основном эти контакты сводились к участию в довольно частых в то время различных международных конгрессах и съездах. Здесь хотелось бы подчеркнуть весьма симптоматичную деталь. В 20–30-х гг. в Польше нередко проводились различного рода мероприятия с участием славянских стран (учителей, врачей, географов, историков и т. п.), в которых мы, получая приглашение, зачастую уклонялись от участия. Так, например, мы не приняли приглашения направить в 1934 г. делегацию на конгресс славистов. Здесь дело, как представляется, заключалось в том, что после революции 1917 г. жестко преследовались в партийном и государственном порядке всякого рода идеи о сотрудничестве или единстве славянских народов, а попытки участвовать в каких-либо славянских или русских организациях неизменно осуждались как проявление российской великодержавности и русского шовинизма.

Разговор о необходимости расширения культурных связей с Польшей особенно оживился, как ни странно, после военного переворота Ю. Пилсудского в мае 1926 г. Было принято соответствующее постановление директивных органов, а ВОКС сверстывает специальный план работы «по культурному сближению с Польшей»². В НКВД СССР этот план был оценен как «сближение с нами передовых элементов польской общественности»³.

В этом плане речь шла, в частности, об организации снабжения польских газет информацией и статьями о Советском Союзе, о продвижении советских кинофильмов, о взаимном обмене литераторами, художниками, артистами и учеными, об установлении связей в области спорта и т. п. Следует подчеркнуть, что

¹ Там же. Л. 125.

² Там же. П. 128. Д. 61. Л. 30.

³ Там же. Л. 55.

активную организационную роль в осуществлении культурных контактов играло полпредство, несмотря на его крайне малочисленный состав по нынешним меркам, один из старших дипломатов которого, являлся также представителем ВОКС.

Прежде всего стали осуществляться поездки видных советских деятелей культуры в Польшу. Из литераторов, например, во второй половине 20–30-х гг. приезжали и встречались с местной творческой интеллигенцией И. Эренбург и Б. Пильняк (оба неоднократно), Л. Сейфуллина, В. Маяковский, визит которого польская сторона, правда, оценила негативно. Побывали также Б. Лавренев (1934 г.), который вызвал большой интерес в либеральных кругах, он посетил, в частности, польский Пен-клуб и присутствовал на театральной постановке своего произведения «41-й», а также Л. Никулин, который по возвращении сделал следующий вывод:

«Я все же думаю, что надо найти какую-то форму и наладить оборвавшиеся культурные связи с оппозиционными писателями»¹.

В 1934 г. в связи с переводом на польский язык «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» в Варшаве находились И. Ильф и Е. Петров.

Большим достижением для культурного общения был выпуск специальных номеров журналов, полностью посвященных литературе другой стороны. После длительной подготовки такой номер польского журнала «Ведомости литератке» появился в октябре 1933 г.², а польский номер «Литературной газеты» — в июле 1935 г. Причем в отличие от польской стороны наш номер не распространялся в открытой продаже, его не получили даже подписчики, что было замечено поляками и поставило нас в двусмысленное положение.

Частыми гостями на гастролях в Польше были Л. Оборин, Д. Ойстрах, М. Максакова, В. Барсова (почти ежегодно вплоть до 1936 г.), Г. Гинзбург и др. В 1934 г. в Польше выступал

¹ АВП РФ. Ф. 056. Оп. 20. П. 43. Д. 13. Л. 42.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 19. П. 172. Д. 21. Л. 25.

И. Ильинский. Как правило, их гастроли имели хорошую прессу, что нельзя сказать о советской печати. Так, по возвращении из гастролей в Литву, Латвию и Польшу М. Максакова в своем интервью «Вечерней Москве» (16 февраля 1936 г.) позволила себе пренебрежительно высказаться в адрес Польши. По этому поводу польская газета «Иллюстрированы курьер подзенны» (22 февраля 1936 г.) поместила едкую, но, как кажется, объективную заметку под заголовком «Неблагодарная Максакова», в которой, в частности, читаем:

«Знаменитая артистка не сказала советским репортерам, что она проводила целые дни в магазинах, закупая вещи, которые ни за какую цену нельзя достать в Советях.»

Так, достойно сожаления, пишет о своем триумфе советская артистка, не сознавая себя обязанной к какой-либо благодарности по отношению к странам, которые приняли ее с исключительной сердечной признательностью.

Иначе отблагодарила Советы польская артистка г-жа Бандровская, которая после каждой своей поездки не щадит слов для своих советских хозяев.

Две женщины — две культуры»¹.

А вот советские фильмы в Польше в целом большим успехом не пользовались. Как сообщало полпредство, «... польская публика любит смотреть преимущественно американские фильмы и легкие фарсы, наши фильмы для них тяжеловаты»². Вот почему в 1935 г. с большим успехом в Польше прошел фильм «Веселые ребята». Следует отметить, что польская цензура по политическим соображениям часто не пропускала на экран фильмы, которые составили позднее классику советского кино, «Броненосец “Потемкин”», «Мать», «Путевка в жизнь», «Чапаев», «Александр Невский», «Петр I».

В это время в полпредстве серьезно работают над созданием Общества культурного сближения Польши с СССР, над подпи-

¹ Там же. Оп. 20. П. 177. Д. 45. Л. 15.

² Там же. Оп. 10. П. 129. Д. 68. Л. 123.

санием так называемой культурной конвенции о защите авторских прав, о создании в Варшаве книгообменного центра и специализированного магазина советской книги. Хотя эти проекты были в конце концов в 1935 г. отклонены польской стороной, однако сама их постановка показывает, до каких пределов Москва была готова сотрудничать с Польшей в области культуры.

В свою очередь за эти годы в СССР побывали известные польские театральные режиссеры А. Зельверович, Л. Шиллер, С. Ярач, режиссер еврейского театра в Варшаве (дважды). Выезжали также поэты Ю. Тувим, В. Броневский (1934 г.), А. Слонимский, известный публицист С. Мацкевич¹, написавший затем для польской печати ряд не всегда и не во всем благоприятных для нас статей о Советском Союзе. Из польских вокалистов особым успехом в СССР пользовалась Э. Бандровская, гастролировали также певцы Я. Кепура, А. Чаплиций и другие представители польской культуры. Так что сотрудничество не было движением в одну сторону.

К сожалению, обмен газетами так и не удалось наладить, за исключением еврейских газет². Польская цензура практически не допускала в страну советскую периодическую печать, причем это касалось не только партийных газет, но и большинства профсоюзных, научных и культурных изданий. Например, можно с большим трудом понять причины запрещения следующих периодических изданий: «Авиация и химия», «Аграрные проблемы», «Охрана материнства и младенчества», «Рабочий театр», «Вестник воздушного флота», «Физкультура и спорт», «Изобретатель» и многие другие³. Впрочем, аналогичное отношение к польской прессе было и у советской стороны. В переговорах с поляками по данному вопросу руководствовались строгим указанием сверху о том, что *«польские газеты в настоящий момент не могут быть допущены на территорию СССР»*⁴. Советское

¹ С. Мацкевич-Цат был немедленно оценен как антисоветчик, и уже после Второй мировой войны, когда он в 50-е годы вернулся в Польшу из эмиграции, наше отношение к нему оставалось также негативным и предвзятым.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 18. П. 170. Д. 38. Л. 1.

³ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 16. П. 53. Д. 20. Л. 11.

⁴ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 19. П. 172. Д. 21. Л. 36.

предложение разрешить продавать официозы двух стран: в Польше — «Известия», а в СССР — «Газету польску» не было принято¹. К сожалению, такое положение, как это ни странно, сохраняется до сих пор: польская периодическая печать сейчас в России недоступна, так же как книги на польском языке, которые ранее можно было приобрести в Москве, например, в магазине «Дружба» наряду с произведениями других иностранных авторов.

Кстати, советская сторона не была безгрешна в том, что ограничивалось распространение советских газет в Польше, поскольку в них часто делались антипольские выпады, которые давали основание польскому посольству в Москве направлять в НКВД СССР ноты протеста². Кроме того, в советских газетах довольно часто помещался нелицеприятный материал для поляков, публиковались карикатуры, оскорбляющие польский государственный герб, офицерский мундир и лично Ю. Пилсудского. Примером может служить газета «Гудок», которая как-то изобразила польский герб в виде орла-стервятника, и журнал «Коммунист» (Харьков), поместивший изображение Пилсудского, смывающего кровь с рук³.

Под воздействием русской культуры формируется узкий слой польской интеллигенции, благожелательно относящийся к Советской России. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в тех сложных политических условиях не побоялись прислать поздравительные телеграммы по поводу спасения челюскинцев в 1934 г. М. Левоневский⁴ и М. Спасовский⁵.

¹ Там же. Оп. 18. П. 170. Д. 38. Л. 6.

² Как подчеркивалось в нотах посольства ПР, выступление П. Постышева «Под ярмом польских помещиков и капиталистов» («Правда», 1935. 18 дек.) и враждебный в отношении Польши тон выступления председателя украинского правительства П. Любченко в феврале 1926 г. «не соответствуют польско-советским отношениям» (АВП РФ. Ф. 112. Оп. 19. П. 59. Д. 12. Л. 1, 15).

³ АВП РФ. Ф. 122. П. 34. Д. 13. Л. 14.

⁴ М. Левоневский — брат Героя Советского Союза А. В. Леваневского, также летчик, погиб в 30-х гг. на территории Чувашской АССР во время установления рекорда полета на дальность. На месте гибели в свое время был поставлен памятник.

⁵ М. Спасовский — отец Р. Спасовского, который в 70-х гг. был заместителем министра иностранных дел, а затем послом ПНР в США.

Присутствие советской культуры, конечно, беспокоило польские власти, которые постоянно стремились затормозить дальнейшее развитие связей. Как писал в своем дневнике 1-й секретарь полпредства в 1928 г., *«поляки за последнее время под различными предлогами стали чинить препятствия приезду наших артистов, прямо заявляя, что директор департамента искусств министерства просвещения Скотницкий вообще возражает против приезда советских артистов и художников в Польшу»*¹.

Первые явные признаки свертывания польско-советских культурных связей обозначились в 1934 г. после подписания Польшей в январе этого года с Германией декларации о неагрессии². В частности, именно тогда запрещается выезд на гастроли в СССР театральной труппы А. Зельверовича, по сути дела, следует отказ принять московский театр им. Евг. Вахтангова, снижаются закупки советских фильмов³, производятся обыски и выемки советских книг в различных книжных магазинах страны. Подписка на советские периодические издания сократилась «почти до нуля». В 1937 г. польской стороной были конфискованы, например, повесть Л. Пантелеева «Пакет», сборники стихов П. Антокольского и В. Маяковского, частушек А. Веселого, избранные произведения В. Инбер, «Ночь» Б. Ясенского⁴, а также сборник рассказов И. Бабеля «Конармия», на который сейчас так любят ссылаться польские публицисты и историки как на чуть ли не самый важный, по их мнению, архивный источник советско-польской войны 1919–1920 гг. Польская сторона не выпустила своих литераторов, приглашенных на первый съезд советских писателей в 1935 г. (Л. Кручковского, В. Броневского и Ю. Тувима). В Польше усиливается и внутренняя цензура. Например, подверглась конфискации новая книга М. Спасовского под заголовком «СССР», правда, большая часть тиража которой уже разошлась⁵. Как писало полпредство

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 12. П. 143а. Д. 38. Л. 94.

² АВП РФ. Ф. 011. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 67.

³ Здесь сыграл свою роль и тот факт, что, например, в 1934 г. мы продали Польше 22 фильма, а не приобрели ни одного.

⁴ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 12. П. 48. Д. 13. Л. 51.

⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 20. П. 177. Д. 43. Л. 4.

в 1935 г., «времена наступили в Польше тяжелые, симпатии для СССР становятся немодными и опасными»¹. В мае 1934 г. в переписке НКВД с полпредством констатируется, что «советско-польское сближение на данном этапе можно считать, в основном, законченным. Все говорит за то, что Пилсудский не желает идти на дальнейшее сближение с СССР». В одной из своих информаций полпредство в 1937 г. подчеркивает «возрастающее гонение польских властей на все, что способно возбудить симпатии к СССР»². В том же 1937 г. полпред в Варшаве пишет о «полном зажиме нашего культурного проникновения»³.

К 1939 г. почти все контакты в области культуры прекратились. В последние перед войной годы польская сторона принимала небезуспешные активные меры, чтобы полностью изолировать полпредство от польской интеллигенции⁴. Последней инициативой польской стороны было предложение провести встречу сборных футбольных команд в Варшаве 15 октября 1939 г. Но, как оказалось, это было запоздалое предложение, началась война.

Заключение и выводы

Какие обобщения можно сделать из довоенной истории культурного сотрудничества двух стран, которые имели бы актуальность для настоящего времени?

1. В условиях существовавшего после войны 1920 г. недоверия и подозрительности друг к другу российской стороной был сделан правильный вывод о том, что развитие связей в области культуры с Польшей возможно и может стать действенным фактором нормализации межгосударственных отношений, способным в значительной степени смягчить существующий в польском обществе антагонизм к России. При этом, естественно, учитывалось, что в результате длительного нахождения Польши в составе Российской империи, там, несмотря ни на

¹ Там же. Оп. 19. П. 172. Д. 21. Л. 44.

² АВП РФ. Ф. 122. Оп. 20. П. 62. Д. 26. Л. 9.

³ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 7. П. 133. Д. 80. Л. 134.

⁴ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 13. П. 148. Д. 34. Л. 136.

что, не могла не сохраниться некоторая тяга к русской культуре и немалый круг людей, в той или иной степени знающих русский язык. Осуществление этих связей подпитывалось время от времени и политическим взаимодействием двух государств: подписанием в 1929 г. Московского протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана–Келлога об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, двустороннего соглашения о ненападении (1932 г.) и др.

2. Выступления и гастроли советских исполнителей в Польше, издание книг советских авторов, различные выставки и другие события в двусторонних отношениях имели положительное значение, явились своеобразной демонстрацией образа СССР, обладающего представителями культуры и искусства мирового уровня. А участие советских исполнителей в проводимых в Польше международных конкурсах, в свою очередь, способствовало выходу советской культуры из изоляции.

3. Такой курс на широкое развитие культурных связей с Польшей являлся убедительным свидетельством миролюбия Советского Союза, его стремления идти на широкое и долговременное сотрудничество. Он опровергает высказываемое кое-где сейчас мнение об агрессивности Советского Союза в эти годы.

4. Следует подчеркнуть, что тогдашний уровень культурных связей с Польшей превышает их сегодняшний уровень. Пример Польши также показывает, как можно быстро растерять все положительное в этой области, накопленное после 1945 г., если пустить дело на самотек, руководствуясь принципом «рынок все отрегулирует сам». Результат известен: не будет преувеличением сказать, что в культурном и духовном отношении Польша за последние 20 с лишним лет значительно отделилась от нас, а наши некогда сильные позиции, в частности, в области распространения в польском обществе русского языка, практически полностью утрачены, и в этом, несомненно, есть и наша вина. Правда, в последнее время в Польше наблюдается рост интереса к русскому языку, но это явление мы никак не можем поставить себе в заслугу.

РАЗДЕЛ IV

ОТНОШЕНИЯ С ПОЛЬШЕЙ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945)¹

¹ См. также: *Иванов Ю.* Освободительный поход или агрессия? // Военно-исторический журнал. 1994. № 9.

1. Военная кампания в Польше (сентябрь 1939 г.)

Международно-правовые аспекты ввода советских войск в Польшу

17 сентября 1939 г. части Красной армии перешли границу с Польшей, которая 1 сентября того же года подверглась вероломному нападению со стороны гитлеровской Германии. С тех пор минуло уже свыше 70 лет, но до сего времени в оценках этой военной акции СССР между нашей и польской историографией продолжают сохраняться существенные расхождения по кардинальному вопросу — что это было: освободительный поход Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию или же заурядная агрессия.

Мы ставим перед собой ограниченную, в том числе и временными рамками, задачу: полемизируя с отдельными положениями, выдвигаемыми сейчас польской стороной, попытаться на основании доступных нам материалов и без предвзятости изложить нашу точку зрения на спорные и остающиеся в тени некоторые моменты военного конфликта 1939 г.

Современная польская историография и особенно публицистика на исторические темы в оценках 1939 г. в настоящее время полностью и безоговорочно перешли на позиции довоенных правительственных кругов страны — сторонников Ю. Пилсудского¹, которых их политические противники, опи-

¹ Одной из главных политических фигур оппозиции режиму Ю. Пилсудского был генерал В. Сикорский, который не случайно по-

раясь на широко распространенные настроения среди польской общественности, требовали привлечь к ответственности за гибельный курс, приведший к поражению в войне с Германией и утрате государственной самостоятельности. Эти круги, стремясь переложить собственную вину на других, обвинили Советский Союз во всех грехах, а вступление частей Красной армии на тогдашнюю территорию Польши характеризовали как агрессию, «удар в спину», участие совместно с Германией в «четвертом разделе Польши» и т. п. Подобные, скажем, недостаточно обоснованные суждения, ставшие сейчас в Польше как бы хрестоматийной истиной, не могут не вызвать самых серьезных возражений.

Основная слабость такого подхода, на наш взгляд, заключается в том, что события 1939 г. в большинстве польских публикаций рассматриваются в узком плане, исключительно в масштабах двусторонних отношений и лишь с точки зрения интересов самой Польши. Что ж, подобного рода ограниченный исторический анализ имеет, наверное, какое-то право на существование. Но следует учитывать, что при этом очень высок риск впасть в односторонность, нарушить объективную картину происшедшего. Так, по нашему мнению, получается и в данном случае, когда вступление советских частей в Западную Украину и Западную Белоруссию рассматривается изо-

сле поражения Польши стал премьер-министром эмигрантского правительства в Лондоне и в июле 1941 г. восстановил дипломатические отношения с СССР. В. Сикорский в своих заявлениях отмечал, что истинными причинами военного поражения страны была политика пилсудчиков, которые, по сути дела, обманули народ, не готовились к войне с Германией, не имели даже разработанного плана военных действий на случай войны с нею, не согласовали взаимодействие с союзниками, а польская армия была технически хуже оснащена, чем в 1925 г. В завершение своего выступления 6 марта 1940 г. он подчеркнул, что вопросы виновности за поражение в 1939 г. «должны быть выяснены до конца» (публикация: *Narodowiec*. 1.06.1949. См. также: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 33. П. 259. Д. 73). Такая позиция польского премьера и стала, по всей вероятности, причиной его гибели в авиакатастрофе при весьма странных обстоятельствах в 1943 г. (См.: *Климковский Е.* Я был адъютантом генерала Андерса. М., 1964. С. 279, 293–298).

лированно, вне связи со сложившейся к сентябрю 1939 г. обстановкой в Европе, да еще при этом совершенно игнорируется законное право СССР иметь собственные государственные интересы и отрицается правомерность их защиты. В частности, сознательно пренебрегают тем фактом, что после Мюнхенского соглашения Великобритании и Франции с Германией и Италией в 1938 г. Советский Союз оказался в полной международной изоляции с малоприятной перспективой войны на два фронта: с Германией и Японией. Можно, конечно, сейчас спорить о правильности и моральной стороне принятия предложения фашистской Германии заключить пакт, но в то время у советской стороны не было иной альтернативы. При этом не следует забывать, что Кремль склонился к такому решению только после фактического провала известных переговоров о военном сотрудничестве с ведущими двойную игру Великобританией и Францией, закончившихся безрезультатно в определенной степени из-за позиции Варшавы, которая, несмотря на советы своих западных союзников, правда не очень настойчивые, категорически отвергла саму возможность какого бы то ни было военного взаимодействия с СССР¹. Это общеизвестные исторические факты, которые серьезный историк никак не может игнорировать.

Решение СССР начать в сентябре 1939 г. военную кампанию не было совершенно неожиданным для польской стороны, как это утверждается в некоторых публикациях². Так ли это? Из-

¹ С другой стороны, следует иметь в виду, что сами Великобритания и Франция были не очень-то заинтересованы в установлении военного сотрудничества Польши с СССР, опасаясь, что в этом случае Германия могла бы направить свою агрессию на запад. Поэтому нельзя, конечно, однозначно обвинять одну Польшу в срыве переговоров СССР с Великобританией и Францией по военной линии.

² Например, польский историк К. Лишевский приводит запись генерала К. Соснковского о следующем высказывании маршала Э. Рыдз-Смиглого в июне 1939 г., которое можно назвать пророческим: «[...] Главнокомандующий [...] допускал возможность вооруженного выступления Советов против Польши, но, однако, лишь в заключительный период войны и только тогда, когда под воздействием неблагоприятного для нас развития событий российское правительство придет к выводу, что

вестно, что отношения между двумя странами с момента воссоздания польского государства в ноябре 1918 г. складывались весьма неблагоприятно и были очень далеки от добрососедских. Развязанная польской военщиной война 1920 г. привела к закреплению взаимного недоверия и враждебности. Вина за это падает, видимо, на обе стороны, хотя и не в равной степени. В результате на всем протяжении 1921–1939 гг. внешняя политика и военная доктрина СССР исходили из возможностей повторной интервенции со стороны Польши, одной или, как тогда говорили, вкупе и влюбсе с Германией или с Великобританией и Францией. Основания для подобных выводов предостаточно, они подтверждаются документами, опубликованными не только в СССР. И когда в критический момент августа 1939 г. Советский Союз вел поиск союзников, Польша, являясь постоянным источником напряженности на западной границе и открыто проводившая антисоветский курс, не могла рассматриваться Кремлем иначе, как враждебное государство. Поэтому представившаяся возможность избавиться от перманентного противника, видимо, сыграла немалую роль в принятии им решения о вводе войск.

В результате этой акции оборонительные рубежи СССР были отодвинуты на 250–300 км. Если бы эти превентивные меры не были приняты, то Польша была бы полностью оккупирована Германией и нападение последней с польского плацдарма на СССР в июне 1941 г., когда пространственный фактор играл далеко не последнюю роль, могло бы иметь более грозные последствия для судеб нашей страны и всей Европы. Тем самым в сентябре 1939 г. были, по сути дела, заложены в определенном смысле основы провала германского блицкрига в России, а вступление советских войск в Польшу, как подтвердил ход дальнейших событий, объективно отвечало интересам общей борьбы с фашизмом, включая и широко понимаемые долговременные интересы самой Польши. Недаром У. Черчилль, которого трудно заподозрить в каких-то симпатиях к СССР, выступая по ра-

поляки кампанию безусловно проиграли» (*Liszewski K. Polsko-sowiecka wojna 1939 г. Polski fundusz kultury. London, 1986. S. 24, цитируется по статье «Obrońcy granic» // Morze i Ziemia. 1988. 12–18.09).*

дио 1 октября 1939 г., фактически одобрил этот шаг Москвы как открывающий «восточный фронт» против Германии¹.

Вышесказанное несколько не умаляет того факта, что Польша в конечном счете в 1939 г. была первой страной, не подчинившейся диктату гитлеровской Германии, она нашла в себе смелость практически в одиночку выступить против намного превосходящего в военном отношении противника. Со стороны Польши это была, бесспорно, оборонительная, справедливая война в защиту своей государственной независимости, что всегда привлекает всеобщие симпатии. Таким смелым шагом, думается, она завоевала для себя почетное место в истории Второй мировой войны. Следует также отдать должное мужеству польского солдата и офицерского корпуса, оказавших сопротивление германскому агрессору. И не их вина, что война была проиграна, просто силы были слишком неравны.

В целом вызывает определенное уважение и независимая позиция Польши до 1939 г., ее политика лавирования между двумя соседними державами — Германией и СССР, особо не ангажируясь ни на одну из сторон. И все-таки думается, что Польша на самом последнем перед войной этапе, видя бесперспективность продолжения такого курса, уже исчерпавшего себя в новой обстановке, могла бы проявить больше дальновидности и пойти на предложение СССР о военном сотрудничестве. Но в Варшаве тогда после смерти Ю. Пилсудского, к сожалению, не нашлось равного ему по дальновидности государственного мужа, чтобы принять правильное решение.

Мы далеки от того, чтобы настаивать на полной безупречности поведения СССР в отношении Польши. Следует, например, признать справедливость возмущения польской стороны в связи со сделанными высокими представителями руководства СССР заявлениями, которые противоречат исторической правде, уни-

¹ «Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть» (*Черчилль У.* Вторая мировая война. М.: Изд. Министерство обороны СССР, 1955. Т. 1. С. 407).

жают достоинство польского государства и польского народа. Все это заслуживает глубокого осуждения. Имеется, прежде всего, в виду известное выступление В. М. Молотова на сессии Верховного совета СССР 31 октября 1939 г., в котором он характеризовал польское государство как «уродливое детище Версальского договора»¹. Нельзя также принять чрезмерно победоносный тон реляций в нашей печати в период польской кампании, а также оскорбительное для национальной гордости поляков содержание карикатур в советских периодических изданиях или распространенных в виде плакатов. Правда, польская политическая карикатура тех лет также не безгрешна в этом отношении.

Общая канва развития событий в Польше в сентябре 1939 г. хорошо известна. Остановимся лишь на отдельных моментах, которые, на наш взгляд, остаются без должного внимания польских исследователей и публицистов.

1. В нынешних польских публикациях о событиях 1939 г., как правило, полностью отвергается аргументация, содержащаяся в ноте НКВД СССР польской стороне от 17 сентября 1939 г., в которой объясняются причины вступления советских войск на тогдашнюю польскую территорию. С такой позицией нельзя полностью согласиться.

В ноте, безусловно, присутствует ряд не совсем точных положений, например, о взятии к этому времени немцами Варшавы, о местонахождении польского правительства, о прекращении существования польского государства (де факто, но не де юре!). Но это все фактологические неточности.

А действительность такова, что к 17 сентября 1939 г. произошло качественное преобразование правового пространства, предусмотренного для действия договора о ненападении 1932 г. Это была уже не та Польша, с которой заключался договор: значительная часть ее территории была оккупирована Германией, все центральные государственные институты были практически лишены возможности осуществлять власть, управление

¹ Восстановление в июле 1941 г. дипломатических отношений СССР с польским правительством В. Сикорского в эмиграции означало, по сути дела, дезавуирование этой формулировки.

армией было утрачено, правительство еще 6 сентября эвакуировалось из столицы и не проявляло признаков жизни, военное командование, бросив армию и народ, находилось на границе с Румынией и было готово в любой момент ее пересечь. Не оставалось никаких сомнений в том, что Польшу уже ничего не спасет от близкого разгрома.

Обстановка того времени воспроизведена в книге российского историка М. Мельтюхова:

«Приказ от 10 сентября был последним общим распоряжением польского главнокомандования. Вслед за этим оно покинуло Брест и двинулось в направлении румынской территории, потеряв на несколько дней всякое управление войсками. [...]

Как сообщал 10 сентября в Париж французский представитель при польском Генштабе генерал Арманго, “здесь царит полнейший хаос. Главное польское командование почти не имеет связи с воюющими армиями и крупными частями. [...] Польская армия собственно разгромлена в первые же дни”¹.

Основное обвинение, выдвигаемое польской стороной в связи с вводом советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г., заключается в том, что Советский Союз нарушил договор о ненападении 1932 г. Давайте порассуждаем на этот счет. Да, нарушил, но на этом нельзя ставить последнюю точку. Как отмечалось в разделе III, СССР имел основание денонсировать данный договор в 1938 г. в связи с захватом Польшей части чехословацкой территории, но не желая нагнетать и без того напряженную обстановку в Европе и понимая, что такой шаг мог бы теснее связать Польшу с гитлеровской Германией, решил воздержаться от приведения в жизнь своей угрозы. В то время польская сторона, как видно из ее ответа на советский дипломатический демарш, проявила полное пренебрежение к судьбе договора о ненападении с СССР. А теперь лишь для того, чтобы обвинить СССР, этот дого-

¹ Мельтюхов М. Советско-польские войны. Военно-политические противостояния. 1918–1939 гг. М., 2001. С. 263.

вор, видите ли, вдруг понадобился. Довольно непоследовательная линия поведения. Получается, что практически Советский Союз обвиняется в том, что в 1938 г., руководствуясь интересами европейского мира, не денонсировал договор о ненападении с Польшей, а если бы он это сделал и пренебрег тем самым еще сохраняющимися возможностями найти общий язык с Польшей для создания общего фронта борьбы с фашизмом, то к нему не было бы никаких претензий. Ведь не выдвигается, например, никаких аналогичных обвинений в адрес Германии, которая имела такой же договор с Польшей, но денонсировала его, а затем 1 сентября 1939 г. напала на нее, развязав Вторую мировую войну. Чуть какая-то, вот в какую абсурдную ситуацию может завести формальный подход к вопросу.

Если стать на сугубо формально-юридическую точку зрения, то к 17 сентября 1939 г. сложилась ситуация, с существованием которой в международном праве допускается одностороннее аннулирование договоров в силу «коренного изменения обстоятельств», существовавших при заключении данного договора (оговорка *rebus sic stantibus*). Что и было фактически изложено СССР в ноте от 17 сентября 1939 г. Примерно такими же соображениями руководствовались западные союзники Польши — Великобритания и Франция, которые не выполнили взятое на себя в подписанных с Польшей договорах обязательство в случае нападения на Польшу Германии начать эффективные боевые действия против последней, отложив их на 1940 год.

Вместе с тем не подлежит сомнению, что если бы СССР напал на Польшу совместно с Германией 1 сентября 1939 г., то ответственность советской стороны за нарушение подписанных договоров, а также правомерность ее обвинения в агрессии тогда имели бы определенное основание.

Польские историки почему-то не воспринимают заложенное в упомянутой ноте СССР объяснение, что одним из главных мотивов ввода советских войск было стремление взять под защиту проживавшее в Польше белорусское и украинское население, которое с энтузиазмом встречало части Красной армии, а свое вхождение в состав СССР рассматривало как экономическое и духовное освобождение. Польскими авторами данный факт признается, но при

этом каких-то само собой напрашивающихся выводов из этого не делается, а они лишь ограничиваются констатацией, что польское население не разделяло подобный энтузиазм.

2. В современной польской историографии утвердилось в виде аксиомы положение, якобы не требующее никаких доказательств, что в сентябре 1939 г. СССР проявил агрессию в отношении Польши совместно с Германией при тесном взаимодействии двух армий. В подтверждение последнего тезиса обычно приводятся действительно имевшие место факты: парад советских и немецких войск в Бресте, совместное патрулирование во Львове, запечатленные на фотографиях случаи доброжелательных встреч представителей двух армий и т.п.¹ Но все эти факты, само собой разумеется, никак не могут служить весомым доказательством совместно спланированного нападения. К тому же данные контакты явились результатом не какого-то стихийного проявления дружественных чувств с обеих сторон, как это, например, имело место в 1945 г. на Одере со стороны советских и американских солдат². Наоборот, их характеризует большая сдержанность, а с германской стороны они были тщательно регламентированы специальными распоряжениями³.

¹ Уж если говорить о фотографиях, то весьма сильное впечатление производит, например, снимок, на котором генерал Бур-Коморовский подобострастно со склоненной головой пожимает руку германского генерала перед подписанием капитуляции АК в Варшаве в октябре 1944 г. *Gazeta Poznańska*. 2.10.1987 // Военно-исторический журнал. 1999. № 4. С. 43.

² Время от времени в работах польских и российских историков появляются и другие «факты» о тесном советско-германском сотрудничестве в этот период, которые не соответствуют действительности. Так, фальшивкой оказалась информация о том, что в марте 1940 г. в Кракове между представителями НКВД и гестапо заключено соглашение о совместной борьбе против польского патриотического подполья. Такая встреча действительно имела место, но на ней обсуждались только технические вопросы, связанные с эвакуацией беженцев, и не более того. См.: *Вишнёв О.В.* Краковский протокол 1940 г. Было ли «антипольское соглашение» между НКВД и гестапо? Из германских архивов // Новая и новейшая история. 1995. № 5.

³ См. публикацию под рубрикой «Паразиты у власти» // Военно-исторический журнал. 1993. № 9.

С польской стороны избегают комментировать тот факт, что агрессия Германии и ввод советских войск в Польшу состоялись не одновременно, а с разрывом в 16–17 дней. Этот временной разрыв, на наш взгляд, заключает в себе особый смысл и в значительной степени подрывает упомянутую польскую версию событий.

Из имеющихся в нашем распоряжении документов не вытекает, что между СССР и Германией имелась какая-то договоренность об одновременном нападении на Польшу. Можно с большой долей достоверности сказать, и это подтверждается дальнейшими событиями, что такой договоренности, зафиксированной в документах, не было вообще. Общеизвестно, однако, что Берлин после 1 сентября неоднократно понуждал Москву начать наступление против Польши, сопровождая это слегка завуалированными угрозами, а та всячески затягивала время, выжидая дальнейшего развития событий, в том числе реакцию Великобритании и Франции. Объяснить подобную позицию одной неподготовленностью СССР, как это сообщалось для отвода глаз германской стороне, было бы явно недостаточно.

Есть все основания полагать, что СССР не случайно уклонился от нанесения совместно с Германией удара по Польше. 1 сентября это сделала одна Германия, и в силу этого именно на ней и только на ней лежит ответственность за развязывание Второй мировой войны на европейском континенте. Нельзя исключать, что Кремль, выжидая, преследовал именно такую цель. В этом случае, если даже и существовала между СССР и Германией договоренность об одновременном начале военных действий против Польши, то сам факт, что СССР уклонился от ее выполнения, свидетельствует только в пользу дипломатии Москвы. Советская сторона выдерживала паузу, внимательно следя за тем, как разворачиваются военные действия в Польше, какие меры принимаются союзниками Польши — Великобританией и Францией, будто бы еще не решив, что ей делать. В это многозначительное выжидание вписывается, в частности, официальный запрос 2 сентября полпреда СССР в Варшаве министру иностранных дел Польши Ю. Беку о том, почему Польша не обращается за помощью к СССР в соответствии с торговым договором. Этот, казалось бы,

абсолютно нелогичный факт, если его рассматривать именно с этой точки зрения, получает совершенно иное звучание¹.

СССР ввел войска в Польшу лишь 17 сентября, когда уже многое прояснилось. Стало, например, ясно, что Великобритания и Франция, формально объявив войну Германии, на деле бросили своего союзника на произвол судьбы, так же как год назад Франция оставила в беде своего чехословацкого союзника². К этому времени части вермахта уже подходили к Бресту и Львову, фронт, как таковой, распался на отдельные очаги польского сопротивления. Не было никаких сомнений, что Польша войну уже проиграла. Откровенное признание данного факта мы находим во многих источниках³. Поэтому никак нельзя согласиться с теми польскими авторами, которые задались нынче целью опровергнуть эту очевидную и общеизвестную истину, заявляя, что если бы не выступление СССР, то польская армия могла бы еще не только сопротивляться, но и чуть ли не добиться военного перелома. Однако нельзя отрицать, что предпринятые советской стороной действия, конечно, сказались на ослаблении боевого потенциала остатков польской армии, но это какого-нибудь принципиального значения уже не имело.

В польских публикациях подчеркивается, что тогдашнее центральное гражданское и военное руководство страны пере-

¹ См., в частности: *Парсаданова В.С.* Польша, Германия, СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 20.

² В польской исторической литературе, как правило, в последнее время замалчивается поведение своих союзников — Великобритании и Франции, особенно общеизвестный факт отказа в оказании Польше прямой военной помощи в виде организации наступления на западном фронте. Решение перенести такое наступление на весну 1940 г. было принято (но так впоследствии и не выполнено!) премьерами двух стран на заседании британско-французского Верховного совета в г. Абвиле 12 сентября 1939 г.

³ К такому выводу приходят, например, во время встречи 9 сентября 1939 г. министр иностранных дел Польши Ю. Бек и генерал К. Соснковский (*Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. Okres 1939–1945. Gdańsk, 1989. Т. 1. С. 64). А вот мнение У. Черчилля: «Вторая неделя ознаменовалась ожесточенными боями и к концу ее польская армия, насчитывающая номинально около двух миллионов человек, перестала существовать как организованная сила» (*Черчилль У.* Вторая мировая война. М.: Изд. МО СССР, 1955. Т. 1. Примечание к п. 2. С. 403).

шло румынскую границу вечером 17 сентября только после получения сообщения о выступлении советских войск. Наверное, в действительности так и было. Но в данном случае это — второстепенный или даже третьестепенный факт, не имеющий того якобы решающего значения для исхода всей польско-германской кампании, какое ему сейчас пытается придать польская сторона. Все равно правительство и главное военное командование Польши страной и военными действиями уже не руководили. К тому же известно, что решение об уходе всех центральных властей за границу было принято еще до 17 сентября.

3. В современной польской концепции событий сентября 1939 г. совсем не придается значения тому, что СССР фактически отказался от первоначальной договоренности с Германией относительно линии разграничения советских и германских войск в Польше. По нашему мнению, это существенное упущение. Как известно, линия такого разграничения в центральной Польше в соответствии с секретным протоколом проходила в основном по Висле, оставляя за СССР, в частности, правобережную часть Варшавы — Прагу. Если бы подобная договоренность была реализована, то тогда, безусловно, имелись бы основания обвинить СССР в участии вместе с Германией в разделе именно Польши. Но, как мы знаем, этого не произошло. СССР считал целесообразным изменить свою прежнюю позицию, предложив новое разграничение, в основном проходящее по «линии Керзона», в соответствии с чем к СССР отходили практически только районы, населенные преимущественно белорусами и украинцами¹. Тем самым СССР вернул отторгнутые Польшей в 1919–1921 гг. территории, как бы получив обратно только свое².

¹ На территории Западной Белоруссии и Западной Украины, отошедшей к СССР, оказались и местности, где большинство составляли поляки. После Второй мировой войны эта ситуация была изменена путем передачи Польше Белостокской области и района Перемышля.

² Британский министр иностранных дел Э. Галифакс, выступая в палате лордов 28 октября 1939 г. официально от имени правительства заявил, что новые границы СССР на западе в основном совпадают с «линией Керзона». ДВП. М., 1992. Т. 21. Кн. 2. С. 392.

4. Анализируя внешнюю политику СССР в августе–сентябре 1939 г. и, в частности, решение о вводе войск в Польшу, не следует в целях соблюдения справедливости предъявлять к Советскому Союзу какие-то особые требования, какой-то двойной стандарт, нужно оценивать его шаги по меркам, применяемым в тот период к другим государствам. На самом деле в 1939 г. СССР, предпринимая шаги по укреплению своей безопасности, действовал как и все и по правилам, которые не он установил и которым повсеместно следовали другие. Тех же правил во внешней политике придерживалась и сама Польша. Ей никак не откреститься от того, что вместе с гитлеровской Германией она приняла участие в разделе Чехословакии, захватив силой район Тешина, а также подумывала о присоединении Словакии. Единственным государством, протестовавшим против, был Советский Союз¹. В том же 1938 г. Польша также совместно с Германией вынашивала планы раздела Литвы. И тому, что эти планы не были осуществлены, несомненно, способствовал энергичный дипломатический демарш, предпринятый СССР перед польским правительством².

5. При рассмотрении событий сентября 1939 г. возникает вопрос: можно ли ввод частей Красной армии на тогдашнюю польскую территорию считать второй советско-польской войной (если первой считать войну 1919–1920 гг.) или же эти события следует квалифицировать как-то по-иному?

Известно, что ни та ни другая сторона официально друг другу войны не объявляли. Не содержалось объявления войны и в ноте, предъявленной польскому послу в Москве 17 сентября 1939 г.³ Известно также, что польский верховный главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглый перед тем, как со всем руковод-

¹ ДВП СССР. М., 1977. Т. 21. С. 516.

² Там же. С. 129.

³ Сейчас в польской литературе можно встретиться с суждением, что польское правительство допустило серьезную ошибку, не объявив формально состояния войны с СССР, что якобы позволило бы ей интернационализировать конфликт (см.: статья «O godzinie 4 rano...» // *Życie Warszawy*. 17.09.1993). Вместе с тем известно, что более дальновидные политики Франции и Великобритании настойчиво не рекомендовали Польше объявлять войну с СССР (ДВП России. М., 1992. Т. 22. Кн. 2. С. 109).

ством страны перейти в Румынию, узнав о вступлении советских войск, издал по армии два взаимоисключающих приказа. В первом приказе предписывалось оказывать советским частям вооруженное сопротивление, а во втором наоборот — «с большевиками в бой не вступать»¹. Примерно аналогичным образом прореагировал командующий армией «Варшава» польский генерал Руммель, который в своем официальном письме на имя советского полпреда в Варшаве сообщил, что он дал указание рассматривать перешедшие границу советские части как «союзнические». Этот документ уникален в том смысле, что является ценным свидетельством о настроениях среди высшего польского офицерского корпуса в сентябре 1939 г. Хотя данное письмо как бы повисло в воздухе, поскольку в то время в советском полпредстве из дипломатов уже никого не было, все же целесообразно привести полный текст этого письма.

*Инспектор армии
Дивизионный генерал
Юлиуш РУММЕЛЬ
Варшава, 17 сентября 1939 г.*

*Господин Посол,
как командующий армией, защищающий столицу Польской Республики, и будучи представителем командования польской армии в западном округе Польши, я обращаюсь к господину Послу по следующему вопросу:*

Запрошенный командирами частей польской армии на восточной границе, как они должны относиться к войскам Советской Республики, вступившим в границы нашего государства, я ответил, что части Армии СССР следует рассматривать как союзнические.

Имею честь просить господина Посла дать разъяснение, как к моему приказу отнесется Армия СССР.

Командующий армией «Варшава»

*РУММЕЛЬ
дивизионный генерал²*

¹ Gass A. Morze i Ziemia. 1988. 12–18.10.

² АВП РФ. Ф. 122. Оп. 22. П. 68. Д. 27. Л. 24. Перевод с польского.

Со своей стороны, народный комиссар обороны СССР К. Е. Ворошилов к военной кампании также подписал несколько приказов, в которых, в частности, подчеркивалось, что при отсутствии сопротивления со стороны польских войск оружия не применять, польских военнопленных из числа белорусов и украинцев тут же отпускать по домам, а из числа чехов и словаков по национальности — также отпускать, но под подписку. Подчеркивалось, что главная цель кампании — взять под защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины.

При продвижении частей Красной армии на запад в большинстве случаев сопротивления со стороны польских подразделений почти не оказывалось, до крупных сражений дело не доходило, в основном шли бои местного значения.

Было ли все это войной? Если и можно дать такое определение, то войной своеобразной, может быть еще одной «странной войной»¹. Потери противоборствующих сторон были минимальными. Всего по различным источникам было интернировано 130–180 тыс. польских солдат и офицеров². Вскоре большинство польских солдат было освобождено, но не все: некоторые использовались на работах по строительству линии укреплений вдоль новой западной границы СССР. Значительная же часть пленных офицерского состава была впоследствии расстреляна в Катыни и других лагерях. Подобные действия были нами осуждены и квалифицированы как преступные.

¹ В своем обращении по радио 1 марта 1940 г. к польскому народу премьер-министр польского правительства в эмиграции В. Сикорский заявил, что «мы находимся в состоянии войны с Советами, как и с Германией» Цит. по: *Dąbkowski H. Wojna polsko-sowiecka w 1939 roku // Słowo. Dziennik katolicki. 1996. 11 март.*

² Ориентировочные данные о потерях приводятся в статье: *Осипова С. Н. Осень 1939 года. К вопросу о польских военнопленных // Военно-исторический журнал. 1990. № 3*, в которой указывается, что с советской стороны было убито и ранено свыше 2,5 тыс. человек, примерно столько же потеряла польская сторона. Польские источники утверждают, что советские потери составляют 20–30 тыс. человек, а вот польские эмигрантские историки дают цифры в 3 тыс. убитых и 7 тыс. раненых (*Jabłoński R. 17 Wrzesnia // Słowo powszechnie. 1998. 17–19 сент.*).

Заключение и выводы

Изложенные выше оценки и соображения относительно характера польской кампании в сентябре 1939 г. свидетельствуют, что, с точки зрения государственных интересов СССР, учитывая чреватую войной обстановку в Европе, это была необходимая и своевременная акция для обеспечения более благоприятных позиций и по укреплению безопасности страны и, что также важно, для исторически справедливого воссоединения белорусского и украинского народов. В подтверждение именно такого вывода нами приведены, как представляется, убедительные аргументы. Однако при этом нельзя отрицать, что ввод советских войск осуществлялся на основе сговора с Германией за счет третьего суверенного государства и фактической ликвидацией самого его существования¹. Такая вот вырисовывается противоречивая картина. Что ж, зачастую в истории правда не всегда бывает однозначной.

Позицию польской стороны по обвинению СССР в агрессии можно понять. Но понять — это не значит с ней согласиться. Бесспорно одно, что события сентября 1939 г. надлежит непременно рассматривать не как сугубо региональный советско-польский конфликт, а обязательно в тесной увязке с общей международной обстановкой того времени и с учетом не сиюминутных, а долговременных интересов государств будущей антигитлеровской коалиции, включая СССР и Польшу.

Вернемся к нашим дням. Негативная память о 17 сентября 1939 г. жива до сих пор в историко-психологической памяти польского общества, главным образом, видимо, потому, что после ввода советских войск начались репрессии против польско-

¹ Более тщательной проверки требует выдвигаемая некоторыми российскими и польскими историками версия о том, что Гитлер якобы был сторонником сохранения марионетного польского государственного образования, а Сталин категорически возражал против сохранения польской государственности в любой форме (см.: Некрич А. Дорога к войне // Огонек. 1991. № 27). Существует и противоположная точка зрения (см.: Орлов А. С. // Военно-исторический журнал. 1991. № 10). Свет на эту проблему проливает беседа Сталина и Молотова с Риббентропом в Москве 27 сентября 1939 г. (ДВП РФ. М., 1992. Т. 22. Кн. 2. С. 608 и 610).

го населения в Западной Белоруссии и Западной Украине, его массовая депортация в глубь СССР, которая коснулась многих семей¹. Все эти действия в настоящее время нами справедливо осуждены. Вместе с тем вызывает беспокойство факт, что стремление России раскрытием правды о преступлениях тоталитарного режима как бы повиниться за допущенные ранее несправедливости в отношении польского народа и снять тем самым напряженность между двумя народами пока не достигло ожидаемой цели. Мы являемся, к глубокому огорчению, свидетелями противоположного процесса в Польше, что не отвечает велению времени. Следует также отметить, что в нынешних польских публикациях сознательно гипертрофируются пришедшие с востока несчастья, а день 17 сентября (а уже не 1 сентября — день нападения фашистской Германии на Польшу!) некоторыми польскими авторами квалифицируется как самая трагическая дата в истории Польши. Оставим эту явно политизированную и не соответствующую действительности формулировку на совести ее авторов². Можно только констатировать, что, к сожалению, в Польше не нашел отклика конструктивный призыв польского журналиста Я. Трубусевича покончить с необъективностью отечественной историографии путем подготовки совместно с учеными стран Восточной Европы специального сборника, в котором были бы высказаны имеющиеся взаимные претензии в историческом плане, и тем самым способствовать их постепенной ликвидации³.

Конечно, нельзя отрицать, что в политике СССР в отношении Польши было много такого, что справедливо подвергается осуждению. Но наряду с этим нельзя забывать и другое. В СССР

¹ Выселения «ненадежного элемента» из приграничной зоны в связи с ростом военной опасности не являются в истории редкостью. Например, 5 февраля 1925 г. административная комиссия польского Сейма приняла постановление о выселении из восточных воеводств около 0,5 млн местных жителей, главным образом украинцев, белорусов и русских (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 9. П. 118. Д. 76).

² 17 wrzesnia 1939 — nauki dla Polski. Słowo powszechne. 1990. 17 сент.

³ *Trubusiewicz J. Wspólna historia. Szanse i odpowiedzialność // Gazeta wyborcza. 1994. 3 фев.*

во время Второй мировой войны, несмотря на громадные материальные трудности, были сформированы две польские армии, сражавшиеся впоследствии с общим врагом на различных фронтах. Именно в СССР нашли прибежище польские граждане, спасавшиеся от верной смерти в оккупированной гитлеровцами Польше, а также из Западной Белоруссии и Западной Украины. Советский Союз бескорыстно предоставил приют тысячам польских детей, выживших в тяжелые военные годы с помощью принявшей их страны, а потом вернувшихся на родину. За освобождение территории Польши отдали жизнь свыше 600 тыс. советских солдат. Советский Союз, наконец, в своей внешней политике во время войны и после ее окончания последовательно добивался оптимальных границ Польши¹, в первые послевоенные месяцы поддержал продовольствием голодающую Варшаву и другие города, помог польскому государству экономически прочно встать на ноги, длительное время являлся гарантом его безопасности. И было бы, по крайней мере, нечестно помнить в истории только одно — негативное и во имя краткосрочной политической конъюнктуры напрочь забывать другое. Иначе может произойти искажение прошлого и вместо желаемого, надемся обоюдного, сближения наших народов мы можем стать свидетелями процесса их отторжения друг от друга. Не думается, что именно такой исход был бы в интересах как России, так и Польши.

¹ После Второй мировой войны СССР, исходя из стремления установить с Польшей добрососедские отношения, добровольно вернул часть воссоединенных в 1939 г. земель, оказавшихся западнее «линии Керзона» (Белостокская область, Перемышль с прилегающим районом и др.), а также не предъявил, хотя этот вопрос и возникал, претензий на Холмщину, несмотря на то, что в историческом и этническом плане ее принадлежность к Польше представляется далеко не бесспорной.

2. Гибель польских офицеров в Катыни

В ходе военной кампании в Западной Белоруссии и Западной Украине в сентябре 1939 г. частями Красной армии было взято в плен (интернировано) примерно 220–250 тыс. польских военнослужащих. Рядовой состав в скором времени был отпущен по месту жительства, а большая часть офицерского корпуса после ряда перемещений оказалась в Катынском лагере около Смоленска, где и была позднее расстреляна.

Германская сторона в 1943 г. распространила информацию о том, что в Катыни обнаружены захоронения польских офицеров, расстрелянных, по ее версии, органами НКВД весной 1940 г. Польское правительство в эмиграции и его сторонники в Польше, видимо, имели основания верить этой информации и обвинения в адрес СССР поддержали. Польская сторона здесь действовала не совсем корректно в отношении своего как-никак союзника по антигитлеровской коалиции, допустила, как представляется, серьезную дипломатическую оплошность, поскольку не обратилась официально к Москве за соответствующими разъяснениями. Такой непродуманный шаг дал в руки последней прекрасный повод разорвать дипломатические отношения с польским правительством в Лондоне, существенно ограничив его возможности влиять на дальнейшее развитие событий в стране. Но при этом, какие разъяснения могла дать Москва? Однако эта формальность в любом случае должна быть соблюдена, чтобы дело не выглядело так, что поляки пошли на поводу у Берлина.

После освобождения Смоленска и его окрестностей в Катыни работала специальная комиссия по расследованию гитлеров-

ских преступлений, возглавляемая академиком Н. Н. Бурденко, президентом Академии медицинских наук, главным хирургом Красной армии. В январе 1944 г. было опубликовано основанное на показаниях свидетелей официальное заявление этой комиссии о том, что польские офицеры были расстреляны гитлеровцами осенью 1941 г.¹

Заключение комиссии легло в основу позиции СССР по катынскому вопросу, которая оставалась неизменной вплоть до конца 80-х гг. Как известно, после войны в отношении Польши и других стран Восточной Европы Кремлем сознательно проводился курс пропагандировать только те моменты в истории, которые сближали наши народы, а то, что разъединяло, как бы оставлять в тени. При этом исходили из того, что чем дольше острые вопросы прошлого будут вне поля внимания, тем менее болезненными они будут становиться для общества, тем меньше они смогут нанести вреда процессу сближения народов, укреплению между ними дружбы и сотрудничества. Однако, как выяснилось позже, подобный курс, несмотря на его, казалось бы, благородные намерения, не оправдал себя и в конечном счете оказался бесперспективным.

С началом холодной войны вопрос о Катыни был использован западной пропагандой (прежде всего американской), чтобы обвинить советскую сторону в причастности к расстрелу польских офицеров. Особенно это проявилось в ходе специальных слушаний в конгрессе США в 1951 г., а также в ходе заседаний ГА ООН в начале 50-х гг. Большую активность здесь проявляла польская политическая эмиграция, которая имела широкий доступ к западным средствам массовой информации (вещавшие на польском языке радиостанции «Свободная Европа», «Голос Америки», БиБиСи, выходивший в Париже журнал «Культура», многочисленные польские газеты в Великобритании² и США, Австралии и других странах). Все это слушалось и читалось в стране, оказывало мощное влияние на умонастроения

¹ Известия. 1944. 26 янв.

² См.: Обзоры польской прессы в Англии по вопросам Катыни (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26а. П. 225. Д. 23. Л. 48–56).

польской общественности, прежде всего интеллигенции, в среде которой в послевоенные годы постоянно сохранялась и поддерживалась убежденность в существовании «советского следа» в Катыни. В 70–80-х гг. тематика Катыни неизменно фигурировала в нелегальных изданиях сначала различных течений польской внутренней оппозиции, а затем в больших масштабах — «Солидарности». Можно сказать, что тогдашняя польская официальная, а вместе с ней и советская пропаганда на Польшу по катынскому делу безусловно проиграла.

Таким образом, польское общество в целом было подготовлено к такому повороту дел, когда в конце 80-х — начале 90-х гг. российское руководство официально признало факт расстрела в Катыни польских офицеров делом рук НКВД весной 1940 г. и обнародовало известные документы из совершенно секретной «Особой папки». Несомненно, это был смелый шаг. При этом, видимо, исходили из того, что такое признание вины будет способствовать расчистке отношений с Польшей, снизит волну антироссийских настроений и продемонстрирует готовность новой России к сотрудничеству, ее честный, открытый подход к раскрытию и другим белых пятен в истории двусторонних отношений. Во время официального визита в Польшу в 1993 г. президент России пошел на беспрецедентный акт: посетил в Варшаве символическую могилу жертв Катыни, возложил на нее венок и, более того, произнес слова покаяния: «Простите, если можете».

Однако все эти примирительные жесты не были по достоинству оценены польской стороной, не привели к какому-то перелому или даже к некоторому улучшению двусторонних отношений. Хотя действия российской стороны были местной прессой представлены как сенсация, которая оказалась сенсацией-однодневкой. Это и неудивительно, поскольку нынешняя польская политическая элита, не заинтересованная в очищении взаимоотношений, преследовала противоположные цели. Уже велась подготовка вступления страны в НАТО, а для поддержки обществом такого шага нужно было сохранять линию на то, что существует серьезная угроза для суверенитета Польши со стороны России. В польских СМИ тематика Катыни продолжает целенаправленно и усиленно эксплуатироваться до настоящего време-

ни в качестве главной проблемы в отношениях с Россией. Вместе с тем практически преданы забвению преступления гитлеровской Германии в годы Второй мировой войны, хотя понесенные польскими гражданами миллионные жертвы в таких лагерях смерти, как Освенцим, Майданек, Трешлинка или Штутгоф, неизмеримо выше, чем расстрелы в Катыни.

Сейчас споры о том, кто же является истинным виновником катынской трагедии, не утратили своей остроты, различные версии об исполнителях расстрела поляков в Катыни в политической и научной жизни России продолжают существовать.

По преобладающей официальной версии считается, что примерно 15 тыс. польских офицеров были расстреляны в Катыни органами НКВД весной 1940 г. Это, в частности, впервые было объявлено в заявлении ТАСС от 14 апреля 1990 г. Несколько позднее предаются гласности документы из так называемой «Особой папки», которые однозначно свидетельствуют о том, что решение о расстреле интернированных польских офицеров было принято Сталиным и Берией, одобрено остальными членами Политбюро ЦК ВКП (б). Обнаруженные документы опубликованы в журналах «Вопросы истории» (1993 г., № 1) и «Военные архивы» (1993 г., № 1) и в других изданиях, а затем их официально заверенные копии были переданы польской стороне. Следует также иметь в виду неоднократно делаемые в те годы Б. Н. Ельциным принципиальные заявления о том, что «обновленная и демократическая Россия не несет ответственности за злодеяния тогдашнего сталинского тоталитарного режима». Однако данное заявление ни польской стороной, ни международными организациями особо во внимание не принимается.

Существует и иная версия катынской трагедии, согласно которой польские офицеры были расстреляны все же гитлеровцами в сентябре 1941 г. Ее сторонниками приводится разнообразная аргументация, различные свидетельства и факты, а ее противники из числа российских историков заняли позицию полного игнорирования упомянутой версии, не говоря уже о польской стороне. В результате научной дискуссии не получилось, более того, ни один из выдвинутых в версии аргументов по существу так и не получил обоснованного опровержения.

В высказываниях отдельных исследователей и журналистов иногда делается вывод о том, что виновниками расстрела поляков могли быть и советская, и германская стороны. Однако такой подход какого-то широкого круга сторонников не имеет.

До сих пор в катынском деле остается ряд не выясненных до конца проблем. Обозначим основные.

1. Среди польских и некоторых российских историков и публицистов весьма распространено мнение, что катынский вопрос не был включен в 1946 г. в обвинительный протокол Нюрнбергского трибунала над главными военными преступниками потому, что советской стороной не были представлены убедительные доказательства расстрела польских офицеров германской стороной. Вместе с тем существует и иное мнение, также нашедшее место в российских СМИ о том, что катынское дело все-таки осталось в обвинительном протоколе Международного военного трибунала (МВТ), а слушаний действительно не было, поскольку согласно статье 21 устава МВТ доклады правительственных комиссий, которые расследовали злодеяния гитлеровцев, принимались без доказательств. Убедительного и всестороннего расследования данного вопроса до сих пор не проведено¹. Весьма таинственной и маловероятной представляется появившаяся в печати история о смерти в Нюрнберге члена советской делегации Н. Зори. Некоторые российские исследователи бездоказательно представляют его как сторонника версии о расстреле в Катыни польских офицеров органами НКВД, за что якобы он и был устранин. Данный вопрос также требует выяснения.

2. Прямо-таки детективный характер носит история вокруг архивов по катынскому делу. Известно, что германская сторона собрала по этому делу обширный архив, который впоследствии был переправлен в Краков и там таинственно исчез². После войны польская сторона выступила с инициативой об органи-

¹ В статье Н. Лебедевой, которая специально занималась этим вопросом и, как представляется, объективно его изложила, все же некоторые неясности остаются (*Лебедева Н.* СССР и Нюрнбергский процесс // *Международная жизнь.* 1996. № 9. С. 106–107).

² В 1943 г. в Берлине был издан сборник документов по Катыни (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26а. П. 226. Д. 37).

зации в Варшаве судебного процесса. Москва (что само по себе весьма знаменательно!) приняла такое предложение и дала согласие на приезд для консультаций представителя польской прокуратуры¹. Из польской печати известно, что проводимое польской стороной в Кракове следствие было завершено в марте 1946 г.² Однако в этом же месяце следователь, ведший это дело, был убит при загадочных обстоятельствах на пути из Варшавы, где он докладывал о результатах следствия. Бывший при нем весь собранный материал исчезает. В силу этого процесс так и не состоялся. На этом история с краковскими архивами не заканчивается.

В 1953 г. при обыске в здании краковской католической епархии и в Вавельском дворце были обнаружены 13 папок с документами по Катыни. Эти дела были изъяты и высланы в Варшаву в министерство общественной безопасности³. Посольству СССР в Варшаве было дано поручение выяснить содержание этих папок. Опись обнаруженных документов была 7 февраля 1953 г. в единственном экземпляре направлена на имя А. Я. Вышинского⁴. Письмо в архиве обнаружить не удалось. Можно предположить, что оно без снятия копии было переслано в МГБ СССР. На основании этих сведений сложно сделать какой-то определенный вывод о содержании обнаруженных папок. С одной стороны, если в этих папках содержится материал, подтверждающий версию о расстреле польских офицеров органами НКВД, то почему польская сторона в новых условиях до сих пор не предала их гласности? С другой стороны, если данный материал свидетельствует в пользу версии комиссии Н. Н. Бурденко, то возникает вопрос, почему о находке молчала советская сторона.

3. Признание российской стороной на высшем государственном уровне (Президент, Государственная Дума) прямой причастности советских органов внутренних дел к расстрелу польских офицеров в Катыни следует рассматривать как окон-

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. П. 195. Д. 7. Л. 96.

² *Katolik*. 1988. № 13. 27 mar.

³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 36. П. 298. Д. 14. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 24. Л. 53.

чательное политическое решение о виновных. Однако это решение не подкреплено необходимыми судебными действиями. Проводимое Главной военной прокуратурой с 1990 г. следствие закончилось в 2004 г. его закрытием по причине смерти главных виновных лиц, а не передачей дела в суд, который и мог бы поставить окончательную точку. Этого по каким-то причинам не произошло.

Имеются сомнения в беспристрастности и правильности суждений группы наших юристов в начале 90-х гг., вынесших экспертное заключение о правовой неполноценности известных выводов комиссии Н. Н. Бурденко от 1944 г. Создается впечатление, возможно обманчивое, что эта группа лишь проштамповала предшествующее заявление польской стороны по данному вопросу. Требуется проведение новой, авторитетной и действительно независимой и открытой, экспертизы также и относительно подлинности документов из «Особой папки». Состоявшиеся экспертизы ограничились в основном подробным описанием документов, сделав один вывод, что основной документ — записка Берии в Политбюро ЦК КПСС напечатан на двух разных машинках, обойдя вопрос о подлинности самого документа.

Не внушает доверия и список расстрелянных в Катыни, составленный немцами и, по сути дела, одобренный польской стороной. И ранее случалось, что некоторые лица из этого списка оказывались в живых, а во время совсем недавних раскопок на Украине идентифицированы останки двух польских офицеров из катынского списка, убитых гитлеровцами.

4. Иногда можно встретиться с суждением, в том числе и российских историков, о том, что в Катыни был расстрелян «цвет польской нации», или «цвет польской интеллигенции». Однако действительность весьма далека от подобных определений. Как известно, контингент польских офицеров, оказавшихся в Катыни, был довольно специфичным, он состоял, главным образом из офицеров запаса, служивших полицейскими, жандармами, судебными приставами и тюремщиками, из осадников, а также из военных корпуса пограничной охраны, «прославившегося», в частности, проведением широкомасштабных акций по «па-

цификации» районов, населенных украинцами и белорусами. Таким образом, это были представители государственного аппарата подавления, имеющие весьма отдаленное отношение к обычно понимаемому определению «цвет нации».

5. В катынском деле имеется еще одно невыясненное обстоятельство: каковы были действительные причины принятия решения о расстреле польских офицеров именно весной 1940 г.?

Наибольшего внимания, пожалуй, заслуживает следующая версия. В 1939–1940 гг. международное положение СССР стало крайне сложным, можно сказать, критическим. После Мюнхенского сговора в 1938 г. он практически был устранен от решения европейских дел, а в канун надвигающейся войны в Европе оказался по сути дела в одиночестве, во внешнеполитической изоляции. К тому же все более реальной становилась перспектива войны на два-три фронта одновременно (на северо-западе — с Финляндией, на западе — с Германией и Польшей, на юге — с Румынией и Турцией, на Дальнем Востоке — с Японией). Надежды на сотрудничество с Великобританией и Францией развеялись в ходе известных трехсторонних переговоров. СССР вынужден был в одиночку решать нелегкие проблемы своей безопасности. Более того, когда Москва попыталась ликвидировать одну из возможных опасностей, предприняв военные операции против Финляндии, то страны Антанты поддержали предложение об исключении СССР из Лиги Наций и стали открыто вести подготовку к вооруженному нападению на СССР через территорию Финляндии и к бомбардировке нефтепромыслов в Баку и других нефтепромыслов на Кавказе.

Великобритания и Франция в это время планируют направление на помощь Финляндии крупного экспедиционного корпуса (по некоторым данным, до 150 тыс. человек). Вся интрига здесь в том, что в состав этого корпуса намеревались включить и находящиеся во Франции польские части. Известный российский историк В. Сиполс провел исследование по данному вопросу. Он выявил в архиве документ¹, который позволил ему записать следующее:

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 3. Л. 21.

«В начале 1940 г. французское правительство запросило польское эмигрантское правительство, согласно ли оно на отправку в Финляндию вместе с французскими и английскими также польских частей. 21 февраля правительство Сикорского дало свое согласие на участие польских “добровольцев” в этой акции, направленной против СССР»¹.

Подтверждая данный факт ссылкой на другой источник², он далее пишет:

«Сикорский дал согласие на создание для отправки в Финляндию польской бригады в составе 5000 чел. В начале марта 1940 г. она была готова к отправке вместе с английскими и французскими войсками»³.

Можно предположить, что об этом стало известно в Кремле, и тогда становится более понятным такое совсем не случайное совпадение по времени: принятие решения о направлении польских солдат в Финляндию и принятие решения о расстреле польских офицеров. Представим себе такую картину: Великобритания и Франция угрожают с северо-запада и в их числе польские части, а рядом не так уж далеко от границы в лагерях свыше 10 тыс. враждебно настроенных польских офицеров, которые во время опросов отказались сотрудничать с советскими вооруженными силами и могут быть использованы на стороне потенциального противника. А военные действия еще неизвестно как сложатся, учитывая выявившуюся во время войны с Финляндией недостаточную боеготовность армии. И чтобы избавиться от возможного в такой ситуации риска, принимается решение пойти на крайние меры.

Вышеизложенное предположение, естественно, никак не может означать какого-то оправдания расстрела польских офицеров, который был и остается преступным актом.

¹ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 187.

² Mourin M. Les relations franco-soviétiques 1917–1967. Paris, 1967. P. 236.

³ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 188.

Заключение и выводы

Мы всегда зачем-то спешим с самоосуждением своих деяний, совершенных в истории, давней и близкой. Так, по нашему мнению, произошло и с катынским делом. Зачем, например, было столь поспешно в 1990 г. делать заявление ТАСС о причастности НКВД к расстрелам или принимать в 2012 г. резолюцию Государственной Думы о стопроцентной вине руководства СССР в расстрелах польских военнопленных офицеров? И это при том, что всем известно о некоторых нестыковках, правовых и фактологических, в этом деле, от которых нельзя просто так отмахнуться, как это зачастую делается сейчас, а необходимо тщательно разобраться.

Нужно также избавиться от иллюзий, что наше самопризнание вины по Катыни якобы должно решить все двусторонние проблемы с Польшей. Жизнь показала, что этого не происходит, наоборот, позиция наших польских оппонентов становится все жестче и жестче. Значит, их цель состоит в том, чтобы держать постоянно нас на коленях и заставлять постоянно каяться по каждому поводу.

Чем больше погружаешься в катынскую проблематику, тем возрастает сомнение в правильности официальной версии по Катыни. Растет убеждение, что в расстреле польских офицеров в Катыни и других местах причастны как советская, так и германская сторона. Изложенная выше предполагаемая версия причин расстрела в 1940 г. представляется наиболее вероятной, хотя она и требует дальнейших исследований.

Выдвигаемое в настоящее время польскими историками предположение о том, что расстрелы в Катыни — это как бы месть И. В. Сталина за поражение в Польше в 1920 г., не выдерживает критики и является полностью надуманной. Во-первых, Сталин был членом военного совета Юго-Западного фронта, а поражение от поляков потерпел Западный фронт. Во-вторых, Сталин был противником предпринятого наступления на Варшаву, что подтверждается документально. Поэтому мысль о том, что Сталин, принимая решение о расстреле польских офицеров, руководствовался якобы чувством мести,

совершенно не аргументирована. Представляется, что у Сталина не было личных причин для мести, как это пытаются нам внушить некоторые историки.

После принятия Россией в последние годы целого ряда шагов, главными из которых являются признание вины за СССР и принесение президентом покаяния перед польским народом, для России тематика катынских расстрелов оказалась исчерпанной в политико-государственном и морально-правовом отношении. Россия практически сделала все, что должна была сделать в данном случае. Теперь только от политической воли польской стороны зависит, чтобы этот вопрос постепенно перестал быть острой межгосударственной проблемой, препятствием для установления нормального сотрудничества. Однако подобной политической воли со стороны Польше пока не просматривается, видимо, ее устраивает сохранение за собой и в будущем постоянного статуса обвиняющей стороны.

3. Обзор советско-польских отношений в 1939–1945 гг.

Восстановление и разрыв дипломатических отношений. Формирование польских армий в СССР. Польский комитет национального освобождения

В период Второй мировой войны в отношениях между СССР и Польшей произошел целый ряд крупных событий. К сожалению, взаимное предубеждение и недоверие были настолько глубокими, что почти все эти события содействовали не нормализации, а вели к дальнейшему разрушению двусторонних связей между двумя соседними государствами. Остановимся на самом главном.

1. С нападением Германии на Советский Союз в двусторонних отношениях, казалось, наступают положительные сдвиги. В июле 1941 г. восстанавливаются дипломатические отношения, подписывается соглашение о формировании на территории СССР польской армии, во главе которой становится генерал В. Андерс, в СССР начинает функционировать польское посольство.

Ниже следует текст советско-польского соглашения, подписанного послом СССР в Великобритании И. М. Майским и премьер-министром Польской Республики В. Сикорским.

Соглашение

между Правительством СССР и Польским правительством

Лондон, 30 июля 1941 г.

1. Правительство СССР признает советско-германские договоры касательно территориальных перемен в Польше утра-

тившими силу. Польское правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей страной, направленным против Советского Союза.

2. Дипломатические отношения будут восстановлены между обоими Правительствами по подписании настоящего соглашения и будет произведен немедленный обмен послами.

3. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякую помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии.

4. Правительство СССР выражает свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным Польским Правительством с согласия Советского Правительства. Польская армия будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР, в составе которого будут состоять представители польской армии. Все детали относительно организации командования и применения этой силы будут разрешены последующим Соглашением.

5. Настоящее соглашение вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит. Настоящее Соглашение составлено в 2-х экземплярах, каждый из них на польском и русском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

К Соглашению приложен Протокол следующего содержания:

«Советское Правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях, со времени восстановления дипломатических отношений¹».

Но период сотрудничества оказался недолгим. Вскоре подготовленная, вполне боеспособная польская армия в результате различных интриг в нарушение Декларации о дружбе и взаим-

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 138.

мопомощи от 4 декабря 1941 г.¹ вдруг отказывается от участия в совместной борьбе и в самое тяжелое для СССР время, когда германские войска уже устремились к Сталинграду, эвакуируется на Ближний Восток². Можно себе представить, какое впечатление произвел в Кремле отказ командования польской армии сражаться на советско-германском фронте. Это был тяжелый удар по перспективе двустороннего сотрудничества, оказавший определяющее воздействие на формирование общей позиции Москвы по польским делам.

Следует упомянуть еще об одном эпизоде, который также оказал существенное влияние на последующий отказ Москвы иметь дело с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Речь идет о дипломатическом скандале, который разразился в 1942 г. в связи с деятельностью на территории СССР представительств и доверенных лиц польского посольства, занимавшихся вербовкой в армию и оказанием материальной помощи польским гражданам. Однако, как оказалось, они также занимались сбором сведений разведывательного характера. В руки советской стороны волей случая попадает секретная инструкция для курьеров польского посольства, в которой им также вменялось в обязанность заниматься сбором разведанных, скупкой драгоценностей и т. п. Сеть таких представительств была ликвидирована после предварительного пред-

¹ В Декларации, подписанной И. Сталиным и В. Сикорским, на этот счет отмечалось: «2. Осуществляя Договор, заключенный 30 июля 1941 года, оба Правительства окажут друг другу во время войны военную помощь, а войска Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками» (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 192).

² Всего было эвакуировано 76 тыс. солдат и офицеров, а также 37,5 тыс. членов семей военнослужащих. История этой армии окончилась бесславно: в крупных сражениях она участия так и не приняла, за исключением, может быть, сражения под Монте-Кассино в Италии, созданный вокруг которого миф несколько преувеличен. Как известно, эта армия в стратегических планах польских эмигрантских кругов предназначалась для участия в установлении их власти в Польше, однако на польскую территорию она так и не попала.

упреждения (нота от 20 июля 1942 г.), а вскоре был отозван и польский посол.

2. Расстрел в Катыни под Смоленском польских офицеров, интернированных во время польской кампании в сентябре 1939 г. Опубликованные документы свидетельствуют, что их расстрел имел место весной 1940 г. органами НКВД, а не гитлеровцами осенью 1941 г., на чем в течение длительного времени настаивал Кремль. Российская сторона на высшем государственном уровне признала прямую причастность к расстрелам советских органов внутренних дел, передала копии упомянутых документов польской стороне, а президент России, будучи в 1993 г. с официальным визитом в Польше, произнес от имени всех россиян слова покаяния. Такие действия следует рассматривать как окончательное политическое решение вопроса о виновных в катынской трагедии на государственном уровне. Однако после завершения прокурорского расследования в 2004 г. дело о преступлении в Катыни было закрыто под предлогом смерти главных виновных и не передано в суд, который и должен был вынести окончательный приговор. Подобное решение порождает сомнения в безупречности официальной версии¹.

Есть еще во всей этой истории вопрос, на который пока нет ответа: если весь польский командный состав, попавший в плен в сентябре 1939 г., был расстрелян в Катыни и Медном, то из кого же формировался офицерский корпус первой польской армии В. Андерса? Также следует выяснить судьбу многочисленных польских офицеров, которые, по данным польского посольства в СССР, ссылавшегося в своих запросах в НКВД СССР в 1941–1943 гг. на достоверные источники, находились в различных советских лагерях Архангельской, Вологодской, Горьковской, Пермской и других областях и в Сибири. Возникают и другие вопросы.

3. Все эти события привели к тому, что кратковременный период сотрудничества окончился вскоре разрывом Советским Союзом в апреле 1943 г. дипломатических отношений с польским правительством в эмиграции. Предлогом послужили действия

¹ См., например: *Мухин Ю.И.* Катынский детектив. М., 1995.

этого правительства в связи с преданием германской стороной гласности своей версии о расстреле польских офицеров в Катыни. По этому случаю в посольство Польской Республики была направлена нота следующего содержания.

*Нота Народного комиссариата иностранных дел СССР
посольству Польской Республики в Москве*

25 апреля 1943 года

*Господин Посол,
по поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик я имею честь довести до сведения Польского Правительства нижеследующее:*

Поведение Польского Правительства в отношении СССР в последнее время Советское Правительство считает совершенно ненормальным, нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств.

Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена Польским Правительством и всячески разжигается польской официальной печатью. Польское Правительство не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или разъяснениями по этому вопросу.

Гитлеровские власти, совершив чудовищное преступление над польскими офицерами, разыгрывают следственную комедию, в инсценировке которой они использовали некоторые подобранные ими же самими польские профашистские элементы из оккупированной Польши, где все находится под пятой Гитлера и где честный поляк не может открыто сказать своего слова.

Для «расследования» привлечен как польским правительством, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением

мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер. Понятно, что такое «расследование», осуществляемое к тому же за спиной Советского Правительства, не может не вызывать доверия у сколько-нибудь честных людей.

То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плане, — это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и Польским Правительством имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании.

В то время как народы Советского Союза, обливаясь кровью в тяжелой борьбе с гитлеровской Германией, направляют все свои силы для разгрома общего врага русского и польского народов и всех свободолюбивых демократических стран, Польское Правительство в угоду тирании Гитлера наносит вероломный удар Советскому Союзу.

Советскому Правительству известно, что эта враждебная кампания против Советского Союза предпринята Польским Правительством для того, чтобы путем использования гитлеровской клеветнической фальшивки произвести нажим на Советское Правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет интересов Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы.

Все эти обстоятельства вынуждают Советское Правительство признать, что нынешнее правительство Польши, скатившееся на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу.

На основании всего этого Советское Правительство решило прервать отношения с Польским Правительством.

Прошу Вас, господин Посол, принять уверения в моем весьма высоком уважении.

В. Молотов¹

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 346–347.

Конечно, перечисленные в вышеуказанной ноте факты послужили лишь поводом для разрыва. Свою роль сыграл и отказ сформированной в СССР польской армии воевать на советско-германском фронте вопреки ранее сделанным заявлениям и подписанным документам, а также дипломатический скандал с представителями и доверенными лицами польского посольства в СССР. Все эти причины были изложены заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинским представителям англо-американской печати в Москве 6 мая 1943 г.¹

Далее Кремль, убедившись на ряде примеров, скажем, в неояльности польского правительства, начинает проводить в действительность свой план решения польского вопроса, главным стержнем которого было, в соответствии с государственными интересами страны, создание после войны такого польского правительства, которое было бы дружественно настроено к Советскому Союзу. В апреле 1943 г. образуется Союз польских патриотов. По инициативе этого союза в СССР начинает создаваться вторая польская армия, которая впоследствии совместно с советскими войсками принимала участие в освобождении Варшавы и взятии Берлина. Затем в июле 1944 г. под эгидой польских коммунистов образуется Польский комитет национального освобождения (ПКНО) в качестве временного исполнительного органа, в состав которого вошел и Союз польских патриотов. Впоследствии ПКНО преобразуется во временное правительство Польши. Таким образом, польское эмигрантское правительство постепенно оттесняется от непосредственного решения вопросов послевоенного государственного устройства Польши.

В связи с переходом советских войск польской границы Московской принимается важный документ.

*Заявление НКВД СССР
об отношении Советского Союза к Польше*

26 июля 1944 года

Народному комиссариату иностранных дел СССР поручено Советским правительством сделать следующее заявление.

¹ Там же. С. 348–359.

Красная Армия, успешно продвигаясь вперед, вышла на государственную границу между Советским Союзом и Польшей. Преследуя отступающие германские армии, советские войска вместе с действующей на советско-германском фронте польской армии перешли через реку Западный Буг, пересекли советско-польскую границу и вступили в пределы Польши. Тем самым положено начало освобождения братского многострадающего польского народа от немецкой оккупации.

Советские солдаты вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши.

Советское правительство заявляет, что оно рассматривает военные действия Красной Армии на территории Польши как действия на территории суверенного, дружественного союзного государства. В связи с этим Советское правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа. Оно решило ввиду этого заключить с Польским комитетом национального освобождения Соглашение об отношениях между Советским Командованием и Польской администрацией.

Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части польской территории или изменения в Польше общественного строя и что военные действия Красной Армии на территории Польши диктуются единственно военной необходимостью и стремлением оказать дружественному польскому народу помощь в освобождении его от немецкой оккупации.

Советское правительство выражает твердую уверенность в том, что братские народы СССР и Польши совместно доведут до конца освободительную борьбу против немецких захватчиков и заложат прочные основы дружественного советско-польского сотрудничества¹.

¹ Там же. С. 13–14.

Заключение и выводы

Советская сторона, убедившись в неизменной нелояльности польского эмигрантского правительства, решила разорвать с ним официальные отношения и, руководствуясь своими государственными интересами, взять курс на оказание содействия польским левым силам в формировании властей, которые дружественно бы относились к СССР. В Советском Союзе создается сначала Союз польских патриотов, а затем Польский комитет национального освобождения, прообраз высшей исполнительной власти Польши.

Таким образом, к моменту перехода советскими войсками западной границы у Польши существовало два правительства. Одно в эмиграции в Лондоне, имеющее свою армию В. Андерса вне страны и части Армии крайовой внутри страны. Второе также имеет свою армию, сформированную на территории СССР, которая принимает участие в освобождении Польши от гитлеровской оккупации, а внутри страны — части Армии людовой, значительно более малочисленной, чем Армия крайова, но в создавшейся политической обстановке более влиятельной. Польский комитет национального освобождения, несомненно, находился в более выгодном положении, поскольку пользовался поддержкой СССР, заключил с ним ряд соглашений о сотрудничестве, в том числе важное соглашение, на которое никак не хотело пойти по своей недалекновидности лондонское правительство, соглашение о советско-польской границе, подписанное 27 июля 1944 г., в статье 1-й которого говорилось: при проведении государственной границы между СССР и Польшей положить в основу «линию Керзона»¹.

Наконец, в соседней Польше образуется правительство, дружественно расположенное к Советскому Союзу. Кажется, преодолен кризис в двусторонних отношениях, положен конец противоречащим национальным интересам антисоветскому курсу, который проводило руководство польского государства с самого начала своего воссоздания в 1918 г. Все это предвещало наступление нового этапа добрососедского и взаимовыгодного сотрудничества.

¹ Там же. С. 19.

4. Армия генерала В. Андерса в СССР (август 1941 — август 1942 г.)¹

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. в советско-польских отношениях был короткий период, когда, на наш взгляд, обозначилась реальная возможность перейти от политической конфронтации, особенно непродуктивной во время войны, к определенному взаимодействию. Подобные надежды связывались с восстановлением дипломатических отношений между СССР и находившимся в Лондоне правительством Польской Республики в изгнании и с заключением ряда межправительственных соглашений, в том числе о военном сотрудничестве, что официально сделало стороны союзниками по антигитлеровской коалиции. Но, к сожалению, эту возможность не удалось реализовать.

В настоящее время существуют две версии: российская (советская) и польская, в которых дается своя интерпретация событий, связанных с историей создания на территории СССР польской армии. Чтобы избежать обвинений в предвзятости, мы намереваемся изложить в общих чертах обе версии и их аргументацию. Одновременно следует подчеркнуть, что российская версия предлагает, как нам представляется, более объективное прочтение последовавших событий.

В данном кратком исследовании нас интересует в первую очередь главный вопрос: как можно оценить тот факт, что польская

¹ См.: *Иванов Ю. В.* Польская армия генерала В. Андерса в СССР (август 1941 — август 1942) // Новая и новейшая история. 2012. № 3.

армия так и не приняла активного участия на территории СССР в войне против гитлеровской Германии, а вместо того, чтобы выступить на фронт в соответствии с принятыми в заключенных соглашениях обязательствами, была выведена в Иран?

В первую очередь следует ознакомиться с основным содержанием первоначальных документов, легших в основу двустороннего сотрудничества. В хронологическом порядке события развивались следующим образом. 30 июля 1941 г. после советско-польских переговоров, начавшихся в Лондоне почти сразу же после агрессии Германии в Советский Союз, было подписано межправительственное соглашение, 4-й пункт которого гласит:

«Правительство СССР выражает свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным польским правительством с согласия Советского правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать под руководством Верховного командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии»¹.

К соглашению был приложен протокол, в котором, в частности, отмечалось, что *«Советское правительство предоставит амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных».*

14 августа того же года между сторонами было подписано военное соглашение, пункт 7 которого предписывал, что *«польские армейские части будут двинуты на фронт по достижению полной боевой готовности»* и что *«они будут выступать, как правило, соединениями не меньше дивизии и будут использоваться в соответствии с оперативными планами Верховного командования СССР»².*

4 декабря 1941 г. во время визита в СССР польского премьера В. Сикорского была подписана Декларация о дружбе и взаимной помощи, в которой еще раз было подтверждено, что *«войска*

¹ Документы и материалы... М., 1973. Т. 7. С. 208.

² Там же. С. 218.

Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками»¹.

Итак, можно констатировать, что в подписанных польской стороной документах правительственного уровня была закреплена ее четкая союзническая позиция о совместной борьбе с общим врагом, обязательство направить формируемую в СССР польскую армию на советско-германский фронт. Этот ключевой момент важно всегда иметь в виду при оценке последовавших событий.

Советская сторона в соответствии с предусмотренной в двухсторонних документах процедурой не стала возражать против назначения командующим польской армией в СССР генерала В. Андерса², который после пленения во время сентябрьской кампании 1939 г. находился в одном из военных лагерей. По имени командующего за этой армией закрепилось название «армия Андерса».

Формирование польской армии, ее обучение происходило на территории Саратовской и Оренбургской областей. Сначала

¹ Там же. С. 257.

² Почему выбор командующего пал именно на Андерса, некоторые польские источники объясняют случайностью, просто он оказался, как говорится, под рукой. В архивах имеются данные, которые сейчас трудно проверить и которые довольно нелестно характеризуют его личность. Согласно этим данным он родился в 1892 г. в дворянской семье балтийского немца, в 1914 г. после окончания Пажеского корпуса в Петербурге участвовал в Первой мировой войне в чине прапорщика, а в октябре 1917 г. закончил ускоренные курсы военной академии Генерального штаба в Петрограде. Уехав в Польшу, вступил в находившуюся там оккупационную германскую армию, затем перешел в польскую, участвовал в советско-польской войне 1919–1920 гг. В армии не пользовался безупречной репутацией (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 29. П. 212. Д. 30. Л. 143; Ф. 0122. Оп. 33. П. 259. Д. 72; Русский архив. М., 1994. Т. 14 (3–1). С. 13). Отдельные штрихи к портрету В. Андерса можно найти в книге Е. Климковского «Я был адъютантом генерала Андерса» (М.: Прогресс, 1964), который делает довольно прозрачные намеки на то, что Андерс, по меньшей мере, был в курсе готовящегося на В. Сикорского покушения в 1943 г. (документы о расследовании причин гибели премьера в результате авиакатастрофы в Гибралтаре до сих пор остаются засекреченными в британских архивах).

ее численность была определена в две дивизии, но затем польский премьер В. Сикорский поставил вопрос о создании армии в 150 тыс. человек (договорились на 96 тыс.). К концу февраля 1942 г. эта армия уже насчитывала около 75 тыс. человек. Наступил самый ответственный момент — отправка польских частей на советско-германский фронт. В. Андерс неоднократно заявлял, что он считает *«целесообразным по мере того, как та или иная дивизия будет готова, немедленно направлять ее на фронт»*¹ и даже в своих позднейших мемуарах подчеркивал: *«Мы хотим первыми вступить на территорию Польши, это наш долг перед родиной»*². Но когда одна из польских дивизий завершает свое полное формирование, В. Андерс на официальное обращение советской стороны направить ее на фронт отказывается от своих прежних заверений, заявив, что поляки могут выступить на фронт только тогда, когда полностью будет готова вся армия. В начале марта 1942 г. этот вопрос был снова поставлен перед В. Андерсом и снова был получен отказ с аналогичной мотивировкой. Но теперь польская сторона обращается уже с ходатайством перенести дислокацию армии в район с более теплым климатом в одну из среднеазиатских республик, мотивируя это также необходимостью облегчить получение обещанного британской и американской сторонами вооружения и обмундирования.

Поскольку польское командование не проявляло намерения направлять свои части на фронт и продолжало их держать в тылу, советской стороной было принято, видимо в целях оказания определенного давления на поляков, весьма жесткое решение о сокращении с 1 марта 1942 г. лимита продовольственных пайков, выделяемых польской армии, с 96 до 44 тыс. Следует учитывать, что в это время положение на советско-германском фронте было катастрофическим, германские войска наступали на юге, рвались к Сталинграду, вопрос продовольствия в стране и армии стоял крайне остро. А тут в тылу целая армия, вооруженная и обученная, по сути дела отказывается воевать, продолжая находиться, как говорится, на полном бесплатном пансионе. Как

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26а. П. 225. Д. 19. Л. 32.

² Anders Wl. Mémoires (1939–1946). Paris, 1948. P. 162.

известно, армия Андерса была создана, обучена, одета и вскормлена в голодные 1941–1942 гг. на советские деньги, которые позднее в конечном счете были с польской стороны списаны¹.

По настоянию польского командования в марте 1942 г. около 45 тыс. польских военнослужащих и членов их семей покидают пределы СССР. Дальнейший набор в польскую армию не проводится, армия прекращает также занятия по боевой подготовке. В. Андерс после возвращения из Лондона в июне 1942 г. настаивает на перевод в Иран уже всей остальной армии, что и было осуществлено в августе того же года. Всего было эвакуировано 75 451 военнослужащих и 37 756 членов семей и польских граждан. Кроме того, непосредственно в Великобританию в разное время выехало около 2 тыс. польских военных летчиков и моряков. Советская сторона особенно не протестовала, но восприняла этот шаг с осуждением как нарушение прежних договоренностей. В ряде работ российских и польских авторов приводится реакция И. В. Сталина во время беседы в Кремле 3 декабря 1941 г. с В. Сикорским, который сделал заявление о выводе польской армии² из пределов СССР. Он заявил примерно следующее:

«Если поляки не хотят здесь воевать, то пусть прямо и скажут: да или нет [...] Обойдемся без вас. Можем всех отдать.

¹ Условия содержания польской армии были определены в так называемом военном соглашении от 14 августа 1941 г., пункт 13 которого гласил: «Расходы, связанные с формированием, снабжением и содержанием польской армии на территории СССР, будут кредитованы правительством СССР и подлежат возвращению польским правительством по окончании войны» (Документы и материалы... М., 1973. Т. 7. С. 218). В совместном коммюнике о пребывании в Москве польской государственной делегации от 28 мая 1946 г. мы читаем: «Оба правительства пришли к соглашению об аннулировании всяких финансовых обязательств, возникших во время войны, в связи с вооружением и снабжением польской армии, включая обязательства б. правительства ген. Сикорского, равно как обязательства, возникшие в связи с поставками Польского правительства для Красной Армии в указанный период» (Советский Союз — Народная Польша. 1944–1974. М., 1974. С. 133).

² Первоначально В. Сикорский говорил о выводе только части армии, которая должна пережить сложное время в Иране, а затем обязательно вернется на советско-германский фронт.

Сами справимся. Отвоюем Польшу и тогда вам ее отдадим. Но что на это люди скажут...»¹.

Что касается советско-польского военного соглашения от 14 августа 1941 г., то после вывода армии Андерса оно фактически утратило свой смысл. Отношения с польским эмигрантским правительством снова обострились. Советская сторона все более убеждалась в том, что это правительство не заинтересовано в союзническом сотрудничестве, преследует иные цели и после войны станет проводить в отношении СССР все тот же враждебный курс, что и прежняя Польша в 1918–1939 гг. Поэтому в целях обеспечения своих геополитических интересов и естественного желания иметь в послевоенной Польше дружественно настроенного соседа Москва начинает проводить курс на то, чтобы затруднить после окончания войны перемещение эмигрантского правительства из Лондона в Варшаву. На наш взгляд, такой поворот является вполне объяснимой реакцией на действия польской стороны. Окончательная ставка делается на создание широкого фронта польских левых политических сил, как внутри страны, так и в СССР, находящихся в оппозиции к лондонскому правительству и ориентирующихся на СССР. Начатая Москвой сложная дипломатическая игра была впоследствии успешно завершена.

По-иному излагаются события польской стороной.

Но сначала несколько слов о настроениях, господствовавших в то время в формирующейся в СССР армии, которые необходимо учитывать при оценке происшедших событий. Офицерский корпус Польши, воспитанный в духе враждебности к восточному соседу, обладающий понятным высокомерием в связи с выигранной войной 1919–1920 гг., но униженный в силу своего пленения в 1939 г. и пребывания в советских лагерях с известным жестким режимом, не горел особым желанием сражаться рядом с Красной армией хотя бы и против общего противника. Это во многом объ-

¹ См., например: *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 63; *Kot S. Listy z Rosji do generała Sikorskiego.* Londyn, 1956. S. 200–204; *Kowalski W.* Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie 1939–1945. Wyd. 1. Warszawa, 1966. S. 118–119.

ясняет поведение поляков, их стремление уйти из пределов Советского Союза, но никак не может оправдать такое решение.

Польская сторона, начиная с командования армии и самого Андерса, следующим образом сформулировала свою версию об отношениях с Москвой, которой до сих пор придерживается фактически вся крайне политизированная нынешняя польская историография и особенно историческая публицистика.

Согласно этой версии Москва, заключив упомянутые выше соглашения, отнюдь не имела в виду установление равноправного сотрудничества. Ее целью было добиться полного подчинения польской армии и использования ее в своих интересах, а когда натолкнулась на сопротивление, то были прекращены приток новых добровольцев и поставки вооружения, на очередь встала задача физической ликвидации этой армии. Такой вывод, как считает польская сторона, подкрепляется и сознательным снижением рационов питания, чтобы умирить поляков голодом, а также неоднократными попытками как можно скорее отправить польские части на фронт, чтобы их уничтожить руками немцев¹. По ее мнению, если бы польская армия не вышла на фронт, то вскоре оказалась бы в советских лагерях. О таком видении событий, по сообщению военного атташе посольства СССР в Тегеране, откровенно поведал польским офицерам уже в Иране в декабре 1942 г. сам В. Андерс:

«Русские хотели послать нас на фронт, чтобы немцы нас перебили. Мы и англичане не допустили этого. Мы прибыли сюда не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы подготовиться к борьбе за границы будущей Польши. Эта борьба предстает после разгрома немцев, и в ней нам помогут англичане»².

В соответствии с подобной трактовкой вывод армии Андерса из пределов СССР («этой нечеловеческой земли») расценивается

¹ Подобных оценок предпочитает придерживаться большинство польских историков: *Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. Okres 1939–1945. Gdańsk, 1989. T. 1.*

² АВП РФ. Ф. 036а. Оп. 1. П. 2. Л. 23–24.

польской стороной как шаг разумный, патриотический, нацеленный на разрушение козней Кремля и сохранение тысяч польских жизней. Подобная интерпретация событий без изменений сохраняется до сих пор.

В период формирования польской армии в СССР между сторонами то и дело возникали различные трения, принимавшие иногда серьезный характер.

Польское правительство в эмиграции и его сторонники, к числу которых следует отнести и офицерский корпус польской армии в СССР, не признавали законности территориальных итогов сентябрьской кампании 1939 г., закончившейся отторжением от Польши присоединенных ею в 1921 г. в качестве военного трофея районов Западной Украины и Западной Белоруссии. Именно с требования вернуть эти земли польская сторона начала переговоры в Лондоне в июле 1941 г. В последнем приказе по армии от 29 мая 1946 г. В. Андерс писал: *«Мы не можем себе представить настоящую Польшу без Львова и Вильно»*¹. Не признавалось также автоматическое получение гражданства СССР всем населением этих районов, в том числе поляками по национальности, даже временно туда приехавшими. По этому поводу и по другим причинам возникали большие и малые конфликты, разрушавшие ту минимальную степень доверия, которую удалось установить в результате подписания двусторонних соглашений.

При формировании армии возникла проблема офицерских кадров, в которых ощущался острый недостаток. Польская сторона вскоре убедилась, что многие известные офицеры, оказавшиеся в 1939 г. в советском плену, так и не прибыли к месту дислокации армии. Ею составлялись постоянно дополнявшиеся именные списки отсутствующих офицеров, которые направлялись советской стороне в качестве официальных нот посольства Польской Республики в СССР². В нотах также указывались многочисленные случаи задержек при отправках польских офи-

¹ Anders Wl. Mémoires... P. 443.

² Речь идет о кадровых офицерах польской армии и не касается офицеров запаса, расстрелянных в Катыни и других лагерях.

церов в формирующуюся армию и отмечалось, что тем самым советская сторона не выполняет своих обязательств по исполнению указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии. Какой-либо вразумительный ответ от нас польской стороной так и не был получен. Такие факты, естественно, негативно воздействовали на умонастроения всей польской армии. Трагическая судьба польских кадровых офицеров в СССР продолжает ждать своего полного выяснения.

Были серьезные трудности и с поставками вооружения. Об оснащении армии вооружением и обмундированием обещали позаботиться Великобритания и США. Однако ни один транспорт для поляков так и не поступил. Таким образом, вся забота о вооружении легла на плечи советской стороны. Несмотря на то, что обстановка на фронте была угрожающей, полякам, как свидетельствуют архивные документы, уже в сентябре–октябре 1941 г. было передано оснащение для одной пехотной дивизии (40 орудий, 135 минометов, 8451 винтовка, 162 пистолета-пулемета, 270 ручных и станковых пулеметов, 1022 револьверов и пистолетов)¹. Кроме того, в связи с неполучением обмундирования из Великобритании, о чем имелась договоренность, армии Андерса в порядке помощи было выдано 46 тыс. комплектов ватных брюк, телогреек и кожаных ботинок, а также 30 тыс. штук другого обмундирования². Таким образом, можно сказать, что жалобы польской стороны на отсутствие помощи в вооружении и обмундировании не всегда состоятельны³. Но никто не скрывает, что эта помощь была недостаточна.

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26а. П. 225. Д. 19. Л. 32–35.

² Там же.

³ Польский посол в Москве С. Кот по данному вопросу писал в конце 1941 г. своему правительству в Лондоне: «Военные признают, что советские власти засчитывают продовольствие, вооружение и снаряжение, ими поставляемое, по чрезвычайно низким ценам. Советские военные власти весьма облегчают организацию польского войска, на практике они полностью идут навстречу польским требованиям, отдавая войску солдат, мобилизованных уже в Красную армию на землях Восточной Польши». *Kot S. Listy z Rosji do Generała Sikorskiego. Londyn, 1956. S. 91–92.* Цит. по: *Парсаданова В.С. Армия Андерса на территории СССР (1941–1942) // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 179.*

От польской стороны поступали многочисленные жалобы и по другим вопросам (довольствие, размещение, условия быта, отсутствие транспортных средств и т. п.). Все перечисленные недостатки в тех или иных масштабах, наверное, имели место в действительности, время было такое. Поражает то, что эти жалобы порой смахивали на вздорные претензии, так как совершенно абстрагировались от реальной обстановки тяжелого военного времени. Польская сторона почему-то забывала, что СССР находится в состоянии войны, терпит неудачи на фронте, над ним нависла смертельная опасность, противник далеко продвинулся в глубь страны, оккупировал значительную территорию и поэтому все ресурсы были строго регламентированы. Избранное поляками в СССР поведение «немедленное вынь да положь» возмущало. Здесь следует подчеркнуть, что формирующаяся польская армия по многим показателям была поставлена в значительно более благоприятные условия, чем находящиеся в тылу части Красной армии. Советская сторона также пошла навстречу просьбе польского командования о передислокации армии в район с более мягкими климатическими условиями. Хотя и здесь не обошлось без обвинения в ее адрес в том, что переброска польской армии в Среднюю Азию по времени вышла за пределы согласованного срока, как будто в условиях военного времени это была совершенно заурядная акция.

О подобной стороне избранного поляками поведения справедливо в мае 1942 г. писал в Москву посол СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолов: польское правительство в эмиграции *«считает, что мы перед Польшей в неоплатном долгу и если мы сейчас что-либо делаем для поляков, то со стороны поляков великим подвигом и большой уступкой своему самодлюбию является принятие этой помощи»*¹.

¹ АВП РФ. Ф. 036а. Оп. 1а. П. 105а. Д. 3. Л. 58.

Заключение и выводы

Сформированная в СССР армия Андерса так и не появилась на советско-германском фронте, по сути дела, отказавшись сражаться плечом к плечу с советской армией, хотя именно через восточный фронт пролегал самый короткий путь к Польше. Таким образом, имеются веские основания для обвинения польской стороны в срыве межправительственных соглашений, подписанных в июле–августе 1941 г. Польские историки, которые охотно перечисляют, какие международные акты были нарушены СССР в результате ввода своих войск в сентябре 1939 г. на тогдашнюю польскую территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, данный факт предпочитают обходить молчанием. Вообще, современной польской историографии присуща тенденция просто-напросто опускать некоторые исторические события, которые не вписываются в политические оценки прошлого, сформулированные официальной Варшавой. Так, например, в исследованиях о советско-польских отношениях в период Второй мировой войны оставляются без внимания такие факты, как предоставление Советским Союзом убежища беженцам из оккупированной немцами Польши, существенные затраты на содержание армии Андерса, забота об оказавшихся в СССР польских сиротах, которые после войны вернулись на родину и пр. Что касается самого решения о выводе армии в Иран, то оно удостоивается самых положительных оценок, хотя этот вывод больше смахивал на стремление быть подальше от быстро надвигавшегося германского фронта, а в дальнейшем имел серьезные негативные последствия для самой Польши и ее взаимоотношений с СССР.

Многочисленные факты, связанные с выводом армии Андерса, позволяют усомниться в искренности намерений польского правительства в Лондоне в 1941 г. установить долговременное военное сотрудничество с СССР. Имеющаяся в нашем распоряжении архивная документация тех лет свидетельствует о том, что решение о выводе было заранее запланированной политической операцией. С самого начала ставилась задача сформировать и вывести из СССР польскую армию, чтобы затем ее можно было ис-

пользовать в качестве военной силы в борьбе за власть в Польше. Недаром в последнем приказе по армии от 29 мая 1946 г. В. Андерс отметил, что для польских солдат *«война не закончилась»* и призвал к *«дальнейшей борьбе за независимость Польши»*¹.

Аналогичную цель преследовало и создание на территории оккупированной немцами Польши Армии крайовой, которая в соответствии с лозунгом «двух врагов» была враждебно настроена к освободившим Польшу советским войскам. Подобные же цели преследовала и организация Варшавского восстания в 1944 г., приведшего только к большим дополнительным жертвам. Кто являлся соавтором, а может быть, и инициатором подобных планов, до сих пор тщательно скрывается. Не могло же польское правительство в Лондоне самостоятельно принимать решения по стратегическим вопросам послевоенного урегулирования в Европе.

Вместе с тем совершенно ясно, что участие армии Андерса в 1942 г. в боях на советско-германском фронте обернулось бы для нее большими потерями. Здесь опасения польской стороны, думается, вполне обоснованы. И все же, отказ выступить на советско-германский фронт в сложный период войны, когда союзник нуждался больше всего в помощи, когда дорога была каждая дивизия, нельзя не квалифицировать как нарушение польской стороной взятых на себя обязательств. Все это, согласитесь, едва ли можно отнести к славным страницам истории польских вооруженных сил.

Идея военного сотрудничества с Польшей после вывода армии Андерса не умерла. Она воплотилась в создание в СССР сначала дивизии им. Т. Костюшко, а затем и новой польской армии, которая на равных сражалась на германском фронте, в октябре 1943 г. получила боевое крещение в кровопролитном сражении под Ленино в Белоруссии, с боями прошла весь солдатский путь до границ Польши, завоевала право первой вступить в освобожденную польскую столицу, участвовать во взятии Берлина, а за-

¹ По инициативе ген. Андерса до середины 50-х гг. в структурах НАТО обучалась группа польских офицеров на случай войны с СССР (Rzeczpospolita. 2007. 11–12.08).

тем в параде Победы в Москве в июне 1945 г. Но об этом в Варшаве сейчас предпочитают не вспоминать.

Дальнейшая судьба армии Андерса, если судить по честным меркам, достойна искреннего сожаления. Ее участие в боевых действиях в период Второй мировой войны ограничилось мелкими стычками и несением караульной службы при британских вооруженных силах в Северной Африке и затем в Италии. Единственное сражение, которое можно записать на счет армии Андерса, это ее успешные боевые действия в мае 1944 г. за овладение укрепленным немцами монастырем Монте-Кассино в Италии, взятие которого открыло путь на Рим. Так сложилось, что армия Андерса после рокового ухода из СССР оказалась фактически невостребованной во время войны и затем в самой Польше. Большинство солдат и офицеров так и не смогли вернуться на родину, закончив свою жизнь на чужбине. От всей этой истории до сегодняшнего дня остался только несбывшийся миф об Андерсе, въезжающем в Варшаву на белом коне как освободитель Польши, осталась песня с незатейливым мотивом «Красные маки на Монте-Кассино», да преувеличенное словословие в адрес Андерса в современной польской исторической пропаганде.

5. «Русский след» в гибели премьер-министра Польши В. Сикорского в 1943 г.

Катастрофа самолета, во время которой в июле 1943 г. погиб премьер-министр В. Сикорский, возвращавшийся из инспекционной поездки на Ближний Восток, до сих пор остается нераскрытой и продолжает хранить в себе ряд загадок.

Напомним некоторые исторические факты, связанные с личностью Сикорского.

Владислав Сикорский (1881–1943) — генерал, участник советско-польской войны 1919–1920 гг., начальник генштаба в 1921–1922 гг., премьер-министр в 1922–1923 гг., а затем в 1924–1925 гг. — военный министр. Постоянный политический оппонент Ю. Пилсудского: в 1926 г. он не поддержал организованный Пилсудским военный путч, был отодвинут в тень и вынужден уехать за границу, выступал против установившегося в Польше диктаторского режима. Отношение к Сикорскому со стороны тогдашних правящих кругов характеризует отклонение в 1939 г. его просьбы о въезде в страну для участия в войне с Германией.

После разгрома Польши в стране преобладало мнение о необходимости привлечь к ответственности правящую верхушку пилсудчиков за бездарное руководство, промахи во внешней политике и в деле укрепления обороноспособности страны¹. Однако в годы оккупации ни о каком судебном разбирательстве, есте-

¹ Об отношении к представителям прежнего руководства в то время свидетельствует факт, что скрыто вернувшемуся в оккупированную Варшаву бывшему начальнику государства маршалу Э. Рыдз-Смиглому было отказано участвовать в национальном движении сопротивления.

ственно, речи быть не могло, а после окончания Второй мировой войны этот вопрос уже в силу разных причин не поднимался¹. В. Сикорский как наиболее авторитетный независимый политик, оказавшийся за рубежом, становится премьером польского правительства в эмиграции. Однако значительное влияние пилсудчиков в его кабинете сохранилось, с ними у премьера постоянно возникали различные коллизии, против него плелись интриги, его всячески очерняли перед приютившими их англичанами. Недоброжелатели Сикорского только и ждали удобного момента, чтобы от него избавиться.

В 2008 г. Институт национальной памяти в Варшаве, известный своей крайней тенденциозностью в вопросах истории отношений с Россией, начал следствие по факту смерти В. Сикорского. Как сообщалось в польской печати, в первую очередь обследовались эксгумированные останки премьера в целях установления двух основных моментов:

1. Являются ли именно эти останки его останками, а не другого человека, так как такая экспертиза, как оказалось, ранее вообще не проводилась.

2. Наступила ли его смерть в результате авиакатастрофы или же он был убит еще до взлета самолета.

Было подтверждено, что это действительно останки генерала и что он погиб в результате катастрофы самолета.

В ходе следствия расследуются три версии. Четвертая версия о возможной причастности германских спецслужб к организации покушения почему-то не принимается во внимание. А зря. Соседствующая с Гибралтаром франкистская Испания во время войны являлась, как известно, союзницей Герма-

¹ Главные довоенные действующие лица, которых можно было предать суду, были недоступны польскому правосудию: президент И. Мостицкий в 1939 г. отказался от своего поста и проживал в Швейцарии, скончался в 1946 г.; премьер Ф. Славой-Складовский, генерал, был интернирован в 1939–1940 гг. в Румынии, а в 1943–1945 гг. возглавлял санитарную службу в польской армии на Ближнем Востоке, после войны остался в эмиграции в Великобритании, умер в 1962 г.; начальник государства маршал Э. Рыдз-Смиглый и министр иностранных дел Ю. Бек умерли во время войны.

нии, а возможности проникновения в Гибралтар с территории Испании, по некоторым сведениям, существовали довольно широкие.

Первая версия — авиакатастрофа организована английскими спецслужбами. Подобный вариант в польской печати с ходу отвергается, поскольку, как считается, у британцев не было серьезного мотива устранять Сикорского. Доказательная база для такого утверждения выглядит крайне неубедительно. Известно, например, что Лондон не устраивала чрезмерная независимость польского премьера, существовали также расхождения в определении послевоенных восточных границ Польши, англичан настораживало и стремление Сикорского поддерживать самостоятельные связи с СССР. В последнее время стали говорить, что у истоков организации покушения мог стоять сам У. Черчилль¹. Если на английской военной базе в Гибралтаре действительно имела место диверсия, то она никак не могла пройти мимо внимания англичан.

Вторая версия — часть польских и иностранных исследователей склоняется к тому, что авиакатастрофа могла быть организована высокопоставленными соотечественниками Сикорского, для которых тот был в некотором роде инородным элементом и которых, в частности, раздражал его курс на сотрудничество с Москвой. Нельзя исключать, что как раз именно на этой почве мог состояться их тайный сговор с британскими спецслужбами. Кроме того, не секрет, что среди польского генералитета были лица, стремившиеся занять место Сикорского на посту главнокомандующего. К ним, в первую очередь, относились генералы К. Соснковский и В. Андерс. Последний, как известно, занимался формированием польской армии в СССР и в нарушение прежних договоренностей отказался направить ее на советско-германский фронт, а затем вообще вывел эту армию из пределов Советского Союза на Ближний Восток.

Нельзя исключать, что в организации авиакатастрофы участвовали вместе и английские, и польские спецслужбы.

¹ *Jendroszczyk P. Pisarz o zgładzeniu gen. Sikorskiego. Rzeczpospolita. 2011. 4.05.*

Третья версия — это так называемый «советский след». Здесь польская фантазия не знает границ. В основном домыслы публицистов и исследователей сводятся к тому, что к этому времени Сталин якобы уже принял решение отказаться от сотрудничества с польским правительством в Лондоне, сделав ставку на польских коммунистов. Поэтому он и решил избавиться от Сикорского проверенным методом¹.

Данная версия сейчас является приоритетной в Польше при расследовании дела о гибели В. Сикорского. Она постоянно присутствует в польской печати на протяжении последних двадцати с лишним лет. Чтобы придать этой версии большую правдоподобность, в польской прессе настойчиво внедряется информация о том, что в июле 1943 г. в Гибралтаре одновременно с самолетом польского премьера якобы приземлился пролетом советский самолет, намекая на то, что диверсию могли совершить находившиеся в этом самолете лица. В течение длительного времени утверждалось, будто в это время в Гибралтаре приземлился самолет с послом СССР в Мексике К. А. Уманским, позднее сообщалось, что на борту самолета находился посол СССР в Великобритании И. М. Майский, а сейчас вместо них упоминается известный советский разведчик Ким Филби. Подобная чехарда имен свидетельствует прежде всего о том, что мы имеем дело не с достоверными фактами, а с обычными домыслами, а выдвигаемые предположения не выдерживают проверки даже с точки зрения формальной логики. Ярким примером подобных «изысканий» могут служить, в частности, высказывания Тадеуша А. Киселевского, написавшего несколько книг о В. Сикорском и в силу этого считающегося, видимо, большим специалистом по данному

¹ Польский историк В. Побуг-Малиновский в своей подробной «Новейшей политической истории Польши. Период 1939–1945», впервые изданной в 1960 г. в Лондоне, отражая ходившие в то время слухи, в качестве основной выдвинул версию, обвиняющую Кремль в организации покушения на Сикорского, чтобы избавиться от него накануне встречи в верхах в Тегеране (*Pobóg-Malinowski Wl. Najnowsza historia polityczna Polski. Okres 1939–1945. Gdańsk, 1989. T. 1. S. 306–308*).

вопросу¹. В своем интервью, озаглавленном «Генерала убили Советы»², он весьма оригинальным способом «доказывает» причастность советских спецслужб к организации покушения на Сикорского. Его рассуждения построены весьма примитивно: он считает, что раз советская сторона утверждает, что покушение — дело рук британской разведки, то это первый признак того, что они сами виноваты в смерти премьера в силу известной поговорки «На воре и шапка горит». А главной причиной того, что британская сторона недавно засекретила документы о гибели Сикорского еще на 30 лет, по его мнению, является не стремление скрыть свое прямое участие в покушении, а то, что в нем принимали участие англичане — советские агенты. Поэтому, видите ли, британцам крайне неудобно данные факты предавать гласности (!). В высказываниях Киселевского содержится также намек, что в этой акции якобы участвовали и американцы. Это последнее утверждение он пытается подкрепить следующей фразой: «Уверен, что там (т. е. архивы США) имеются доклады дипломатов и спецагентов, не оставляющие сомнения в том, что именно так и обстояли дела».

«Советский след», как представляется, носит явно надуманный характер. Для Кремля В. Сикорский был не такой уж важной фигурой, чтобы проводить по его устранению подобную сложную операцию с неизвестными последствиями и рисковать в условиях еще продолжающейся войны своей законспирированной агентурой. К тому же в Москве понимали, что Сикорский — единственная авторитетная и наиболее ответственная фигура из польских эмигрантских политиков, не связанная с довоенным антисоветским курсом лагеря Ю. Пилсудского, с которым можно вести дела. И до самого последнего времени, надо сказать, сотрудничество с В. Сикорским складывалось довольно удовлетворительно. Были восстановлены дипломатические отношения, заключен договор о формировании в СССР польской

¹ В разное время появились следующие книги авторства Т. А. Киселевского: «Покушение. По следам убийц генерала Сикорского», «Убийцы», «Гибралтар 43», «Как погиб генерал Сикорский?», «После покушения».

² Rzeczpospolita. 2013. 5.07.

армии, в декабре 1941 г. состоялся визит В. Сикорского в Москву, где была подписана Декларация о дружбе и взаимной помощи, в которой зафиксирован важный момент на перспективу о том, что *«в мирное время основой взаимоотношений будут доброе соседское сотрудничество, дружба и обоюдное честное выполнение принятых на себя обязательств»*.

Все шло к тому, что СССР не стал бы особенно препятствовать, чтобы первое послевоенное правительство Польши возглавил именно В. Сикорский. Подобное развитие событий, видимо, не устраивало ни англичан, ни окружавших Сикорского пилсудчиков и представителей других политических кругов. Правда, в последующие годы в двусторонних связях происходят сбои, приведшие в конце концов к разрыву дипломатических отношений. Однако усматривать в этом каких-то осознанных действий самого Сикорского не приходится, нельзя исключать, что допущенные им политические и дипломатические промахи были специально кем-то подсказаны в провокационных целях.

Имеются сведения, что Сикорский был уверен, что отношения с СССР вскоре будут восстановлены, и сам стремился к этому. Так, по польским источникам, намечалась его встреча с якобы находившимся в Каире заместителем наркома иностранных дел СССР¹, но как раз в этот момент поступает телеграмма о необходимости его немедленного возвращения в Лондон. Такое совпадение едва ли могло быть случайным.

Таким образом, авиакатастрофа в Гибралтаре в 1943 г. скорей всего могла явиться результатом внутренних интриг и разборок среди самих поляков, оказавшихся в эмиграции. Об этом, в частности, свидетельствует польский офицер из свиты Андерса Е. Климовский, который в своих воспоминаниях на вопрос: «Почему так спешили с ликвидацией Сикорского?», отвечает:

¹ Как пишет в своих воспоминаниях посол СССР в Великобритании И. М. Майский, который в это же время через Гибралтар и Египет возвращался в Москву, по первоначальному графику перелета он мог пересечься с В. Сикорским в Каире или в другом пункте Северной Африки, но затем маршрут его самолета был без объяснений внезапно изменен. На должность заместителя наркома иностранных дел СССР он был назначен уже по прибытии в Москву.

«Чтобы показать, насколько сильно опасались англичане соглашения Сикорского с правительством Советского Союза, еще раз сошлемся на факт срочного отзыва ими нашего премьера из Каира в Лондон. Когда Сикорский объявил о своей поездке в Каир для встречи с заместителем министра иностранных дел СССР, англичане, не желая допустить этой встречи и переговоров, вызвали Сикорского телеграммой в Лондон. Вызвали, предварительно сделав все, чтобы этот полет был для него последним»¹.

В этих же воспоминаниях, кроме того, делаются довольно прозрачные намеки на то, что Андерс знал, что самолет с Сикорским на борту должен потерпеть аварию.

Об амбициозных планах В. Андерса, склонностях его натуры к авантюризму и нечестным поступкам свидетельствует и бывший пресс-офицер при В. Сикорском — С. Струмф-Войткевич, ставший впоследствии в Польше известным писателем².

Не случайно сейчас в польской печати замазывается существовавший антагонизм между Сикорским и Андерсом, когда дело доходило до того, что последний открыто игнорировал приказы своего верховного главнокомандующего (кстати, этим и была вызвана инспекционная поездка Сикорского на Ближний Восток). Теперь же польская печать вопреки фактам преподносит, что Андерс был якобы «лоялен» Сикорскому.

В целом многое свидетельствует о том, что террористический акт в отношении Сикорского был организован и осуществлен британской секретной службой с согласия или даже при участии верхушки польских политиков-пилсудчиков в Лондоне.

Ключ к разгадке смерти В. Сикорского, вполне вероятно, может находиться в британских архивах, в материалах, связанных с расследованием в 1943 г. причин авиационной катастрофы над Гибралтаром, которые до сих пор остаются закрытыми. По мне-

¹ *Климковский Е.* Я был адъютантом генерала Андерса. М.: Прогресс, 1964. С. 297–298.

² См.: *Кривицкий А.* Разговор в Варшаве // Литературная газета. 1982. 23 июня.

нию польской печати, эти материалы вообще вряд ли когда-либо будут рассекречены. Поэтому вяло ведущееся Институтом национальной памяти следствие никак не может существенно продвинуться.

Учитывая, что польская сторона уже традиционно во всех своих бедах и неудачах стремится в первую очередь обвинить своего восточного соседа, вполне можно ожидать, что при расследовании будет преобладать не стремление объективно во всем разобраться, а желание очернить политику России, создав еще одну болезненную точку в двусторонних отношениях.

6. Политические и военные аспекты Варшавского восстания (1 августа — 2 октября 1944 г.)¹

Восстание, вспыхнувшее в оккупированной фашистами Варшаве, по героизму его участников и по своим трагическим последствиям является, несомненно, заметным событием в истории Второй мировой войны. Начало, ход и окончание восстания связаны с рядом явных и закулисных действий политического, дипломатического и военного характера, некоторые из которых продолжают хранить свои тайны до сих пор. Участниками этих событий, кроме Польши и Германии, были все главные члены антигитлеровской коалиции. Это и понятно, поскольку на заключительном этапе войны будущее Польши, занимавшей важное геополитическое положение в Европе, было предметом усиленной дипломатической активности.

В настоящее время истинные цели восстания, его ход и место в советско-польских отношениях довольно обстоятельно изучены. Они изложены в опубликованных документах², фигурируют в исторических исследованиях и многочисленных воспоминаниях участников. Однако сейчас, как и 70 лет назад, связанные с восстанием факты часто продолжают излагаться предвзято, необъективно. Поэтому имеется необходимость сжато подытожить узловые вопросы событий того времени.

¹ См.: *Иванов Ю. В.* Кто кого предал // Военно-исторический журнал. 1993. № 3 и 4.

² См., например, публикацию рассекреченных российских архивных документов о Варшавском восстании. Новая и новейшая история. 1993. № 3.

Кратко об основных целях, которые преследовались заинтересованными государствами в польском вопросе.

Перед самым началом восстания 26 июля 1944 г. в связи со вступлением советских войск на территорию Польши появилось заявление НКВД СССР¹, в котором были очерчены интересы Советского Союза в польских делах, ставшие главным ориентиром советской внешней политики на долгие годы. Это — создание «*независимой, сильной и демократической Польши*», которая рассматривалась как «*суверенное, дружественное союзное государство*». Против такой общего характера позиции возражать было трудно, к тому же Великобритания и США были в высшей степени заинтересованы в участии СССР как союзника в войне против Германии, а в будущем — против Японии. Поэтому они поддержали декларацию Москвы в польском вопросе, которая в том виде, в котором она была провозглашена, отвечала их интересам; оказывали посреднические услуги в улучшении советско-польских отношений, сдерживая некоторые наиболее неприемлемые для Москвы польские претензии. В этом плане весьма характерно заявление В. М. Молотову британского министра иностранных дел А. Идена в ходе одной из встреч на конференции трех держав в Тегеране 30 ноября 1943 г.: «*У нас одно желание, а именно: мы хотим помешать тому, чтобы польский вопрос стал источником неприятностей между нашими странами*»². Наверное, он был искренен, произнося эти слова.

На Тегеранской конференции положение вокруг Польши впервые подверглось коллективному обсуждению союзников на высшем уровне. Была достигнута принципиальная договоренность по главному вопросу: несмотря на отрицательное отношение польского правительства, «*линия Керзона*» была подтверждена в качестве будущей советско-польской границы. И. В. Сталин, со своей стороны, дал устное согласие при определенных условиях начать переговоры о восстановлении дипломатических отношений между СССР и польским правительством

¹ Советский Союз — Народная Польша. 1944–1974. М., 1974. С. 13.

² Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1978. С. 149.

в Лондоне¹. По просьбе англичан данное соглашение из тактических соображений в опубликованные в то время документы конференции включено не было.

Однако это не мешало союзникам, особенно Великобритании, время от времени втайне от СССР и очень осторожно разыгрывать свою собственную польскую карту, блокируя по возможности такой ход событий, который мог бы привести к созданию просоветски настроенной власти в Польше. Одной из таких козырных карт в их дипломатической игре и явилось Варшавское восстание. По сути дела, тогда в польской столице решался кардинальный вопрос. Прорабатывался вариант максимального ограничения участия СССР в формировании характера будущих политических режимов в государствах Восточной и Центральной Европы. «Мотором» планов сдерживания СССР, как известно, был британский премьер-министр У. Черчилль, который особую роль Великобритании в польских делах объяснял тем, что его страна, выполняя свои обязательства перед Польшей, в 1939 г. вступила в войну против Германии и что местопребыванием польского правительства в эмиграции являлся Лондон.

Итак, середина 1944 г., война в Европе близится к завершению, уже открыт второй фронт, армии союзников с востока и запада продвигаются навстречу друг другу, чтобы встретиться в побежденной Германии. К этому времени вокруг Польши возникла чрезвычайно сложная и запутанная ситуация. С одной стороны, в Лондоне существовало созданное в эмиграции враждебное Москве польское правительство, которое поддерживалось Великобританией и США и с которым Советский Союз в апреле 1943 г. разорвал дипломатические отношения. С другой стороны, при прямой поддержке Кремля в конце июля 1944 г. завершает свое формирование другой польский орган высшей исполнительной власти — Польский комитет национального освобождения (ПКНО), дружественно настроенный к СССР, и ему в соответствии с двусторонними соглашениями передается гражданская власть на освобождаемой территории страны. С ПКНО подписывается также до-

¹ Там же. С. 164, 167.

кумент о границе, о чем, конечно, было известно польскому правительству в эмиграции. Тем временем советские войска приближаются к Варшаве, что поднимает шансы ПКНО и, соответственно, низводит до нуля шансы лондонского правительства. Набирающее ускорение развитие событий все больше начинает идти по сценарию Кремля и связанных с ним левых сил Польши.

Польское правительство в эмиграции, опираясь на свое законспирированное представительство в Варшаве и подпольные вооруженные силы (Армия крайова — АК), прекрасно понимало, что после создания ПКНО в борьбе за власть в стране наступил критический момент, и если оно будет и дальше занимать выжидательные позиции, то может окончательно потерять контроль над развитием ситуации. Поэтому это правительство решается на отчаянный шаг — осуществление ранее разработанного плана «Бужа» («Буря»), предусматривавшего, в частности, организацию восстания в Варшаве. Имелось в виду, что как только части 1-го Белорусского фронта будут на подходе к столице, а германское командование начнет эвакуацию города, расправиться с оставшимися немецкими тыловыми частями, провозгласить власть эмигрантского правительства, не допустить в Варшаву ПКНО и встретить советские войска уже в качестве хозяина столицы и, следовательно, всего государства, поставив СССР перед свершившимся фактом¹. При этом не без резона учитывалось, что советская сторона едва ли решится на принятие каких-либо силовых мер в отношении руководителей победоносно завершившегося восстания, становившихся в этом случае национальными героями в глазах всего населения страны.

Решение о начале восстания было принято при весьма необычных обстоятельствах. Во-первых, польское правительство в Лондоне передало решение вопроса о его начале на усмотрение своих

¹ Подобный прием овладения столицей перед самым вступлением в нее вооруженных соединений политического противника (ЭАМ-ЭЛАС) был уже опробован англичанами в 1943 г. в Греции, когда в Афины было десантировано королевское греческое правительство. См.: *Ржешевский О.А.* Операция «Толстой». Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 122.

представителей в Варшаве, не известив их, однако, хотя и обязательно было это сделать, о том, что британская и американская стороны, по сути дела, отказали в активной вооруженной помощи повстанцам. Таким образом, командование АК как бы подталкивалось к решению начать восстание под свою ответственность. Во-вторых, командованием АК не были проверены (или сознательно сфальсифицированы) разведданные о появлении советских танков на окраинах столицы. Решение о начале восстания, отклоненное в первой половине дня, было принято в узком кругу несколько часов позднее при отсутствии многих военачальников, голосовавших перед этим против¹. Стремление любой ценой развязать восстание в тех реальных условиях без значительной помощи извне во многом было малооправданным риском в военном отношении, учитывая малочисленность и очень слабое вооружение повстанцев, завершившуюся неудачей переброску частей АК из провинции в столицу, потерю фактора внезапности², отсутствие надежных источников информации.

Идея восстания не получила должного дипломатического и военного обеспечения. Официальные отношения с Москвой не были восстановлены, без чего не могло быть и договоренности о совместных и согласованных действиях с советским командованием. Польская сторона, несмотря на давление У. Черчилля и в отличие от ПКНО, не соглашалась принять «линию Керзона» в качестве восточной государственной границы. Но главное заключалось в том, что в планы польской стороны вовсе не вхо-

¹ На это обращает особое внимание польский журналист Е. Иранек-Осмедкий в статье «В плохое время». *Политика*. 1994. 10 дек. (*Iranek-Osmedki J. W złą godzinę // Polityka*. 1994. № 50. 10.12).

² Имеются нуждающиеся в дополнительном подтверждении данные, что до начала восстания состоялась секретная встреча командующего АК ген. Бур-Коморовского с высоким представителем германской разведки, во время которой генерал был предупрежден, что германской стороне известно о готовящемся восстании и примерной дате его начала и что стоит подумать о всех последствиях выступления (см.: *Фарина А.* За Красной Армией вины нет, — свидетельствует документ, обнаруженный в польских архивах // *Красная Звезда*. 1994. 11 нояб.) Но польский командующий по каким-то соображениям проигнорировал это предупреждение.

дило информировать советское командование о подготовке и начале восстания. Все это заранее предопределило его военную неудачу. Что было дальше, хорошо известно. В результате контрудара германских войск советское наступление на Варшаву было приостановлено и на центральном фронте установилось стратегическое равновесие, а рассчитанное на 2–3 дня плохо подготовленное восстание подавлено немцами.

Отношение Москвы к Варшавскому восстанию с самого начала было резко отрицательным. В Кремле прекрасно понимали всю политическую интригу восстания, его направленность на захват власти и серьезную угрозу для планов утвердить в Варшаве дружественно настроенное к СССР правительство. Следует особо отметить, что эти планы были естественной реакцией на неоднократно демонстрируемую враждебность польского правительства к своему восточному соседу как до 1939 г., так и позднее. Коренной же причиной отсутствия взаимодействия с советским руководством оставались, пожалуй, претензии польского правительства в Лондоне на включение в состав будущего польского государства значительной части белорусских и украинских земель.

Существуют и иные интерпретации всех этих событий¹. Начало одной из них положило само руководство восстания, которое, стремясь обелить себя за поражение, обвинило во всем «Советы», которые якобы могли, но не оказали помощь повстанцам и тем самым обрекли восстание на поражение, а население столицы и город — на уничтожение. Это обвинение сугубо пропагандистского характера оказалось весьма живучим, существует до сих пор и озвучивается в высказываниях польских официальных лиц, средствах массовой информации, а также в работах большинства польских и некоторых иностранных историков.

Рассмотрим вопрос об ответственности за поражение восстания более подробно. Он имеет два аспекта: политико-диплома-

¹ Есть еще одна точка зрения на события 1944 г. Так, известный историк Н. Дэвис, автор исследования о Варшавском восстании (*Davies N. Rising 44. The Battle for Warsaw. London, 2003*) в интервью газете «Жеч-посполита» сделал категорическое заявление: «Вся проблема заключается в том, что западные союзники Польши ничего не сделали. И это, по моему, главная причина поражения» (*Rzeczpospolita. 2003. 31.10–2.11*).

тический и военный. В польском «обвинении» констатируется, что И. В. Сталин, встав на сторону ПКНО против польского лондонского правительства, не был заинтересован в победе АК, которых рассматривал в качестве своих противников в послевоенном устройстве Польши. С этим трудно не согласиться. Но далее утверждается, что именно поэтому он якобы умышленно приостановил своим приказом наступление на Варшаву, предоставив тем самым немцам возможность расправиться с повстанцами. Утверждается также, что советская сторона сознательно уклонилась от оказания помощи восстанию и, более того, препятствовала это делать американцам и англичанам.

Весь этот набор обвинений или мало обоснован, или вообще изначально ложен и преследует лишь одну-единственную цель — оправдать себя, воспользовавшись для этого излюбленным приемом, свалив, как это нередко бывало в истории, всю вину за неудачу на восточного соседа.

Начнем с пресловутого приказа И. Сталина. Не было такого приказа, а указываемая некоторыми польскими авторами статья «Уроки авантюры» в журнале «Большевик», № 8 за 1944 г., где якобы был помещен этот приказ, вообще отсутствует. Приказ Сталина от 5 августа 1944 г., которым так охотно оперировали многие польские историки и журналисты¹, на проверку оказался обычной фальшивкой, заимствованной из арсенала гитлеровской пропаганды в виде листовок, распространявшихся в Кракове в конце октября 1944 г. Что и было доказано полвека спустя самими польскими исследователями².

Стали известны и подлинные причины, по которым продвижение советских войск на запад внезапно приостановилось перед Вислой. Речь идет о мощном контрударе в начале августа 1944 г. с участием нескольких германских танковых дивизий,

¹ В частности, небезызвестный руководитель польской редакции радиостанции «Свободная Европа» Я. Новак-Езераньский писал: «Этот приказ [И. Сталина о прекращении наступления на Варшаву] не только обрекал восстание на поражение, но и означал приговор столице Польши, ее миллионному населению...». *Gazeta Wyborcza*. 1994. 9.08.

² *Brzoza Cz., Sowa A. L. Rzekomy rozkaz Stalina // Polityka*. 1994. № 50. 24.09. См. также: *Ольгвик П., Пушкарева Л.* Приказ Сталина был сфальсифицирован немецкой разведкой // *Российские вести*. 1994. 18 окт.

в том числе отборных — «Герман Геринг», «Викинг» «Мертвая голова». В результате был предотвращен выход советских армий на прямое берлинское направление, на фронте восстановлено стратегическое равновесие, а понесшая серьезные потери 2-я танковая армия генерал-полковника С. И. Богданова вынуждена была перейти к обороне. Информация о танковом сражении и тяжелых потерях с нашей стороны в свое время не стала достоянием широкой гласности, что облегчило появление различных домыслов, в том числе мифа о так называемом приказе Сталина. Вообще, невозможно представить такую ситуацию, когда главнокомандующий, располагая достаточными резервами, отдает приказ о приостановлении на несколько месяцев наступления на центральном направлении только ради того, чтобы не оказывать помощь Варшавскому восстанию¹. После высадки союзников в Нормандии это означало бы отказ от уже начавшегося негласного соревнования за главный приз в войне — взятие Берлина, что, учитывая амбиции Сталина, едва ли может соответствовать действительности.

Причины приостановки наступления на Варшаву были с пониманием встречены союзниками. Британский генштаб на запрос У. Черчилля от 8 августа ответил: «Они [немцы] окружили и уничтожили русские танковые части, которые наступали на город»². Редактор американского журнала *Russian Military Review* Д. М. Глантц однозначно утверждает:

«Если оставить в стороне политические соображения и мотивы, объективное изучение боевых действий в районе Варшавы показывает, что вплоть до начала сентября германское сопротивление было в состоянии воспрепятствовать любой советской попытке оказать помощь варшавянам, даже если таковая имела в виду»³.

¹ Кстати, главный расчет Бур-Коморовского строился именно на том, что советские войска при всех обстоятельствах будут продолжать наступление на приоритетном берлинском направлении (*Iranek-Osmecki J. W złą godzinę // Polityka. 1994. № 50. 10.12*).

² Цит. по: *Безыменский Л.* Почему Уинстон Черчилль ответил отказом // *Новое время. 1988. № 35. С. 40.*

³ *Глантц Дэвид М.* Забытые страницы Великой Отечественной войны (1941–1945) // *Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 6.*

Приведем выдержки из обстоятельного анализа обстановки на варшавском направлении посла США в СССР в 1943–1946 гг. У. А. Гарримана, содержащиеся в его воспоминаниях. В изложении читаем следующее:

«Что касается возможного фронтального наступления русских через Вислу на Варшаву, то Гарриман пришел к выводу, что Красная армия должна была получить больше техники, чтобы это осуществить».

По мнению Гарримана, главной причиной того, что русские остановились на Висле, была не столько политическая, сколько военная. Он писал:

«Я думаю, что Сталин приказал бы форсировать Вислу, невзирая на позицию лондонских поляков, если бы пришел к выводу, что имеется достаточно сконцентрированных сил, чтобы сломать немецкую оборону. Решающую роль в принятии им решения сыграли военные соображения. Немцы подтянули к Варшаве три дополнительные дивизии. Красная же армия за последнее время совершила настолько быстрый рывок, что оказалась оторванной от нормального обеспечения. В этот момент в ее распоряжении не было ни необходимых понтонов, ни средств для наведения мостов. Русские пришли к выводу, что для осуществления десанта через Вислу требуется гораздо больше ресурсов, чем те, которыми они располагали. В это время Сталин не решился на фронтальный удар. А с момента восстания поляков против немцев, по его мнению преждевременного, Сталин все это посчитал провокацией»¹.

Как отмечает известный российский историк О. А. Ржешевский², в настоящее время несостоятельность версии об умыш-

¹ *Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946.* Цит. по фрагментам книги, приводимом в спецбюллетене ПАП (Pamiętniki Harrimana (V), Biuletyn Specjalny PAP, 14. V. III. 1976. Dodatek tygodniowy. S. 34). Перевод с польского.

² Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 122.

ленном приостановлении советским командованием наступления на Варшаву убедительно доказана в новейших исследованиях ряда современных российских историков, в частности М. И. Мельтюховым¹.

Изложенная версия о причинах перехода 1-го Белорусского фронта к обороне находит подтверждение и в ряде польских исследований.

Так, в отчете руководителей восстания, опубликованном в польской печати, подчеркивается следующий момент:

«Не выдерживает критики предположение, что советские войска сознательно остановились в предместьях Варшавы и не хотели занять город. 4–5 августа после проигранного танкового сражения в районе Воломина со срочно переброшенными германскими дивизиями они были вынуждены приостановить свое наступление на Варшаву»².

На основе изучения архивных материалов (в том числе находящегося в США архива вермахта) польский исследователь Т. Савицкий опровергает тезис о том, что Красная армия намеренно остановилась на подступах к Варшаве:

«Этот тезис родился в главном командовании АК уже во время восстания, а после войны он развит и активизирован в эмиграции».

На основании в первую очередь германских источников Т. Савицкий делает вывод о том, что командование АК совершенно не ориентировалось в оперативной обстановке на фронте, а разъяснения руководителя восстания генерала Т. Бур-Коморовского, *«чтобы избежать суда истории совершенно не выдерживают конфронтации с фактами и рассчитаны при этом на полную некомпетентность читателей»³.*

¹ Мельтюхов М.И. Место Варшавы в действиях Красной армии летом 1944 года // Клио. 2002. IV: 4 (19).

² Gazeta Wyborcza. 1994. 5.10.

³ Ideologia i Polityka. 1989. № 9.

Далее он совершенно определенно пишет, что при такой концентрации отборных германских войск советское командование в тот момент не могло им противопоставить необходимые силы¹.

Известный польский эмигрантский политолог А. Бромке писал:

«Советское командование исчерпало свои возможности на подступах к Варшаве. Вскоре началось германское контрнаступление»².

Пожалуй, достаточно.

Советское командование обвиняется также в том, что советские части, в середине сентября находившиеся в районе Варшавы — Праге, на правом берегу Вислы, оставили на произвол судьбы повстанцев, не оказали им никакой помощи оружием, боеприпасами и продовольствием³.

Факты свидетельствуют об ином. Надо сказать, что в позиции СССР в отношении восстания происходили определенные изменения. Если в начале оно однозначно оценивалось как военная и политическая авантюра, с которой Кремль вообще отказывался иметь дело и по этой причине даже отказал американским и английским самолетам при совершении ими челночных полетов для сброса оружия над Варшавой приземляться на советской территории (речь шла об аэродроме под Полтавой). Так, в письме британскому послу от 16 августа 1944 г. наркоминдел СССР В. Молотов, в частности, писал:

«Советское правительство безусловно возражает против того, чтобы американские или английские самолеты после сбрасывания оружия приземлялись на территории Польши»

¹ Sawicki T. Front Wschodni a Powstanie Warszawskie. Polskie Wydawnictwo Naukowe. Warszawa, 1989. Точка зрения автора воспроизводится по рецензии на исследование, помещенной в журнале Ideologia i Polityka. 1989. № 9.

² Bromke A. Polak w świecie. Warszawa, 1989. S. 54–55.

³ Например, в программе польского культурного центра в Москве на октябрь 1999 г. была краткая историческая справка в связи с 55-й годовщиной Варшавского восстания. В целом справка объективна, но в ней содержится бесосновательное утверждение, что «они [«советские власти», «красно-коричневый тоталитаризм»] не оказали никакой помощи городу».

сывания вооружения в районе Варшавы приземлялись на советской территории, так как Советское правительство не хочет связывать себя ни прямо, ни косвенно с авантюрой в Варшаве».

Затем, после освобождения 13 сентября восточной части Варшавы — Праги, видимо, под дипломатическим давлением союзников первоначальная жесткая позиция была смягчена: с опозданием, но было дано согласие на посадку самолетов союзников при совершении ими челночных операций, советское командование предпринимает попытки установить непосредственный контакт с руководством восстания¹, оказывает различную помощь.

В чем конкретно эта помощь выражалась? Прикрытие повстанцев от действий немецкой авиации, которая вынуждена была прекратить свои налеты на позиции восставших, проведение систематических артобстрелов и бомбежек немецких позиций в городе, а также сбросы оружия и продовольствия для повстанцев. По официальным данным, в сентябре 1944 г. над Варшавой было сброшено 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 1478 автоматов, 1199 винтовок и карабинов, 20 255 ручных гранат, 1 312 600 патронов, 131 221 кг продовольствия². Конечно, это, может быть, не так много. Однако это была более реальная помощь, нежели помощь западных союзников, поскольку у тех только не более трети сбросов попадали по адресу, поэтому вскоре эти рейды из-за недостаточной эффективности решено было вообще прекратить. Характерно, что руководство восстанием зачастую советскую помощь выдавало за помощь западных союзников³.

Была предпринята попытка переправиться в черте города через Вислу силами частей Войска польского, но она окончилась неудачей. Чтобы уже окончательно отвести всяческие обвинения в неказании помощи, сошлемся на телеграмму самого ген. Бур-Коморовского на имя К. Рокоссовского от 15 сентября

¹ До этого все довольно редкие контакты совершались через Москву и Лондон.

² Документы и материалы... М., 1974. Т. 8. С. 255.

³ *Rokicki J. (Michał) Blaski i cienie bohaterkiego pięciolecia. Niemcy Zachodnie, 1949.*

1944 г., в которой тот благодарит за «авиационное прикрытие, сброшенное оружие, боеприпасы и продовольствие» и просит «о продолжении сбрасывания»¹. Таким образом, обвинять советскую сторону в том, что она не оказала никакой помощи восставшим, противоречило бы фактам. Другое дело — своевременность такой помощи, ее размеры и эффективность.

Посмотрим на проблему оказания поддержки восстания с несколько иной стороны. Для Москвы было совершенно ясно, что восстание — это прежде всего продолжение борьбы за власть внутри страны, которая направлена против интересов СССР. Даже в последнем перед капитуляцией приказе Бур-Коморовского читаем:

«Требования Москвы хуже, чем сдача оружия в руки явного врага. Лучше умереть, чем согласиться с ними. Советы хотели нас вывезти и уничтожить, как сделали с 10 тыс. жертв Катыни. Мы не могли этого допустить и были вынуждены пойти на капитуляцию»².

А вот что передавала радиостанция АК «Блыскавица» («Молния») в день капитуляции 3 октября 1944 г.:

«Немцы обязались эвакуировать население героического города и защитить его от нападения большевиков... Помните, что немецкие войска некоторое время будут щитом, охраняющим наши семьи от нападения большевиков».

В таком же ключе вещала в этот день другая радиостанция АК — «Варшава»:

«Сейчас Прага погружена в печаль, а место поляков занимают азиаты. Мужчины, часть которых вывезена в Россию, переходят ночами на другой берег Вислы. Даже слепой должен заметить эту резню...»³.

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26-б. П. 213. Д. 47. Л. 140.

² Там же. Оп. 27. П. 199. Д. 44. Л. 6-7.

³ Там же. Л. 4-5.

Возникает законный с позиций того времени вопрос: с какой стати Москва должна была ценой жизни тысяч своих солдат спасти восстание, цели которого были направлены против тогдашних интересов СССР, а руководство восстания было настроено заведомо враждебно? Странная получается логика: сначала все делается за спиной советской стороны, а когда это не удается — ее же еще и обвиняют в том, что, она, видите ли, почему-то не действовала против своих интересов и не пошла на дополнительные людские потери. Именно так выглядят в расшифрованном виде продолжающиеся до сих пор сетования польской стороны.

Польская пропаганда никак не хочет реально взглянуть на очевидные проверенные факты и на протяжении многих лет продолжает дудеть в одну и ту же дуду, обвиняя во всем только Кремль и требуя какого-то особого покаяния за допущенные «грехи» в отношении восстания. Чтобы не создавалось обманчивого впечатления, что в Польше нет политиков, мыслящих в категориях реализма и здравого смысла, дополнительно приведем мнения на этот счет непосредственных участников восстания.

Сошлемся на заявление находившего в то время в Варшаве заместителя представителя польского эмигрантского правительства А. Беня, впоследствии осужденного на московском «процессе шестнадцати» в июне 1945 г. (поэтому его трудно заподозрить в симпатиях к СССР). В интервью, данном в 1987 г., он перечисляет следующие причины поражения восстания, с которыми трудно не согласиться: отряды АК в столице оказались малочисленными и плохо вооруженными, в чем должно было отдавать отчет командование АК, однако не сделало этого; план восстания не был согласован с советской стороной, и поэтому нельзя было рассчитывать на помощь; момент восстания был выбран крайне неудачно¹. Аналогичный характер носит суждение участника восстания подполковника Ю. Рокицкого, который в брошюре под ироническим заголовком «Блеск и тени героического пятилетия», изданной в 1949 г. в Западной Германии, выносит как бы обвинительный приговор руководству восстания:

¹ Gazeta Poznańska. 1987. 2.10.

«Если же, однако, по политическим соображениям... создание атмосферы сотрудничества и, соответственно, согласование плана действий с Красной армией не было в намерениях верхушки АК, то тогда для народа было бы выгоднее отказаться от... восстания в Варшаве»¹.

И еще одно высказывание. Известный польский историк Я. Техановский, участник событий, автор исследования о восстании, изданного в Лондоне в 1971 г., заявил:

«С военной и политической точек зрения восстание было поражением. Оно должно было предотвратить создание коммунистического правительства, а способствовало его возникновению. Следует ясно сказать, что Сталин руководствовался советскими интересами, Черчилль — британскими, а Рузвельт — американскими... Осталась легенда героизма и грозное предупреждение об опасности переоценивать свои силы и не считаться с реальной обстановкой»².

А участник восстания Л. Кобылиньский полагает, что решение о начале восстания было «иррациональным» и «миф о восстании следует разоблачить». Он пишет:

«20 лет спустя после восстания у меня был разговор с генералом Буром-Коморовским. Попросил его представить хотя бы одну рациональную причину восстания. Тот не мог. Говорил, что этого хотел весь народ. Извините, я тоже был народом. Если бы в то время командующим был Ровецкий³, то восстания бы не было. А так несколько высших офицеров протащили свое мнение. А солдат всегда должен думать о народе, служить ему и защищать, а не навязывать свою точку зрения для вступления в бой. Наступило какое-то смещение понятий»⁴.

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 33. П. 258. Д. 70.

² Głos Szczeciński. 1994. 1–2.10.

³ Генерал Стефан Ровецкий был главнокомандующим АК до Бур-Коморовского. В конце июня 1943 г. он был арестован гестапо в Варшаве и расстрелян после начала восстания.

⁴ Rzeczpospolita. 1994. 30–31.07.

Известные польские католические писатели С. Киселевский и А. Голубев также считали, что восстание было ошибкой, поскольку не учитывались действительность и реальное соотношение сил в Польше под конец войны. По мнению Киселевского:

«Варшавское восстание было актом незрелости и нетерпения, как и другие польские восстания, и нанесло вред основной аксиоме патриотизма, чем является превыше всего существование народа»¹.

В настоящее время, по нашей оценке, каких-либо белых пятен в истории этих событий 1944 г. практически нет: известно, как начиналось восстание, какие истинные цели им преследовались и, наконец, зачем польской стороне понадобилось создавать миф о том, что, мол, восстание было подавлено только из-за того, что СССР не оказал помощи сражающейся против общего врага Варшаве.

Тем не менее в Польше прочно утвердилось отношение к восстанию как к славному эпизоду в истории страны. Дело в том, что восстание, как не оценивай его негативно в политическом и военном плане, было, несомненно, действительно народным патриотическим порывом, направленным против немецких оккупантов, за свободу Польши. Рядовые повстанцы, жители Варшавы героически сражались на баррикадах, приносили себя в жертву общему делу. Такое самопожертвование всегда ценится очень высоко и надолго остается в народной памяти. Перед героизмом участников сейчас мы можем только склонить голову. Без всякого сомнения, Варшавское восстание вписало в летопись истории Второй мировой войны яркие страницы массового подвига поляков. Вместе с тем не делает чести руководителям восстания и тем, кто стоял за ними, прикрываться героизмом восставших, чтобы списать свою ответственность за неподготовленность, ошибки восстания и его жертвы.

Итоги восстания неутешительны: разрушена Варшава, погибло почти 200 тыс. повстанцев и жителей столицы, цели восстания не были достигнуты. В конечном счете руководителям восстания и стоящим за их спиной силам не удалось переиграть

¹ *Duriasz J. Błąd, przestępstwo czy ofiara // Rzeczpospolita. 1994. 3–4.09.*

Кремль, поддерживаемые им в лице ПКНО левые силы в Польше укрепили свои позиции и на долгие годы становятся у кормила власти.

Возникает законный вопрос: насколько вообще было необходимо поднимать это восстание даже с точки зрения интересов самого эмигрантского правительства. На наш взгляд, существовала реальная возможность договориться о характере будущей власти в Польше. Пришли же позднее союзники по антигитлеровской коалиции к соглашению относительно принципов формирования в Польше правительства национального единства. Переговоры между Сталиным и Черчиллем свидетельствуют, что Сталин не исключал возможности восстановления дипломатических отношений с этим правительством после урегулирования вопроса о границе. Согласие советской стороны принять в Москве в августе 1944 г. премьера С. Миколайчика даже при отсутствии официальных отношений также говорит о готовности Кремля при определенных обстоятельствах пойти с ним на компромисс. А в итоге восстание сделало невозможным формирование общего центрального исполнительного органа власти в Польше под председательством С. Миколайчика с привлечением в него ряда деятелей ПКНО. После же восстания за основу такого правительства берется в силу вещей уже ПКНО, а в него включаются некоторые эмигрантские деятели во главе с тем же Миколайчиком, но уже в качестве только вице-премьера.

Однако отдельные неясные вопросы, связанные с восстанием, продолжают оставаться. Непонятно, например, почему руководство восстанием отказывалось от установления постоянной связи с советским командованием, хотя возможности для этого были, а одиночные контакты использовались им только в пропагандистских целях. Это не праздный вопрос. Подобный факт наводит на мысль, что руководство восстанием или хотя бы его часть само не было заинтересовано в получении помощи от советской стороны. Более того, складывается впечатление, что как бы заранее планировалась не победа, а поражение восстания, чтобы можно было углубить среди населения недоверие к Советскому Союзу, затруднив послевоенное устройство страны.

Пока остается также невыясненной до конца роль в восстании Великобритании и США, противоречия между которыми и Советским Союзом к концу войны приобрели острый характер, особенно по вопросам послевоенного устройства государств Восточной Европы. Полностью исключено то, что им не было известно о решении начать восстание. Весьма симптоматично, что отвечая на резкие обвинения англичан о том, что СССР не пришел на помощь восстанию, Москва в ноте от 9 сентября 1944 г. внесла предложение создать специальную комиссию для выяснения всех обстоятельств дела¹. Но У. Черчилль ответил отказом, видимо, ему было, что скрывать. В этой связи вызывают по меньшей мере удивление и другие заявления британских официальных лиц, в том числе самого премьера, который категорически заявил, что «*операции в Варшаве были предприняты без предварительных консультаций*» с английской стороной². Это тем более странно, если учесть, что все планы польского правительства во время войны осуществлялись в тесном сотрудничестве с западными партнерами. Так, например, известно, что в Объединенном комитете начальников штабов США и Великобритании в Вашингтоне обсуждались планы полков об организации всеобщего восстания в Польше как средства упреждения Красной армии и утверждения прежнего режима³. В отношении восстания в Варшаве западные державы занимали как бы двойственную позицию: не желали подрывать к себе доверие со стороны союзника — СССР, не высказывались ни «за», ни «против», рассуждая примерно так: если восстание достигнет цели — хорошо, а если потерпит неудачу, то всю ответственность будут нести сами поляки. По сути дела, Запад, как это нередко случалось в истории, умывал руки. В вину союзников можно поставить и то, что они не предупредили СССР о намечаемом восстании, хотя дипломатических возможностей для этого было предостаточно.

¹ Ссылка на ноту содержится в статье: *Безыменский Л.* Почему Уинстон Черчилль ответил отказом // Новое время. 1988. № 34. С. 39.

² Там же. № 33. С. 33.

³ См.: *Назаревич Р.* Варшавское восстание 1944 года. М., 1989. С. 27.

Существует еще одна сторона Варшавского восстания, на которую мало обращается внимание польскими и другими историками, но для объективной оценки необходимо отметить значение этого события в военном плане. Прежде всего подчеркнуть, что оно было направлено против общего врага — фашистской Германии, нанесло урон живой силе противника (потери немцев оцениваются в 17 тыс. убитых и пропавших без вести и 8 тыс. раненых), создало более благоприятные условия для осуществления тактических и стратегических планов советского командования: облегчило, например, захват плацдармов на левом берегу Вислы, помогло концентрации советских войск на новых исходных рубежах, ослабило оборону германской группировки «Центр». Таким образом, независимо от целей восстания, вооруженные усилия варшавян не пропали даром, они внесли свой посильный вклад в общую победу над фашизмом.

Заключение и выводы

Подведем некоторые итоги. Сейчас, по прошествии 70 лет, можно со всей определенностью сказать, что восстание было организовано и начато довоенными политиками, которые руководствовались в общем-то понятной и легко объяснимой целью: захватить власть в стране. Эта цель маскировалась общенациональной и патриотической риторикой. Поэтому вся ответственность за трагедию в Варшаве полностью лежит на польском эмигрантском правительстве и командовании Армии крайовой, какие бы усилия тогда и сейчас ни предпринимались, чтобы оправдать их перед судом совести и истории. С военной точки зрения решение о начале восстания своими ошибками и просчетами скорее походило на заурядную авантюру, замешанную к тому же на польской крови, чем на серьезную продуманную в деталях акцию. Об этом свидетельствуют ее печальные итоги.

Эти оценки ни в коей мере не относятся к рядовым участникам восстания. Без сомнения, само восстание, как и военные действия против германских войск в сентябре 1939 г., вписали в летопись истории Второй мировой войны немало ярких страниц массового героизма солдат и населения польской столицы. Однако героизм повстанцев и созданный в Польше своеобраз-

ный романтический культ этого героизма не могут заслонить проблему ответственности за заранее обреченное восстание.

Крайне неприглядными и нечестными выглядят усилия польской стороны, в первую очередь, как это ни печально, польских историков, всю вину и ответственность за поражение восстания возложить на восточного соседа, обвинив его даже чуть ли не в предательстве общих интересов антигитлеровской коалиции. Как явствует из документов, руководители восстания рассчитывали только на военную помощь Великобритании и США, но та практически так и не поступила.

Что касается Советского Союза, то в своем отношении к Варшавскому восстанию он руководствовался своими государственными интересами, имея за спиной печальный опыт отношений с довоенной Польшей. Свою главную задачу он видел в том, чтобы не допустить сохранения на своей западной границе враждебной Польши, прилагая для достижения этой цели свои дипломатические и военные усилия. Требования к Москве без необходимой подготовки безрассудно броситься спасать восстание ценой тысяч жизней советских солдат выглядят по меньшей мере наивными, поскольку само восстание было направлено против интересов СССР. Кремль это прекрасно понимал и не хотел идти на дополнительные жертвы. Приостановление наступления Красной армии на Варшаву определяющую роль играли военные причины. Не мог Сталин, руководствуясь негативным отношением к восстанию в Варшаве, искусственно задержать проходящее через Варшаву, более важное во всех отношениях, наступление на Берлин (опередить союзников!), если бы располагал достаточными резервами.

История поражения Варшавского восстания имеет глубокую антироссийскую подоплеку. Не хочется верить, что был прав начальник штаба АК генерал Пелчиньский, который, имея в виду восстание, злорадно заявил:

«...и я зажег этот большой пожар для того, чтобы его огонь вел через тьму будущие поколения: мне удалось выкопать пропасть между российским и польским народами по крайней мере на 10 поколений»¹.

¹ Komornicki K. Piękny mit // Polityka. 1994. 27.08.

На преодоление всех этих разночтений имевших место исторических событий, отягощающих нынешние отношения двух стран, было направлено специальное Обращение Президента РФ по случаю 60-летия Варшавского восстания от 31 июля 2004 г. ветеранам восстания, варшавянам и всем гражданам Польши. В этом весьма сдержанном, составленном в примирительных тонах Обращении, справедливо подчеркивается, что *«восстание, героическая борьба польских патриотов в годы Второй мировой войны стали важным вкладом в нашу общую победу»*, а упор делается на необходимости *«поступательного развития российско-польских отношений: равноправных, ориентированных на будущее, свободных от стереотипов»*. Думается, что теперь свой шаг навстречу должна сделать польская сторона, который она за истекшее время так и не сделала.

7. Преступления Армии крайовой против советских военнослужащих во время и после Второй мировой войны¹

В проводимом СССР политическом курсе в отношении Польши на завершающем этапе войны прослеживалась своя логика. Как соседнее государство, он был заинтересован в том, чтобы в лице Польши после войны иметь дружественно расположенное государство (какими методами это осуществлялось — другой вопрос). Однако в 1943–1945 гг. даже намеков не было на то, что польское правительство в эмиграции, переместившись после окончания войны из Лондона в Варшаву, установит с Москвой добрососедские отношения. Наоборот, все свидетельствовало как раз о том, что им будет, как и до войны, проводиться прежний враждебный курс в отношении СССР. Такой поворот дела, естественно, не устраивал дипломатию Кремля, которая, сделав ставку на находившихся в Советском Союзе и Польше представителей левых сил, начала в обход правительства в эмиграции оказывать им максимальную помощь, включая дипломатическую, по установлению власти в стране и созданию центральных органов государства.

Большим преимуществом польского лондонского правительства в развернувшейся борьбе за власть было существование в Польше подчинявшейся ему своеобразной подпольной

¹ См.: *Иванов Ю.В.* Террористические акты совершаются... преимущественно против военнослужащих Красной армии // Военно-исторический журнал. 2013. № 5 (журнальный вариант).

армии — Армии крайовой¹, которую оно использовало в своих политических интересах. Эта армия возникла на оккупированной фашистской Германией территории как, пожалуй, одно из самых массовых в Европе движений сопротивления в форме законспирированной военной организации. Сам факт существования подобной разветвленной подпольной организации является, несомненно, уникальным явлением в истории Второй мировой войны и может рассматриваться как проявление патриотизма польского народа, верности воинскому долгу польского офицерского корпуса, составлявшего костяк этой армии. На счету Армии крайовой числится осуществление различных по масштабам акций против немецко-фашистских захватчиков: саботаж, диверсии, покушения, освобождение арестованных, ликвидация немецких агентов, проведение отдельных партизанских операций, в том числе героического и так трагически закончившегося Варшавского восстания в 1944 г.² В целом АК внесла свой посильный вклад в общее дело победы над фашистской Германией.

¹ Армия крайова (Armia Krajowa — польская армия). Подпольная военная организация, создана в период германской оккупации в 1942 г. на территории собственно Польши, а также Литвы и западных областей Украины и Белоруссии. АК подчинялась польскому правительству в эмиграции, находившемуся в Лондоне. Командование АК применяло своеобразную тактику (так называемую пассивную конспирацию): особенно не ввязываясь в вооруженную борьбу, сохранять и накапливать силы, а в промежутки между отступлением германских войск и приходом преследующей их советской армии захватить власть в Варшаве и других городах, поставив тем самым советскую сторону перед свершившимся фактом.

² Варшавское восстание (1 августа — 4 октября 1944 г.), начавшееся без необходимой координации действий с советской стороной, войска которой приближались к польской столице. В результате оно, несмотря на героизм восставших, закончилось поражением, унесло десятки тысяч человеческих жизней и привело к полному разрушению города. План руководителей восстания — взять город в свои руки до прихода советских войск, решив тем самым в свою пользу вопрос о центральной власти в стране, провалился. После подписания акта о капитуляции участники восстания оказались в германском плену. В польской историографии в неудаче восстания вопреки очевидным фактам принято обвинять советскую сторону.

Вместе с тем ради соблюдения исторической объективности нельзя не сказать о другой стороне деятельности Армии крайовой. Сейчас никто не станет оспаривать того факта, что АК во время войны и в первые послевоенные годы активно использовалась против СССР и его вооруженных сил. При нашей оценке Армии крайовой никак нельзя пройти мимо того факта, что ее командование, которое по идее должно было рассматривать советские вооруженные силы в качестве союзника по антигитлеровской коалиции, исходило в первую очередь из порочной установки существования «двух врагов»: СССР и Германии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Одним из документов, свидетельствующим о враждебном характере АК, может служить докладная записка С. Ендрыховского¹, одного из организаторов Союза польских патриотов в Москве и первой дивизии Войска польского в СССР. Записка им была составлена после поездки в Вильнюс в конце июля 1944 г. и направлена в ЦК Польской рабочей партии. Сделанные в результате поездки выводы вполне можно распространить и на районы собственно Польши. В них, в частности, содержится утверждение принципиального характера о том, что АК возникла не в борьбе против немецких оккупантов, а скорее в борьбе против советских партизан и что она имела контакты с отдельными германскими военными частями, от которых даже получала оружие².

В январе 1945 г., вскоре после трагически закончившегося Варшавского восстания, деятельность Армии была как бы приостановлена, однако это был чисто формальный акт, совершенный, как говорится, для отвода глаз. На деле ее нелегальная структура полностью сохранялась. Данный факт подтверждается секретной инструкцией главного коменданта АК генерала

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 43. Д. 572. Л. 7–8.

² В записке, как представляется, краски несколько сгущены. В нашем распоряжении имеются, например, факты участия отрядов АК в совместном освобождении Львова и Вильнюса, причем некоторые исследователи ссылаются на то, что ряд отличившихся аковцев был в июле 1944 г. даже представлен советской стороной за освобождение Вильнюса к боевым наградам.

Л. Окулицкого¹ от 19 января 1945 г. для окружных комендантов, в которой, в частности, отмечалось:

«АК распущена. Командный состав не выходит из подполья. Солдат освободить от присяги, выплатить двухмесячное жалование и законспирировать. Оружие спрятать. Скомпрометировавших себя перебросить в другие районы и законспирировать. Сохранить небольшие, хорошо засекреченные штабы и всю радиосеть. Поддерживайте со мною связь и действуйте по согласованию с аппаратом Делегатуры»².

По мере отхода германских войск подразделения Армии крайовой выходили из подполья и включались в вооруженную борьбу против советской Действующей армии, главным образом против частей, охранявших тылы и коммуникации. При этом использовался весь арсенал имеющихся средств: организация диверсий, налетов на поезда, железнодорожные станции, советские военные и гражданские учреждения, отдельные посты, обеспечивавшие правительственную связь, совершение террористических актов против советских офицеров и солдат, ведение враждебной пропаганды. О том, что АК приступила к активным действиям, свидетельствует, в частности, захваченный в конце января 1945 г. при ликвидации подразделения АК в Люблинском воеводстве приказ командира отряда поручика Запory о создании 1-го партизанского отряда 8 пехотного полка для *«борьбы с советским оккупантом»* и для поддержки *«наших военных усилий за Вислой»*³.

¹ Л. Окулицкий в числе 16 руководителей АК в июне 1945 г. на процессе в Москве был приговорен к 10 годам лишения свободы, скончался в тюрьме (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 7. П. 41. Д. 625).

² Цит. по: Пикула В. Книга позора (*Pikuła W. Księga hańby*. 1995. S. 7). См. также: Armia Krajowa w dokumentach. 1939–1945. Т. 5. С. 239–240. London, 1970–1989. Т. 1–6. Делегатура — в данном случае представительство польского правительства в Лондоне, конспиративно находившееся на территории страны, оккупированной гитлеровской Германией.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 39. Д. 578. Л. 19.

С началом освобождения Польши в июле 1944 г. Красная армия столкнулась с хорошо организованным противником — Армией крайовой. Следует отметить, что в первые месяцы после войны борьба с отрядами Армии крайовой затруднялась тем, что та имела широко разветвленную агентуру, которая внедрялась в создаваемую новую администрацию всех уровней, а также в местную армию и милицию, особенно железнодорожную. АК также пользовалась поддержкой среди части местного населения.

Имеющаяся архивная документация о враждебных действиях Армии крайовой позволяет частично воссоздать общую картину о методах и масштабах деятельности АК после войны. Большую часть обнаруженных архивных документов составляют поступающие в посольство СССР в Варшаве от дислоцированных в Польше различных органов Красной армии сводки об отдельных диверсиях и террористических актах, которые практически все приписывались АК. По установленному в то время порядку получаемые посольством данные обобщались, а затем официально в качестве приложения к соответствующей дипломатической ноте направлялись в порядке информации в адрес президента Б. Берута и премьер-министра Э. Осубки-Моравского.

В качестве примера приведем ряд выдержек из ноты посла СССР в Польше В. З. Лебедева в адрес польского руководства от 20 ноября 1945 г.¹

— 8 августа 1945 г. в районе дер. Каменка (11 км юго-восточнее Белостока) убит рядовой Сизов, труп которого был найден в лесу с разбитой головой, выколотыми глазами, вырванным языком, сломанной рукой.

— 28 августа 1945 г. восточнее г. Калушин отряд численностью 200 человек, одетых в форму Войска польского и вооруженных автоматами и пулеметами, напал на группу советских военнослужащих, убиты сержант и рядовой.

— 28 августа 1945 г. в районе г. Замостья на шоссе Хрубешув-Впажин был обстрелян грузовик погранотряда. После убийства водителя машина опрокинулась в кювет. Убитые и раненые пограничники были брошены в кузов грузовика, облиты бензином и сожжены.

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. П. 195. Д. 3. Л. 2–25.

— 19 октября 1945 г. в районе Гродзец в лесном массиве бандой АК численностью в 200 человек расстреляны следовавшие на автомашине полковник и шофер. Документы похищены, фамилии убитых установить не удалось.

Любая армия, оказавшись в подобной ситуации, естественно, должна принимать необходимые меры для самообороны и защиты своих коммуникаций. В таком плане было составлено письмо заместителя начальника Главного политуправления Вооруженных Сил СССР генерал-полковника И. В. Шикина от 2 октября 1945 г. на имя первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского. В письме делается упор на «значительный рост активности польской реакции, особенно против частей Красной армии» и обращается особое внимание на тот факт, что нападающие отряды АК, как правило, переодеты в форму РККА¹.

Несмотря на протесты посольства СССР в Варшаве, центральные польские власти объективно тогда были не в состоянии за короткий срок коренным образом изменить положение. Различного рода диверсии продолжались. Наиболее распространены были нападения на транзитные поезда, следующие из Германии в СССР, а также на местные поезда, обычно используемые советскими военнослужащими для служебных поездок.

Об этом свидетельствует следующая хроника некоторых чрезвычайных происшествий за 1945–1946 гг., составленная по архивным документам.

— 26 сентября 1945 г. отряд численностью в 200 человек, одетых в форму солдат Войска польского, вооруженных автоматами и пулеметами, произвел налет на пассажирский поезд № 1122. Сопротивление оказали 15 советских офицеров, которые все были убиты. У остальных отобрано оружие, обмундирование, ордена и личные вещи².

— 29 сентября 1945 г. на станции Леоновальдув (60 км северо-западнее Люблина)³ вооруженная группа в количестве

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. П. 196. Д. 13. Л. 119–123.

² АВП РФ. Ф. 0188. Оп. 10. П. 105. Д. 3. Л. 200.

³ Наименования приводятся по архивным документам, возможны искажения в названиях.

25 человек, одетых в форму железнодорожников, совершила нападение на транспорт № 75/1878. Убит лейтенант Горбатенко, младший сержант Овсянский, уведены два красноармейца.

— 21 марта 1946 г. в районе станции Леопольдув (участок Демблин—Лукув) подразделением численностью 200–250 человек был обстрелян и остановлен транспорт № 92/7464. Убиты сержант Авруцкий, красноармейцы Ленда, Подтуркин и Степанов.

— 13 апреля 1946 г. отряд в 50–60 человек, одетых в форму Войска польского, совершил нападение на пассажирский поезд № 925 в районе станции Голомб (участок Варшава—Люблин). Восемь красноармейцев уведены, судьба их неизвестна.

— 21 апреля 1946 г. на станции Окшея участка Лукув—Демблин поезд захватила банда численностью в 150–200 человек. Были обезоружены польские военнослужащие, а находившиеся в поезде старшие лейтенанты Зайцев и Дорман убиты¹.

Довольно частыми в то время были также нападения на железнодорожные станции. Так, 17 декабря 1945 г. на станции Заезеже (участок Скаржиско-Каменна—Демблин) убит красноармеец Морозов и уведен красноармеец Сарембеков. 13 марта 1946 г. на станции Кросьневице (участок Кутно—Торунь) группой лиц в польской солдатской форме были убиты красноармейцы Петров и Сафронов. Оставлена записка следующего содержания:

«На железнодорожной станции Кросьневице лесным отрядом убиты два русских солдата за то, что они не хотели сложить оружие. Комендант 6 лесного отряда Пломень»².

Наименее защищенными и потому наиболее уязвимыми в первые послевоенные годы были посты, обеспечивающие линию правительственной телефонной связи между советским командованием в Германии и Польше с Москвой. Они являлись постоянным объектом налетов.

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 28. П. 200. Д. 4. Л. 12–13 и П. 205. Д. 30. Л. 2–25.

² Там же. П. 200. Д. 3. Л. 10 и 62.

Так, 10 марта 1946 г. вооруженный отряд из 40 человек напал на контрольный пост правительственной связи в дер. Гончице (80 км юго-восточнее Варшавы). В результате перестрелки убиты лейтенант Воротников, красноармейцы Ябченко и Котов¹.

20 апреля 1946 г. в районе г. Радомско убит старший лейтенант Кудряшов, который вместе с семью красноармейцами выехал на автомашине на устранение повреждения линии правительственной связи. Сопровождавшие его солдаты не найдены. 2 июня 1946 г. банда в 16 человек, одетых в форму польской армии, ворвалась в помещение контрольно-промежуточного пункта 90 батальона связи. Был зверски убит красноармеец Шевченко².

Следует отметить, что большинство бандитских (иначе их трудно квалифицировать) нападений отрядов АК и других подпольных организаций осуществлялось коварным способом обычно лицами, переодетыми в форму советских или польских солдат.

Так, в ночь с 13 на 14 августа 1945 г. в районе станции Мрозы Минско-Мазовецкого повята был убит капитан Л. К. Федоров, а 19 августа в с. Мале Долы, повят Кемпно, лицами, одетыми в форму красноармейцев, были убиты трое советских военнослужащих³. На станции Оструда 15 января 1946 г. также переодетыми лицами были убиты офицер и четыре красноармейца⁴.

22 декабря 1945 г. бандой в количестве 15 человек в форме Войска польского совершен налет на лагерь военнопленных № 79 в дер. Райнерсдорф (20 км северо-западнее Крайцбурга)⁵. Убиты сержант Вартанян и ефрейтор Ковтун. 13 июня 1945 г. на шоссе в районе Жале (42 км юго-восточнее Бельска) на автоколонну советской воинской части было совершено нападение отряда АК в форме советских солдат под командованием «Зигмунта». В результате шесть человек личного состава пропали без вести, тела убитых водителей Дукина и Беляева обнаружены позднее⁶.

¹ Там же. Л. 68.

² Там же. Д. 4. Л. 12, 24.

³ АВП РФ. Ф. 0188. Оп. 10. П. 105. Д. 3. Л. 155.

⁴ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 28. П. 200. Д. 4. Л. 24.

⁵ Ныне г. Ключборк.

⁶ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 27. П. 195. Д. 3. Л. 5–25.

К середине 1946 г. после кратковременного перерыва вопрос о непрекращающихся диверсиях и нападениях польского подполья вновь приобрел остроту. Об этом, в частности, пишет начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршал А. М. Василевский в письме на имя министра иностранных дел СССР В. М. Молотова от 13 июня 1946 г.¹ В письме констатируется активизация действий против советских военнослужащих со стороны Армии крайовой и других польских националистических образований:

«Террористические акты совершаются бандами преимущественно против военнослужащих Красной армии, следующих мелкими группами по территории Польши (сопровождение грузов, переезды в польских поездах) или расположенных небольшими гарнизонами в отрыве от основных наших соединений, дислоцирующихся в Польше (комендантуры, команды связи и т. п.)».

Принимается решение «вновь поставить перед польским правительством вопрос об усилении мер по борьбе с бандитизмом». Вместе с тем делается вывод о том, что необходимо «обеспечение наших коммуникаций... взять на себя нам самим, усилив конвоирование наших маршрутов» и «поставить перед польским правительством вопрос о совместных мероприятиях советских и польских солдат по ликвидации этих групп в указанных районах» (речь идет о районах, приграничных с СССР)².

Принятые меры, видимо, дали определенные результаты, террористическая деятельность АК в 1947 г. заметно снизилась, но ненадолго. В 1948 г. возобновились случаи нападения на транзитные поезда, следовавшие из советской зоны оккупации Германии в СССР³. Активность АК подогревалась специально распространяемыми в то время слухами о скором начале войны между СССР и англо-саксонскими державами и о том,

¹ Там же. Оп. 28. П. 203. Д. 22. Л. 171–172.

² Там же. Л. 170.

³ АВП РФ. Ф. 0188. Оп. 14. П. 107. Д. 1. Л. 17, 80.

что в этой войне большую роль призваны будут сыграть соединения АК, а также польские военные формирования на Западе (армия В. Андерса и др.). До сих пор историками не дан ответ о правдоподобности таких слухов.

Помимо организации террористических актов против советских военнослужащих по всей стране в первые послевоенные годы прокатилась волна организации взрывов памятников советским воинам, погибшим за освобождение Польши от гитлеровской оккупации¹. Сообщалось, например, что с октября 1945 г. по август 1946 г., по неполным данным, были взорваны памятники в городах Лодзь, Катовице, Быдгощ, Сопот, Кросно, Стары Сонч, Новы Сонч, Санок, Ясло, в населенных пунктах Бжицы, Шамечно, Лабишин, Короново, Кобежник (17 км юго-западнее Кракова), Бялобжег (40 км северо-восточнее Радома). Одновременно имели место далеко не единичные случаи профанации воинских захоронений, например в г. Острув².

Хотя тема данного очерка ограничена рамками действий Армии крайовой против советских военнослужащих, однако для более полной картины о характере этой организации будет вполне уместно отметить еще одну сторону деятельности АК — проводимый ею террор в отношении проживавших на территории Польши украинцев и белорусов. В архиве имеются письма министров иностранных дел УССР и БССР Д. З. Мануильского и К. В. Киселева на имя первого заместителя министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского, в которых излагаются отдельные факты преступных действий аковцев против проживающих в Польше украинских и белорусских нацменьшинств.

Министр иностранных дел УССР в письме от 22 июля 1946 г. сообщает об убийстве в июне месяце в с. Ожана Ярославского повята, Люблинского воеводства 13 украинцев за то, что они изъявили желание в соответствии с заключенным меж-

¹ Как известно, аналогичные акции в широких масштабах при попустительстве местной администрации повторились в конце 80-х — начале 90-х гг.

² АВПРФ. Ф. 0122. Оп. 28. П. 205. Д. 33. Л. 47; П. 200. Д. 3. Л. 40–41, 55, 74; Оп. 27. П. 195. Д. 1. Л. 22 и Д. 3. Л. 5–25, а также Ф. 0239. Оп. 1. П. 101. Д. 1.

правительственным соглашением переселиться на Украину. По этим же мотивам был разграблен эшелон № 4, направлявшийся из Влодавского повята в СССР, а также ограблены 59 украинских семей из с. Седлице, 13 семей из села Воля Огрузка, 14 семей из села с. Кампиносы и 16 семей из с. Угрувск, все Люблинского воеводства. Многие переселенцы подвергались избиениям. Министр считал необходимым по всем этим происшествиям сделать польскому правительству соответствующее представление и потребовать возмещения материального ущерба пострадавшим семьям¹.

В записке министра иностранных дел БССР «О терроре и преследовании белорусского населения на территории Белостокского воеводства Польши»² от 31 марта 1946 г. приводятся следующие факты: за 7 месяцев 1945 г. реакционными польскими элементами убито до 500 белорусов, ограблено свыше 1 тыс. белорусских хозяйств, в частности целиком разграблены деревни Хильмоны, Выезды, Загерланы и Бапты. Убито шесть уполномоченных Совета министров БССР по эвакуации белорусского населения, три человека ранено и 12 ограблено и разоружено.

В записке также сообщается, что 29 января и 1 февраля 1946 г. банда АК под началом «Бурого» совершила налеты на белорусские деревни, убила 46 и ранила 17 человек. Было сожжено 78 домов и 198 хозяйственных построек, угнано 823 голов скота. При этом представителями польской администрации распространялись слухи о том, что указанная банда якобы специально подослана из СССР, чтобы запугать белорусов и побудить их переехать в СССР.

Источником информации об акциях АК может также в определенной степени служить брошюра авторства В. Пакулы под названием «Книга позора»³, в которой собраны факты бесчинств Армии крайовой в первые годы после освобождения. В этой брошюре, изданной в 1995 г. на польском языке в Белостокском воеводстве, где в основном сосредоточено белорусское население

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 28. П. 204. Д. 26. Л. 56.

² Там же. Д. 24. Л. 226–229.

³ *Pakuła W. Księga hańby. 1995.*

Польши, представлен своеобразный календарь преступных деяний АК с сентября 1944 г. по декабрь 1947 г., в том числе и в отношении советских военнослужащих. Вот несколько эпизодов, заимствованных из этой книги:

— 20 января 1945 г. в поезде в Червоном бору убиты пять советских солдат, направлявшихся на фронт.

— 27 февраля 1945 г. в дер. Чае-Вулка, повят Бельскоподляский, группа численностью около 100 человек совершила вооруженное нападение на обслуживающий персонал санитарного батальона X Днепровского корпуса 5-й танковой армии. Во время боя убит врач этой части, пять красноармейцев и солдат Войска польского, четверо ранены.

— 17 мая 1945 г. около дер. Озерки, повят Сокул, на проезжающую автомашину с военнослужащими напала банда АК под командованием майора Матея Рuzги. 12 красноармейцев раздели, связали им руки ключей проволокой, кололи штыками, бросили в яму, а потом сожгли.

— 30 мая 1945 г. на шоссе около железнодорожной станции Валилы Белостокского повята был расстрелян из пулеметов грузовик с солдатами, один человек убит¹.

Каких-либо документов, содержащих сведения об общем числе советских военнослужащих, погибших от рук Армии крайовой и других националистических формирований, обнаружить не удалось. Имеются лишь отрывочные и явно неполные данные. Так, например, в печати сообщалось, что в результате террористической деятельности отрядами АК за период с 28 июля по 31 декабря 1944 г. было убито 277 и ранено 94 солдат и офицеров Красной армии, а с 1 января по 30 мая 1945 г. — убито 317 и ранено 124 человека². По данным Генштаба СССР (письмо А. В. Василевского В. М. Молотову), в январе–феврале 1946 г. было убито 98 и ранено 22 военнослужащих, не считая пропав-

¹ О действиях АК против советских солдат см., в частности, «Русский архив. Великая Отечественная. М., 1994. Т. 3 (1). С. 393–399, 414–417; «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...». Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М., 2001.

² Радевич С. Процесс шестнадцати // Международная жизнь. 1991. № 5. С. 128.

ших без вести¹. По приблизительным подсчетам, приводимым в ряде документов, различными польскими отрядами по данным на май 1945 г. было убито не менее одной тысячи наших военнослужащих², но общая цифра с учетом террористических актов в последующие годы, на наш взгляд, намного больше.

Заключение и выводы

Отряды АК как организаторы и исполнители преступлений против советских военнослужащих несут за свои деяния полную ответственность. На их совести гибель сотен человеческих жизней, офицеров и солдат, близкие которых получали похорошки уже после окончания войны. Через все это никак нельзя просто так взять и перешагнуть.

Большое недоумение как историка вызывает имеющее место в нынешней Польше прославление действий исключительно Армии крайовой и совершенное замалчивание, вопреки очевидным фактам, боевых заслуг сформированной в СССР 1-й, а затем 2-й армий Войска польского. Эти польские части получили боевое крещение на советско-германском фронте, первыми вступили в освобожденную Варшаву, прошли весь боевой путь до Германии и участвовали в штурме Берлина, а затем и в параде Победы в Москве. По нашему мнению, такой явно антиисторический перекося в сторону Армии крайовой явно политизирован на потребу сиюминутных интересов недружественных нам кругов, он противоречит основным законам историзма — объективности и правдивости.

Причина негативных оценок Армии крайовой в нашей историографии вполне понятна и надлежащим образом аргументирована. Она заключается прежде всего в том, что эта вооруженная организация и стоявшее за ее спиной правительство в эмиграции на заключительном этапе войны и в последующие мирные годы встали на путь организации различных диверсий и террора в отношении советских военнослужащих, что объек-

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 28. П. 203. Д. 22. Л. 171–172.

² См., например: *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990. С. 55.

тивно осложняло борьбу с германским фашизмом и противоречило общим целям антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Это, думается, не требует каких-то дополнительных комментариев.

В заключение следует подчеркнуть, что имеющаяся архивная документация о враждебных действиях Армии крайовой свидетельствует о том, что у советского командования не оставалось иного выбора, как, руководствуясь суровой необходимостью, принимать самые жесткие ответные меры против диверсионной и террористической деятельности вооруженных формирований АК, дестабилизирующих в тылу военно-политическую обстановку. Все это вынуждало прибегать к задержаниям и арестам, порою проводимым обманным путем, к депортациям, организациям судебных процессов, а иногда даже к прямой ликвидации боевиков и их приспешников.

8. Польские дети в СССР во время Второй мировой войны¹

История отношений России с Польшей, особенно в XX в., как известно, наполнена драматическими событиями, которые до сих пор сохраняются в национальной памяти народов и оказывают негативное влияние на состояние нынешних межгосударственных отношений. Между Россией и Польшей создан какой-то своеобразный барьер взаимного непонимания, иногда, правда, искусственно воссоздаваемый и питаемый. На эту преграду каждый раз наталкиваются сторонники естественной, цивилизованной нормализации взаимоотношений и, несмотря на предпринимаемые попытки, никак не могут ее преодолеть.

Бесспорно, что преодоление российско-польского отчуждения — это длительный процесс, требующий с обеих сторон наличия большой политической воли, упорства и последовательности в действиях. При этом, разумеется, невозможно добиться успеха, если позиция одной стороны остается нацеленной только на конфронтацию, как это имеет место сейчас, например, при освещении некоторых событий прошлого. Чтобы изменить положение в этой области к лучшему, не следует пренебрегать малыми шагами, в частности больше информировать общественность не только о конфликтах и выяснять, кто в них был прав, а кто виноват, но и об имевших место фактах сотрудничества между нашими странами. Как представляется, такой подход

¹ См.: *Иванов Ю. В.* Польские дети в СССР во время Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 2 (журнальный вариант).

мог бы содействовать постепенному восстановлению взаимопонимания на новой, справедливой и, в конечном счете, взаимовыгодной основе. Однако, как известно, в последние десятилетия подобная тематика совершенно исчезла из сферы интересов историков и публицистов обеих стран.

Таким связывающим элементом могла бы стать, например, история с польскими детьми, спасшимися от военных потрясений и невзгод на территории Советского Союза, нашедшими там приют, а впоследствии вернувшимися на свою родину. Недаром говорится, что сочувствие чужому горю и оказание помощи в трудную минуту сближает людей.

Теперь по существу вопроса. Основной контингент оказавшихся в СССР польских детей сформировался в результате эвакуации сиротских и детских домов из Западной Белоруссии, Западной Украины и Литвы. Кроме того, эти дома пополнялись детьми, по разным обстоятельствам разлученными судьбой со своими родителями, включая детей, которые вместе со своей семьей в 1939–1941 гг. были депортированы на восток в ходе акции по так называемой зачистке от неблагонадежного элемента приграничной территории как вероятного театра военных действий.

Установить их более или менее точное число крайне затруднительно, обобщающая статистика по этому вопросу в просмотренных архивах отсутствует, имеется лишь отрывочная информация. Надо считаться и с тем, что общее число детей с годами менялось, поскольку они выросли, переходили из одной категории в другую, а некоторые по просьбе польской стороны даже покидали пределы СССР.

Однако отдельными сведениями, зачастую, правда, неполными, архивы все же располагают. За определенный ориентир можно принять данные на этот счет, приведенные в письме наркомата безопасности СССР от мая 1944 г., в котором в ответ на соответствующий запрос НКВД СССР сообщалось, что в стране из вышеперечисленных районов находилось в то время 66 718 детей польской национальности до 16-летнего возраста, но из них только 1061 ребенок считался польским гражданином¹. Подоб-

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26-б. П. 231. Д. 42. Л. 40.

ная ситуация с гражданством возникла в связи с тем, что после вхождения Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы в состав СССР все население этих регионов независимо от национальности в соответствии с принятыми законами, которые, кстати, не противоречили нормам международного права, автоматически считались гражданами СССР, включая и всех лиц польской национальности, постоянно проживавших в этой местности или временно оказавшихся на данной территории из других регионов страны (приехавшие в гости к родственникам или по служебным делам, в качестве беженцев и т. п.). Польская сторона в свое время официально неоднократно оспаривала такой подход к вопросу о гражданстве. Следует подчеркнуть, что уже после войны при проведении репатриации советская сторона, идя навстречу пожеланиям Варшавы, во многих случаях отходила от своей жесткой позиции по данному вопросу.

Таким образом, вышеприведенную цифру примерно в 67 тыс. детей можно было бы принять за условную точку отсчета. При этом следует учитывать, что она отражает ситуацию, сложившуюся спустя три года после начала войны. В любом случае приводимые в польской прессе данные о якобы 250–300 тыс. польских детей-сирот в возрасте до 17 лет, оказавшихся во время войны в СССР, представляются значительно преувеличенными¹.

Перед самым нападением фашистской Германии часть польских сиротских и детских домов удалось вывезти вглубь СССР (в частности, детдом в Белостоке), спланировать их размещение, обеспечить питанием, одеждой и медицинской помощью. Отложившаяся в архивах официальная переписка свидетельствует о том, что в СССР внимательно и весьма ответственно относились к созданию необходимых условий для польских детей, а проводимые мероприятия носили централизованный характер. В условиях реального военного времени за этим стояла крайне сложная организаторская работа в масштабах всей страны. В соответствии с распоряжением Совета народных комиссаров СССР от 29 января 1942 г. республиканским и областным органам народного ко-

¹ *Wróblewska A. Los polskich sierot na radzieckiej ziemi... // Życie Warszawy. 1993. 20.04.*

миссариата торговли были даны указания о приеме на снабжение всех польских учреждений, включая детские дома¹. В зависимости от складывающейся обстановки некоторые дети помещались в местные детские дома или же направлялись непосредственно в семьи советских граждан. Часть детей проходила бесплатное обучение в сети ФЗО и ремесленных училищах.

Кроме того, государственной опекой были также охвачены дети польских беженцев, спасшихся в СССР от фашистской оккупации. Об этом красноречиво свидетельствует приводимый ниже отрывок из постановления исполкома Ворошиловградского областного совета депутатов трудящихся от 1 февраля 1940 г. о размещении и трудоустройстве польских беженцев:

«[...] 4. Обязать зав. облздравотделом тов. Шлеркину... обеспечить охват детей беженцев ясельного возраста детскими яслями.

5. Обязать зав. облотделом нар [одного] образ [ования] тов. Шевкаленко не позже чем до 15 февраля с. г. охватить всех детей беженцев школьного возраста школами, обеспечив им необходимую помощь в учебе... Детей дошкольного возраста охватить детсадами»².

За сравнительно короткое время в целом ряде районов Советского Союза была создана широкая сеть польских домов (Владимирская, Вологодская, Горьковская, Ивановская, Пензенская, Тамбовская, Свердловская, Омская области, приволжские автономные республики, Алтайский и Красноярский края), а также в Казахстане и среднеазиатских республиках.

Вопросы, связанные с польскими детьми, регулировались отдельным постановлением СНК СССР. Следует, однако, сказать, что это постановление не всегда и не везде выполнялось полностью, особенно требование о ведении воспитательного и учебного процесса на польском языке³. В основном трудности носили

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 25. П. 191. Д. 15. Л. 21, 22, 45.

² Документы и материалы... М., 1973. Т. 7. С. 189.

³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 25. П. 191. Д. 15. Л. 8.

объективный характер, но иногда сказывалась и нерасторопность местных властей.

Поэтому нельзя безапелляционно утверждать, что положение польских детей было везде и всегда благополучное. В ряде мест оно было весьма сложным, особенно в среднеазиатских республиках. Имелись перебои с организацией питания, обеспечением одеждой, трудности с размещением¹, а в ряде мест зафиксирована довольно высокая заболеваемость. Однако о том, чтобы усматривать в этом только какую-то сознательную злую волю, не может быть и речи. Нельзя забывать, что трудности являлись следствием ограничений военного времени, серьезных неудач на фронте. Особенно тяжелая обстановка, в частности, сложилась в детдоме в селении Гузар (недалеко от Ташкента), в котором находилось свыше 350 детей. При проверке специально созданная комиссия констатировала, что больных от истощения нет, но одновременно ею было отмечено, что под влиянием неблагоприятного климата и недостаточного диетического питания имели место многочисленные различные заболевания со смертельным исходом². В начальный период были также трудности с набором польских преподавателей, организацией школ с обучением на польском языке, обеспечением польскими учебниками и т. п.

Однако со временем положение в этой области постепенно менялось в лучшую сторону. В этой связи приведем весьма характерный отрывок из документа, обнаруженного в архиве.

На соответствующий запрос НКВД СССР председатель Кустанайского облисполкома Казахской ССР в ноябре 1942 г. сообщал о положении в польском детдоме, в содержании которого были выявлены недостатки. В ответе отмечалось следующее:

«[...] Польские дети, проживающие в доме города Кустанай, в июле месяце в количестве 65 человек были переведены в районный центр Боровое и размещены в Боровском детском доме. Дети материально обеспечены полностью. Питание им органи-

¹ Там же. П. 193. Д. 21. Л. 188–189об.

² Там же. П. 191. Д. 15. Л. 150.

зовано на общих основаниях с другими детьми. Штат воспитателей второго дома укомплектован за счет польских граждан. Воспитание детей производится на польском языке»¹.

Несмотря на постоянное улучшение работы детдомов, польская сторона в официальном порядке настойчиво требует отправки большей части детей из Советского Союза. Эту тему польский посол в СССР постоянно затрагивает в ходе официальных бесед в 1942 г. с первым заместителем народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинским (2 и 15 июня, 8 июля, 12 ноября, 23 декабря)². На подобные требования неизменно давался негативный ответ. При этом послу резонно указывалось, что подобная широкомасштабная акция в условиях военного времени и при отсутствии необходимых ресурсов является чрезвычайно сложной и трудновыполнимой.

Так, в беседе 12 ноября 1942 г. посол Т. Ромер вновь поставил перед А. Я. Вышинским вопрос об эвакуации польских детей-сирот из СССР. Им были приведены следующие соображения: в СССР находится 90 тыс. детей, из которых 29 700 сирот. По его подсчетам, в различных учреждениях могут быть размещены только около 10 тыс., следовательно, делается вывод, в эвакуации нуждаются 19 тыс. Последовал ответ, что эвакуация детей *«нежелательна с политической и с психологической точек зрения, поскольку она может вызвать неблагоприятное впечатление у поляков»*. Была разрешена эвакуация только 600 детей. В заключении послу было сказано, что *«этим считаем вопрос исчерпанным»* и что *«необходимые условия для устройства детей и сирот можно сделать и здесь»³*.

Первые годы детские дома находились под опекой польского посольства в СССР и его местных представительств, которые занимались также распределением поступающей в их адрес из-за границы благотворительной помощи в виде продуктов питания и одежды.

¹ Там же. Л. 191.

² Там же. П. 188. Д. 2.

³ Документы и материалы... М., 1967. Т. 5. С. 338.

В апреле 1943 г. после разрыва дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством всю заботу над оставшимися польскими детьми взяло на себя принявшее государство. Для решения практических вопросов при народном комиссариате просвещения РСФСР в конце июня 1943 г. был создан специальный Комитет по делам польских детей под председательством заместителя наркома просвещения Г. И. Иваненко. К работе Комитета привлекались также и польские граждане. В ведение Комитета были включены все вопросы организации и содержания дошкольных учреждений, детских домов, школ, сеть техпрофобразования (ФЗО, техникумы, ремесленные училища)¹, а также вопросы подготовки польских учителей и издания учебников на польском языке².

В соответствии со специальным постановлением Совета народных комиссаров СССР в 1943 г. в государственную систему были приняты следующие польские благотворительные учреждения: 65 детских домов (4411 человек), 68 детских садов (3419 человек), 2 яслей (81 человек), 29 школ (1700 человек), включая 1 тыс. обслуживающего персонала³. С учетом этих данных на 5 апреля 1944 г. общее число учреждений составило 142 детских дома, 246 детских садов и 64 школы⁴. Кроме того, существовали 124 детские библиотеки и 124 внешкольных детских клуба.

Приходится констатировать, что после разрыва дипломатических отношений в апреле 1943 г. польской стороной, к сожалению, была организована долговременная и масштабная кампания по обвинению СССР в гибели и сокрытии польских детей. Выступая по радио 4 мая 1943 г., премьер В. Сикорский потребовал «освобождения из СССР... десятков тысяч польских

¹ Положение о Комитете см.: Документы и материалы... М., 1973. Т. 7. С. 398–402; Отчет о деятельности Комитета с 30 июня по 31 декабря 1943 г. Т. 8. С. 408–411.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26-6. П. 231. Д. 50. Л. 18. В связи с ликвидацией Комитета в 1948 г. польская сторона обратилась с просьбой передать ей архив этого учреждения. Архив был передан (там же. Оп. 30. П. 221. Д. 51. Л. 125).

³ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26-а. П. 226. Д. 41. Л. 71–72, 78.

⁴ Там же. Оп. 26-6. П. 231. Д. 50. Л. 17.

детей и сирот»¹. А находящийся на Западе некий ксендз Павлина в апреле 1943 г. в Великобритании и США делал заявления о гибели в СССР ни больше ни меньше как 2 млн польских детей. Подобную, явно фантастическую цифру вообще, как представляется, нельзя принимать всерьез.

Само польское посольство при передаче детских учреждений вело себя, как сейчас принято говорить, неадекватно. Оно саботировало принимаемые советской стороной меры, пыталось всячески тормозить решение организационных вопросов, стремясь в то же время всю ответственность за возникавшую дезорганизацию при передаче дел возложить на советскую сторону. Посольство подняло шум по оспариванию тех или иных действий, и даже сейчас, спустя много лет, чтение таких протестов оставляет тягостное впечатление от высказываемых мелочных придинок и претензий².

Одновременно польская сторона стремилась представить перед Великобританией и США дело таким образом, что положение польских детей в СССР якобы является катастрофическим, что все они обречены на вымирание и русификацию. По этому поводу послом США в Москве во время беседы с И. В. Сталиным 11 августа 1943 г. была вручена памятная записка, в которой, в частности, отмечалось:

«Следует приложить все усилия для эвакуации польских сирот и других польских детей, которым не может быть обеспечен надлежащий уход в Советском Союзе»³.

В ответе НКВД СССР от 27 сентября 1943 г. сообщалось, что при содействии советских властей в СССР открыто 589 благотворительных учреждений с польскими детьми, в том числе ясли и детские дома, для обеспечения которых выделены соответствующие

¹ Там же. Оп. 26-е. П. 200-а. Д. 1. Л. 8.

² Там же. Л. 44–46. См. также ноту НКВД СССР в польское посольство от 28 августа 1943 г. (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 25. П. 189. Д. 7. Л. 54).

³ Там же. Оп. 26-з. П. 308. Д. 1. Л. 32. Нота аналогичного содержания 11 августа 1942 г. была направлена в НКВД СССР и британским посольством (там же. Л. 184).

продовольственные и товарные фонды, предоставлены различные льготы и др. Относительно заявления о том, что в СССР «якобы не может быть обеспечен надлежащий уход за польскими детьми», то такое утверждение, отмечалось в ответной ноте, «основано, как совершенно очевидно, на несолидной информации»¹.

Польской стороной в целях очернения действий советской стороны использовались самые неблагоприятные приемы. Так, в одном из домов, расположенных в Южно-Казахстанской области, польские представители заставляли детей писать письма богатым польским эмигрантам, проживающим в Великобритании и США, в целях получения от них материальной помощи.

Факт, что акция с написанием писем была инспирирована самим польским посольством, подтверждается документально. Так, посольство Польской Республики в инструкции № 2 от 29 апреля 1942 г. своим доверенным лицам на местах, в частности, предписывало:

*«Следует собрать возможно большее число описаний судеб детей с момента их выезда из Польши по настоящее время. Очень ценными являются письма, написанные самими детьми...»*².

Далее, в письме первого заместителя министра внутренних дел СССР В. Н. Меркулова на имя А. Я. Вышинского от 3 ноября 1942 г. сообщалось о задержании польской гражданки Колачек с письмом к польским детям, в котором под видом организации конкурса они призывались описать свою жизнь в Советском Союзе. Конкурс был организован с ведома доверенного лица посольства Конарского, который рекомендовал в письмах детей отмечать, главным образом, невыносимые условия жизни детей в СССР (у него обнаружено 142 подобных письма). Большинство писем написано под диктовку взрослых³.

Вся эта операция, конечно, проводилась ради самих детей, чтобы, сгустив краски, разжалобить богатых адресатов и по-

¹ Там же. Л. 21–22, 26.

² Там же. Оп. 25. П. 189. Д. 9. Л. 317.

³ Там же. П. 193. Д. 221. Л. 188.

лучить от них дополнительную благотворительную помощь¹. Это как-то можно понять и частично даже оправдать. Но совсем другое дело, когда сейчас нынешние «исследователи» из архива польского посольства в Москве за 1941–1942 гг., находящегося в Великобритании и США, извлекают эти письма на свет божий только для того, чтобы выдать их за чистую монету и беззастенчиво использовать в неблагоприятных политических целях².

Трудности, естественно, существовали и после перехода детских домов в юрисдикцию советской стороны. Однако это были единичные случаи, а в целом обстановку можно оценить как удовлетворительную, о чем свидетельствуют результаты проводившихся проверок. Так, в апреле–мае 1944 г. с работой польских детских учреждений на территории СССР знакомились английские журналисты и граждане США польской национальности. В частности, такие известные в то время проживавшие в США поляки, как епископ С. Орлеманьский и профессор Оскар Ланге, приехавшие в Советский Союз в целях установления контактов с Союзом польских патриотов в СССР, посетили дом для польских детей в Загорске и выразили полное удовлетворение увиденным, поместив в английской газете «Таймс» соответствующую информацию. Они присутствовали на уроках, знакомились с учебно-воспитательной работой, бытовыми условиями, беседовали с воспитателями и детьми. О своих впечатлениях С. Орлеманьский рассказал 5 мая 1944 г. в своем радиообращении к полякам в СССР и Польше, а также при встрече с польскими и иностранными корреспондентами. В частности, он заявил следующее:

«Да будет мне, как нейтральному свидетелю и практичному американцу, позволено сообщить вам, что в теперешних условиях не может быть лучше, чем есть. Мы, поляки, должны быть благодарны советскому правительству за хорошее отношение и приложить усилия, чтобы сохранить эти учреждения. Мне рассказали, что подобные заведения существуют по всей России»³.

¹ Там же. Д. 21. Л. 188–189об.

² *Laskowicz K. Słowo powszechne. 1991. 31.10.*

³ Документы и материалы... М., 1974. Т. 8. С. 103.

О. Ланге посетил детдом в подмосковном поселке Чкаловское, а также польские детские учреждения в Сибири. Его рассказ о поездке был напечатан в «Правде» от 28 мая 1944 г.¹

Выезд польских детей из СССР начал осуществляться еще до окончания войны, а после 1945 г. началась их организованная эвакуация на родину. Архивные материалы свидетельствуют о том, что отправка детей, за исключением единичных случаев, осуществлялась строго с соблюдением общепринятых правил, и огульно обвинять советскую сторону в нарушении этих правил, как это иногда делается, было бы по меньшей мере некорректно.

Эвакуация детей производилась в разное время и в различных формах. Перечислим основные случаи.

— По просьбе посольства Польской Республики через Мурманск в начале 1942 г. для пополнения базирующихся в Великобритании судов польского торгового флота и авиационных соединений было направлено около 1 тыс. юношей (от 14 до 18 лет)².

— Часть польских детей в августе 1942 г. была эвакуирована непосредственно с армией В. Андерса через Иран на Ближний Восток. По данным польской стороны, было отправлено 17 350 детей, из них большинство школьного возраста.

— Советская сторона в ответ на ноту посольства Польской Республики от 15 декабря 1941 г.³ выразила согласие на выезд 500 детей, находившихся в основном в среднеазиатских республиках⁴. В результате в июне 1942 г. была осуществлена отправка детского дома из Акмолинска в Иран и Индию, бывшую в то время британским доминионом⁵, а позднее туда же было отправлено еще 50 детей⁶. Кроме того, памятной запиской НКВД СССР от 2 июля 1943 г. миссии Австралии в СССР, которая представляла интересы Польши, было сообщено согласие на выезд

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26-6. П. 231. Д. 50. Л. 22–23.

² Там же. Оп. 25. П. 189. Д. 7. Л. 24.

³ Документы и материалы... М., 1973. Т. 7. С. 271.

⁴ АВП РФ. Ф. 0122. П. 188. Д. 2. Л. 150.

⁵ Там же. П. 191. Д. 15. Л. 159.

⁶ Там же. П. 189. Д. 9. Л. 317.

детского дома в Ашхабаде (300 детей). Отдельные группы детей переправлялись также в Австралию и бывшие британские колонии в Африке. По сообщению агентства «Рейтер», в Танганьiku и Уганду в это время прибыло из СССР 8–12 тыс. польских беженцев, преимущественно женщин и детей¹. В число выехавших детей — граждан Польши входили также дети еврейской национальности. По оценочным данным, их число было в пределах 15 тыс.²

— После войны в 1945–1948 гг. дети отправлялись в Польшу в соответствии с заключенным 6 июля 1945 г. межправительственным Соглашением о праве на выход из советского гражданства лиц польской и еврейской национальностей, проживающих в СССР, и об их эвакуации в Польшу. Пункт 4 Протокола к этому Соглашению гласит:

«Школы, детские дома и др. учреждения, состоящие из лиц, подлежащих переселению в Польшу, эвакуируются в организованном порядке под соответствующим надзором»³.

Более подробно детали эвакуации излагались в утвержденной 11 октября 1945 г. Инструкции «О порядке определения контингента детей польской и еврейской национальности, находящихся в детских домах для польских детей, в других детских домах и у советских граждан на патронате, подлежащих эвакуации в Польшу в соответствии с Соглашением от 6 июля 1945 г.»⁴.

Первыми выезжают из СССР в июне 1945 г. дети из Каракулинского дома ребенка (Удмурдская АССР). По их приезде в Белосток была организована торжественная передача детей

¹ ТАСС. 22 ноября 1942 г. Л. 82-о; 4 января 1943 г. Л. 13-о.

² По данным вышедшей в Англии газеты на польском языке «Dziennik polski» (ТАСС. 17 сентября 1942 г. Л. 23-о). АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 25. П. 189. Д. 7. Л. 68.

³ Советский Союз — Народная Польша. М., 1974. С. 77.

⁴ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 32. П. 97. Д. 16. Л. 9–10; АВП РФ. Ф. 0375. Оп. 1. П. 105. Д. 26. Л. 57–62.

представителям местных властей¹. В феврале 1946 г. переезжают в Польшу детдома, расположенные в Загорске и на подмосковной станции Чкаловская. Их отъезд по просьбе польской стороны снимался для хроники². Весьма примечательно выступление польского посла Х. Раабе на торжественных проводах в Польшу воспитанников этих польских детских домов, состоявшихся 28 февраля 1946 г. Содержание этого выступления, по нашему мнению, нельзя объяснить только одной обычной в таких случаях дипломатической вежливостью. Небезынтересно привести некоторые выдержки из выступления посла. Назвав торжественные проводы *«праздником истинной дружбы, проявленной правительствами и народами Советского Союза к Польше»*, посол сердечно поблагодарил советскую сторону за заботу в годы войны, подчеркнув, что этот факт *«будет одним из самых ценных вкладов, который на века упрочит дружбу двух государств и народов — Польши и Советского Союза»*³. Несколько позднее было получено благодарственное письмо от министерства просвещения Польской Республики от 3 августа 1946 г., в котором отмечалось, что *«благодаря доброжелательству Советского правительства польские дети не только сохранили здоровье во время войны, но и получили образование и воспитание»* и что это *«несомненно, будет содействовать улучшению и укреплению дружбы между польским народом и народами Советского Союза»*⁴.

Кроме того, дети выезжали вместе с родителями в ходе послевоенной репатриации.

— Не без давления с польской стороны было принято новое постановление Совета министров СССР от 17 ноября 1950 г. о репатриации польских детей, в соответствии с которым в мае 1952 г. выехало на родину 29 человек, в июне — 24⁵. С августа 1952 г. дети в основном отправляются уже поодиночке, но были

¹ Документы и материалы... М., 1974. Т. 8. С. 447–449.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 28. П. 203. Д. 24. Л. 121–122.

³ Советский Союз — Народная Польша... М., 1974. С. 114.

⁴ Там же. С. 138–139.

⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 285. Д. 39. Л. 1, 7, 132.

редкие случаи и групповой отправки. Например, группа из 27 детей была назначена к репатриации в апреле 1953 г.¹

В результате этой акции, по данным Управления уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации, на конец 1952 г. в Польшу из представленного польским посольством в Москве дополнительного списка в 1879 детей выехало 787 детей². Остались в СССР подлежащие репатриации в соответствии с соглашением две категории: дети моложе 14 лет, которые отказались выезжать, и дети, против отъезда которых возражали их опекуны и воспитатели (всего 140 детей)³, а также некоторое число детей, точное местонахождение которых установить не удалось (35 человек)⁴. Вместе с тем было принято решение, что при повторном официальном обращении польской стороны вопрос о выезде этих детей будет решаться в каждом отдельном случае.

В феврале 1953 г. польское посольство в Москве направило очередную памятную записку со списками остающихся, по ее мнению, в СССР польскими детьми⁵. В связи с этим обращением принимается новое постановление Совета министров СССР, в котором предусматривается эвакуация поляков, в том числе и детей до 16 лет. При реализации этого постановления по состоянию на 15 ноября 1956 г. было дано разрешение на выезд в Польшу 5285 несовершеннолетних детей⁶.

— 25 марта 1957 г. заключается новое соглашение о сроках и порядке дальнейшей репатриации из СССР лиц польской национальности⁷. Согласно этому Соглашению право на репатриацию получили *«несовершеннолетние дети (не достигшие 16-летнего возраста) лиц польской национальности,*

¹ Там же. Д. 40. Л. 146.

² Там же. Оп. 36. П. 238. Д. 29. Л. 1–3; Там же. Оп. 35-б. П. 313. Д. 2. Л. 2–3.

³ Там же. Оп. 36. П. 296. Д. 10. Л. 13, 49.

⁴ АВП РФ. Ф. 0375. Оп. 1. П. 106. Д. 30. Л. 96–100.

⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 36. П. 296. Д. 10. Л. 13, 49.

⁶ Там же. Оп. 40. П. 337. Д. 21.

⁷ Советский Союз — Народная Польша. 1944–1974. М., 1974. С. 214–219.

состоявшие в польском гражданстве к 17 сентября 1939 г., не имеющие в Советском Союзе близких родственников, но которые имеют родственников в Польской Народной Республике, или о репатриации которых ходатайствуют польские власти»¹.

Таковой в общих чертах представляется общая картина о содержании польских детей в СССР и их последующей репатриации.

К сожалению, истекшее время несколько не сняло прежние польские претензии в отношении пребывания польских детей в СССР в годы войны. Начиная с 90-х гг. прошлого века данная тема с обвинениями в адрес советской стороны нет-нет да снова появляется в польских средствах массовой информации. В публикациях снова, как 70 лет назад, основной упор делается на то, что якобы не были созданы необходимые условия для проживания польских детей, а их репатриация проведена недобросовестно, в результате чего десятки, а то и сотни тысяч поляков были русифицированы и остались в СССР.

Сегодня в Польше в рамках действующей научной программы «Восточный архив» продолжает разрабатываться проблема «Польские дети без родителей в СССР (1939–1956 гг.)». В этих исследованиях высказывается сожаление в связи с тем, что судьба еще 100 тыс. детей так и осталась неустановленной. Они, как пишут журналисты, где-то затерялись во время войны или умерли или же *«выжили и остались где-то там в республиках, может быть, даже не зная, что являются поляками»*. И делается в заключение следующий вывод: польские дети *«сиротами стали не от рук гитлеровцев, а от рук “красного освободителя»*². Тем самым в польское общество сознательно внедряется ложная версия о судьбе польских детей в СССР.

Все это свидетельствует о том, что нынешняя Варшава и в вопросе о польских детях применяет все тот же пропагандистский подход в отношении восточного соседа из арсенала двойных стандартов. Давно уже в Польше не вспоминаются претензии

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 25. П. 193. Д. 21. Л. 188–189об.

² *Wróblewska A. Los polskich sierot na radzieckiej ziemi // Życie Warszawy. 1993. 20.04.*

к Германии и своим союзникам по НАТО, которые после войны саботировали усилия польской стороны по возвращению на родину польских детей, оказавшихся в Западной Германии. Известно, что во время оккупации Польши в 1939–1944 гг. германской организацией «Лебенсборн» был осуществлен вывоз около 100 тыс. польских детей для воспитания в немецких семьях в целях их принудительной германизации. В 1950–1953 гг. польская сторона в дипломатической переписке с посольствами США и Великобритании в Варшаве выражала протест против задержки отправления детей в Польшу, однако безуспешно, и дети были для страны потеряны навсегда¹. Если иногда и удавалось их обнаружить в немецких семьях, то они уже были ассимилированы и отказывались выезжать в Польшу². Об этих потерянных детях в Польше сейчас предпочитают не вспоминать. Весь пропагандистский огонь сосредоточен в адрес СССР и косвенно — против России.

Заключение и выводы

Как представляется, главное во всей этой истории заключается в том, что в СССР в то тяжелое военное время был проявлен максимум возможной заботы к польским детям, которые волею судеб во время Второй мировой войны оказались на его территории. Содержались они не хуже своих собственных сирот и снабжались по существовавшим в то время нормам. Такое отношение помогло тысячам польских детей выжить, а после войны вернуться на родину. Недоразумения на этой почве возникали из-за того, что польская сторона постоянно требовала, чтобы для польских детей были созданы какие-то особые, привилегированные условия.

Особо следует отметить, что все виды материального содержания польских детей в СССР и последующая их эвакуация на родину осуществлялись на безвозмездной, благотворительной основе. По нашему мнению, подобный бескорыстный посту-

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 35. П. 284. Д. 22. Л. 188; Там же. Оп. 35. П. 333. Д. 68. Л. 64, 71.

² Там же. Оп. 31. П. 232. Д. 8. Л. 4.

пок заслуживает хотя бы простого теплого слова. Благодарность польской стороны за это на центральном и местном уровне нами уже была получена сразу после войны. Сейчас главное не забывать тех событий, которые нас сближали в условиях общей опасности и в общем горе. При объективном подходе без предвзятостей ко всей истории польских детей в СССР данная тематика сама по себе могла бы способствовать улучшению взаимопонимания между нашими народами.

9. Роль СССР в формировании современных границ Польши

Нынешние границы Польши сформировались после Второй мировой войны в результате договоренностей между великими державами антигитлеровской коалиции, достигнутыми на Тегеранской, Крымской и Берлинской конференциях.

На Тегеранской конференции (ноябрь–декабрь 1943 г.) во время советско-британской встречи¹ Сталин дал согласие передвинуть границы Польши и СССР на запад. Также в принципе у Кремля не встретило возражений предложение передать Польше Восточную Пруссию при условии, что СССР получит незамерзающие порты на Балтике — Кенигсберг и Мемель с прилегающей частью Восточной Пруссии.

На Крымской конференции (февраль 1945 г.) принято решение восточную границу Польши провести по «линии Керзона». Советское предложение об определении западной границы Польши по реке Одер и Западной Нейсе с оставлением города Штеттин на польской стороне встретило возражение со стороны союзников. Договорились, что Польша получит существенные территориальные приращения на севере и западе, а окончательно вопрос о границе будет решен на мирной конференции по Германии.

¹ В годы Второй мировой войны Великобритания взяла на себя представление интересов Польши, обосновывая это тем, что до войны Польша была ее союзницей, что она вступила в войну в результате нападения Германии на Польшу в сентябре 1939 г. и что именно Великобритания предоставила убежище польскому правительству в эмиграции.

На Берлинской конференции (июль–август 1945 г.) был, по сути дела, принят план СССР о северных и западных границах Польши. В специальном решении отмечалось:

«В соответствии с соглашением, достигнутым на Крымской конференции, Главы трех Правительств запросили мнение Польского Временного Правительства Национального Единства относительно территории на севере и западе, которую Польша должна получить... Главы трех Правительств подтверждают свое мнение о том, что окончательное определение западной границы Польши должно быть отложено до мирного урегулирования.

Главы трех Правительств согласились, что впредь до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории... должны находиться под управлением Польского государства»¹.

Хотя официально интересы Польши на упомянутых конференциях, как отмечалось, представляла Великобритания, однако на деле именно усилиями советской дипломатии удалось преодолеть ряд возражений со стороны главных союзников и настоять на принятии оптимального для Польши в то время варианта ее западных и северо-западных границ. Нынешняя польская историография, которая традиционно настроена против России, данный факт обходит молчанием.

Все польские границы в международно-правовом отношении закреплены двусторонними соглашениями о границе², а их совокупность — Хельсинкским заключительным актом 1975 г. Вместе с тем, по нашему мнению, принцип нерушимости границ в отношении Польши имеет свои слабые стороны.

Как отмечалось выше, союзные державы на Крымской и Берлинской конференциях договорились, что окончательно вопрос

¹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г. М., 1984. С. 440.

² Граница с Германией подтверждена договором Польши с ФРГ (1970 г.), а ранее — с ГДР (1950 г.).

о западной и северо-западной границе Польши будет решен на мирной конференции по Германии. Однако мирная конференция так и не состоялась, и мирный договор не заключен до сих пор. И теперь вряд ли будет заключен вообще. Поэтому условия договоренности по польским границам остались невыполненными. Советская и польская дипломатия в свое время, утверждая, что вопрос о западной границе Польши окончательно решен, исходили исключительно из несложных практических умозаключений, нечто вроде доказательства от противного. Эти рассуждения строились примерно следующим образом: раз западные союзники официально не возражали против переселения немецкого населения с территорий, отходящих к Польше, и заселения их поляками, стало быть они эти территории признавали польскими. Не могли же они строить свои расчеты на том, что если на мирной конференции по Германии территориальный вопрос решится не в пользу Польши, то должно последовать обратное переселение. В таких рассуждениях есть своя логика, а западники против переселения немцев не возражали.

Подобная некоторая несогласованность между собой отдельных положений решения была умело использована в заявлении министра иностранных дел СССР В.М. Молотова, которое он сделал представителю Польского агентства печати, находясь на сессии Совета министров иностранных дел в Париже в 1946 г. Защищая интересы Польши, министр подчеркнул, в частности, следующее:

«Ссылка на то, что Берлинская конференция сочла необходимым окончательное определение западных границ Польши отложить до Мирной конференции, конечно, правильна. Формальная сторона именно такова. По существу же дела три правительства высказали свое мнение о будущей западной границе, отдав под управление польского правительства Силезию и указанные выше территории и, кроме того, приняв план о выселении немцев с этих территорий. Кому может в голову прийти мысль о том, что это выселение немцев предпринято только в качестве эксперимента? Те, кто принимал решение о выселении немцев с этих территорий, чтобы туда тот-

час же вселились поляки из других районов Польши, — не могут предложить через некоторое время проведение обратных мероприятий...

Все это говорит о том, что решение Берлинской конференции... уже определило западную границу Польши и только ждет своего оформления на будущей международной конференции по мирному договору с Германией... историческое решение Берлинской конференции о западных границах Польши никем не может быть поколеблено. Факты же говорят о том, что сделать это теперь уже просто невозможно.

Такова точка зрения Советского правительства»¹.

Польша по идее должна положительно воспринимать свои нынешние государственные границы: сейчас никто из соседей серьезно не претендует на польскую территорию, а она — на территорию, находящуюся за ее пределами. Казалось бы, польская внутренняя и внешняя политика освободилась от многих прошлых территориальных и национальных проблем, которые раздирали польское общество на различных исторических этапах ее существования и тем самым ослабляли страну.

Однако территориальный вопрос, который, как оказалось, не исчез полностью из польского менталитета, продолжает волновать польских политиков и историков. Время от времени в высказываниях государственных мужей, в средствах массовой информации можно уловить нотки слегка завуалированной или открытой горечи по поводу утраченного статуса крупной державы, неосуществленной ностальгической мечты о «великой Польше от моря до моря».

В Польше можно встретиться с высказываниями о том, что при принятии территориальных решений после Второй мировой войны с ней обошлись несправедливо. Действительно, если подходить формально, то в этом утверждении есть своя доля правды. Польша — единственное сражавшееся с фашизмом государство, которое вышло из войны с территориальными потерями. Учитывая потерю Западной Украины и Западной Бе-

¹ Документы и материалы... М., 1976. Т. 9. С. 151.

лоруссии, которые до 1939 г. входили в состав польского государства, полученные Польшей территориальные приращения за счет части Восточной Пруссии и Померании на севере и северо-западе и германских провинций на западе не восполняют территориальных потерь на востоке. До Второй мировой войны поверхность Польши равнялась 388,6 тыс. кв. км, а сейчас — 311,7 тыс.¹ Разница довольно внушительная.

Этот момент в свое время учитывался советской дипломатией, и поэтому, чтобы не подорвать доверие местного населения к сформированному в СССР временному правительству — Польскому комитету национального освобождения (ПКНО), с нашей стороны были внесены существенные поправки в прохождение «линии Керзона», которая на Крымской конференции в 1945 г. была принята союзниками как справедливая советско-польская граница: Польше была возвращена целиком Белостокская область, которая в 1939 г. вошла в состав Белоруссии, а также ряд районов Украины, включая г. Перемышль. Кроме того, не было предъявлено требование о возврате Холмщины, хотя историческая принадлежность этого региона к России не вызывает сомнений.

В польской печати можно встретиться с неприятием потери Западной Белоруссии и Западной Украины, так называемых «польских кресов»². Отмечается, что Польша в свое время внесла значительный вклад в их экономическое и культурное развитие, что Львов и Вильно были крупными центрами именно польской культуры³. И кто знает, как после войны закончилось бы решение вопроса о восточной границе Польши, если бы не непродуманная политика польского правительства в эмиграции в отношении СССР. Этому обосновавшемуся на время вой-

¹ *Mały rocznik statystyczny 1960*. Warszawa, 1960. S. 1.

² От польского *kresy* — край, граница, окраина.

³ Как сообщает *Mały rocznik statystyczny 1939*, с. 37, во Львове из 312,2 тыс. населения поляки составляли 198,2 тыс., украинцы — 24,2 тыс., евреи — 75,3 тыс. (перепись 1931 г.). В Вильно из населения в 195,1 тыс. поляков было 128,6 тыс., евреев 54,6 тыс., а литовцев было настолько мало, что они входили в графу «остальные», которых было всего 2 тыс. человек.

ны в Лондоне правительству, никогда не признававшему факта присоединения «кресов» к СССР, в первой стадии своих отношений с Москвой в 1941 г. удалось добиться многого: учредить свое дипломатическое представительство в СССР, настоять на включении в межправительственное соглашение от 30 июля 1941 г. следующей важной записи:

«Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»¹.

Однако впоследствии польским эмигрантским правительством был допущен в отношениях с Москвой ряд крупных политических и дипломатических промахов, приведших в конечном счете к тому, что это правительство так никогда и не переехало в Варшаву, а восточная граница была установлена без учета упомянутого соглашения 1941 г.

Теперь эти территории не входят в состав России. И если Польша убеждена в том, что они отторгнуты несправедливо, то у нее имеется прекрасная возможность поставить перед Украиной, Белоруссией и Литвой (союзника Польши по НАТО) вопрос о возврате утраченных земель. Было бы любопытно посмотреть, что из этого получится.

В настоящее время Польша имеет общую с нами сухопутную границу только с Калининградской областью². Конечно, у польской стороны сохраняется нечто вроде обиды в связи с тем, что им после войны была обещана вся Восточная Пруссия (со стороны англичан), а затем в силу выдвинутых СССР притязан-

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 138.

² Название этого анклава представляет собой оставшийся со времен СССР географический и политический архаизм. Да и тогда такое наименование нельзя было признать удачным. Предпочтительнее было бы за этим центром бывшей Восточной Пруссии — Кенигсбергом сохранить старославянское название *Королевец*, которое он имел до начала германской экспансии на восток. В Польше так и не было принято название *Кенигсберг* город всегда именовался и именуется сейчас как *Крулевец*.

ний на эту территорию получена только ее часть. Образование Калининградской области сразу же создало проблему прохода польских судов из Вислянского (Калининградского) залива в Балтийское море из-за существования здесь государственной границы СССР и крупной военно-морской базы в Балтийске. Во время двусторонних переговоров по пограничным вопросам в 1947, 1948 и 1959 гг. польская сторона настойчиво поднимала вопрос о предоставлении ей возможности прохода в Балтийское море. Так, в ноте посольства ПНР в Москве в МИД СССР от 1 августа 1958 г. польская сторона добивалась хотя бы только записи в протоколе о переговорах о возможности положительного решения этой проблемы в будущем¹.

Возникли разногласия между ведомствами: министр иностранных дел СССР высказывался за удовлетворение просьбы польской стороны, а министр военно-морского флота — против. Эти различные точки зрения нашли отражение в записке на имя Н. С. Хрущева в 1959 г.² Тем не менее в ответной ноте от 29 февраля 1960 г. польской стороне было отвечено согласием³, а позднее нотой МИД СССР от 9 ноября 1960 г. польской стороне были переданы «Правила прохождения судов Польской Народной Республики через Калининградский залив и Балтийский канал»⁴. Польская сторона высказала ряд замечаний к Правилам, которые были отклонены, и на этом дело кончилось. Не дали результата и несколько туров переговоров уже после 1991 г., а после вступления Польши в НАТО благоприятное для нее решение данной проблемы утратило перспективу. В Польше время от времени на страницах печати обсуждается вопрос о целесообразности прорытия канала через Вислянскую (Балтийскую) косу, чтобы иметь непосредственный выход судов в Гданьский залив. Принятие решения о строительстве канала каждый раз откладывалось из-за его дороговизны, однако, как можно понять из помещаемой в польских СМИ информации, работа над проектом продолжается.

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 42. П. 352. Д. 6. Л. 43–44.

² Там же. Оп. 43. П. 361. Д. 38.

³ Там же. Оп. 45. П. 373. Д. 33. Л. 12–14.

⁴ Там же. П. 371. Д. 7.

Заключение и выводы

Объективно говоря, Польша никогда ранее не находилась в таких справедливых географических и этнографических границах, полностью соответствующих численности населения, как сейчас. Действительно, ее естественными природными рубежами являются Балтийское море, реки Одер (Одра) и Нейсе (Ныса), горные отроги Судет и Карпат, река Буг. В результате последовавшего после Второй мировой войны перемещения населения в Польшу переехало большинство поляков, оказавшихся по различным причинам вне страны, преимущественно из СССР. Таким образом, нынешняя Польша располагается на территории, в рамках которой на протяжении веков формировалось и развивалось польское государство и польская нация до того, как началась германская, а затем и собственная польская экспансия на восток. Пожалуй, впервые в истории ее население собрано в одном государстве и практически является однородным по национальной принадлежности и вероисповеданию.

Как представляется, Польша должна быть удовлетворена своими нынешними государственными границами: сегодня никто из ее соседей не претендует на польскую территорию, а она — на территории, находящиеся за ее рубежами, включая находящийся в Чехии район Тешина, оккупированный польскими войсками в 1938 г. во время раздела Чехословакии. Тогда польская внутренняя и внешняя политика освободилась бы от многих прошлых территориальных и внутринациональных проблем, которые подрывали единство польского общества и ослабляли государство на протяжении различных этапов его существования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопрос о Холмской Руси

Предлагается в кратком изложении почерпнутая из ряда источников история многовекового спора с поляками о государственной принадлежности территории, известной как Холмская Русь, Холмщина. Иногда Холмская Русь включается в более об-

ширный район под названием Забужье, или Забужская Русь, а иногда как Подляшье (Подлясье, Подлесье).

Название Холмщина, Холмская Русь произошло от замка Холм, возведенного в 1259 г. князем Даниилом Галицким. Город-замок стал столицей древнерусского Галицкого княжества. Жившее здесь население представляет собой одну из ветвей восточнославянского племени, принявшего православие, имеются сведения о строительстве здесь церквей с X в. Холмщина до конца XII в. входила в состав Киевской Руси. В 1366 г. Холмско-Белзский удел был присоединен к Польше, но через некоторое время он вновь отложился от польского короля, но ненадолго¹. В XIV–XV вв. Холмщина окончательно утратила свою государственность и была разделена между Польшей и Литвой, а после Люблинской унии 1569 г. полностью переходит к Польше.

Имеются многочисленные исторические факты, свидетельствующие о том, что присоединение Холмщины к Литве и Польше сопровождалось жестоким гонением на местное православное русское население, которое с применением крайних насильственных мер подвергалось ополячиванию, а через униатство — окатоличиванию.

«Почти все постановления польских королей о свободе православия принимались с целью усыпить [бдительность] русских»².

Однако еще в XII в. подавляющее большинство населения сохранило православие, за исключением высшей знати и дворянства, которые первыми стали переходить в католичество. Во время восстания Б. Хмельницкого Холмщина была включена в состав Украины.

По первому разделу Польши северная Холмщина остается у Польши, а южная переходит к Австрии. По третьему разделу (1795 г.) часть ее оказывается в России. Во время наполеоновских войск Забужская Русь включается в состав Варшавского герцогства, а по Венскому договору 1815 г. Холмский край в составе герцогства передается России.

¹ Славянская энциклопедия. М., 2002. Т. 2. С. 624–625.

² *Петров Н.И.* Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья. СПб., 1887.

Под влиянием восстания в Польше в 1831 г. на Холмщине активизируется русское национальное движение, что свидетельствует о существовании в этом регионе влиятельного русского и православного элемента. После восстания в Польше в 1863 г. в Петербурге все больше склоняются к мысли о выделении Холмщины в отдельную губернию с русским (украинским) населением и ее выделении из Польши, чтобы защитить местных жителей от окончательной полонизации и засилья католической церкви. В 1875 г. униатство здесь было отменено, по мнению официальных властей, происходит добровольное воссоединение холмских униатов с православной церковью¹. В 1898 г. возникает уже конкретный проект о выделении из Польши Холмщины в виде отдельной губернии. В 1909 г. он обсуждается Государственной думой, которая склоняется к включению Холмщины в русские земли. В 1912 г. вопрос был в принципе решен Думой и весной 1915 г. одобрен императором, однако вплоть до 1917 г. границы новой губернии так и не были определены².

Временное правительство, высказавшись, как известно, за создание независимого польского государства, окончательно вопрос о Польше, а следовательно и о ее границах, оставило на усмотрение Учредительного собрания, однако вместе с тем решением от 9 августа 1917 г. отменило рескрипт императора 1915 г. о включении Холмской губернии в состав России, но позднее законная сила рескрипта была восстановлена. Белое движение во время активной борьбы с большевизмом и будучи в эмиграции неизменно придерживалось такой же позиции. Примером может послужить высказывание в 1928 г. генерала А. П. Кутепова, председателя действовавшего за рубежом Русского общевоинского союза, в котором он заявил, что будущая Россия не признает Рижского мирного договора 1921 г. и что Холмщина, Волынь и другие земли должны отойти от Польши к России³.

¹ БСЭ СССР. М., 1934. Т. 60. С. 26.

² АВП РФ. Ф. 0384. Оп. 1. П. 101. Д. 3. Л. 1.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 12. П. 139. Д. 4.

Проблема Холмщины была предметом мирных переговоров с Германией в Брест-Литовске в 1918 г. Украинская делегация, выступавшая самостоятельно, от имени Центральной рады 9 февраля 1918 г. заключила с Германией и Австро-Венгрией сепаратный мир, по которому Холмщина передавалась Украине. Претензии Украины на Холмщину в Бресте были активно поддержаны российской делегацией, что оказало решающее воздействие на согласие германской стороны передать край Украине. Об этом, в частности, пишет в своих воспоминаниях известный царский дипломат Г. Н. Михайловский:

«Гораздо существеннее был поступок старшего чиновника, заведовавшего Славянским отделом, Обнорского, к которому от имени Троцкого явился Радек и потребовал сведений по польскому и другим славянским вопросам для русской делегации в Брест-Литовске. Обнорский, испугавшись или по каким другим соображениям, не поколебался дать просимые сведения и снабдил Радека всеми нужными документами, в том числе и моей докладной запиской по холмскому вопросу, представленной в свое время в русско-польскую комиссию Ледницкого в качестве мнения по этому предмету Министерства иностранных дел. Записка оказала практическое влияние на ход переговоров в Брест-Литовске, что видно из того обстоятельства, что Холмская губерния действительно по настоянию русской делегации отошла к Украине, а не к Польше, как того добивались поляки, и в Варшаве и в Кракове был объявлен трехдневный траур по поводу этого невыгодного для Польши решения»¹.

Известие о передаче Холмской губернии Украине вызвало шок в оккупированной германскими войсками Варшаве, а правительственный кабинет премьера Я. Кухажевского уже 11 февраля подал в отставку в знак протеста против признания Германией и ее союзниками в Брест-Литовске Холмщины в качестве украинской территории. 14 февраля польский Регентский совет,

¹ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 2. С. 18.

несмотря на свой марионеточный характер, опубликовал воззвание к польскому народу, в котором выразил протест в связи с передачей Украине «польской и католической области», т. е. Холмщины. Однако события развивались настолько стремительно, что в скором времени Украинская директория во главе с С. Петлюрой в 1919–1920 гг. заключила со своим новым союзником Польшей секретный договор, по которому признала принадлежность Галиции, Волыни и Холмщины за Польшей.

Выдвинутая Великобританией в разгар советско-польской войны 1919–1920 гг. так называемая «линия Керзона» в качестве восточной этнической границы Польши Холмскую землю включила в состав Польши. По Рижскому мирному договору 1921 г., в котором РСФСР и Украина выступали в роли побежденных, Холмщина, естественно, осталась за Польшей, хотя украинская делегация и пыталась доказывать свои права на эту область. Так, выступая с докладом 14 января 1921 г., представитель Украины на переговорах в Риге Э. Квиринг, в частности, заявил:

*«Возьмем, например, Польшу. Мы ни в коем случае не можем оставаться безучастными к дальнейшей судьбе Галиции и отщепенных у нас Волыни и Холмщины»*¹.

СССР не выдвинул претензий на эту землю во время урегулирования в 1939 г. пограничного вопроса с Германией, оккупировавшей Польшу, предпочитая, видимо, чтобы граница с Германией проходила по естественному рубежу — Западному Бугу. Этот факт и был зафиксирован в подписанном с Германией Договоре о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.

Когда исход Великой Отечественной войны уже не вызывал никаких сомнений, среди украинского руководства оживились стремления включить Холмщину в состав Украины. Это стремление подкреплялось информацией о систематическом преследовании православия в межвоенной Польше, когда только в одном 1938 г. на Холмщине были варварски разрушены десятки

¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 32. П. 207. Д. 52465. Л. 2.

православных святынь при участии государственной полиции и польской администрации¹. Выступая 1 февраля 1944 г. на сессии Верховного Совета СССР, председатель Верховного Совета Украины М. С. Гречуха в своей речи заявил следующее:

«Волею народа Западной Украины, Народное собрание в 1939 г. возбудило ходатайство перед Союзным Правительством о воссоединении освобожденных земель Западной Украины в едином Украинском государстве. Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик утвердил ходатайство Народного собрания. Однако наряду с этим за границами, установленными в 1939 г., остались еще некоторые районы, населенные нашими братьями-украинцами, жаждущими объединиться со своим единокровным народом. Я позволю себе просить Правительство СССР и его главу товарища Сталина помочь нашим братьям-украинцам, населяющим земли Холмицины, Грубешова, Замостья, Ярослава и других западных районов, влиться в семью братских народов Советской страны»².

Спустя некоторое время секретарь ЦК КПУ Н. С. Хрущев 20 июня 1944 г. обращается с письмом к И. В. Сталину, в котором сообщает, что за пределами западных государственных границ СССР остались территории, заселенные украинцами, подчеркивая, что *«исторически эти земли примыкали к Украине, и часть этих земель в прошлом входила в состав Русского государства»*. Н. С. Хрущев далее пишет:

«Необходимо в тех районах, которые имеют большинство украинского и русского населения, после освобождения органи-

¹ Там же. Оп. 28. П. 206. Д. 34. Л. 15.

² Десятая сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. М., 1944. С. 316. Польскую сторону продолжают интересовать все нюансы позиции России и Украины по холмскому вопросу, как в историческом плане, так и в настоящее время. Об этом свидетельствует, в частности, приведение вышеуказанного отрывка из речи М. С. Гречухи в польской центральной печати (*Stępień J. Poprawki do Curzona // Rzeczpospolita. 1995. 12–15.08*).

зовать наше, советское управление, с тем, чтобы позже, когда это будет выгодно, объявить о вхождении этих районов в состав Советского Союза с присоединением к Советской Украине. К Советской Украине следует присоединить следующие районы: Холм, Грубешов, Замостье, Томашов, Ярослав и некоторые другие пункты, примыкающие к вышеуказанным районам. Из этих районов можно будет создать в составе УССР Холмскую область и областной центр в г. Холм».

В заключение в письме отмечалось:

«Если Вы одобрите мои предложения, то я немедленно вызову нужных людей к себе в штаб фронта и приступлю к формированию Холмской области и освоению районов, которые войдут в эту область. Если Вы согласны с этими предложениями, я пришлю карту Холмской области и проект государственной границы»¹.

Большой интерес для истории вопроса о Холмщине представляет также письмо наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову, подписанное авторитетными в то время историками Б. Д. Грековым, Е. В. Тарле, И. И. Минцем и В. И. Пичетой².

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович, последние события, связанные со вступлением Красной Армии в Польшу, ставят перед историками один большой вопрос, который должен быть решен в полном согласовании с Вами.

Речь идет о Холмской Руси, единственно старой русско-украинской территории, оставшейся с 1919–1920 гг. и до последнего времени под польской властью.

Эта территория, издревле заселенная восточнославянским племенем, с древнейшими городами Вельнем и Червенем (на берегах р. Гучвы, впадающей в Зап. Буг), территория, на которой

¹ Голос Украины. 1994. 10 сентября. Цит. по: Шаповал Ю. Хрущев и Западная Украина // Свободная мысль. 1996. № 6.

² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 26-б. П. 229. Д. 15. Л. 23–24.

возникло первое государственное объединение восточнославянских племен (конец VI и начало VII в. н. э.). Борьба с Польшей из-за этой земли началась давно, продолжалась при Владимире Святославовиче, Ярославе Мудром и их преемниками и окончилась полным для Руси успехом.

Даниил Галицкий в XIII в. построил здесь города Львов и Холм. Холм стал столицей его государства.

В самом конце XIV в. край был захвачен Польшей, так как раздавленная татарами Русь не могла выступить в его защиту. После разделов Польши край вернулся в состав России и пребывал в ней до 1920 г. Панская Польша не перестает вести огромную агитацию, пытаясь доказать, что земля эта должна быть польской и впредь. Сельское население здесь и до сих пор, несмотря на постоянные попытки польской шляхты его ополячить, остается чисто украинским. В городах население смешанное (евреи, русские, украинцы, поляки и др.).

Сейчас наступил великий исторический момент, который должен окончательно определить судьбу этой древнерусской земли.

У нас, историков, нет ни малейших колебаний относительно того, где должно быть место этой земли при грядущем установлении границ СССР.

Но нас смущает, может быть не случайная, терминология Информбюро, где в сводках русские имена Холм, Грубешов (город на три века старший по сравнению с Холмом) называются по-польски Хелм, Грубешув, тогда как Перемышль называется по-русски (по-польски Пшемьсль).

Невольно возникают у нас сомнения, как мы должны в настоящее время откликнуться на непрекращающиеся к нам обращения, можем ли мы освещать этот вопрос в печати или же сейчас это будет несвоевременным.

Вот по этому предмету мы и обращаемся к Вам за советом, из опасения, как бы не сделать шага, расходящегося с интересами СССР в текущий международно-политический момент.

Может быть Вы, несмотря на свою занятость, найдете возможным в той или иной форме ответить нам, можно ли вы-

ступить в печати (в Историческом журнале, в журнале «Война и рабочий класс») или в газете.

Академик

Б. Греков

Академик

Е. Тарле

Член-корреспондент

И. Минц

Член-корреспондент

В. Пичета

На обращение ученых была наложена следующая резолюция В. М. Молотова, разъясняющая позицию СССР по холмскому вопросу:

«Прошу воздержаться в данный момент от выступлений в печати по вопросу о Холмской Руси. Это частный вопрос, который не должен затруднять решение основной задачи — установление хороших отношений между СССР и Польшей.

В. Молотов, 25 августа 1944 г.»¹

Таким образом, все предложения и обращения, сделанные на протяжении 1944 г. в отношении государственной принадлежности Холмщины, не были приняты во внимание, хотя с исторической, этнографической и политической точек зрения казались вполне обоснованными. Да и время решения вопроса о государственной принадлежности Холмщины было весьма благоприятным. Однако в Кремле возобладала иная, более рациональная точка зрения. В то время была начата крупная дипломатическая акция по устранению влияния в стране польского эмигрантского правительства в Лондоне, враждебного СССР, и замене его другим правительством, сформированным из представителей польских левых сил в лице дружественно расположенного к СССР Польского комитета национального освобождения. Советская сторона была заинтересована в авторитете и поддержке Комитета в самой Польше и поэтому, видимо, не могла пойти на предъявление дополнительной территориальной претензии в виде Холмщины. Наоборот, западная государственная граница СССР, установленная в 1939 г., была даже пе-

¹ Там же.

решена в пользу Польши (район Перемышля, Белостокская область), поскольку несколько выходила за пределы известной «линии Керзона», официально положенной в основу позиции СССР. Поэтому в соглашении о границе между правительством СССР и ПКНО от 27 июля 1944 г. Холмский край остался за Польшей. Проблему населения Холмщины было решено урегулировать предоставлением возможности проживающим там украинцам и русским добровольно переселиться в СССР.

В своих мемуарах Н. С. Хрущев, вспоминая этот период, пишет:

«Была достигнута договоренность между Советским правительством и поляками, какие области отойдут к Польше, а какие войдут в состав СССР. Среди районов, отходящих к Польше, часть была населена украинцами. Украинцы, жившие там, очень болезненно переживали это известие, особенно на Холмщине. Холмщина была в составе Российского государства до Первой мировой войны, и там существовало сильное влияние русских. Население же там было украинским»¹.

Польская версия истории Холмской Руси, ее этнографического состава и различий по религиозному признаку заметно отличается от российской. Основные составляющие этой позиции сохранились неизменными до настоящего времени. Несколько слов об аргументах польской стороны в начале XX в., когда в практическом плане встал вопрос о включении Холмщины в состав собственно России.

Польскими представителями утверждалось, в частности, что до того, как в 981 г. имело место «русское нашествие» на Холмщину, она якобы уже тогда принадлежала Польше, которая никогда не признавала законность такого захвата (получается, что никакой польской экспансии на восток в истории не было). Далее делается не менее «глубокомысленный» вывод: поскольку Холмщина принадлежала Волынскому и Галицкому русским князьям в совокупности не более 200 лет, а Польше — не менее 600,

¹ Хрущев Н.С. Воспоминания. Время, люди, власть. М., 1999. Т. 1. С. 579.

то с исторической точки зрения якобы неправомерно утверждать, что Холмщина «издревле» или «исконная» русская земля или является «достоянием русского народа». Далее утверждается:

«...историческое прошлое этого края не дает справедливых оснований русским националистическим деятелям и от их имени правительству предъявлять какие-либо права во имя исторической принадлежности этого края русскому народу»¹.

Что касается национальной принадлежности населения Холмской Руси и его вероисповедания, то, по польской версии, оно было смешанным с самого начала и представляло собой какой-то переходный конгломерат между западными и восточными славянами, католиками и православными. Вместе с тем не отрицается, что после захвата Холмщины Польшей проводилась политика переселения поляков из Мазовша. Также не отрицается, что в этом регионе имел место процесс насильственного обращения православных в католичество, но гораздо позднее — только с начала XVIII в. Вместе с тем введение униатства оценивается положительно, которое, хотя и было принудительным, но, как утверждает польской стороной, в конце концов весьма благотворно *«повлияло на сглаживание национальных противоречий»²*, и население по истечении двух веков в религиозном отношении было уже однородным. Поэтому делается вывод о том, что восстановление здесь православия было бы несправедливо и незаконно. Вот такая довольно любопытная логика.

С вышеприведенной аргументацией в том или ином виде можно встретиться до сих пор.

Об исторической недобросовестности польской стороны в своих попытках любыми средствами доказать польский характер Холмщины, свидетельствует, в частности, обсуждение вопроса о границах Польши в 1917 г. в так называемой Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, созданной на паритет-

¹ Дыбша Л. Холмский вопрос. СПб., 1910. С. 9.

² Там же. С. 28.

ных началах Временным правительством для рассмотрения вопросов, связанных с получением Польшей независимости.

На одном из заседаний комиссии польская делегация подняла вопрос о включении Холмской губернии обратно в состав польского государства. Вот как описывает довольно курьезную сложившуюся обстановку свидетель этого обсуждения царский дипломат Г. Н. Михайловский:

«Оставались статистические данные, представленные поляками и доказывающие, что, за исключением небольших островков, в Холмской губернии основное население — поляки-католики. Явно раздутые цифры сразу же отшатнули всю русскую делегацию, но по тактическим соображениям было решено их “проверить”. Здесь мы поляков и поддели... На следующем заседании, через неделю, вопрос о Холмской губернии принял более спокойный характер, так как поляки “проверяли” проверку их цифр, произведенную в министерстве внутренних дел. Шел спор о статистических данных, и выяснилась, как и следовало ожидать, фальсификация польских данных. Поляки упирались и все оспаривали, ссылались на статистические таблицы, которых с собой не захватили, довольно бесцеремонно старались опорочить данные русской государственной статистики, но в подкрепление не могли привести сколько-нибудь убедительного материала»¹.

На Ликвидационной комиссии по вопросу о государственной принадлежности так и не удалось договориться с польской делегацией, а вскоре 23 декабря 1917 г. была распущена и сама комиссия.

Заключение и выводы

1. Вопрос о государственной и этнической принадлежности Холмской Руси с исторической точки зрения не оставляет со-

¹ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 2. С. 345, 347.

мнений, что это действительно исконная русская земля, ополяченная и окатоличенная в ходе многовековой польской экспансии на восток. Об этом свидетельствуют многие исторические источники и статистические данные. Проведенная в 1913 г. перепись населения свидетельствует, что в Холмской губернии проживало 49 % украинцев и русских и только 8 % поляков¹. Несмотря на предпринятое польскими властями в 20–30 гг. XX в. переселение поляков в этот район (осадники), чтобы изменить баланс населения в свою пользу, большинство населения Холмщины продолжало оставаться непольским.

2. Аргумент польской стороны о том, что в истории Холмская Русь около 200 лет принадлежала России, а 600 лет — Польше, что якобы решает в ее пользу государственную принадлежность этого района, не является убедительным с нашей точки зрения, поскольку основное население Холмщины всегда, даже к концу Второй мировой войны, тяготело к России. В истории Европы можно найти примеры, когда отдельные территории после многовекового нахождения в границах одного государства передавались другому. Так, Польша в 1945 г. получила свои нынешние западные и северо-западные воеводства после их 700-летнего пребывания в составе Германии.

3. Вопрос о передаче Холмщины Советскому Союзу в 1944–1945 гг. был со всех сторон правомерен, однако в результате стечения некоторых обстоятельств, о которых шла речь выше, не был решен по справедливости.

¹ См.: БСЭ. М., 1934. Т. 60. С. 26.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1. «Советская оккупация» Польши: миф или действительность?

За последние двадцать с лишним лет под влиянием социально-политических изменений в Польше произошел кардинальный сдвиг в польской историографии, которая радикально сменила свои ориентиры по освещению роли СССР в истории XX в. В частности, период 1944–1990 гг. стал рассматриваться исключительно как оккупация Польши со стороны «империи зла», «враждебной Польше державы»¹. При этом данное утверждение не подкрепляется каким-либо более или менее углубленным анализом существовавших в то время отношений между Советским Союзом и Польшей, а термин «советская оккупация» выставляется в качестве некоего бесспорного и очевидного постулата, якобы не требующего никаких доказательств.

В качестве иллюстрации приведем ряд наиболее характерных высказываний по данному вопросу отдельных польских историков и публицистов, выступавших в периодической печати за последние годы. Так, проф. Т. Стшембош заявил, что *«в течение всего времени своего существования... ПНР была более или менее скрытой формой оккупации Польши со стороны Советского Союза»*². Ему вторит К. Вуйтицкий, который утверждал, что в этот период Польша была полностью лишена независимости, являлась *«политической пустотой», «черной дырой в национальной истории»*³. Подобного рода сугубо политизированные оценки встречаются практически во всех публикациях польских авторов, а также озвучиваются на проводимых научных конференциях и симпозиумах, посвященных истории ПНР.

¹ Szaniawski J. Agent wolności // Rzeczpospolita. 2002. 24–25.08.

² Życie Warszawy. 1993. 16.02.

³ Rzeczpospolita. 1995. 9–10.09.

Вслед за польскими в плену подобных концепций оказались и некоторые российские историки, которые не смогли удержаться на позициях объективизма и в стихийном азарте переоценки прошлого стали представлять отношения СССР и Польши после войны исключительно в черных красках, как советский диктат и постоянное силовое давление со стороны Москвы по советизации страны. При этом зачастую не укладывающиеся в их схемы одни факты и явления ими просто-напросто замалчивались или минимизировались, а другие, подтверждающие их концепцию, необоснованно обобщались¹.

На наш взгляд, проблема воздействия советской стороны на ход развития стран Восточной Европы является более сложной и не такой однозначной и одиозной, как это представляется нынешним польским и некоторым российским исследователям. Имеется много весьма существенных факторов, которые никак не вписываются в термин «оккупация». Поэтому, думается, правду об этой чрезвычайно противоречивой проблеме нельзя считать раз и навсегда установленной и закрытой, она требует дальнейшего непредвзятого всестороннего изучения всего спектра взаимоотношений с Польшей в 1944–1990 гг. и вообще отношений СССР со странами Восточной Европы.

Данный вопрос неправомерно рассматривать только в рамках двусторонних советско-польских отношений. Он носил международный характер и зависел в первую очередь от военно-политических реалий в Европе, сложившихся с началом холодной войны.

Как представляется, нет объективных и убедительных данных, чтобы утверждать, что Польша в эти годы не была суверенным, независимым государством. Она была признана всем мировым сообществом, была членом-учредителем ООН и дру-

¹ В частности, содержание касающихся Польши документов в двухтомном сборнике «Восточная Европа в документах советских архивов. 1944–1953» (М., 1997) никак не подтверждает делаемый авторами издания в предисловии вывод о том, что это было «время наиболее открытого и прямолинейного вмешательства советской стороны во внутреннюю жизнь стран Восточной Европы через всеобъемлющий контроль вплоть до прямого диктата» (Указ. сборник. Т. 1. С. 7).

гих основных международных организаций, поддерживала дипломатические отношения с десятками государств. Кроме того, ПНР имела на международной арене свое собственное лицо, неоднократно выдвигала на мировых форумах направленные на разрядку крупные внешнеполитические инициативы, которые находили поддержку не только у СССР и его союзников по Варшавскому договору: в 1957 г. план Рапацкого, в 1963 г. план Гомулки, в 1987 г. план Ярузельского — все по сокращению вооружений в Европе и ряд других. По некоторым польским предложениям принимались решения ГА ООН: Декларация прав ребенка в 1959 г., концепция воспитания народов в духе мира в 1974 г., конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и их уничтожении в 1968 г., предложение об укреплении доверия в международных экономических отношениях в 1983 г. В связи с этим что-то не припоминается, чтобы за последние 20 лет Польша явилась автором какой-то международной инициативы, на памяти остались только ее безоговорочная в числе первых поддержка сомнительного характера военных акций НАТО в отношении Ирака, Сербии, Косово, Афганистана, планов США по созданию системы ПРО в Европе и т. п.

Конечно, Польша была членом Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, которые, как известно, находились в сфере влияния СССР. Однако это особенно не сказывалось на снижении самостоятельной дипломатической активности ПНР, а ее деятельность в ОВД была направлена в значительной степени на укрепление своей же безопасности. В этой оборонительной организации по своему человеческому и экономическому потенциалу Польша занимала престижное место непосредственно после СССР, а в 70-х гг., учитывая физическое состояние и пассивность Л. И. Брежнева, а также амбиции первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека, нередко выходила на первый план. СЭВ также не ущемлял интересов Польши, поскольку его решения, как известно, не носили обязательного характера. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что приклеенный к послевоенной Польше явно политизированный

ярлык «зона советской оккупации» вызывает серьезные и обоснованные возражения.

Обратимся к значению самого термина «оккупация». В международном праве она определяется как временное занятие вооруженными силами одного государства территории другого государства и установление на захваченной территории власти военной администрации¹. Рассмотрим, как это определение применимо к Польше.

1944 год, шла война, советские войска, преследуя противника, вступили на территорию Польши. Никто, как тогда, так и сейчас, не стал бы оспаривать необходимость этого шага. В связи с этим событием Народным комиссариатом иностранных дел СССР 26 июля 1944 г. было сделано соответствующее заявление о том, что советская сторона не намерена создавать в Польше своих органов администрации, не заинтересована в каких-либо территориальных приобретениях и не стремится к изменению в Польше социально-политического строя.

В самом документе эти международные обязательства СССР были сформулированы следующим образом:

«Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части польской территории или изменения в Польше общественного строя и что военные действия Красной Армии на территории Польши диктуются единственно военной необходимостью и стремлением оказать дружественному польскому народу помощь в освобождении от немецкой оккупации»².

В этот же день данное заявление юридически было закреплено подписанием соглашения между правительством СССР и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО), который в то время практически осуществлял функции польского временного правительства. В этом соглашении регулировались вопросы разграничения компетенции между главно-

¹ Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 2. С. 291.

² Советский Союз — Народная Польша. 1944–1974. М., 1974. С. 14.

командующим советскими войсками и создаваемыми польскими органами администрации.

В соглашении был четко сформулирован следующий важный принцип двусторонних отношений:

«Статья 6

Как только какая-либо часть освобожденной территории Польши перестанет быть зоной непосредственных военных операций, Польский комитет национального освобождения полностью возьмет на себя руководство всеми делами гражданского управления»¹.

Можно ли период 1944–1945 гг. назвать «оккупацией»? Видимо, только в определенном смысле. Но она осуществлялась в особых условиях продолжения войны с совместным врагом — фашистской Германией. В международном праве известна так называемая «правомерная оккупация», вызванная необходимостью военного времени. Так было и в отношении Польши. Следует подчеркнуть, что вступление советских войск на территорию Польши, как известно, было не единоличным решением Кремля, а было одобрено союзниками СССР по антигитлеровской коалиции.

После войны, как известно, численность контингента советских войск постоянно сокращалась, были полностью выведены войска НКВД, гарнизоны почти во всех польских городах ликвидированы, остался только ряд частей в Западной и Северо-Западной Польше, а также подразделения, поддерживающие правительственную связь Москвы с группировкой советских войск в Германии. Причины сохранения контингента советских частей в Польше следует, видимо, искать в обострении обстановки в Европе в результате набирающей обороты тотальной конфронтации между СССР и США, а также в силу присутствия американских войск в Европе. Численность советских войск, дислоцированных в Польше, была весьма незначительной, всего несколько десятков тысяч (т. е. примерно столько, сколько

¹ Там же. С. 18.

американских войск на Окинаве, однако данный факт никогда не рассматривался как американская оккупация Японии). Это была, вне всякого сомнения, не оккупационная, а союзническая армия, какого-либо воздействия на политическую обстановку в Польше эти части не оказывали, во внутренние дела не вмешивались. Правда, существует никем официально не опровергнутый эпизод, когда во время известных событий октября 1956 г. некие горячие головы, по неподтвержденным данным, решили использовать советские танковые части, начавшие движение в направлении Варшавы. Но они вскоре были отозваны и вернулись к месту постоянной дислокации и больше никогда его не покидали вплоть до своего окончательного ухода из Польши...

Режим пребывания советских войск на территории Польши регулировался рядом межведомственных соглашений, а 17 декабря 1956 г., правда несколько запоздало, был подписан и государственный договор об их правовом статусе. В договоре было четко зафиксированы два важных положения: нахождение советских войск в Польше является временным и оно не может ущемлять суверенитета Польши или означать вмешательство во внутренние дела страны. Такое обязательство провозглашалось в первой же статье договора:

«Статья 1

Временное нахождение советских войск в Польше ни в чем не может затрагивать суверенитет Польского государства и не может вести их к вмешательству во внутренние дела Польской Народной Республики»¹.

Конечно, с одной стороны, у советских воинских частей возникали различные конфликтные ситуации с местными властями, в основном связанные с экологическими проблемами, главным образом с нанесением военной техникой ущерба природным угодьям и дорогам, но они всегда заканчивались достижением соглашения, в том числе о материальной компенсации. С другой стороны, имели место многочисленные случаи, когда

¹ Там же. С. 207.

расквартированные в Польше советские части оказывали значительную помощь местным властям в решении различных вопросов, связанных, например, с наводнениями, пожарами и другими стихийными бедствиями.

Можно ли это назвать установлением оккупационного режима? Думается, что для этого имеется мало оснований. Более реально можно говорить, как представляется, о какой-то особой форме осуществляемого СССР курса на вовлечение стран Восточной и Центральной Европы в свою военно-политическую орбиту, что объяснялось естественной необходимостью укрепить свою безопасность и не допустить изоляции СССР подобно той, в которой оказался Советский Союз в канун Второй мировой войны после Мюнхенского сговора 1938 г. Вместе с тем нельзя также полностью отрицать существования политики Кремля по так называемой советизации восточноевропейских стран, в том числе и Польши, однако механизмы этого процесса остаются малоизученными. Но уже сейчас можно сказать, что, в отличие от нынешних операций НАТО в Европе и Азии, она осуществлялась без использования вооруженной силы. Однако и в этом случае «советизация» далеко не означает «оккупация».

Было бы также неправильно предполагать, что все внутриполитические решения предпринимались Польшей под диктатом или при вмешательстве Москвы, они принимались вполне самостоятельно, что еще раз подтверждает отсутствие в Польше оккупационного режима. Сошлемся на факты, лежащие, как говорится, на поверхности. Если было бы иначе, то советское руководство стремилось бы навязать режим во всех деталях по своему образу и подобию. Тогда в Польше, например, не были бы сохранены традиции многопартийности; в сельском хозяйстве была бы проведена сплошная принудительная коллективизация и ликвидирован традиционный в Польше единоличный сектор, а в городах — частная торговля; католическая церковь была бы лишена многих сохранившихся за ней привилегий и льгот. Вспомним, даже действовал принцип приема в ПОРП верующих, что для КПСС было тогда совершенно исключено и т. п.

Не находит также подтверждения созданный в последние годы в Польше миф о том, что советские послы выполняли

функции своеобразных генерал-губернаторов, контролирующей деятельность польского руководства. Наиболее четко эти мысли сформулированы, например, в статье Е. Моравского «Наместники империи»¹. Такой подход основан, мягко говоря, на явном недоразумении. Наоборот, известны случаи, когда советские послы нередко выступали перед Кремлем в качестве защитников интересов Польши. Если же советские послы в своих действиях выходили за рамки своих прерогатив, то они немедленно отзывались (например, Г. М. Попов, посол СССР в Польше в 1953–1954 гг.).

Следует также подчеркнуть, что в МИД СССР существовала практика составления для каждого направляемого за границу посла специальных указаний об общих задачах и линии его поведения в стране пребывания. Такие указания для различных послов, естественно, различались по тексту, но во все включались такие положения, как не допускать действий, которые можно было бы толковать как вмешательство во внутренние дела, уважительно и тактично вести себя в общении с местным руководством, подчеркивать равноправие сторон, соблюдать местные законы и обычаи и т. п. Конечно, советские послы в качестве представителей СССР (а в Польше и КПСС, поскольку они традиционно являлись членами ЦК) получали из Москвы различные поручения встретиться с руководством страны, провести беседы по тем или иным вопросам, изложить собственную позицию, узнать мнение польской стороны по какой-нибудь проблеме, договориться о поддержке советских инициатив на международной арене и т. п. Но это является обычной общепринятой во всем мире практикой и не следует ее недобросовестно переиначивать и представлять как навязывание Варшаве идущих вразрез с ее интересами каких-то приказов Москвы. Подобные встречи и беседы посла служили, главным образом, для передачи или получения государственной или дипломатической информации.

Не выдерживает критики и другой миф — миф о какой-то демонической роли советских советников в странах Восточной Европы, включая и Польшу, которые представляются в ка-

¹ *Życie Warszawy*. 1993. 6–7.02.

честве всевидящего контролирующего ока Москвы. При этом как-то забывается, что само направление советников и специалистов до сих пор является вполне обыденным делом в межгосударственных отношениях, что их направление происходит по просьбе приглашающей стороны. Они, как специалисты высокого класса, своими советами (не приказами, а именно советами, следовать которым было необязательно) приносили пользу в решении вопросов хозяйственного, военного и другого строительства. Да, они, естественно, обладали определенной закрытой информацией о положении дел в той или иной политической или производственной сфере страны их нахождения, но этого совсем недостаточно для обвинения их во вмешательстве во внутренние дела, в «массовом внедрении советников», а тем более в представлении их в качестве «одного из главных инструментов создания основ тоталитарного общегосударственного устройства»¹. Всем пишущим на эту тему в последнее время исследователям явно не хватает фактического материала. Как представляется, им прежде всего следовало бы документально доказать, что этот корпус советских советников и специалистов действовал командными методами, своими советами наносил ущерб интересам Польши, а на основании направляемой ими в Москву информации принимались решения, которые навязывались польской стороне, хотя и противоречили ее интересам. Однако никто из исследователей задачей проследить такую цепочку не задавался, поэтому ими не приводится ни одного конкретного примера относительно какого-либо ущерба, нанесенного якобы «некомпетентными» советскими специалистами и советниками интересам Польши или другой страны.

Что касается советско-польских отношений, то они строились на основе равноправных двусторонних договоров и соглашений. В этом можно легко убедиться, ознакомившись с самими договорными актами, большинство которых опубликовано. Когда

¹ *Носкова А. Ф.* Московские советники в странах Восточной Европы (1945–1953) // Вопросы истории. 1998. № 1. В более объективном плане этот вопрос ею же изложен в рецензии, помещенной в журнале «Новая и новейшая история». 2001. № 3.

во второй половине 50-х гг. проходил пересмотр всех договоров СССР со странами народной демократии на предмет выявления фактов неравноправия, то в отношении Польши таких нарушений установлено не было.

Следует отметить, что между СССР и Польшей на государственном или партийном уровне вообще не существовало практики навязывания польской стороне тех или иных решений, правила равноправия соблюдались строго. На деле действовал принцип невмешательства во внутренние дела, какая-либо критика в адрес ПОРП и польского правительства в советских органах массовой информации не допускалась. На этот счет принимались специальные решения ЦК КПСС, за исполнением которых строго следила цензура. Если надо было обратить внимание польской стороны на те или иные негативные явления во внутренней жизни страны, то использовался следующий механизм: польским представителям во время беседы говорилось о том, как аналогичные вопросы решаются в Советском Союзе или в КПСС, но не более того. Выводы должно было делать или не делать само польское руководство. Давать советы руководству другого государства — это никак не означает вмешательство во внутренние дела, тем более на такие советы СССР имел право, его повышенная ответственность «старшего брата» обязывала к этому, поскольку, как правило, за ошибочные экономические и политические решения Варшавы всегда приходилось расплачиваться советской стороне. После каждого кризисного явления (1956, 1968, 1970, 1976, 1980 гг.) в Польшу направлялась срочная помощь (кредиты, займы, поставки зерна, продовольствия и др.), часто безвозмездная. Какая уж тут «оккупация»! Подобная помощь носила, как правило, закрытый характер: в Москве о ней общественность не информировалась, чтобы не смущать не жившее в достатке население СССР, а в Польше сознательно скрывалась, чтобы польское население не знало, что конкретная помощь оказывается именно Советским Союзом. Более того, известны случаи, когда, чтобы снять с себя ответственность за допущенные ошибки, среди польской общественности некорректно распространялись слухи о том, что данное неправильное экономическое решение было принято не польской стороной, а якобы навязано Москвой.

Еще о самостоятельности принятия польской стороной решений по крупным государственным вопросам. Известны случаи, когда такие решения принимались польским руководством вопреки советам Москвы или без ее уведомления. Так, в 1947 г. СССР не был предварительно поставлен в известность о проведении акции «W» («Висла») по выселению украинского населения из юго-западных районов страны, хотя украинский вопрос по вполне понятным причинам был близок советской стороне. В 1950 г. без консультаций с Москвой тогдашнее польское руководство пошло на подписание соглашения с католическим епископатом, что не могло бы иметь места при режиме «оккупации». Москва в середине 70-х гг., в частности, не советовала начинать строительство металлургического комбината «Катовице», справедливо полагая, что при отсутствии в стране железной руды появление еще одного металлургического гиганта не вызывается необходимостью и будет излишним бременем для народного хозяйства страны. Также не был услышан польским руководством совет Москвы не повышать с учетом внутривосточной обстановки в стране цены на мясо в 1976 и 1980 гг. В результате эти акции встретились с серьезным недовольством населения, вызвали забастовки протеста по всей стране и окончились восстановлением предыдущих цен.

О характере существовавших двусторонних отношений может свидетельствовать такой эпизод. Во время одной из советско-польских встреч на высшем уровне в Крыму в конце 70-х гг. Л. И. Брежневом было высказано Э. Гереку беспокойство в связи с состоянием внутривосточной обстановки в Польше. Реакция последнего на это была весьма резкой, он заявил, в частности, что его авторитет в стране и партии настолько высок, что подобные опасения совершенно неосновательны. Такая реакция первого лица дружественного государства заставила советскую сторону на последующей крымской встрече воздержаться от повторного предупреждения, хотя основания для этого были.

Не имела места также «экономическая оккупация» Польши со стороны СССР при навязывании Польше неперспективных форм экономического сотрудничества и торговых связей с СССР. Экономические отношения с СССР были весьма выгодными для

Польша, главным образом в области получения более дешевых, чем на мировом рынке, энергоресурсов (природного газа, нефти, электроэнергии), ряда полезных ископаемых (например, железной руды). Этому способствовали и устанавливаемые на строго определенный период фиксированные цены, не зависящие от колебаний мирового рынка. Когда в 1990 г. был сделан неофициальный, сугубо ориентировочный расчет, то оказалось, что именно Польша, а не СССР получает солидную выгоду от такой формы экономическо-торговых связей.

Советская сторона оказала большую техническую помощь в становлении польской тяжелой промышленности, судостроения, нефтяной, газовой, химической, автомобильной промышленности, в строительстве многочисленных промышленных предприятий (свыше 150 в 1948–1981 гг.). В их число входят, в частности, металлургические комбинаты в Кракове и Катовицах, завод качественных легированных сталей «Варшава», нефтеперерабатывающий комбинат в Плоцке, автозаводы в Варшаве и Люблине, ряд электростанций, метро в Варшаве и т. п. На 1981 г. топливно-сырьевые поставки из СССР составляли 38 % импорта Польши в этой области. Импортные потребности Польши в нефти, газе и чугуне удовлетворялись поставками из СССР на 100 %, нефтепродуктах — на 68 %, железной руды — на 85 %, марганцевой руды на 88 %, хлопка — на 60 %.

С учетом вышеизложенного Польшу, на наш взгляд, в упомянутые годы нет оснований рассматривать как «провинцию империи Сталина». Это был бы противоречащий действительности и сугубо односторонний подход к польской истории. Польша, находясь в советской сфере влияния и под защитой СССР, имела свое лицо как внутри страны, так и на международной арене.

Автор не претендует на то, что его точка зрения, выводы и соображения исчерпывают всю проблематику отношений СССР и Польши. Им преследовалась более скромная цель — привести контраргументы к утвердившемуся в современной польской историографии тезису о «советской оккупации» Польши и подчеркнуть необходимость дальнейших углубленных исследований без изначальной предвзятости и политической тенденциозности.

2. Фальсификации и искажения в современной польской историографии в отношении России и СССР

Итак, завершено краткое изложение наиболее острых проблем в истории российско-польских отношений между двумя мировыми войнами XX столетия. Как можно было убедиться, болевых точек в этой истории предостаточно, они продолжают отягощать нынешние отношения между двумя странами и в определенном смысле — между двумя народами. Сейчас эти события историками и политиками, российскими и польскими, зачастую интерпретируются по-разному. Такое положение, к сожалению, ведет к сохранению взаимного отчуждения, корнями уходящего в далекую и близкую историю. И это несмотря на неоднократные попытки устранить существующие преграды и полюбовно решить все вопросы, которые предпринимались с обеих сторон в разное время политиками, общественными деятелями, представителями культуры, историками. Выявляется удивительная закономерность: как только на определенном отрезке истории возникают объективные обстоятельства, предрасполагающие к примирению и забвению прошлых обид, немедленно, словно по какому-то роковому заклятию, в Польше начинают активизироваться некие могущественные темные силы, стремящиеся любой ценой, не останавливаясь перед клеветой, провокацией, кровопролитием, не допустить такого примирения, подорвать взаимное доверие.

Так было после крушения в России царизма и революции 1917 г., когда возникли объективные условия для установления взаимопонимания. Но разразилась война 1920 г. и отношения снова были отравлены на длительное время. Не сложилось сотрудничество и в годы Второй мировой войны, хотя, казалось бы, обе стороны, являясь участниками одной антигитлеровской коалиции, могли, наверное, договориться по всем спорным вопросам. Но последовали вывод из СССР армии Андерса и Варшавское восстание 1944 г., которое было начато как бы с единственной целью — не допустить польско-советского сближения. В Польше всеми силами до сих пор постоянно поддерживается острота катынской трагедии, тогда как

о смерти сотней тысяч польских граждан, погибших во время войны в гитлеровских концлагерях, в том числе и на территории Польши, постепенно забывается и вспоминается лишь от случая к случаю. Определенные надежды появились после 1945 г., когда и Советский Союз и Польша снова оказались в одном лагере, переросшем впоследствии в оборонительный союз — Организацию Варшавского договора. Однако и эта попытка, по времени довольно продолжительная и даже в отдельных областях плодотворная, в конце концов окончилась неудачей.

Как представляется, современная польская историческая наука, в основе которой издавна прочно утвердилась эгоцентрическая концепция, при характеристике взаимоотношений Польши с Россией и Советским Союзом до сих пор никак не может подняться до элементарной объективности при оценках событий прошлого. Польские историки и публицисты не хотят или не могут признавать приводимые аргументы и продолжают все связанные с Польшей события рассматривать не в масштабах общеевропейской или мировой политики, с учетом комплексного изучения проблем, а исключительно с узко национальных позиций, с точки зрения интересов одной лишь Польши. Подобный подход, когда во главу угла ставят свои интересы и пренебрегают интересами других стран, национальными или коллективными, приводит к искажению, порой значительному, общей картины происходивших событий, к ошибочным заключительным выводам.

Прежде всего такой подход просматривается в оценке отношений с Россией, которой, по сути дела, отказывается в праве иметь и защищать свои собственные национальные интересы, опять-таки ставя их в зависимость от интересов самой Польши. При этом польская историография в своих оценках весьма охотно и некритично абсорбирует любые факты сомнительного свойства, лишь бы только они укладывались в ее концепции и очерняли действия России или СССР. Это приводит к тому, что в польской исторической науке сохраняются самые различные измышления, ложные и надуманные факты, которые продолжают широко использоваться при представ-

лении России и СССР в качестве главных, извечных врагов Польши.

Польская историография, на наш взгляд, содержит немало фактологических фальсификаций, мимо которых ни в коем случае не следует проходить, а, наоборот, необходимо делать все возможное, чтобы показать истинное лицо событий. Только в этом случае можно добиться положительных результатов. Приведем несколько примеров.

1. В течение длительного времени польские, а вслед за ними и некоторые российские историки охотно оперировали якобы имевшим место фактом о том, что И. В. Сталин 5 августа 1944 г. подписал специальный приказ о приостановлении наступления на Варшаву, где в это время было поднято жестоко подавленное впоследствии восстание. Информация о подобном приказе весьма удачно вписалась в выставленное руководителями восстания и иже с ними обвинение советской стороны в сознательном неказании помощи повстанцам, в гибели тысяч поляков и разрушении столицы. Для придания достоверности делалась ссылка на журнал «Большевик» за октябрь 1944 г., в котором якобы и был опубликован упомянутый приказ. Длительное время данный факт принимался за чистую монету и никто не догадался проверить указанный источник публикации. Первыми это сделали польские исследователи¹ и почти одновременно российские², которые поступили весьма просто и результативно: взяли журнал в руки и убедились в том, что данного приказа в указанном номере не существует. Стало также известно, что фальшивка о существовании подобного приказа была подброшена не кем иным, как гитлеровскими спецслужбами в виде листовок, которые осенью 1944 г. распространялись в Кракове, чтобы не допустить советско-польского сближения. Надо полагать, что эта фальшивка теперь уже не будет фигурировать в качестве исторического факта в польских публикациях о Варшавском восстании.

¹ *Brzoza Cz., Sowa A.L. Rzekomy rozkaz Stalina // Polityka. 1994. 24.09.*

² *Ольгвик П., Пушкарева Л. Приказ Сталина был сфальсифицирован немецкой разведкой // Российские вести. 1994. 18 окт.*

2. Также обычной фальшивкой оказалась на деле и информация, попавшая в работы некоторых польских и российских историков о том, что в марте 1940 г. в Кракове между представителями НКВД и гестапо якобы было заключено соглашение о сотрудничестве в борьбе против польского патриотического подполья. Здесь также сказалось стремление недобросовестных исследователей принимать на веру всякую непроверенную информацию, лишь бы найти повод обвинить советскую сторону в сотрудничестве с гитлеровской Германией. В этих целях любая «липа» идет в ход.

Но вот появляется специально посвященная упомянутой встрече в Кракове¹ статья российского историка О. В. Вишлёва, который на основании документов германского фонда им. А. фон Гумбольта в Бонне доказал, что на этой встрече обсуждались лишь технические вопросы, связанные с эвакуацией беженцев. К статье был приложен и текст соглашения.

3. Подобная участь постигла и очередную историческую фальсификацию в связи с событиями в Кельцах 4 июля 1946 г. Речь идет о еврейском погроме. Уж чего только не наговорили в польской центральной печати в 50-ю годовщину этого события. Но почти все сходились в том, что это было делом рук советской разведки. Так, еженедельник «Солидарность» от 5 июля 1996 г. отмечал: «На четверг 4 июля с. г. приходится 50-я годовщина позорного келецкого погрома, организованного по инициативе НКВД руками людей из коммунистических органов». «Газета польска» от 4 июля 1996 г. бездоказательно писала, что согласие на погром было получено в Москве, в Кремле, и что, несомненно, «не обошлось без Сталина и Берии». Для придания достоверности такой версии даже сообщали имена советских организаторов погрома — неких Михаила Демина и подполковника НКВД Шпилевого.

После этого в Польше, как в истинно демократической стране, по требованию широкой общественности началось офици-

¹ *Вишлёв О.* Краковский протокол 1940 г. Было ли «антипольское соглашение» между НКВД и гестапо? Из германских архивов // Новая и новейшая история. 1995. № 5.

альное следствие. Как оно велось и было ли подтверждено наличие «руки Москвы» в этом деле, для «широкой общественности» так и осталось неизвестным. В 2005 г. следствие было под благодарным предлогом свернуто по инициативе отделения Института национальной памяти в Кракове, а прокурор К. Фалькевич, который вел дело, заявил журналистам:

«Мы не нашли оснований для обвинения кого-либо. Нет доказательств и возможностей для дальнейших поисков и продолжение следствия не имело смысла. Институт национальной памяти был не в состоянии разыскать непосредственных участников погрома, не мог обвинить тогдашних начальников органов безопасности и милиции за принятие ошибочных решений, поскольку их уже не было в живых. Отсутствуют также достаточные доказательства для подтверждения версии о провокации»¹.

Из других источников стало известно, что в действительности истинными организаторами были связанные с Армией крайовой оппозиционные силы, которые ориентировались на так называемое польское правительство в эмиграции².

Перечисленные «конфузы» польской историографии заставляют нас усомниться в обоснованности и других обвинений, выдвигаемых в адрес политики России в отношении Польши. В свете разоблаченных фальсификаций все эти обвинения нуждаются в основательной перепроверке. Как представляется, следовало бы в первую очередь разобраться с обвинениями в адрес России по следующим событиям.

Из истории XVIII в.: действительно ли А. В. Суворовым была учинена «резня» мирного населения при взятии Варшавы в 1794 г., как это утверждается в польской историографии. Из истории XX в.: действительно ли с помощью Москвы были фальсифицированы в Польше результаты референдума 30 июня 1946 г., большинство участников которого поддержало демокра-

¹ Gazeta Wyborcza. 2005. 4.03.

² См.: Архивы еврейской истории. 2008. Т. 5.

тизацию страны и новые границы. Это был переломный момент истории Польши, означавший поражение польской внутренней и внешней оппозиции. Именно поэтому нынешние польские историки сразу же объявили результаты референдума не соответствующими действительности, не приведя этому никаких доказательств, а советская сторона, как не раз уже случалось, была обвинена в непосредственной фальсификации итогов референдума. Однако начнем по порядку.

В 1794 г. русские войска под командованием А. В. Суворова штурмом взяли предместье Варшавы — Прагу, по всем статьям разбив оборонявший гарнизон. Проигравшая сражение польская сторона, чтобы умалить победу русской армии, стремилась всячески опорочить ее действия. В результате в польской историографии и художественной литературе это сражение трактуется не иначе как «Резня на Праге». Российская сторона обвиняется в том, что после овладения правобережной Варшавой Суворов якобы приказал солдатам истребить все мирное население предместья. Цель одна — очернить действия Суворова и опорочить значение его победы над поляками, одержанной по всем правилам военного искусства.

При ознакомлении с архивными документами того времени обнаружили весьма знаменательные факты. Оказалось, например, что городские власти Варшавы встретили русского полководца хлебом и солью, вручили ему ключи от города и выразили благодарность за то, что он приказал выставить заслоны на мостах через Вислу и тем самым предотвратил традиционное в те времена разграбление и другие возможные бесчинства со стороны своих солдат. Отцы города также торжественно преподнесли российскому полководцу золотую табакерку с благодарственной надписью «Варшава — избавителю своему». Такая вот получается картина, существенно отличающаяся от той, которая сейчас продолжает навязываться в польской историографии. Думается, что поляки тех лет лучше понимали сложившуюся ситуацию и более объективно оценили все действия А. В. Суворова. Следует напомнить, что польская сторона не была одинока в очернении действий Суворова. В то время из зависти (не проиграл ни одного сражения) или по каким-либо другим причинам в Европе, особен-

но среди австро-венгерского генералитета, было распространено пренебрежительное мнение о его военном таланте, больше всего его обвиняли в том, что он не знает военного дела и воюет «не по правилам»¹.

Что касается референдума 30 июня 1946 г., то здесь также возникают большие сомнения в правдивости распространяемой в настоящее время польскими и некоторыми советскими историками версии о том, что результаты этого референдума были сфальсифицированы при участии советской стороны. При этом с подачи сотрудника небезызвестного «Мемориала» называется даже фамилия представителя МГБ, который якобы «помогал» извратить результаты, — руководителя одного из отделов некоего Арона Палкина. Здесь настораживают обычно присутствующие при фальсификациях такого рода обвинения в адрес Москвы. Чтобы сфальсифицировать выборы, нет большой необходимости приглашать иностранного «специалиста». Все эти сведения, естественно, нуждаются в тщательной проверке. А пока достоверность данного факта не может в солидных исторических исследованиях преподноситься как истина в последней инстанции².

В отношениях с Польшей XX в., кроме вышеперечисленных, существует целый ряд крупных событий, которые историками обеих стран оцениваются по-разному. В этот список можно включить советско-польскую войну 1919–1920 гг., военную кампанию 1939 г., вывод армии Андерса из СССР в 1942 г., деятельность Армии крайовой, Варшавское восстание 1944 г. и целый ряд других. Их объективное выяснение, несомненно, положительно сказалось бы на состоянии взаимоотношений как по государственной, так и по общественной линии.

При этом выявляется одна существенная деталь. Почти во всех российско-польских исторических спорах речь обычно идет об обвинениях только одной польской стороны, выдвигаемых ею в адрес России. Вместе с тем много претензий нако-

¹ Иванов Ю. Миф о «Варшавской резне» // Российские вести. 2009. 18 фев.

² Польша в XX веке: Очерки политической истории. М., 2012. С. 512–513.

пилося к самой Польше и у нас, и у пограничных с Польшей стран. Сейчас большое значение приобретает кропотливая совместная работа по устранению имеющихся необъективностей в нынешнем изложении в различных странах истории Восточной и Центральной Европы. В этой связи представляется весьма конструктивной сравнительно недавно выдвинутая инициатива польского исследователя Я. Трубусевича. Он предложил начать с того, чтобы совместно с учеными соседних с Польшей стран подготовить специальный сборник, в котором были бы высказаны имеющиеся взаимные претензии в историческом плане, а затем совместно работать по устранению необъективных суждений и мнений¹. Знаменательно, что его призыв, к сожалению, не нашел поддержки среди польских историков, однако до сих пор несколько не утратил своей актуальности.

Автор, излагая в данной работе свой взгляд на исторические события, стремился всегда сохранять объективность, указывать, где, по его мнению, имели место неправильные, ошибочные шаги представляемой им стороны. Насколько это удалось, судить читателю.

Приходится, к сожалению, констатировать, что все предложенные историей в XX в. возможности к сближению и примирению обеих стран оказались безуспешными и не привели к ожидаемым результатам. Может быть, смеем надеяться, XXI в. вызовет Россию и Польшу из порочной круговерти, к чему всегда стремились лучшие умы обоих народов, а сейчас продолжают надеяться все люди, честно заинтересованные в установлении между странами и народами благожелательных, нормальных отношений, свободных от прежних предубеждений и предрассудков.

¹ *Trubusiewicz J. Wspólna historia. Szanse i odpowiedzialność // Gazeta wyborcza. 1994. 3.02.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Д'Абернон Эдгар-Винсент, лорд (1857–1941) — британский политик и дипломат, в 1920-е гг. посол Великобритании в Германии. В 1920 г. находился в Варшаве, свои впечатления о советско-польской войне изложил в книге *The Eighteenth Battle of World History*. London, 1931; см. также «Посол мира». Страницы из дневника лорда д'Абернона. М.: ОГИЗ, 1931. Т. 1–2.

Андерс Владислав, генерал (1892–1970) — родился в семье прибалтийского барона, в 1914 г. после окончания Пажеского корпуса в Петербурге был на фронте в чине прапорщика, в октябре 1917 г. окончил ускоренные курсы военной академии в Петрограде. Выехал в Польшу, вступил в немецкую, затем в польскую армию, среди офицерского корпуса не пользовался безупречной репутацией. Участвовал в советско-польской войне 1919–1920 гг., в военную кампанию 1939 г. был взят в плен. Командующий польской армией в СССР (1941–1942), сторонник ее вывода на Ближний Восток. После окончания Второй мировой войны обосновался в Великобритании. Автор «Мемуаров (1939–1946)».

Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1938) — советский государственный и военный деятель, дипломат. Родился в офицерской семье, окончил Военно-инженерную школу, в чине подпоручика служил в Варшаве, вступил в РСДРП, один из организаторов неудавшегося вооруженного восстания

в Пулавах (Польша). В 1917 г. возвратился из-за границы в Россию, активный участник Октябрьской революции, член коллегии наркомата по военным и морским делам. В октябре 1918 г. находился в Берлине. В период Гражданской войны командовал украинским фронтом, был наркомом военных дел Украины. Затем на дипломатической работе. В частности, был полпредом СССР в Польше (1930–1934) и генеральным консулом СССР в Барселоне (1936–1937). Оставил воспоминания: «Записки о гражданской войне». М., 1924–1931. Т. 1–4; «В семнадцатом году». М., 1933; «В революции». М., 1957; «Строительство Красной Армии в революции». М., 1923.

Аралов Семен Иванович (1880–1969) — советский дипломат. В социал-демократическом движении с 1903 г. В годы Гражданской войны находился на политработе в Красной армии, был членом РВС Республики. В 1918–1920 гг. — начальник регистрационного (разведывательного) управления Полевого штаба РВС. В 1920–1921 гг. — полпред РСФСР в Литве, в 1921–1923 гг. — в Турции, а в 1923–1925 гг. — в Латвии. В 1925–1927 гг. — член коллегии НКВД СССР, с 1927 г. — заведующий иностранным отделом ВСНХ СССР. С 1938 г. — зам. директора, директор Государственного литературного музея. В 1941 г. ушел добровольцем на фронт. В 1946–1957 гг. — на партийной работе.

Аркадьев Михаил Павлович (1896–1937) — советский дипломат. В 1924–1929 гг. — 1-й секретарь полпредства СССР в Польше, советник в Латвии, в 1930–1931 гг. — управляющий делами НКВД СССР, с 1932 г. — член коллегии наркомата просвещения, директор МХАТ.

Аскенази Шимон (1866–1935) — профессор Львовского университета, историк и дипломат. В 1920–1923 гг. — посланник, польский представитель в Лиге Наций. По своим политическим взглядам был близок к лагерю Пилсудского. Наиболее значимые исследования: «Князь Юзеф Понятовский» (1904), «Лукасинский» (1908), «Два века: XVIII и XIX» (1910), «Наполеон и Польша» (1918–1919).

Бек Юзеф (1894–1944) — польский государственный деятель, полковник, адъютант Пилсудского, дипломат. В 1922–1925 гг. — военный атташе во Франции, в 1926–1930 гг. — начальник канцелярии военного министра, в 1930 г. — заместитель министра, а в 1932–1939 гг. — министр иностранных дел, представлял Польшу в Совете Лиги Наций. Проводил политику балансирования между Германией и западными державами. В 1939 г. отклонил советское предложение о заключении пакта о взаимопомощи на случай нападения на Польшу гитлеровской Германии. В том же 1939 г. отверг ультиматум Берлина о передаче Данцигского коридора, что послужило непосредственным поводом для нападения Германии на Польшу. В сентябре 1939 г. вместе с другими высшими представителями страны перешел в Румынию, где в 1944 г. умер.

Бенуа Леонтий Николаевич (1856–1928) — архитектор, ректор Императорской академии художеств, продолжал традиции классицизма. Создатель православного собора Александра Невского, возведенного в 1912 г. на Саксонской площади в Варшаве, разрушенного польской стороной в 1920-х гг. Является также автором здания в Москве на Кузнецком мосту, в котором находился НКВД, а затем МИД СССР. В 1927 г. один из первых получил звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР».

Бёрнер Игнацы (1875–1933) — полковник, польский государственный деятель, легионер. В 1919 г. в качестве доверенного лица Ю. Пилсудского информировал советскую сторону о том, что польские войска в ближайшее время не намерены продвигаться на восток. Это позволило большевикам перебросить значительные силы на южный фронт и одержать победу над Деникиным. В 1924–1925 гг. — военный атташе в Москве. В 1929–1933 гг. — министр почт и телеграфов.

Беседовский Григорий Захарович (1896–1963) — на дипломатической работе с 1920 г., в 1922 г. — заведующий консульским отделом полпредства УССР в Австрии, в 1922–1925 гг. — первый секретарь полпредства УССР, затем советник полпредства

СССР в Польше, в 1926–1927 гг. — советник полпредства в Японии, а с 1927 г. — во Франции. В 1929 г. бежал из полпредства, сотрудничал в эмигрантской печати, с 1930 г. издавал газету «Борьба». В годы Второй мировой войны участвовал во французском Сопротивлении, был арестован. Автор воспоминаний «На пути к термидору».

Богомолов Дмитрий Васильевич (1890–1937) — советский дипломат. На дипломатической работе с 1920 г. В 1920–1922 гг. — заведующий информбюро НКВД РСФСР в Одессе, заведующий отделом печати НКВД Украины, секретарь представительства УССР в Москве, в 1922–1923 гг. — первый секретарь полпредств УССР в Австрии и Германии, в 1927–1929 гг. — полпред СССР в Польше, в 1933–1937 гг. — в Китае.

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — в прошлом народовец, приобрел известность как издатель историко-революционной литературы и борец с провокациями среди революционеров. В 1917 г. выступил с обвинениями против большевиков в деятельности в пользу Германии, поддержал выступление Корнилова, резко критиковал Керенского. С 1918 г. — в эмиграции, с 1920 по 1933 г. издавал в Париже газету «Общее дело», ставшую рупором Деникина, затем Врангеля, которая призвала к объединению русского зарубежья в борьбе против Советской России.

Бурцев являлся заместителем председателя Русского национального комитета — эмигрантского объединения, созданного в декабре 1921 г. и формально действовавшего в Париже до 1937 г. Комитет заявлял о непризнании территориальных статей Рижского мирного договора с Польшей 1921 г., а также о недопустимости участия русских частей в составе польской армии в борьбе с большевизмом.

Василевский Леон (1870–1936) — польский политический деятель, теоретик Польской социалистической партии, близкий сподвижник Ю. Пилсудского, легионер, публицист, историк, дипломат. В 1918–1920 гг. — министр иностранных дел,

в 1920 г. — посланник в Эстонии, заместитель председателя польской делегации на мирных переговорах с Советской Россией в Риге. Редактор органа партии «Пшедсвит» («Заря»), автор изданий «Литва и Беларусь» (1912) и «Украинский национальный вопрос» (1925), «Очерки истории ППС» (1925), «Национальный вопрос в теории и жизни» (1929).

Вейган Максим (1867–1965) — французский армейский генерал, участник Первой мировой войны, в 1920 г. — глава французской военной миссии в Польше, участвовал в разработке плана по нанесению контрудара против Красной армии, решившего исход советско-польской войны. В 1940 г. — министр национальной обороны и верховный главнокомандующий правительства Виши. В 1942–1945 гг. — в германской тюрьме. После освобождения Франции предан военному суду по обвинению в измене, в 1948 г. оправдан.

Войков Петр Лазаревич (1888–1927) — участник революционного движения в России, дипломат. С 1907 по 1917 г. — в эмиграции, в 1920–1924 гг. — член коллегии НКВД РСФСР, в 1921–1922 гг. — председатель советской делегации в смешанной советско-польской комиссии по реэвакуации. В 1922 г. был назначен официальным агентом (представителем) в Канаде, однако британское правительство отказало ему в акредитации по причине его участия в убийстве царя и царской семьи. С октября 1924 г. — полпред СССР в Польше. В июне 1927 г. убит в Варшаве выходцем из России Б. Ковердой, похоронен на Красной площади в Москве.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — барон, генерал-лейтенант (1918), один из руководителей Белого движения на Юге России. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В апреле 1920 г. на военном совете был избран вместо Деникина главнокомандующим Русской армией Юга России. После поражения в Крыму в ноябре 1920 г. со значительной частью армии эвакуировался за границу. В 1921–1927 гг. жил в г. Сремски Карловице в Сербии. Представлял правое крыло русской эми-

грации, был создателем в 1924 г. Русского общевоинского союза (РОВС). Автор воспоминаний (Белое дело. Берлин, 1928. Ч. 1–2; Воспоминания генерала барона Врангеля. М., 1992. Т. 1–2).

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — российский государственный деятель, министр внутренних дел (1895–1899), председатель Совета министров в 1906, 1914–1916 гг.

Грабский Владислав (1874–1938) — профессор, экономист, политический деятель, премьер-министр Польши в 1920, 1923–1925 гг.

Давтян (Давыдов) Яков Христофорович (1888–1938) — советский дипломат. В 1908–1917 гг. — в эмиграции. На дипломатической работе с 1919 г., в 1920–1921 гг. — 1-й секретарь советского полпредства в Эстонии, одновременно начальник иностранного отдела ВЧК. В 1922 г. — полпред РСФСР в Литве, в 1924 г. — полпред в Тувинской республике, в 1925–1927 гг. — советник полпредства СССР во Франции. Полпред СССР в Иране (1927–1930), в Греции (1932–1934) и в Польше (1934–1937). Был женат на оперной певице Марии Максаковой.

Дашиньский Игнацы (1866–1936) — польский политический и государственный деятель, член ППС, публицист. Премьер-министр и министр иностранных дел Временного правительства в Люблине (ноябрь 1918 г.), подал в отставку и передал власть Ю. Пилсудскому. Депутат Сейма в 1919–1936 гг., вице-премьер в 1920–1921 гг., в 1928–1930 гг. — маршал Сейма. Поддержал переворот Ю. Пилсудского в 1926 г., но в 1929 г. перешел в оппозицию.

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант, окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. После Февральской революции вместе с Корниловым бежал на Дон, где вскоре был назначен командующим Добровольческой армией. В декабре 1918 г. стал главнокомандующим Вооруженными силами Юга России и заместителем Верховного правителя Рос-

сии адмирала Колчака. После провала наступления на Москву в марте 1920 г. сдал командование генералу Врангелю и выехал за границу. С 1926 г. проживал во Франции, состоял членом РОБС. В 1946 г. выехал в США, где вскоре умер.

В 1939 г. выступил с обращением не поддерживать фашистскую Германию в случае ее войны с СССР. В 1946 г. обратился с письмом к президенту США Г. Трумэну, в котором развивает мысль о необходимости борьбы с большевизмом, как представляющем угрозу миру, при сохранении при этом суверенитета и территориальной целостности России.

По политическим взглядам примыкал к кадетам, выступал за буржуазно-парламентскую республику в России. При переговорах в 1919 г. с польской стороной, несмотря на свое благожелательное расположение к полякам и Польше (его мать была по национальности поляк), придерживался позиции, что территориальный вопрос между двумя странами правомочно решать только будущее Учредительное собрание. Такая позиция не устраивала поляков, которые в решающий момент наступления Добровольческой армии на Москву отказались от взаимодействия, что, по сути дела, предопределило ее поражение.

Останки А. И. Деникина были перевезены из США в Россию и в октябре 2005 г. перезахоронены в некрополе Донского монастыря в Москве.

А. И. Деникин является автором мемуаров о Гражданской войне — «Очерки русской смуты». Париж; Берлин, 1921–1926 гг. Т. 1–5.

Держинский Феликс Эдмундович (1877–1926) — советский партийный и государственный деятель. В 1917–1922 гг. — председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), одновременно нарком внутренних дел (1919–1923), председатель ГПУ-ОГПУ (1922–1926), с 1924 г. — одновременно председатель ВСНХ.

В июле 1920 г. в разгар наступлении Красной армии на Варшаву являлся членом составленного из польских коммунистов Временного революционного комитета Польши, преобразованного во временное польское правительство.

Дмовский Роман (1864–1939) — польский политический деятель, создатель и руководитель партии Национальная демократия (эндеция), министр иностранных дел (1923).

Ендриховский Стефан (1910–1996) — польский государственный и партийный деятель, получил экономическое и юридическое образование. В 1951–1956 гг. — вице-премьер, в 1956–1958 гг. — председатель комиссии планирования при Совете министров, в 1968–1971 гг. — министр иностранных дел, а в 1971–1974 гг. — министр финансов. Член Политбюро ЦК ПОРП в 1951–1956 гг.

Жеромский Стефан (1864–1925) — польский писатель. Романы «Бездомные» (1900), «Пепел» (1903), «Краса жизни» (1912), «Канун весны» (1924), новеллы, драмы.

Иден Антони, лорд Эйвон (1897–1977) — британский государственный деятель, дипломат, консерватор. Премьер-министр в 1955–1957 гг., министр иностранных дел в 1935–1938, 1940–1945, 1951–1955 гг., в 1939–1940 гг. — министр по делам колоний. С 1961 г. — член палаты лордов. Принимал участие в заключении советско-английского соглашения 1941 г. о совместных действиях в войне против Германии и советско-английского договора 1942 г. о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Участвовал в работах Тегеранской (1943), Крымской (1945) и Берлинской (1945) конференций руководителей трех союзных держав.

Извольский Александр Петрович (1856–1919) — русский государственный деятель, дипломат. Посланник в Сербии (1897), Токио (1899–1903) и Дании (1903–1906), министр иностранных дел в 1906–1910 гг. Посол в Париже в 1910–1917 гг., способствовал консолидации стран Антанты. В мае 1917 г. вышел в отставку, остался во Франции, выступал в поддержку иностранной интервенции против Советской России, в 1919 г. был членом быстро распавшегося эмигрантского Русского поли-

тического совещания во главе с первым председателем Временного правительства князем Львовым.

Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) — советский политический и государственный деятель, дипломат. В 1918 г. — председатель, затем член советской делегации на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске, стоял на позициях Троцкого — «ни мира, ни войны». В 1918 г. — полпред в Германии, выслан из Германии вместе со всем составом полпредства по обвинению во вмешательстве во внутренние дела, в 1919 г. — член Совета обороны и нарком госконтроля Украины. В 1920 г. — председатель советских делегаций на переговорах о мире с Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей. В 1922–1924 гг. — представитель СССР в Китае, в 1924–1925 гг. — полпред в Австрии. С 1925 г. — зам. председателя Главного концессионного комитета СССР.

Калина (наст. Айзенбах) Игнатий Петрович (1884–1938) — в 1926–1933 гг. — генеральный консул в Данциге, в 1933–1935 гг. — уполномоченный НКВД СССР при правительстве Украины, в 1935–1937 гг. — уполномоченный НКВД СССР при правительстве Белоруссии.

Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) — советский военный деятель, командарм 1 ранга (1935), окончил Академию генштаба (1907), участник Первой мировой войны, член ВКП (б) с 1930 г. Главнокомандующий Вооруженными силами Республики (1919–1924), руководил операциями в советско-польской войне 1919–1920 гг., считался ответственным за поражение в войне. В дальнейшем на руководящих должностях в наркомате по военным и морским делам. Один из руководителей так называемой новой оппозиции (1925).

Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889–1937) — советский государственный деятель, дипломат. В 1917–1918 гг. был членом и секретарем советской делегации на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске. С 1918 г. — член коллегии Наркоминдела, заместитель наркома иностранных дел.

В 1921–1922 гг. — полпред СССР в Польше, в 1923–1927 гг. — полпред в Китае, в 1934–1937 гг. — в Турции.

Керзон Джордж Натаниэл (1859–1925) — маркиз, британский государственный деятель, консерватор. В 1899–1905 гг. — вице-король Индии. В 1919–1924 гг. — министр иностранных дел. Враждебно относился к Советской России. 11 июля 1920 г. в разгар наступления Красной армии на Варшаву направил правительству РСФСР ноту с предложением заключить перемирие между Польшей и Советской Россией и немедленно приостановить военные действия. Указанная в ноте утвержденная Антантой черта разделения войск получила в дальнейшем название «линия Керзона». Эта линия с некоторыми изменениями в пользу Польши положена в основу советско-польского договора о границе от 16 августа 1945 г. Известен также своим ультиматумом, содержащимся в ноте советской стороне от 8 мая 1923 г., в которой в грубой форме предъявлялся ряд требований, означавших, по сути дела, вмешательство во внутренние дела СССР.

Киселевский (псевдоним «Кисель») Стефан (1911–1991) — писатель, публицист, композитор, литературный и музыкальный критик. Продолжительное время сотрудничал с католическим еженедельником «Тыгодник повсехны».

Коверда Борис (1907–1987) — белорусский белоэмигрант, польский гражданин, в 1927 г. на железнодорожном вокзале в Варшаве убил полпреда СССР П. Л. Войкова, осужден на 10 лет тюремного заключения, выпущен досрочно по общей амнистии, выехал в Югославию, в 1939–1944 гг. находился с семьей в Польше, выехал в США в 1952 г., получил американское гражданство.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — российский военачальник, полярный исследователь, адмирал (1918), по национальности крымский татарин. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1916–1917 гг. командовал Черноморским флотом. Один из организаторов Белого движения в Граждан-

скую войну. В 1918–1920 гг. — Верховный правитель Российского государства, установил режим военной диктатуры в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. К осени 1919 г. после наступления Красной армии потерпел поражение. По приказу главы союзнической миссии генерала Жанена передан чехословаками эсерам и меньшевикам, а те, в свою очередь, выдали его большевикам. Расстрелян по постановлению Иркутского ВРК.

Коморовский («Бур») Тадеуш (1895–1966) — польский генерал. Главный комендант (командующий) Армии крайовой с июля 1943 г. Несет ответственность за принятие решения о начале Варшавского восстания 1 августа 1944 г. 2 октября 1944 г. подписал с германской стороной акт о капитуляции. После окончания Второй мировой войны оказался на Западе, в 1947–1949 гг. — премьер польского правительства в изгнании в Лондоне, в 1949–1954 гг. — член Политического совета, с 1956 г. — член Совета трех (руководящий орган польской эмиграции).

Написал воспоминания: издание на английском языке *The Secret Army*. London, 1950; на польском — *Armia podziemna*. London, 1951.

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) — историк, публицист, политический деятель, участник революции 1905–1907 гг. С 1906 г. — один из руководителей Польской социалистической партии — левицы. Участник Октябрьской революции. С 1918 г. — член ВКП (б). В 1921 г. — секретарь ЦК КП (б) Украины. В 1922–1923 гг. — секретарь Исполнительного комитета Коминтерна. В 1931–1933 гг. — председатель Всесоюзного радиокomiteта. Автор монографий по истории революционного движения.

Копп Виктор Леонтьевич (1880–1930) — участник революционного движения в России, советский дипломат. Социал-демократ с 1900 г., выступал за примирение большевиков и меньшевиков, сотрудничал с Троцким, являлся редактором его газеты «Правда», выходящей в Вене. Участник Первой мировой войны, в 1915–1918 гг. находился в плену в Германии. Вступил в большевистскую партию (1918). В 1919–1921 гг. — уполномо-

моченный НКВД РСФСР в Германии, в декабре 1922 г. — зам. председателя советской делегации на Московской конференции по сокращению вооружений, в 1923–1925 гг. — уполномоченный НКВД СССР при СНК РСФСР, член коллегии НКВД СССР, курировал польские дела. В 1925–1927 гг. — полпред СССР в Японии, в 1927–1930 гг. — в Швеции.

Костюшко Тадеуш (1746–1817) — генерал, национальный герой Польши. Руководитель Польского восстания 1794 г. Был ранен в бою и взят в плен русскими войсками, заключен в Петропавловскую крепость, отпущен Екатериной II на свободу в 1796 г. под честное слово, что не будет воевать против России, слово свое сдержал. Участник войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. Умер в Швейцарии, прах покоится в Кракове.

Кухажевский Ян (1876–1952) — профессор, по образованию историк и юрист, польский политический деятель. В ноябре 1917 г. в период немецкой оккупации возглавил марионеточное правительство, которое в феврале 1918 г. подало в отставку.

Кухарский Владислав (1884–?) — политический деятель, в 1923 г. назначен министром промышленности и торговли.

Ланге Оскар (1904–1965) — экономист, профессор, дипломат, деятель Польской социалистической партии (1927–1947), член ПОРП с 1948 г. В 1937 г. эмигрировал в США. Во время Второй мировой войны — в США, в 1945 г. вернулся в Польшу. В мае 1944 г. приезжал в СССР, в частности, инспектировал детские дома с польскими детьми и дал положительную оценку. Был принят И. В. Сталиным. В 1945–1947 гг. — посол Польши в США, в 1947 г. — представитель Польши в ООН и СБ. Умер в лондонской больнице после неудачной операции. Автор монографии «Политическая экономия» (1959).

Лебедев Виктор Захарович (1900–1968) — советский дипломат, на дипломатической работе с 1940 г., в 1940–1941 гг. — советник полпредства СССР в Югославии, в 1943–1945 гг. — посол

СССР при союзных правительствах в Лондоне (в том числе при польском правительстве), в 1945–1951 гг. — посол СССР в Польше, в 1951–1954 гг. — посланник, а в 1954–1958 гг. — посол СССР в Финляндии, в 1960–1965 гг. — ректор Высшей дипломатической школы МИД СССР.

Ледницкий Александр (1866–1934) — российский и польский общественный и политический деятель. В 1904 г. — во главе польского либерального Прогрессивно-демократического союза. Член российской Государственной думы первого созыва, союзник партии кадетов, В апреле 1918 г. находящееся в Варшаве Временное правительство образовало так называемую Ликвидационную комиссию во главе с Ледницким, которая должна была заниматься передачей российской собственности в польские руки. В Польше не смог включиться в политическую жизнь, так как считался настроенным чересчур пророссийски. Покончил жизнь самоубийством.

Логановский Мечислав Антонович (1895–1938) — уроженец г. Кельцы (Польша), поляк по национальности, член Польской социалистической партии с 1914 г. Участник Октябрьской революции 1917 г. Окончил первые Московские курсы красных командиров, участник Гражданской войны, начальник и комиссар разведки 15-й армии. С 1921 г. — на дипломатической работе. В 1921–1923 гг. — представитель РСФСР в Варшаве, в 1923–1925 гг. — секретарь представительства СССР в Австрии, в 1925–1927 гг. — руководитель Политотдела и член коллегии НКВД. В 1927–1931 гг. — советник посольства в Иране, в 1934–1937 гг. — зам. наркома внешней торговли, с апреля 1937 г. — зам. наркома пищевой промышленности. Репрессирован.

Леньский (Лещиньский) Юлиан (1889–1937) — деятель рабочего движения, публицист. Генеральный секретарь ЦК компартии Польши. Репрессирован.

Майский (наст. Ляховецкий) Иван Михайлович (1884–1975) — дипломат, историк. На дипломатической работе с 1922

по 1947 г. в 1922–1923 гг. — заведующий отделом печати НКВД РСФСР, в 1929–1932 гг. — полпред в Финляндии, в 1932–1943 гг. — полпред (с 1941 г. — посол) в Великобритании, одновременно в 1936–1939 гг. — представитель СССР в комитете по невмешательству в испанские дела, в 1943–1946 гг. — зам. народного комиссара (с 1946 г. — министра) иностранных дел, председатель Межсоюзнической репарационной комиссии в Москве. В 1947–1968 гг. — на научной работе в Институте истории, а в 1968–1975 гг. — в Институте всеобщей истории АН СССР. В 1953–1955 гг. находился под арестом, реабилитирован. Член Академии наук СССР (1946). Автор ряда работ по проблемам международного рабочего движения, истории ряда зарубежных стран и внешней политики СССР. Автор изданий: Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1974; Дневник дипломата. Кн. 1. 1934–1939. М., 2006. Кн. 2. 1939–1941. М., 2009; Избранная переписка с иностранными корреспондентами, 1916–1975. М., 2011. Кн. 1, 2.

Мархлевский (Карский) Юлиан Юзефович (1866–1925) — политический деятель, публицист, один из организаторов и руководителей социал-демократии Польши и Литвы, группы «Спартак» в Германии. Участник революции 1905–1907 гг. (Варшава). Один из создателей Коминтерна. Сотрудник НКВД. В октябре 1918 г. назначен дипломатическим представителем РСФСР в Польше, но в связи с самороспуском Регентского совета в Польшу не выехал. Тем не менее он частным образом оказался в Варшаве, однако местные власти его полномочия признать отказались. Председатель Временного революционного комитета Польши в Белостоке (июль–август 1920 г.). Инициатор создания МОПР, председатель его ЦК. С 1922 г. — ректор Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, член Коммунистической академии. Работы по истории революционного движения.

Матушевский Игнацы (1891–1946) — польский политик, сторонник Пилсудского, полковник. Во время Первой мировой войны служил в русской армии, деятель Польской военной ор-

ганизации (POW) на Украине, в 1918 г. — член Военного союза поляков в России. С октября 1919 г. — начальник 2-го (разведывательного) отдела Генштаба. В 1920–1923 гг. — начальник 2-го отдела верховного командования польской армии («Двуйка»). В 1924 г. — военный атташе в Риме, в 1926–1928 гг. — директор департамента МИД, в 1928–1929 гг. — посланник в Венгрии, в 1929–1931 гг. — министр финансов, с 1932 г. занимался журналистикой. После нападения Германии в 1939 г. возглавил эвакуацию польского золота через Румынию в Лондон. Противник В. Сикорского, выступал против соглашения польского правительства с СССР и против сближения Советского Союза с США, куда он выехал в 1941 г.

Жена — Х. Конопацкая — первая польская олимпийская чемпионка (Амстердам, 1928). Дочь — Ева, расстреляна немцами во время Варшавского восстания в 1944 г.

Автор издания *Wybór pism. Kulisy historii Polski (1941–1946)*. Rzeszów, 1991.

Мосътицкий Игнацы (1867–1946) — профессор химии. Президент Польской Республики в 1926–1939 гг. В конце 1939 г. из Румынии перебрался в Швейцарию, где вместе с семьей оставался во время войны. Урна с его прахом перезахоронена в 1993 г. в Варшаве.

Окулицкий Леопольд (1898–1946) — генерал, последний комендант Армии крайовой. Осенью 1944 г. был направлен из Лондона в Польшу с задачей не допустить полной деконспирации АК перед советскими властями и создать новую тайную организацию «Независимость» («Не»). В марте 1945 г. советской разведкой была арестована группа руководства АК, включая Окулицкого, в июне 1945 г. над ними в Москве состоялся суд, который приговорил Окулицкого к 10 годам тюремного заключения. Умер в тюрьме.

Орлеманьский Станислав (1889–1960) — католический священник, общественный деятель польской эмиграции в США, председатель Польской патриотической лиги им. Костюшко, сторонник сотрудничества Польши и СССР в борьбе против фа-

шистской Германии. В 1944 г. был в СССР для установления контактов с Союзом польских патриотов, положительно отзывался о состоянии детских садов для польских детей. Был принят И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, Сталин уговаривал его вернуться в послевоенную Польшу, но получил отказ со ссылкой на возраст и состояние здоровья.

Осубка-Моравский Эдвард (1909–1997) — польский государственный деятель, председатель ЦИК Польской социалистической партии. Председатель Польского комитета национального освобождения (1944), премьер-министр Временного правительства, министр иностранных дел (1945), премьер-министр Временного правительства национального единства (1945–1947). Выступал против объединения Польской социалистической партии с Польской рабочей партией, в 1948 г. был исключен из партии, после чего не играл какой-либо значительной роли в государственной и политической жизни страны. С 1990 г. — председатель Временного ЦИК возрожденной Польской социалистической партии. Автор воспоминаний.

Падеревский Игнацы-Ян (1860–1941) — польский композитор, пианист, политический деятель. Во время Первой мировой войны находился в США в качестве представителя Польского национального комитета в Париже (1917–1919), который был признан Антантой в качестве официального представительства польской общественности. Первый премьер-министр и министр иностранных дел Польской Республики (1919), представлял страну на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., подписал Версальский мирный договор. Представитель Польши в Совете послов в Париже, а также в Лиге Наций, председатель Национального совета (парламента) при польском правительстве в эмиграции в Лондоне (1940). Умер в Нью-Йорке после одного из концертов, его останки в 1992 г. перевезены в Варшаву.

Патек Станислав (1866–1945) — юрист, дипломат, член ППС, сторонник Пилсудского. Министр иностранных дел

в 1919–1920 гг., председатель польской делегации на конференции в Спа (1920), посланник в Японии с 1922 г., посланник в СССР в 1926–1932 гг., посол в США (1933–1936), сенатор (1936–1939).

Пашуканис Евгений Брониславович (1891–1937) — после Октябрьской революции в 1918 г. председатель комиссии по делам о лишении российского гражданства лиц, проживающих за границей, и комиссии по изданию дипломатических документов царского министерства иностранных дел. Атташе полпредства РСФСР в Польше (1921), заведующий правовым отделом, зам. заведующего правовым отделом НКВД РСФСР (1921–1922), советник полпредства СССР в Германии (1924–1925). Заведующий Архивом Революции (1925). С 1927 г. — член президиума, затем вице-президент Коммунистической академии, с 1931 г. — директор Института советского строительства и права Комакадемии, с 1936 г. — заместитель наркома юстиции. Репрессирован.

Пелчиньский Тадеуш (1892–1985) — генерал, начальник генштаба Армии крайовой во время Варшавского восстания 1944 г. Приписывает себе инициативу начала восстания, цель восстания представляет следующим образом: «...и я зажег этот большой пожар для того, чтобы его огонь вел через темноту будущие поколения: мне удалось выкопать пропасть между российским и польским народами по крайней мере на 10 поколений».

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — украинский политический деятель, атаман, член Украинской социал-демократической рабочей партии, один из организаторов Центральной рады (1917) и Директории (1918), которую возглавил. В советско-польской войне 1919–1920 гг. выступал на стороне Польши. За поддержку Варшавой «независимости» Украины заключил с ней ряд кабальных договоров военно-политического, территориального и экономического характера. В 1920 г. эмигрировал, в 1926 г. был убит в Париже из мести за еврейские погромы на Украине.

Пилсудский Юзеф (1867–1935) — польский политический и государственный деятель, начальник государства, маршал, национальный герой Польши. В 1892 г. примкнул к Польской социалистической партии, неоднократно арестовывался царским правительством, сослан в Сибирь, бежал. Активный противник России, а затем СССР. Рассчитывал на победу в Первой мировой войне центрально-европейских держав, установил связь с австро-венгерским штабом, создав в Галиции разведывательную и диверсионно-террористическую организацию «Стрелец», командовал польскими легионами в войне против России. Затем перешел на сторону Антанты. В ноябре 1918 г. встал во главе провозглашенного Польского государства. Сыграл решающую роль в развязывании советско-польской войны. В 1926 г. совершил государственный переворот и вплоть до своей смерти был фактически диктатором Польши. Останки Пилсудского находятся в усыпальнице Вавельского королевского замка в Кракове.

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) — советский партийный деятель, журналист. Окончил Краковский университет, член Польской социалистической партии с 1902 г., РСДРП с 1903 г., примкнул к левому крылу Германской социал-демократической партии в 1908 г.. После Февральской революции — член Заграничного представительства РСДРП в Стокгольме. После Октябрьской революции — заведующий отделом внешних сношений ВЦИК, член советской делегации на мирных переговорах с Германией, член ЦК РКП (1919–1924), секретарь и член исполкома Коминтерна (1920–1924). Исключен из партии в 1927 г., в 1929 г. восстановлен, работал в «Правде» заведующим иностранным отделом. В 1932–1936 гг. возглавлял Бюро международной информации ЦК ВКП (б). Выпустил книгу о Сталине (1934), полную раболепных восхвалений, в 1936 г. вновь исключен из ВКП (б), осужден в 1937 г. на 10 лет тюремного заключения. По официальной версии убит в тюрьме сокамерником.

Реймонт Владислав (1867–1925) — польский писатель публицист, лауреат Нобелевской премии. Романы: «Комедиантка», «Земля обетованная», «Мужики», «1794 год» и др.

Риббентрон Иоахим фон (1893–1946) — государственный деятель и дипломат фашистской Германии. В 1930 г. примкнул к нацистской партии, содействовал установлению в 1933 г. в стране фашистской диктатуры. С 1934 г. начальник внешнеполитического отдела национал-социалистической партии, активную роль сыграл в заключении Антикоминтерновского пакта 1936 г. В 1936–1938 гг. — посол Германии в Великобритании, в 1938–1945 гг. — министр иностранных дел, член тайного кабинета. Подписал так называемый пакт Риббентропа–Молотова. Как один из главных немецко-фашистских военных преступников казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) — политический деятель, советский военачальник, маршал СССР (1944) и Польши (1949), по национальности поляк. В 1945–1949 гг. — главнокомандующий Северной группой войск в Польше. В 1949–1956 гг. — министр национальной обороны и зам. председателя совета министров Польши, член Политбюро ЦК ПОРП. В 1956–1962 гг. — зам. министра обороны СССР.

Романов Кирилл Владимирович (1876–1938) — великий князь, двоюродный брат Николая II. В 1922 г., находясь в эмиграции в Германии, издал манифест, в котором назначил себя «блюстителем государева престола», а в 1924 г. объявил себя «законным наследником российского престола». Среди русской эмиграции не имел широкого круга сторонников. О пренебрежительном отношении к нему в российском обществе свидетельствует следующая эпиграмма, имевшая хождение в стране до революции 1917 г.:

«Погиб “Петропавловск”,
Макаров не всплыл,
Но спасся зачем-то
Царевич Кирилл».

После Кирилла Романовича главой монархической партии в эмиграции стал его сын Владимир. По информации, полученной послом СССР при союзных правительствах в Лондоне от министра иностранных дел Польши Э. Рачиньского в конце октября 1941 г., Владимир в сентябре якобы заключил соглашение с Германией о реставрации монархии в России при условии установлении фашистского режима в стране. Одни из пунктов соглашения предусматривал отказ России от всех притязаний на Польшу. Данная информация не получила подтверждения.

Романов Николай Николаевич (1856–1929) — великий князь, двоюродный дядя Николая II. В 1914–1915 гг. — главнокомандующий русской армией, затем переведен на Кавказский фронт. Высказался за отречение Николая II от престола. В 1924 г., находясь за границей, принял на себя командование русской армией и организациями, находившимися под командованием Врангеля. В том же 1924 г. стал во главе созданного в Париже Русского общевоинского союза (РОВС), деятельность которого была направлена против СССР.

Рыдз-Смиглый Эдвард (1886–1941) — маршал Польши. Участник советско-польской войны 1919–1920 гг., командовал рядом фронтов. В 1921–1935 гг. — инспектор армии. После смерти Пилсудского — главный инспектор вооруженных сил, в 1939 г. назначен верховным главнокомандующим в войне с Германией. 7 сентября вместе с представителями высших государственных органов страны выезжает из Варшавы, утратив управление армией, а 18 сентября переходит в Румынию. Позднее из Румынии через Венгрию в октябре перебрался в Варшаву, однако польские конспиративные организации отказали ему в доверии и сотрудничестве. Умер под чужой фамилией в Варшаве в декабре 1941 г. при точно не выясненных обстоятельствах, предположительно от гриппа.

Савинков Борис Викторович (1879–1925) — один из руководителей боевой организации партии эсеров (с 1903 г.), лично руководивший подготовкой ряда громких террористических

актов, в том числе убийств министра В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича. Во время Первой мировой войны — оборонец, доброволец французской армии. В 1917 г. — помощник военного министра Керенского. После Октябрьской революции активный участник антибольшевистской борьбы, встал во главе контрреволюционного «Союза защиты родины и свободы», участвовал в организации мятежей в Ярославской, Мурманской и Рыбинской областях. В 1920 г. — председатель «Русского политического комитета» в Польше, где пользовался моральной и материальной поддержкой своего личного друга Ю. Пилсудского. Современники отмечали, что Пилсудский любил беседовать с Савинковым, охотно с ним встречался. На территории Польши занимался формированием антисоветских военных отрядов, руководил шпионско-диверсионной деятельностью против советского государства (1921–1923). В 1924 г. после нелегального перехода границы Савинков был арестован на территории СССР, приговорен судом к расстрелу, замененному на 10 лет заключения взамен на признание советской власти. В тюрьме в 1925 г. покончил жизнь самоубийством.

Саонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — политический деятель, дипломат. На дипломатической службе с 1883 г. Секретарь российского посольства в Ватикане (1889–1890), посол в Ватикане (1906–1909), министр иностранных дел (1910–1916). В 1916 г. назначен послом в Великобританию, однако к месту службы так и не выехал, и министром иностранных дел Временного правительства был отправлен в отставку. Член особого совещания при Деникине, представлял правительство Колчака на Парижской мирной конференции, член Русского политического совещания в Париже, игравшего роль представительства Белого движения за границей. Жил в Польше в своем поместье, умер в Ницце. Автор «Воспоминаний (Париж–Берлин)».

Семполовская Стефания (1869–1944) — видная польская прогрессивная общественная деятельница, участница левого движения учителей. Член ЦК МОПР Польши, с 1920 г. являлась представителем РОКК в Польше для оказания помощи военно-

пленным красноармейцам и интернированным лицам. В 1934 г. проживала в Варшаве, от Красного Креста СССР получала пожизненную пенсию. Автор известного в свое время романа «На помощь» (1934).

Сикорский Владислав (1881–1943) — польский политический и государственный деятель, генерал. Участник советско-польской войны 1919–1920 гг. Премьер-министр и военный министр в 1922–1923 гг., антагонист Ю. Пилсудского, вынужден был жить в эмиграции, в 1939 г. не получил согласия вернуться в Польшу для участия в войне с Германией. В 1939–1943 гг. — премьер-министр польского эмигрантского правительства. 30 июля 1941 г. заключил с СССР договор о возобновлении дипломатических отношений и формировании в Советском Союзе польской армии. В декабре 1941 г. находился в СССР с официальным визитом, подписал декларацию о дружбе и взаимной помощи. Погиб в авиационной катастрофе над Гибралтаром, причины катастрофы до сих пор не выяснены.

Скшиньский Александер (1882–1931) — граф, польский политик, дипломат. В 1919–1922 гг. — посланник в Румынии, в 1922–1923 и в 1924–1926 гг. — министр иностранных дел, в 1925–1926 гг. — премьер-министр. Представитель Польши в Лиге Наций. После переворота Пилсудского в 1926 г. отошел от политической жизни.

Славой-Складовский Фелициан (1885–1962) — генерал, легионер Пилсудского, политический деятель. Премьер-министр и министр внутренних дел в 1936–1939 гг.

Соснковский Казимеж (1885–1969) — польский военный и политический деятель, генерал, близкий сподвижник Пилсудского. В 1919–1920 гг. — вице-министр военных дел, в 1920–1925 гг. — военный министр, в 1927–1939 гг. — инспектор армии. С 1939 г. — в эмиграции, был заместителем президента и премьер-министра эмигрантского правительства. В 1943–1944 гг. — главнокомандующий польскими вооруженными

силами, подчинявшимся эмигрантскому правительству, военный министр. В 1944 г. был вынужден уйти со своего поста и выехать в Канаду, похоронен в Париже.

Стомоняков Борис Спиридонович (1882–1941) — участник революционного движения в России, советский дипломат. В 1921 г. — уполномоченный НКВД в Германии, в 1921–1925 гг. — торговый представитель в Германии, одновременно заместитель наркома внешней торговли, в 1926–1934 гг. — член коллегии НКВД СССР, в 1934–1938 гг. — заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1920-е гг. в НКВД СССР курировал польское направление.

Троцкий Лев Давидович (1879–1940) — политический деятель. В социал-демократическом движении с 1897 г., участник революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции 1917 г. (председатель Петроградского совета). В 1917–1918 гг. — нарком по иностранным делам. Один из организаторов Красной армии. В 1918–1924 гг. — нарком военных и морских сил, одновременно в 1920–1921 гг. — нарком путей сообщения. В 1925–1926 гг. — член президиума ВСНХ СССР. В 1917–1927 гг. — член Политбюро ЦК ВКП (б). В 1929 г. по обвинению в антисоветской деятельности выслан из СССР. Убит советским агентом в 1940 г. в Мексике.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) — Маршал Советского Союза (1935). В Гражданскую войну командовал рядом армий, участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, командовал войсками по подавлению крестьянского восстания в Тамбовской губернии. В 1925–1928 гг. — начальник штаба РККА, с 1931 г. — заместитель наркома по военным и морским делам и председатель РВС СССР, с 1934 г. — зам., с 1936 г. — 1-й зам. наркома обороны СССР.

В 1920 г. командовал Западным фронтом, ведущим наступление на Варшавском направлении, ответственен за принятые в ходе кампании ошибочные решения стратегического и тактического характера, приведшие к поражению

в советско-польской войне. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Уманский Константин Александрович (1902–1945) — советский дипломат и журналист. На дипломатической работе с 1918 г. В 1931–1936 гг. — заместитель заведующего, заведующий отделом печати и информации НКВД СССР, в 1936–1938 гг. — советник полпредства СССР в США, в 1939–1940 гг. — полпред СССР в США, в 1943–1945 гг. — посол в Мексике. Погиб в авиационной катастрофе.

Уншлихт Иосиф (Юзеф) Станиславович (1879–1938) — советский партийный и государственный деятель. Во время Октябрьской революции — член Петроградского совета, с декабря 1917 г. — член коллегии НКВД, с 1918 г. — нарком по военным делам Литовско-Белорусской Республики, с 1919 г. — член РВС Западного фронта. В 1921–1923 гг. — 1-й заместитель председателя ВЧК-ГПУ-ОГПУ. С 1923 г. — член РВС и начальник снабжения РККА, курировал деятельность советской военной разведки. С 1926 г. — заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя РВС СССР. В 1933–1935 гг. — начальник главного управления гражданского воздушного флота. С 1935 г. — секретарь Союзного Совета ЦИК. Репрессирован.

Фош Фердинанд (1851–1929) — маршал Франции (1918), фельдмаршал Великобритании (1919) и маршал Польши (1923), политический деятель. Верховный командующий войсками Антанты на заключительном этапе Первой мировой войны, с 1919 г. — председатель Высшего совета Антанты.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) — британский государственный и политический деятель, один из лидеров консервативной партии. Премьер-министр и министр обороны в 1940–1945 гг. и в 1951–1955 гг. 22 июня 1941 г. после нападения Германии на СССР заявил о поддержке борьбы советского народа, сотрудничал с СССР в рамках антигитлеровской коалиции, в то же время стремился ограничить влияние Советского

Союза в послевоенной Европе. Один из инициаторов холодной войны с СССР (речь в Фултоне в 1946 г.) и создания военно-политического блока НАТО. В 1955 г. отошел от активной государственной деятельности, но по-прежнему оказывал влияние на политику британского правительства. Написал шеститомный труд по истории Второй мировой войны, который принес ему Нобелевскую премию по литературе (1953).

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — генерал, участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., во время Первой мировой войны командовал Кавказским фронтом, в мае 1917 г. вышел в отставку. Осенью 1918 г. эмигрировал в Финляндию, затем в Эстонию, командовал белогвардейской северо-западной армией, наступающей на Петроград, входил в состав Северо-Западного правительства. В 1920 г. выехал в Англию, активной роли в жизни российской эмиграции не играл.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

РАЗДЕЛ I

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1914–1919)

1. Польша в политике России в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 г.)	7
Воззвание верховного главнокомандующего русской армии	7
Позиция других стран в польском вопросе	11
Польская политика России после Воззвания	12
Заключение и выводы	18
2. Февральская революция 1917 г. и Временное правительство о будущем Польши	21
Заключение и выводы	27
3. Октябрьская революция 1917 г. и независимость Польши	29
Заключение и выводы	34
4. Российско-польские отношения в первые годы существования Советской России (ноябрь 1918 — апрель 1920 г.)	35
Заключение и выводы	47
5. Белое движение в России и Польше (1919–1920 гг.)	49
Заключение и выводы	60

РАЗДЕЛ II
СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА (1919–1920)
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

1. Военные действия в 1920 г.	65
Заключение и выводы	80
2. Рижский мирный договор 1921 г. Установление дипломатических отношений	83
Установление дипломатических отношений	83
Вопросы аннексий и контрибуций	86
3. Судьбы российских пленных в войне с Польшей	91
Заключение и выводы	106
4. Возврат польских культурных ценностей	108
Заключение и выводы	113

РАЗДЕЛ III
СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ РИЖСКОГО
МИРНОГО ДОГОВОРА (1921–1939)

1. Краткий обзор отношений с Польшей после заключения мирного договора 1921 г.	117
Заключение и выводы	125
2. Н. Махно в Польше и советско-польские дипломатические отношения (1922–1925)	127
3. Вновь открывшиеся обстоятельства при назначении П. Л. Войкова полпредом СССР в Польше (1924)	136
4. Реакция в Москве на переворот Ю. Пилсудского в Польше в мае 1926 г.	147
Заключение и выводы	159
Приложение. К политическому портрету Ю. Пилсудского	162
5. Российские воинские захоронения в Польше	173
Памятники боевой славы и захоронения до XX века	173

Первая мировая война 1914–1918 гг.	174
Советско-польская война 1919–1920 гг.	176
Вторая мировая война. 1941–1945 гг.	178
Захоронения на территории Польши советских военнопленных Второй мировой войны	180
6. Православная церковь в Польше (1918–1939)	182
Заключение и выводы	189
7. Советско-польские культурные связи (1927–1939)	190
Заключение и выводы	199

РАЗДЕЛ IV

ОТНОШЕНИЯ С ПОЛЬШЕЙ

ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945)

1. Военная кампания в Польше (сентябрь 1939 г.)	203
Международно-правовые аспекты ввода советских войск в Польшу	203
Заключение и выводы	218
2. Гибель польских офицеров в Катыни	221
Заключение и выводы	230
3. Обзор советско-польских отношений в 1939–1945 гг.	232
Восстановление и разрыв дипломатических отношений. Формирование польских армий в СССР. Польский комитет национального освобождения	232
Заключение и выводы	240
4. Армия генерала В. Андерса в СССР (август 1941 — август 1942 г.)	241
Заключение и выводы	251
5. «Русский след» в гибели премьер-министра Польши В. Сикорского в 1943 г.	254
6. Политические и военные аспекты Варшавского восстания (1 августа — 2 октября 1944 г.)	262
Заключение и выводы	280

7. Преступления Армии крайовой против советских военнослужащих во время и после Второй мировой войны	283
Заключение и выводы	295
8. Польские дети в СССР во время Второй мировой войны	297
Заключение и выводы	312
9. Роль СССР в формировании современных границ Польши	314
Заключение и выводы	321
Приложение. Вопрос о Холмской Руси	321
Заключение и выводы	332
 ПОСЛЕСЛОВИЕ	 334
1. «Советская оккупация» Польши: миф или действительность?	 334
2. Фальсификации и искажения в современной польской историографии в отношении России и СССР	 346
 УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	 354

Научное издание

Иванов Юрий Васильевич
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
РОССИЙСКО (СОВЕТСКО)-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ДОКУМЕНТАХ. 1914–1945 годы

Редактор *Т. С. Шарфутова-Сменцовская*
Выпускающий редактор *А. В. Владимирская*
Художник *А. Ю. Никулин*
Корректор *Г. А. Кухтина*
Компьютерная верстка *Т. В. Хромцевой*

Подписано в печать 15.10.2014.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 24,0. Допечатка тиража 500 экз.
Заказ №

Издательство «Международные отношения»
123022, Москва, Столярный пер., д. 3, кор. 5
Тел.: 8 (499) 253-13-24; 8 (499) 253-15-31
www.inter-rel.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Международные отношения»

Юрий Васильевич ИВАНОВ – полонист, специалист по истории российско (советско)-польских отношений в XX веке. Работал в архивах России и Польши. Является автором целого ряда публикаций по польской проблематике в российских исторических журналах и российской печати.

Международные отношения